

ИВАНОВ-РАЗУМНИК

**ЛИЧНОСТЬ
ТВОРЧЕСТВО
РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ**

Выпуск II

ИВАНОВ-РАЗУМНИК

ЛИЧНОСТЬ

ТВОРЧЕСТВО

РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ

Публикации и исследования

Выпуск II

Санкт-Петербург

Издание осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество»
(грант НАН837)

Редактор-составитель
Владимир Григорьевич Белоус

© В. Г. Белоус, 1998 г.: составление

Предисловие

25 декабря 1998 г. исполняется 120 лет со дня рождения выдающегося литературного критика, историка русской общественной мысли, публициста и мыслителя Иванова-Разумника (псевдоним Разумника Васильевича Иванова: 1878-1946). Его личности, творчеству, литературным и общественным связям, роли в культуре были посвящены Третьи международные Чтения, организованные Санкт-Петербургской Лесотехнической академией и поддержанные Институтом «Открытое общество» (грант НАН837), которые прошли в сентябре 1998 г. в Петербурге.

Истории культуры известны личности, которые оставили яркий след не только и не столько символами индивидуальной веры, сколько экзистенциальным подвигом во имя ее реализации. Иванов-Разумник как человек «мировоззрительного отношения к действительности» был одним из тех «русских мальчиков», которым все европейские гипотезы казались аксиомами, требовавшими безусловного «долженствования», которые, в конце концов, так и не поняли, что свойственные им одержимость и нетерпимость во многом вызвали дух революции. Они приняли эпоху перемены, окрыленные гуманными надеждами, надеясь на духовное преображение человека. Им, не помышлявшим ни о власти, ни о личном благополучии — воздалось сполна: по вере собственной.

Значительная часть жизненного пути Р. В. Иванова-Разумника совпала с индивидуальной историей типичного гражданина советского государства, которую можно описать как трагическое столкновение личности и среды, индивидуальности и государственной власти. В этом перманентно повторяющемся конфликте, кроме своеобразных «правил», диктуемых социумом, всегда присутствует и непосредственный выбор личности. Экзистенциальным ответом Иванова-Разумника на вызов исторических обстоятельств стало бесстрашие, объясняемое полнотой самосознания, принципом: все увидеть, все запомнить, все понять.

Свои взгляды Иванов-Разумник называл «имманентным субъективизмом» и «духовным максимализмом», поясняя их требованием: «да будет воля моя»: «Человек, который хочет воистину жить, должен вмешаться в самую “гущу жизни”, жить всем и во всем, не замыкаясь на голых вершинах религиозных или эстетических схем, лежащих вне жизни, вне красок мира. И еще одно должен выполнить человек, который хочет воистину жить: он должен *любить человека*»*.

* *Иванов-Разумник. Заветное. С. 119.*

Отвергая политические ярлыки, он подчеркивал свою близость к идеологии народничества, подтверждая тем самым внутреннее мировоззренческое постоянство, а не изменяющиеся от внешних причин партийные пристрастия и ориентации: недаром он постоянно сравнивал себя с «киплинговским котом», который гулял сам по себе. Его собственный путь и путь близких ему по духу людей казался Иванову-Разумнику восхождением на Голгофу, но, вероятно, более походил на абсурдное подвижничество Сизифа. В каких бы драматических красках ни рассматривалось будущее, за таким стоическим поведением скрывалась тема антроподицеи, оправдания человека, верящего, что, в конечном счете, всегда побеждает осмысленная жизнь, путеводной нитью которой является принцип «здесь и теперь».

В посмертной трансцендентности, отрицающей или принимающей «духовный максимализм», безусловно, есть своя правда. Но, быть может, читателю этих страниц откроется и другой смысл судьбы Иванова-Разумника: главным и подлинным итогом проживаемого пути является сам путь, в данном случае значимый не завершающей «объективной» оценкой, а вечным вопросом о праве человека на сопротивление и изменение реальности, о границах этого права и о субъективной человеческой правде, его объясняющей.

На Чтениях встретились специалисты по истории русской мысли, литературоведы, культурологи, философы. В год юбилея Р. В. Иванова-Разумника специалисты разных стран мира и разных специальностей доложили о своих наработках и планах, обсудили нерешенные и дискуссионные проблемы русской интеллектуальной истории начала XX столетия.

К сожалению, не все желавшие смогли участвовать в работе конференции, в первую очередь, по экономическим причинам. Но были и безвозвратные человеческие утраты. Увы, мы никогда уже не встретимся с дочерью Р. В. Иванова — Ириной Разумниковной Ивановой, не услышим яркие выступления философа Владимира Григорьевича Безносова, не порадуемся редакторской точности и человеческой доброте Александра Иосифовича Добкина. Участники Чтений сохраняют о них вечную память.

Книга является продолжением издания «Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Сборник статей по материалам конференции “Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре”. Царское Село. 16–17 марта 1996 г.». СПб.: Глаголь, 1996. Представленные на ее страницах материалы существенно расширяют знания об Иванове-Разумнике, о его эпохе и окружении. Она адресована специалистам, студенческой аудитории, всем интересующимся русской литературой и общественной мыслью первой половины XX столетия.

Организаторы Чтений выражают благодарность руководству и работникам Музея А. С. Пушкина (Мойка, 12), предоставившим помещение для проведения научной конференции.

В. Г. Белоус

ПУБЛИКАЦИИ

**Р. В. Иванов-Разумник: опыт
реконструкции и продолжения II-ой главы
поэмы Александра Блока «Возмездие»**

Публикуемый текст нанесен рукой Р. В. Иванова-Разумника в три колонки на обе стороны листа тонкой, почти папиросной бумаги шириной 202 мм и высотой 253 мм. Текст озаглавлен:

Александр Блок / Возмездие / (Продолжение II-ой главы).

Первые два слова — имя автора — подчеркнуты, название написано прописными печатными буквами. Никакое другое имя на листе не значится, несмотря на то, что текст не принадлежит полностью Александру Блоку, о чем пойдет речь ниже.

Листок этот многие годы находился у известнейшего ученого, историка литературы XIX — начала XX века, исследователя творчества Александра Блока Дмитрия Евгеньевича Максимова. Научная и человеческая щедрость Дмитрия Евгеньевича известна многим, близко знавшим этого неординарного человека. В самом конце 1986 г. Дмитрий Евгеньевич после моей подготовки к публикации переписки Р. В. Иванова и Е. П. Иванова по поводу стихотворения Блока «Перед судом»¹ подарил мне листок с публикуемым ныне текстом. Дмитрий Евгеньевич не сомневался в том, что эта попытка продолжить вторую главу неоконченной поэмы А. Блока «Возмездие» была предпринята самим Ивановым-Разумником, рукой которого и написан текст. В ином случае, без сомнения, давно ввел бы его в научный оборот. К глубокому сожалению, подробного разговора на эту тему уже не последовало — 13 марта 1987 года Дмитрий Евгеньевич ушел из жизни.

Как известно, Д. Е. Максимов в освобожденном г. Пушкине узнал «в бесформенной гряде бумаг, набросанных в полном беспорядке, как на свалке, спутанных и запачканных»², остатки архива Иванова-Разумника и сыграл главную роль в его спасении. Позднее Д. Е. Максимов вспоминал:

«С Разумником Васильевичем мне приходилось много раз встречаться во второй половине 20-х и 30-х годов. <...> Я бывал у Разумника Васильевича сперва на его основной, долгие годы занимаемой им квартире на Колпинской (ныне — Пушкинской) улице в доме № 20, а позже, после вынужденного обстоятельствами переселения — недалеко от Еги-

петских ворот, в Ляминском переулке, в месте окраинном, малоизвестном даже потомственным царскоселам. <...>

В рабочей комнате Иванова-Разумника среди книг и рукописей я провел немало интересных и полезных для меня часов. Он помогал мне в моей работе по изучению символизма: не жалел времени, делился своими знаниями, извлеченными из кладовых его несравненной, исключительно точной памяти, давал дельные и конкретные советы, спорил со мною, похваливал и деликатно поругивал мои труды. Он познакомил меня с людьми, нужными мне по ходу моей работы и глубоко интересовавшими меня независимо от работы, — со своим близким другом Андреем Белым, с Евгением Павловичем Ивановым, с Ольгой Николаевной Черноуситовой-Чеботаревской (свояченицей и наследницей Ф. Сологуба), с К. Петровым-Водкиным, с бывшим секретарем Вольной философской ассоциации Д. М. Пинесом»³.

Так, скорее всего, именно со времен знакомства с Разумником Васильевичем этот его автограф хранился в глубинах архива ученого. Однако нет никаких гарантий в том, что в погибшей части архива не содержалось продолжения этого текста.

Итак, перед нами ранее неизвестная попытка реконструкции и продолжения второй главы поэмы Александра Блока «Возмездие». Подобный опыт гораздо позднее был предпринят профессором Н. В. Водовозовым, который, отличие от Иванова-Разумника, напечатал свой опыт и был удостоен рецензии В. Н. Орлова под хлестким названием «Соперник Аполлона»⁴.

Начало изучению истории создания незаконченной поэмы А. А. Блока «Возмездие» положили П. Н. Медведев⁵ и Р. В. Иванов-Разумник, который в пятом томе подготовленного им «Собрания сочинений» Блока поместил обширный текстологический комментарий и «Хронологию поэмы “Возмездие”»⁶. В контексте данной публикации вспомним лишь то, что касается непосредственно второй главы поэмы.

А. А. Блок начал работать над поэмой в 1910 г. и последний раз обратился к ней в 1921 г., незадолго до смерти. То, что впоследствии должно было стать содержанием второй главы, впервые вырисовывается в записи Блока от 24 февраля 1911 г.⁷ Именно в этом году из небольшой поэмы об отце возникает эпическая поэма, получившая название «Возмездие». Ее стержнем становится соотношение общего и личного, жизнь рода на фоне катастрофической жизни России конца XIX — начала XX века. Через два года в общем плане поэмы, который намечает ее структуру и содержание пролога, четырех глав и эпилога, уточняется и фиксируется содержание второй главы: «Петербург 90-х

годов. Царь. Тройки, вдова Клико. Воспитание сына у матери. Юность, видения, весенний пыл, роман (еще удачливый). *Первая мазурка*. Приближение революции, весть о приближающейся кончине отца»⁸.

Вступление ко второй главе поэмы — единственная законченная часть этой главы — впервые было опубликовано в 1918 г. в альманахе «Скрижалъ». К содержанию замысла поэмы и, в частности, второй главы Блок возвратился в «Предисловии» к ней, написанном 12 июля 1919 г. В первой главе «в просвещенную либеральную семью» «является некий “демон”, первая ласточка индивидуализма...». «Вторая глава, действие которой развивается в конце XIX и начале XX века, так и не написанная, за исключением вступления, должна была быть посвящена сыну этого “демона”, наследнику его мятежных порывов и болезненных падений, — бесчувственному сыну нашего века. Это — тоже лишь одно из звеньев длинного рода; от него тоже не останется, по-видимому, ничего, кроме искры огня, заброшенной в мир, кроме семени, кинутого им в страстную и грешную ночь в лоно какой-то тихой и женственной дочери чужого народа»⁹.

Последний раз Блок вернулся ко второй главе в январе, а затем — в мае-июне 1921 г. В его бюваре остались на отдельных листках наброски продолжения второй и третьей глав поэмы¹⁰. Необходимо вспомнить основные их публикации, отличающиеся друг от друга выбором публикуемых вариантов чернового текста, а также степенью и качеством их подготовки. В 1922 г. они были опубликованы в «Записках мечтателей» (№ 5) с примечаниями редактора (?), а также — в отдельном издании «Возмездия», подготовленные с участием матери и жены поэта издательством «Алконост» (Пб., 1922). Под условным названием «Черновики продолжения второй главы» тексты были напечатаны и подробно откомментированы в пятом томе «Собрания сочинений» А. А. Блока, вышедшего в Издательстве писателей в Ленинграде в 1932–1936 гг. и подготовленного Ивановым-Разумником. Наконец, «Наброски окончания второй главы» с минимальным комментарием опубликовал В. Н. Орлов в третьем томе восьмитомного «Собрания сочинений» А. А. Блока (М.; Л.: Гослитиздат, 1960–1965).

Сейчас нас более всего интересует работа Иванова-Разумника, которая до сих пор, во всяком случае до выхода в свет соответствующего тома академического Собрания сочинений Блока, не превзойдена по своему значению. Публикуя черновики, расположив их по хронологической нити второй и третьей главы, Иванов-Разумник особенно подчеркивал «всю условность таких реконструктивных попыток», так листы с набросками остались в бюваре Блока в случайном порядке. «... Следует особенно подчер-

кнуть, что это только конъектура...», писал Разумник Васильевич (т. V, с. 205, 217).

Многомесячная сосредоточенная, тщательная работы с рукописями, черновиками Блока приводила к точному пониманию целостного замысла поэта, проникновению в глубину его творческой лаборатории, если не сказать — психологии творческого процесса. После этого попытка реконструкции продолжения второй главы уже не кажется психологически невозможной. По-видимому, к тем полутора годам в самом начале 1930-х годов, когда Разумник Васильевич, по его собственным словам, «сиднем сидел за Блоком», «с утра до ночи напролет, без отдыха и без выходных дней»¹¹, можно отнести создание публикуемого текста. Позднейший его исследователь найдет в строках, принадлежащих Иванову-Разумнику, лейтмотивные образы блоковской поэзии и прозы; интересными могут быть и сопоставления с черновиками всех лет работы Блока над второй главой, которые изучались Ивановым-Разумником многие месяцы подготовки «Собрания сочинений».

Что касается чисто версификационных возможностей Разумника Васильевича, то некоторые его стихотворные опыты известны: можно вспомнить, например, его стилизованное стихотворное добавление к шуточной, иронической поэме К. Эрберга «Вольфила»¹²; акrostих в одном из писем к А. М. Ремизову¹³; кроме того, в сохранившейся части архива Иванова-Разумника находятся по меньшей мере три стихотворения¹⁴, два из которых написаны им 10–15 декабря 1902 г. («Моей Варе», «Гудело безбрежное море...») и одно, шуточное — «Лева на коне верхом...» — 30 января 1913 г.

То, что публикуемый ныне текст не был никому известен при жизни Иванова-Разумника, можно объяснить не только исключительно сложными обстоятельствами его жизни, но и огромным уважением Иванова-Разумника к творчеству А. А. Блока и отсутствием у него каких-либо поэтических и псевдо-научных притязаний.

Нумерация стихов принадлежит Иванову-Разумнику. Ее начальная цифра обоснована публикацией написанных Блоком полностью 128-ми стихов второй главы «Возмездия» (т. V, с. 32–79). В то время как в текстологическом комментарии к «Черновикам продолжения второй главы» Иванов-Разумник обосновал публикацию стихов 129–299 (т. V, с. 201–205), данный текст содержит стихи 129–374. Орфография и пунктуация Иванова-Разумника приведены к современным нормам. Курсивом выделены стихи, являющиеся контаминацией Иванова-Разумника, опирающейся на варианты Блока. Новый текст, не принадлежащий Блоку, выделен жирным курсивом.

Примечания

¹ К творческой истории стихотворения Блока «Перед судом»: (из переписки Р. В. Разумника и Е. П. Иванова) // Предисл., публ. и коммент. Н. В. Скворцовой // Литературное наследство. М., 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 647–657.

² Максимов Д. Е. Спасенный архив // Огонек. 1982. № 49. С. 19.

³ Там же.

⁴ Водовозов Н. В. Поэма А. Блока «Возмездие»: (Опыт реконструкции окончания поэмы) // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та. М., 1959. Т. ХСVIII. С. 341–359. Рец.: Орлов В. Соперник Аполлона // Литературная газета. 1960. 3 декабря. № 144. С. 3.

⁵ Медведев П. Н. Драмы и поэмы Ал. Блока: Из истории их создания. Л., 1928.

⁶ Блок А. А. Собрание сочинений. Л., 1933. Т. V. (Далее — т. V с указанием страниц).

⁷ Блок А. А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М., 1960. С. 460. Далее — т. 3 с указанием страниц.

⁸ Там же. С. 461 (запись от 21 февраля 1913 года).

⁹ Там же. С. 299.

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 140.

¹¹ Цит. по: Лавров А. В. Историко-литературные замыслы Иванова-Разумника // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С. 101; Лавров А. В. <Вступительная статья к переписке Блока с Р. В. Ивановым-Разумником> // Лит. наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 382.

¹² Эрберг К. Вольфила / Вступ. статья и публ. В. Г. Белоуса // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 205–211.

¹³ См.: Наст. изд. С. 32–34.

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 23–24.

Александр Блок ВОЗМЕЗДИЕ

(Продолжение II-ой главы)

- 129 К чему мечтою беспокойной
Опережать событий строй?
Зачем в порядок мира стройный
Вводить свой голос бредовой?
*Пегас, сквозь сцепленные зубы
Твои, протисну я мунштук,*
- 135 И если ты, заслышав трубы,
Стрелой помчишь меня на звук,
*Который слышать не хочу я¹, —
Непослушание почую,*

- Тебе исполосую спину
 140 Моим узорчатым хлыстом,
 Тебя я навзничь опрокину,
 Рот окровавив мундштуком,
 И встанешь ты, дрожа всем телом,
 Дымясь, кося свой умный глаз
 145 На победителя, **всем делом**
 Смирителя твоих проказ...
 Пойдешь туда, куда мне надо,
 Грызя и пеня удила,
 Пока вечерняя прохлада
 150 Меня ко сну не отвела...
 Смиришь, и воле человека
 Покорствуешь, буйная мечта!²
- Сошли туман и темнота.
 Настал блаженный вечер века.
 155 Кончался век, не разрешив
 Своих мучительных загадок,
 Грозу и бурю затаив
 Среди широких **мрачных** складок
 Туманного плаща времен³
 160 **И погружась в предсмертный сон.**
- Зарыты в землю бунтари,
 Их голос заглушен на время,
 Вооруженный мир, как бремя,
 Несут безропотно цари⁴.
 165 И Крупн, несущий мир всем странам,
 Священный страж святых могил⁵,
 Полнеба чадом и туманом
 Над всей Европой закоптит.
- Но** в русской хате деревенской⁶
 170 Сверчок **по-прежнему трещал**⁷;
Овеян нежностью женской
В семье дворянской возростал
Герой наш в этот вечер века
По-прежнему — как в век любой
 175 **Все поколения человека,**
Под материнскою слезой
Растут, чтоб вскоре лечь в могилу,
Где не один народ исчез.

- 180 *Круговорот сей — очень милый,
Он называется: «прогресс»...⁸*
- Но съузим рамки мы поэмы:
Причем прогресс в ней иль народ?
Меня влекут иные темы —
Я воспеваю мрачный род*
- 185 *Печатью смерти заклеянный,
Возмездью рока обреченный,
Тот род, где «демон» и «она» —
Те, с обреченными глазами, —
Сошлись, чтоб разойтись, чтоб сами*
- 190 *Не исчерпавши жизнь до дна
Создать вдвоем звено иное
И новый гиблый жизни круг.*

- Ребенок возрастал в покое,
И все пророчило вокруг*
- 195 *Ему пути счастливой жизни;
Расцвел улыбкой нежной⁹ он
В кругу семьи, тяжелой тризны
Похмелья дедовских времен
Не знал он. Годы проходили*
- 200 *Овеянные тишиной.
Зимой — с ним в Петербурге жили,
С весны — в усадьбе под Москвой.*

- В то время земли пустовали
Дворянские — и маклаки*
- 205 *Их за бесценок продавали,
Но начисто сведя лески¹⁰.
И старики, не прозревая
Грядущих бедствий глубины,
За грош купили угол рая*
- 210 *Неподалеку от Москвы.
Огромный тополь серебристый
Склонял над домом свой шатер¹¹;
Стеной шиповника душистой
Встречал въезжающего двор.*
- 215 *Он был амбаром с острой крышей
От ветров северных укрыт,
И можно было ясно слышать,
Как тишина цветет и спит.*

- 220 Навстречу тройке запыленной
Старуха вышла на крыльцо,
От солнца заслонив лицо,
Раздался листьев шелест сонный,
Бастыльник покачнув крылом,
Коляска подкатилась к дому,
225 **Остановившись пред крыльцом,**
И сразу стало все знакомо,
Как будто длилось много лет,
Как будто нового здесь нет¹² —
И серый дом, и в мезонине
230 Венецианское окно,
Цвет стекол — красный, желтый, синий,
Как будто так и быть должно.
Ключом старинным дом открыли,
Ребенка внестуда старик,
235 И тишины не возмутили
Собачий лай и детский крик.
Они умолкли — слышно стало
Жужжанье мухи на окне,
И муха биться перестала,
240 И лишь по голубой стене
Бросает солнце листьев тени,
Да ветер клонит за окном
Столетние кусты сирени,
В которых тонет старый дом.
245 Да звук какой-то заглушенный —
Звук той же самой тишины,
Иль звон церковный отдаленный,
Иль гул неконченной весны.
И потянулись вслед за звуком,
250 Который новый мир принес,
Отец, и мать, и дочка с внуком,
И ласковый дворовый пес...

И дверь звенящая балкона
Открылась в липы и в сирень,
255 И в синий купол небосклона,
И в лень окрестных деревень¹³, —
Туда, где вьется пестрым лугом
Дороги узкой колея,
Где обвелась **дороги кругом**
260 Усадьба чья-то и ничья.

- И по холмам, и по ложбинам,
Меж полосами светлой ржи,
Бегут, сбегаются к овинам
Темно-зеленые межи.
- 265 Стада белеют, серебрятся
Далекой речки рукава,
Телеги *грузные* катятся
В пыли, и видная едва
Белеет церковь над рекою,
- 270 За ней опять — леса. поля...
И всей весенней красотой
Сияет русская земля...¹⁴
- Здесь кудри внука золотые
Ласкало солнце; здесь, *что день*¹⁵,
- 275 *Склоняли липы вековые*
Над ним ласкающую сень.
Он был заботой женщин нежной
От грубой жизни огражден;
Года летели безмятежно,
- 280 Как голубой весенний сон.
И жизни редкие уродства
(Они и в сельской есть тиши)
Не нарушали благородства
И строй возвышенной души¹⁶.
- 285 Уж осень, хлеб обмолотили
И, к стенке прислонив цепи,
Рязанцы к веялке сложили
Уже последние снопы.
Потом зерно в мешки ссыпают,
- 290 Белеющие от муки,
В телегу валят и сажают
Наверх ребенка на мешки.
Мешков с десятков по три меры
Везет с гумна в амбар шажком
Почти тридцатилетний серый,
За ним — рязанцы вчетвером,
Приказчик, бабушка с плетеной
Своей корзинкой для грибов,
Следят, чтоб внук неугомонный
- 300 Не соскользнул *бы вдруг* с мешков.
А внук сидит, гордясь немного,

- Что можно править самому,
 И по гумну на двор дорога
 Предлинной кажется ему.
- 305 В деревне жили только летом,
 А с наступленьем холодов —
 С прощально-ласковым приветом
 Минувшей красоте садов,
 Цветов заброшенным куртинам,
 310 Мелькнувшей осени картинам —
 Семья на берега Невы
 Держала путь из-под Москвы.
 В сени «Двенадцати Коллегий»
 Стоял в то время над Невой
 315 Дом красный (нынче стал он пегий), —
 В нем жил с семьею наш герой.
 Круг жизни тот же, что и летом:
 Мать, бабушка и теток ряд
 Над ним по-прежнему дрожат, —
 320 Но нет опасности, чтоб в этом
 «Das ewig-weibliche» — ему
 Стать слишком женственным — от детства
 Он получил отца наследство —
 Дух «демона», и потому
 325 В глазах упорство и упрямство
 Его светилось иногда,
 Бесстыдство, дерзость, своеправство
 Вдруг вспыхивали, — но всегда
 Смягченные влияньем женским
 330 И воспитаньем деревенским¹⁷
 Влиянья «демона» чуть-чуть
 Лишь омрачали детский путь.
 Но впереди — путь не таковский:
 Семь лет гимназии толстовской¹⁸,
 335 Латынь и греки, и среда
 Товарищей порою грубых,
 Учителей, порой сугубых;
 И все, что в детские года
 Смягчалось старо-барским бытом —
 340 Под ветра веяньем сердитым
 Вдруг огрубело, и весь мир
 Внезапно стал хоть странно-новым,
 Но узким, тесным и суровым,
 Как гимназический мундир.

- 345 *Ах, где ты, детство золотое,
Семьи дворянской баловство,
И елка с яркой мишурою, —
Ребенка рай и торжество!
И сказка няни вечерами: —*
- 350 *Вот в небесах под облаками
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря...
Царевна там в темнице тужит,
А серый волк ей верно служит...*
- 355 *Вот три девицы под окном...
Вот и царевна с верным псом...
Вот бьет крылами Лебедь-птица...
Вот шемаханская царица...
(Прочитан Пушкин сотни раз!)*
- 360 *Вот пред ребенком поднялась
(Не дышит он!) гора крутая,
А в той горе нора большая, —
Там спит царевна мертвым сном
И гроб качается хрустальный...*
- 365 *— Все об одном и об одном:
О том, что где-то в дали дальней
Царевну-деву и ему
Искать придется самому.
Где это все? При лампе утро:*
- 370 *Идти в гимназию пора.
В молочном свете перламутра
Идет — и под ногой кора
Ледка хрустит, и смутно тени
Бегут вперед от фонаря¹⁹.*

Примечания

¹ Стих 137 в черновике Блока: «Которого (я не хочу слышать)»; в публикации В. Н. Орлова стих отсутствует. (т. 3, с. 465).

² Стихи 150 и 152 у Блока заканчиваются отточием из четырех точек, что, возможно, указывало на необходимость доработки.

³ У Блока здесь фраза завершена точкой.

⁴ У Блока иная пунктуация, а следовательно, и смысл: «Вооруженный мир как бремя / Несут безропотно цари».

⁵ Эпитет «священный» в черновике Блока — в скобках, что, скорее всего, говорит о его сомнительности и желательности дальнейшей работы. Иванов-Разумник и далее использует освобожденные от скобок, а следовательно, и от сомнения, слова и стихи, что в примечаниях более указываться не будет.

⁶ В черновике Блока — отточие жду стихами 168 и 169, который начинается с предлога «И».

⁷ У Блока: «Сверчок, как прежде, затрещал». Далее у Блока начинается новая строфа.

⁸ Ср. в “Предисловии” А. Блока к поэме «Возмездие»: «Отдельные отпрыски всякого рода развиваются до положенного им предела и затем вновь поглощаются окружающей мировой средой... Что же дальше? Не знаю, и никогда не знал. Могу сказать только, что вся эта концепция возникла под давлением все растущей во мне ненависти к различным теориям прогресса» (т. 3, с. 297-298).

⁹ В черновике Блока два незаконченных стиха следуют друг за другом, не предусматривая текста между ними:

нежностью женской

Расцвел улыбкой нежной

¹⁰ Варианты Блока: «Срубив начисто все лески»; «Сведя начисто все лески»; «(Но начисто свели лески)».

¹¹ У Блока в конце стиха запятая.

¹² У Блока, за отсутствием стиха 228, запятой и тире заканчивается стих 227.

¹³ Блок заканчивает стих точкой.

¹⁴ У Блока в конце стиха точка.

¹⁵ Знаки препинания в стихе принадлежат Иванову-Разумнику.

¹⁶ В черновике Блока:

И жизни (редкие) уродства
 (Которых нельзя было не заметить)
Возбуждали удивление и не нарушали благородства
И строй возвышенной души.

¹⁷ Стихи 325-330: Иванов-Разумник указывает на приложенный к черновикам второй главы, относящимся к 1911 году, листок Блока с текстом наброска, в котором «отмечается, какое наследство получает герой поэмы от отца» (т. V, с. 205):

От отца бесстыдство
В глазах упорство и упрямство
Его светилось иногда.
Смягченное влияньем женским
(И воспитаньем деревенским)

¹⁸ Перед этим стихом здесь выпущены 6 стихов Блока:

(Пред ним встают) идей Платона
Мерцают дальние миры,
Великолепные

И гимназистом, не забывшим
Про единицы и нули,
Профессор врет: «Вы — соль земли!»

¹⁹ Стихи 345-374 — ср.: «... няня читает с ним долго-долго, внимательно, изо дня в день: Гроб качается хрустальный... / Спит царевна мертвым сном...» (из «Плана первой части» — т. 3, с. 463); «Тут и начинается: золотое детство, елка дворянское баловство, няня, Пушкин (опять и опять!), потом — гимназия — сначала утра при лампе, потом великолепные сумерки с трескающим льдом и ветром. Петербург рождается новый, напропороченный “обскурантом” Достоевским» (из записи Блока в октябре 1911 года — т. 3, с. 462).

Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908–1944 гг.).

Публикация *Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона.*
Вступительная заметка и комментарии
Е. Обатниной и В. Г. Белоуса

Жизненные и литературные пути Р. В. Иванова-Разумника и А. М. Ремизова в течение почти половины столетия развивались в духе притяжения-отталкивания. Критик и писатель, будучи представителями принципиально несхожих, но взаимообусловленных сфер литературной деятельности, всегда старались соблюдать паритет между творческой независимостью и личной дружбой. Ремизов нашел в Иванове-Разумнике внимательного исследователя и толкователя; Иванов-Разумник обрел в Ремизове *своего* автора. Трудно назвать другого критика, который бы с таким постоянством отзывался пронизательными статьями о произведениях писателя и так высоко ценил бы его талант¹. Это, однако, не мешало расхождению и в оценках общественно-политических событий, и в реакции на ближайшее литературно-общественное окружение. Дружеские отношения, сложившиеся в конце 1900-х гг. и упроченные взаимным творческим интересом, были прерваны в начале 1918-го. Когда спустя четверть века контакты возобновились в принципиально новых обстоятельствах, каждый из них, обладая уникальным жизненным опытом, с искренней радостью откликнулся на эту последнюю возможность общения, предоставленную судьбой.

Литературная критика была для Иванова-Разумника не только профессией, сколько своего рода жизненной философией — субъективным осмыслением реальности: «критика всегда должна *savoir plus long**, чем самый гениальный художник. Творческая интуиция художника подсознательна; критический анализ выявляет ее, ясно видит невидимое художнику; истинный критик *должен savoir plus long*, чем художник, иначе его “критика” не заслуживает этого имени»². отождествляя литературную критику и философию, Иванов-Разумник видел основной задачей критика отыскание смысла литературного произведения, а от него — выход к смыслу жизни.

* знать больше (фр.)

В свою очередь, Ремизов считал зазорным объяснять собственные произведения и оставлял литературную интерпретацию на долю критиков. Он полагал, что суть творчества — не в дополнительных рефлексиях автора, а в подлинном самовыражении, не требующем разъяснений: «Когда цыган нахваливает свою лошадь, это само собой понятно. Ведь, иначе и не был бы он цыганом, но, когда писатель печатно критикует свои собственное произведение, т. е. разъясняет его другими словами и многословиями, стараясь показать товар лицом, ей Богу, дело он делает не писательское, а цыганское. Любая критика и самая несурзная, не вызовет и доли того подозрительного чувства, какое оставляет отзыв писателя о своем произведении: критик может сказать о произведении и хорошее, и дурное, но ведь сам-то сочинитель, критикуя печатно свое сочинение уж обязательно скажет одно только хорошее»³.

Их знакомство состоялось в конце апреля — начале мая 1908 г., о чем Иванов-Разумник восторженно написал А. Н. Римскому-Корсакову 4 мая: «Приезжайте — расскажу Вам, как на днях был в СПб Лев Шестов, как я познакомился с Ремизовым — и еще кучу интересных вещей»⁴. С этого времени Иванов-Разумник принимал деятельное участие в творческих и житейских делах писателя. Критик и писатель особенно сблизились после скандала, разразившегося в связи с обвинением Ремизова в плагиате, когда он был буквально подвергнут литературному ostracismu. На фоне собственного бедственного положения — человека, «отлученного» от печати, — образ критика представлялся Ремизову «всемогущим» заступником: «Венгеров считает Иванова-Разумника за нашего Белинского». «Иванова-Разумника из почтения величали “профессор” — это не то что “подожди” или “не велено пускать” мое», — не без иронии писал позже Ремизов в своих воспоминаниях⁵.

Неизменная готовность Иванова-Разумника помочь Ремизову в преодолении бытовых трудностей не только душевным сочувствием, но и конкретной денежной помощью, запечатлелась в памяти писателя символической, но вместе с тем вполне конкретной трехрублевой купюрой, «со стеснением» предложенной ему критиком: «Эту зелененькую я буду помнить, вспомню и повторю при имени Иванов-Разумник: в 1920 году, арестованный по делу вооруженного восстания левых эсеров, участвовал в альманахах “Скифы”, следовательно не сразу понял значение этих трех рублей — подлинно, жертвы отзывчивого сердца»⁶. Памятными были и семейное путешествие Ивановых и Ремизовых по Волге летом 1909 г., и совместный отдых в 1910-м. Реми-

зов всегда тепло отзывался о человеке, не только многократно способствовавшем публикации его произведений, но с которым его связывало значимое для биографии обоих сотрудничество в журнале «Заветы» (1912–1914), издательстве «Сири» (1912–1915) и альманахе «Скифы» (1917).

Тектонические сдвиги 1917 года вызвали к жизни ремизовское «Слово о погибели русской земли» и ответную статью Иванова-Разумника «Две России». В этих произведениях воплотились два индивидуальных восприятия истории, объединенные идеей осознанного личностного самоопределения в катастрофически переживаемом хронотопе. Однако, намеренное (т. е. организованное Ивановым-Разумником) столкновение двух текстов на страницах вторых «Скифов» раскрыло взаимоотрицающий *идеологический* максимализм их авторов. Если «Слово о погибели» было полифоническим выражением многовекового прошлого Отечества⁷, то статья «Две России» отразила субъективно-нормативные представления Иванова-Разумника о будущем русской революции, резко разделив литературный мир на сочувствующих «погребальным» настроениям Ремизова⁸ и тех, кто видел в ней грядущее духовное преображение⁹.

Лирико-философские фрагменты «Взвихренной Руси» — хроники революционных лет, где явь переплетается со сном, а сон с явью — в высоком поэтическом регистре передают подлинные переживания Ремизовым т. н. «битв под Разумником»¹⁰. Здесь, в «снах» нередко возникает иронический образ Иванова-Разумника-«Скифа», то провозглашающего новое восстание в Петербурге, то пророчествующего «с пудовым портфелем, словно бесноватый из Симонова монастыря»: «Это вихрь! На Руси крутит огненный вихрь. В вихре сор, в вихре пыль, в вихре смрад. Вихрь несет весенние семена. Вихрь на Запад летит. Старый Запад закрутит, завьет наш скифский вихрь. Перевернется весь мир. И у кого есть крылья — —»¹¹

«Битвы», усугубившие их расхождение в начале 1918-го, обнаружили и явное родство в максималистском упорстве сохранять верность самому себе¹². Вскоре в правозсеровской газете «Воля страны» появилась статья «Подкальватель», подписанная псевдонимом Ип. Трилесов¹³. Так получилось, что исторические события, растворившие литературу в политике, и, вместе с тем, резкая, нелюбимая оценка политической и этической позиций критика, прозвучавшая со страниц газеты, окончательно развели Ремизова и Иванова-Разумника по разные стороны идеологических баррикад.

Тем не менее, вероятно, сразу же после газетной публикации они пожелали найти пути к взаимному личному примирению. Ремизов обратился за советом к Е. Г. Лундбергу и получил следующий ответ: «...готов на всякие услуги, но говорить <за Вас — *зачеркнуто: Е. О. и В. Б.*> с Разумником после “подкальвателя” надо Вам непосредственно, а не через посредников. <...> Самое лучшее, что можно сделать без Вашего участия, это попросить Разумника телефонировать Вам для переговоров по делу — это я сделаю в первое же свидание с ним»¹⁴. Желаемое примирение состоялось, о чем Иванов-Разумник написал П. Н. Сакуллину 23 мая 1919 г.: «Хотя и продолжаю думать, что революция разединила нас “пропастью”, но пропасть эта — в области политических и социальных взглядов, и через нее — для меня по крайней мере — всегда переброшен мост добрых личных отношений и полного уважения к чужому искреннему мнению. Чего уж больше расхождение между мною и Ремизовым, обостренное печатно. — но и с ним мы в прежних отношениях»¹⁵. Впрочем, прежних, душевно-дружеских отношений восстановить не удалось: «с ним <Ремизовым — *Е. О. и В. Б.*> мы слились внешне — не внутренне». — писал Иванов-Разумник М. М. Пришвину 19 сентября 1919 г.¹⁶ С осени 1919-го и до самого отъезда Ремизова из России в августе 1921 г. они, хотя и встречались, в переписку больше уже не вступали.

Значительно позже, когда острота полемики сгладилась, Иванов-Разумник подчеркивал постоянство собственной принципиальности. В частности, в письме к А. Н. Римскому-Корсакову от 10 августа 1937 г. он не без иронического пафоса заявлял: «Начну с опровержения гнусной Вашей клеветы, что если, дескать, писатель мой приятель, то он хорош на 150 %. Стыдно, государь мой, так клеветать. “Приятели моими” были, среди многих других, Ремизов, Сологуб, Белый, Блок; однако прочтите, что писал я о Ремизове в “Скифах” (сборник <И-ой, — хорошая статья!), <...> — прочтите и удивитесь своих 150-ти %-ов. <...> Дружба — дружбой, а правда — правдой»¹⁷.

Однако, в 1942 г., возобновляя переписку, оба пожелали пренебречь давними идеологическими спорами. Неизменными остались взаимное уважение, сочувствие и поддержка. В воспоминаниях Н. В. Резниковой запечатлено подробное свидетельство об отношении писателя к трагической судьбе критика: «Говорили <с Алексеем Михайловичем — *Е. О. и В. Б.*> о Разумнике Васильевиче Иванове-Разумнике. Когда-то в Петербурге они были близки.

Теперь он находился в Германии; они переписывались. А. М. рассказывал о тяжелой судьбе Иванова-Разумника. Ему трудно жилось после революции. Во время войны он оказался в занятой немцами части России и переехал в Германию; там сотрудничал в газете. Издаваемой на русском языке. Иванов-Разумник печатал свои воспоминания. Говорил об ужасе жизни в Советской России. Человек терял себя и вел не свою, а навязанную ему жизнь. Он сравнивал свое существование с жизнью человека из сказки 1001-й ночи, который силой колдовства, опустив лицо в чашу с водой, превратился в немолодую женщину, двадцатый раз беременную. А. М. очень жалел Иванова-Разумника, говорил, какой это был замечательный человек. Тот факт, что он сотрудничал в немецкой газете, не вызывал у А. М. осуждения. Эту тему мы находим в “Вороньем перее” (*Пляшущий демон*). Первопечатник Иван Федоров в конце жизни оказался во “вражеском стане”. он работал, но решительно отказался принять участие в изготовлении пушек»¹⁸.

В диалоге Иванова-Разумника с Ремизовым сегодня имеется возможность представить только голос критика. 160 писем Ремизова за 1908–1919 гг., свидетельство о которых имеется в документе, подготовленном в 1940 г. Ивановым-Разумником¹⁹, погбили вместе со значительной частью его архива в годы войны. Судьба писем Ремизова военных лет неизвестна. Кроме того, следует учесть, что какая-то часть писем Иванова-Разумника оказалась у коллекционеров (в частности, на п. 8 имеется владельческая печать «профессора, доктора медицинских наук Ивана Михайловича Саркизова-Саразини», а п. 33–35 еще с 1914 года находятся в собрании П. Л. Вакселя²⁰).

Все известные нам письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову публикуются по автографам, хранящимся в архивах: Рукописного отдела Российской национальной библиотеки: Ф. 634. № 115 (п. 1–7; 9–32; 36); Ф. 124. № 1804 (п. 33–35); Рукописного отдела Института Русской литературы (Пушкинский Дом): Ф. 256. Оп. 1. № 103 (п. 37–65); Р. III. Оп. 2. № 1623 (п. 8); Amherst Center for Russian Culture, США (п. 66–80). В составе данного корпуса писем два письма (68 и 72) были ранее опубликованы David Lowe с незначительными искажениями²¹. Все остальные письма публикуются впервые. Слова, подчеркнутые в оригинале, выделены нами курсивом; сокращения раскрываются в угловых скобках.

Перевод текстов на немецком языке выполнен Х. Г. Тупсом. Публикаторы выражают благодарность Л. П. Ильницкой за помощь в подготовке к печати писем на немецком языке.

Примечания

¹ См.: Иванов-Разумник. Библиография / Сост. Я. В. Леонтьев // Библиография. 1993. № 3. Май-июнь. С. 64–73.

² *Иванов-Разумник*. Т. II. Творчество и критика. <СПб., 1911>. С. 5.

³ *Ремизов А. М.* Следует ли авторам отвечать критике? / Анкета «Биржевых ведомостей» // Биржевые ведомости. 1915. 6 декабря. № 15254. С. 4.

⁴ РИИИ. Ф. 8. Р. VII. № 216/2. Л. 205.

⁵ *Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 31.

⁶ Там же. С. 23. Под арестом «в 1920 г.» подразумеваются события февраля 1919 г., когда Ремизов вместе с другими литераторами (Ивановым-Разумником, А. Блоком, К. Эрбергом, Евг. Замятинным и др.) был арестован по подозрению в участии в заговоре левых эсеров против советской власти.

⁷ См.: Наст. изд. С. 195–207.

⁸ См.: *Ремизов А.* «Вонючая торжествующая обезьяна» / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Обатниной // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 124–153.

⁹ См.: *Белоус В. Г.* Петроградская Вольная философская ассоциация (1919–1924) — антитоталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997. С. 14–22.

¹⁰ См.: Наст. изд. С. 206.

¹¹ *Ремизов А.* Взвихренная Русь. Париж, 1927. С. 211.

¹² Ср. два высказывания, относящиеся к одному и тому же времени; у Ремизова: «Революция или чай пить? Другими словами: — Стихия — палочки вертящиеся? — или упор, самоупор?» (*Ремизов А.* Взвихренная Русь. С. 251); у Иванова-Разумника: «свое лицо — самое дорогое, самое святое, что только может быть у человека» (*Иванов-Разумник.* Год революции. Статьи 1917 года. СПб., 1918. С. 79).

¹³ См.: Наст. изд. С. 118–121.

¹⁴ Письмо от 13/26 февраля <1918 г.>. — ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 150. Л. 48.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. № 361. Л. 95.

¹⁶ Цит. по: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья, подг. текста и прим. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 198.

¹⁷ «Нравственные письма» из 1937 года: Иванов-Разумник А. Н. Римскому-Корсакову / Публ. В. Г. Белоуса // Из фондов Кабинета рукописей Российского института истории искусств. СПб., 1998. С. 170.

¹⁸ *Резникова Н. В.* Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове / Публ. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1980. С. 96–97. Имеется в виду глава «Первопечатник Иван Федоров» из книги «Пляшущий демон. Танец и слово» (1949). Ср.: «А в Кракове ему дан был заказ — Федоров еще мог сделать пуасоны, отлить шрифт, а ему говорят: “отлей пушку”. / И ничего не оставалось как только сказать, наклоня голову: “как прикажете” или по-арабски: “слушаю и повинуюсь”». — *Ремизов А.* Огонь вещей. М., 1989. С. 291.

¹⁹ Опись архива. Письма к Р. В. Иванову. 1901–1939. — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 88.

²⁰ На оригиналах указанных писем имеются владельческие пометы: «получено» 11–3–1914 г. № 3261–3263».

²¹ Russian Literature Triquarterly. No. 8. (Winter 1974). P. 489–501.

1.

15-VII-1908.

Царское Село.

Колпинская ул., д. Кучумова.

Многоуважаемый
Алексей Михайлович.

В Петербурге я бываю по Вторникам и Пятницам. Сегодня быть у Вас не могу, а в Пятницу (18-го июля) зайду к Вам между 2 и 4 ч <аса-ми> дня. Очень рад буду повидать Вас. Поклон Серафиме Павловне¹. Жму Вашу руку.

Р. Иванов.

¹ Серафима Павловна Ремизова-Довгелло (1876-1943) — жена А. М. Ремизова.

2.

19-VII-1908.

Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович, посулился Вам вчера журавля в небе, а сегодня приходится идти на попятный: вчера же вечером видел я человека в положении вельми гнусном и вынужден был отдать ему квитанцию на получение 35 р <ублей>. У Вас впереди имеются авансы, а у этого человека — и впереди и сзади одинаково пусто.

Не взыщите, что ввел в заблуждение. В крайнем случае все-таки черкните мне — может кое-что и удастся сделать.

А в прочих отношениях — что касается вчерашнего дела — надейтесь на меня, как на каменную стену.

Ваш Р. Иванов.

3.

22-IX-1908.

Царское Село.

Колпинская ул., д. Кучумова

Дорогой Алексей Михайлович,

вряд ли мне удастся быть у Вас завтра, во Вторник, 23/IX; да и Серафиме Павловне придется с недельку пообождать с занятиями по истории¹. Надеюсь зайти к Вам в Среду или Четверг — и самое позднее — в Субботу. Я немного простудился и должен денька два-три посидеть дома.

Жму Вашу руку.

Ваш Р. Иванов.

¹ Вероятно, речь идет о подготовке С. П. Ремизовой-Довгелло к поступлению в Петербургский Археологический институт.

26-X-1908.
Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович,

я пока что, жив и здоров. а не был у Вас так долго потому. что хотел сначала получить окончательный ответ по делу, касающемуся Серафимы Павловны. На днях, вероятно, зайду. На реферате Венгерова¹ я не был, зато была Варвара Николаевна², да Вас не видала. Мы с ней собираемся к Вам как-нибудь на днях вдвоем. Кстати — будем мы 30-го окт<тября> на 2-ом спект<акле> «Саломей»³, — и будем восседать в последних рядах стульев: если будете в театре — разыщите нас.

Спасибо Вам за хлопоты с карточками⁴. Андрей Бельпш⁵ и Мережковский⁶ мне не нужны — я их уже пмею; а вот если можете добыть мне Розанова⁷ — будет хорошо.

Об «Иуде»⁸ поговорим при свидании. Вы читали, конечно, что «Образование» и «Вестник Европы» перешли в новые руки⁹; в «Вестник» приглашен и я, но вероятно откажусь: там все старые и почтенные люди, в роде Нестора Котляревского, которого коробит и от моего «Смысла жизни», а не то что от Вашего «Иуды»¹⁰.

Пока до свидания. Варвара Николаевна шлет поклон. я жму руку.
Ваш Р. Иванов.

P. S. Я Вам недавно послал открытку — неужели не получили?

Пишет мне Лев Исаакович¹¹, что вероятно будет этой зимой в Москве и Петербурге. Кстати, его адрес: Freiburg im Baden, Jacobistrasse, 9II.

¹ 17 октября 1908 г. на собрании Санкт-Петербургского Литературного общества Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920) прочел доклад «Победители или побежденные?», посвященный характеристике литературного модернизма и оценкам творчества отдельных его представителей. В прениях выступали В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский, Вл. Кранихфельд и др. (См.: В литературном обществе // Речь. 1908. 19 октября. № 251. С. 4).

² Варвара Николаевна Иванова (урожд. Оттенберг; 1880–1946) — жена Р. В. Иванова.

³ Речь идет о постановке пьесы О. Уайльда в театре В. Ф. Коммиссаржевской (режиссер Н. Евреинов, композитор В. Каратыгин, художник Н. Калмаков). Премьера спектакля, в афише имевшего второе название — «Царица», была назначена на 28 октября 1908 года; второй спектакль, в соответствии с репертуаром, должен был состояться 30-го октября. Тем не менее, буквально за несколько часов до премьеры спектакль был отменен распоряжением градоначальника в соответствии со статьей о пресечении действий, посягающих на «уважение к вере». См. газетные заметки об этом инциденте: Запрещение «Саломей» // Речь. 1908. 29 октября. № 261. С. 3; Речь. 1908. 31 октября. № 263. С. 5: *Азов Влад.* <Аишкенази В. А.> «Саломея» // Речь. 1908. 3 ноября.

№ 266. С. 3. См. также: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 336–337.

⁴ В 1908 г. Иванов-Разумник приступил к созданию «Критической истории русской литературы», о чем сообщала газета «Новая Русь»: «Вышла новая книга Иванова-Разумника “О смысле жизни”. В настоящее время он предпринял большое исследование о современной русской литературе. начиная с Волынской и кончая А. Ремизовым и М. Кузминным» (1908. 2 октября. № 48. С. 3; см. также план предполагавшегося издания: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 70). По просьбе Иванова-Разумника Ремизов обратился к А. Блоку 3 октября 1908 г.: «Есть у меня к Вам дело: есть писатель Иванов-Разумник, который написал четыре книги <...>. В настоящее время Разумник Васильевич Иванов занимается исследованием писателей от Волынской до нас с вами. Книг у свою он хочет выпустить с портретами. Я взялся достать ему Ваш портрет с автографом на портрете или под портретом» (Переписка с А. М. Ремизовым (1905–1920) / Вступ. статья З. Г. Мишц. Публ. и комм. А. П. Юловой // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 85. С аналогичной просьбой Ремизов обратился 16 октября 1908 г. к М. А. Кузмину (См.: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 336). Работа над книгой продолжалась до 1916 г. и не была завершена.

⁵ Борис Николаевич Бугаев (псевд. Андрей Белый; 1880–1934).

⁶ Фотография Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865–1941) сохранилась в архиве Иванова-Разумника (Ф. 79. Оп. 6. № 17).

⁷ Василий Васильевич Розанов (1856–1919).

⁸ Подразумевается «Трагедия о Иуде принце Искарнотском», впервые опубликованная в журнале «Золотое Руно» (1908. № 1).

⁹ Реплика Иванова-Разумника вызвана двумя сообщениями, появившимися в газете «Речь», в рубрике «Литературная летопись»: «С января 1909 г. “Вестник Европы” переходит в новые руки. Во главе издательства становится М. М. Ковалевский, редактором явится К. К. Арсеньев. В состав редакционного комитета входят: В. Д. Кузьмин-Караваев, Н. А. Котляревский, Л. З. Слонимский»; «Издание журнала “Образование”, после долгих злоключений, переходит в руки Д. А. Карышева, брата известного экономиста» (1908. 25 октября. № 257. С. 6). Еще в июльском номере «Образования» А. Я. Острогорский сообщил, что отказывается от дальнейшего издания и редактирования журнала. Право на его издание он передал И. М. Василевскому, который «объявляя журнал внепартийным», пригласил к сотрудничеству Л. Андреева, Ф. Сологуба, Д. Мережковского, З. Гиппиус, К. Чуковского и др. Тогда же, в июле, редактор-издатель «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич заявил о предполагаемой продаже своего журнала. Иванов-Разумник начал переговоры с М. К. Лемке, Е. Д. Максимовым, Н. С. Русановым и др. о выкупе «Вестника Европы» «на паях» для продолжения его «в левонародническом духе»; однако, вскоре выяснилось, что средств на покупку не хватает (Подробнее см.: *Леонтьев Я. В.* Иванов-Разумник и освободительное дви-

жение в России. Дореволюционный период // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С. 8–9). В октябре Стасюлевич известил читателей о сложении с себя редакторских полномочий «вследствие слабости здоровья и значительного утомления после сорока трех лет по изданию и редакции журнала» (Вестник Европы. 1908. № 10. С. 858). На предложение сотрудничать в «Вестнике Европы», которое поступило от М. К. Лемке, Иванов-Разумник ответил отказом 24 октября 1908 г.: «Судя по перечисленным Вами именам, не думаю, чтобы это было возможно» (ИРЛИ. Ф. 661. № 469. Л. 30).

¹⁰ Нестор Александрович Котляревский (1863–1925) — литературный критик; в 1908–09 гг. редактировал отдел беллетристики журнала «Вестник Европы». Его взгляды отличались наступательным традиционализмом в области литературы и религии; он полагал, что признание человека высшей ценностью привело в XIX веке к идейному кризису. Концепция Котляревского была полностью противоположной «имманентному субъективизму» Иванова-Разумника, мировоззрение которого было обосновано в его книге «О смысле жизни. Ф. Сологуб. Л. Андреев. Л. Шестов» (СПб., 1908). Не будучи лично знакомым с Н. А. Котляревским, Иванов-Разумник писал ему 26 декабря 1908 г.: «Пользуюсь случаем поблагодарить в Вашем лице новую редакцию “Вестника Европы” за переданное мне еще осенью, через М. К. Лемке, предложение сотрудничества в журнале. Я ответил тоже через М. К. Лемке, что быть постоянным сотрудником не берусь, но буду очень благодарен, если когда-нибудь смогу воспользоваться в качестве случайного гостя страницами “Вестника Европы”» (ИРЛИ. Ф. 135. № 333. Л. 3).

¹¹ Речь идет о философе Льве Исааковиче Шестове (наст. фам. Шварцман; 1866–1938), с которым оба корреспондента поддерживали многолетние дружеские отношения. Знакомство Ремизова с Шестовым состоялось при посредничестве Н. Бердяева в Киеве, в октябре 1904 г. В письме к П. Е. Щеголеву от 3 октября 1904 г. Ремизов сообщал: «Познакомился с Булгаковым и Шестовым, но ничего не разговаривал, а как всегда в первые встречи — единственные слова были глупыми с пропусками букв в словах» (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479–1610. Л. 105). Ср.: *Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 267–268. См. также: Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 133–169; № 3. С. 158–197; № 4. С. 92–133; 1993. № 1. С. 170–181; № 3. С. 130–140; № 4. С. 147–158; 1994. № 1. С. 159–174. № 2. С. 136–185. Инициатором знакомства с Ивановым-Разумником был Шестов: 6 марта 1908 г. он обратился к Иванову-Разумнику с письменной просьбой прочесть лекцию о творчестве Леонида Андреева в Киеве в пользу нуждающегося студента (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 346. Л. 1). Их личная встреча состоялась в Киеве 1 апреля 1908 г. (См.: «Дорогая моя и любимая Варя...». Письма Иванова-Разумника В. Н. Ивановой из саратовской ссылки / Публ. В. Г. Белоуса // Минувшее. Исторический альманах. 23. СПб., 1998. С. 444).

29—XI—1908.
Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович!

Дела у меня теперь — выше головы, и, главное, все дела экстренного, так что не знаю, когда загляну к Вам. А все-таки как-нибудь загляну. Да и Вас ждем к себе; но по этому поводу надо условиться поточнее.

Что узнала Серафима Павловна от Ив. Ив. Лапшина?¹ По-видимому, ничего особенно утешительного — и это меня удивляет. Ну, а как же рекомендации к Преснякову². Полиектову³ и др., обещанные Лапшиным?

У Вячеслава Иванова быть не удалось; не думаю, чтобы это особенно его огорчило. Вы думаете, что мне следует «написать ему что-нибудь», но что же именно? О том, почему не мог быть? Так ведь не для меня же была устроена Вячеславо-Ивановская среда!⁴

Жаль только, что не удалось услышать Вашу «Бедовую долю». Ведь это и есть «сны», отвергнутые Мережковским? Может быть Вы как-нибудь познакомите меня с ними (не с Мережковскими, а со «снами») ⁵.

Кстати: вчера я писал Шестову, как глупо отделал его «tertius ego»* Мережковского, т. е. Философов, в «Московском Еженедельнике» от 15/XI⁶. Фанатики они, а умишком не все вышли.

Когда же увидимся? Свободны ли Вы в пятницу 12-го дек<абря> (либо в субботу 13-го) приехать к нам в Царское на весь день до 8^{1/2} ч<асов> веч<ера> (ибо вечером мы с В<арварой> Н<иколаевной> сами должны уехать в Питер)? — Впрочем, увидимся в Петербурге гораздо раньше. — Как дело с «Лукоморьем»? ⁷

Поклон Серафиме Павловне от нас двоих, и Вам также.

Р. Иванов.

¹ Иван Иванович Лапшин (1870—1954) — философ, психолог. Вероятно, Лапшин обещал содействовать вступлению Иванова-Разумника в Философское общество при Петербургском университете (1897—1922). Ср.: «...я балотируюсь в действительные члены Филос<офского> Общества, и уже говорил об этом с И. И. Лапшиным. Не поговорите ли Вы с ним об этом на ближайшем заседании и не будете ли одним из трех, предлагающих меня в члены? Очень бы этим обязали». — Из письма Иванова-Разумника Д. П. Носовичу от 25 ноября 1908 г. (РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 524. Л. 1 об.).

² Александр Евгеньевич Пресняков (1870—1929) — историк.

* «третье я» (лат.)

³ Имеется в виду Михаил Александрович Ползневков (1872–1942) — историк.

⁴ Знаменитые собрания петербургской творческой элиты проводились у Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949) по средам, в доме, прозванном «башней» по архитектуре строения (Таврическая, 25. кв. 24). Позднее Иванов-Разумник вспоминал, что посетил квартиру Вяч. Иванова «кажется, в 1910 году»: «был я на башне этой, затащенный Л. Шестовым, всею о единожды в жизни, — и больше там не появлялся, до того отвратно там мне показалось». — «Дорогая и любимая моя Варя...». Письма Иванова-Разумника В. Н. Ивановой из саратовской ссылки. С. 440.

⁵ Жанр литературно обработанных подлинных снов Ремизова, анонсированный в журнале «Золотое Руно» (1908. № 11/12. С. 89; разд. «Вести отовсюду»), получил скандальную известность сразу после публикации первого цикла «Под кровом ночи» (Всемирный вестник. 1908. № 3; Золотое Руно. 1908. № 5; Весна. 1908. № 8). Д. Мережковский, заведовавший в то время беллетристическим, литературно-критическим и художественным отделом журнала «Русская мысль», а также З. Гиппиус и Д. Философов, входившие в состав постоянных сотрудников журнала, самым живым образом заинтересовались «Бедовой долей». Однако, присланный Ремизовым материал вызвал явное разочарование: «Считали мы, рассчитывали на ваши “Сны”, а вы отдали настоящие “Руно”, нам же дали поддельные. Штук 6–7 можно бы напечатать (в январе), но <...> и эти 6–7, к тому же, все-таки не так хороши, как ваши первые» (Из письма З. Гиппиус к Ремизову от 22 ноября 1908 г. — РНБ. Ф. 634. № 88. Л. 23–23 об.). Реакция на предложенные Ремизовым «сны», возможно, сказалась и в названии — «Глупые ночи», заявленном в редакционном объявлении ноябрьского номера «Русской мысли». Вероятно, именно после такого анонса и ответа Гиппиус Ремизов стал искать другие пути публикации своего цикла. В настоящем письме речь идет о вечере на башне Вяч. Иванова 26 ноября 1908 г., на котором Ремизов прочитал цикл своих «снов». Накануне, 22 ноября Ремизов обратился к Вяч. Иванову: «Прошу разрешить мне прочитать Вам в среду “Бедовую долю” (ночные приключения). Сегодня мне вручили мою рукопись на приеме у Мережковских, находя рассказы нехорошими» (Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ ст, прим. и подг. писем А. Ремизова — А. М. Грачевой; подг. писем Вяч. Иванова — О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов. Материалы к исследованию. М., 1996. С. 96. Обращаем внимание, что в данной публикации письмо, вслед за явной опiskeй Ремизова, ошибочно датировано 1909 годом). Попытка пристроить «Бедовую долю» была предпринята 28 ноября, в письме, адресованном владельцу издательства «Шиповник» С. Ю. Копельману, где писатель следующим образом охарактеризовал новый жанр: «Я написал ряд фантастических рассказов. Занимает лист (приблизительно). Объединены общим названием Бедовая доля. Ночные приключения. В них много глупости. (“Sattise”), есть непристойности (не влекущие 1001 ст<атын>, есть то, что в поэзии можно было бы назвать “Légoutant”, да так, кажется, и называется у французов. Похоже рассказы были напечатаны в З<олотом> Р<уне> <...>. Я не хочу

вам давать, не предупредив о их содержании и некоторой "скандальности". <...> Если такого рода литература может быть принимаема "Шиповником", то я вам доставлю рассказы. <...> Я хочу, чтобы они были напечатаны скоро, так как, собрав штук 100, их можно издать отдельной книгой» (ИРЛИ. Ф. 485. № 21. Л. 2–2 об.). Тем не менее, после письменных переговоров с С. В. Лурье — сотрудником литературного отдела «Русской мысли» цикл был принят к печати в журнале (См.: РНБ. Ф. 634. № 142). 21 февраля 1909 г. А. Кизеветтер писал Ремизову: «Ваш рассказ "Бедовая доля" набран и непременно пойдет в апрельской книге» (РНБ. Ф. 634. № 120). В итоге цикл «Бедовая доля. Ночные приключения», состоявший из 14 снов, увидел свет в майском номере «Русской мысли» за 1909 г. (Отд. I. С. 9–23). Впоследствии с дополнениями и посвящением Л. Шестову он вошел в издание: *Ремизов А.* Рассказы. СПб., 1910.

⁶ В статье «Апофеоз беспочвенности» (Московский еженедельник, 1908. 15 ноября. № 45. С. 43–51) Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940), отделяя Л. Шестова, «от имманентного субъективизма, навязываемого ему г. Ивановым-Разумником», тем не менее, назвал мыслителя видным идеологом «современной неразберихи, современного безволия, того мистического анархизма, который выплеснулся из литературщины в жизнь» (с. 46) и отнес к «шестовщине» сочинения С. Лурье, С. Франка, К. Чуковского, Л. Галлица и др.

⁷ Подразумевается театр-кабаре «Лукоморье», учрежденный Союзом драматических и музыкальных писателей, который открылся 6 декабря 1908 г. в зале Театрального клуба (дом кн. Юсупова) и осуществил лишь одну постановку. По инициативе главного режиссера театра — В. Э. Мейерхольда А. М. Ремизов входил в состав «комитета по устройству спектаклей» «Лукоморья». См.: *Тихвинская Л. И.* Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 1995. С. 38.

6.

4-II-1909.

Царское Село.

Что же это Вы, дорогой Алексей Михайлович, не приехали сегодня к нам на блины? Мы Вас и Серафиму Павловну ждали-ждали и ждать перестали. Если захотите все же собраться к нам, то приезжайте в Субботу к завтраку — тоже будут блины. (Суббота — 7 февраля). Выезжайте с поездом в 1 час дня — будем ждать Вас с завтраком до 2-х часов.

Поклон Серафиме Павловне.

Р. Иванов.

P. S. Кстати: получил я на днях от некоего Григория Новицкого книжку стихов «Необузданные скверны». Действительно, уж так скверно, что заглавие вполне подходит. Ни капли таланту, масса претензии, впечатление почти юмористическое. И как это Вы позволили автору посвятить Вам какое-то его блудописание?¹

¹ Григорий Петрович Новицкий — автор трех поэтических сборников, «узко специализировавшийся на ночной публике Невского проспекта» (*Аve. Вечер северной свирели // Сатирикон. 1908. № 28. С. 6–7*). В письме речь идет о стихотворении «Поэт», напечатанном с посвящением «А. Н. <так! — Е. О. и В. Б.> Ремизову» (*Новицкий Г. Необузданные скверны. Стихи. СПб., 1909. С. 110*). В 1908 г. Новицкий выступал вместе с А. Ремизовым, Ф. Сологубом, С. Городецким, А. Рославлевым и др. на вечерах «Северной свирели» (См.: *Новая Русь. 1908. 13 октября. № 59; Блок А. Вечера искусств // Блок А. Собр. соч. В 8-ми т. М.–Л., 1962. Т. 5. С. 304–308*). Ср. также: «ГРИГОРИЙ ПЕТРОВИЧ НОВИЦКИЙ. 1906 г. Студент Лесного института, зеленый. Страсть к стихам. Выпустил книжку “Необузданные скверны”. Ее арестовали за “кошунство и порнографию”. А в сущности ничего не было предосудительного. Способный, но дурковатый (?). В Париже был шофером. Занимался медовым делом “мед новицкий”. Теперь как сам говорит, пишет музыку» — Из «Рабочей тетради» А. М. Ремизова 1950-х гг. (Алексей Ремизов. Новые материалы / Вступ. зам. и публ. А. М. Грачевой // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 223).

7.

1 апреля 1909.¹

Акrostих.

Алеют зори бледными лучами;
Летит замерзший, почерневший лист,
Едва заметный в поле под ногами...
Как воздух ночи холоден и чист!
Сквозь туч гряды кружит за облаками
Ездок небесный, бледен и лучист.
И тучи тихо сходятся толпами —
Рассеет их полночью ветра свист.

Едва разгонит тучи ветер ночью —
Мы вступим в круг нежданной тишины,
И страшное мы ўзрим тут во-бчью:
Змей и чертяк, исчадий Сатаны...
О, как с тобой мне быть тогда отрада:
Ведь ты знаком со всем исчадьем ада!

Кто?²

¹ Открытое письмо, без подписи, адресованное Алексею Михайловичу Ремизову; *Здесь, Мальй Казачий, д. 9.*

² Ремизовым приписано: *Р. В. Иванов-Разумник.*

6-V-1909.

Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович —

у меня к Вам просьба: не знаете ли Вы московского адреса Н. С. Бутовой?¹ Она прислала нам билеты на «Синюю Птицу»² (на которой мы уже и до того были, так что получилось два гриба в борще), а денег за них я ей еще не отослал: не знаю ни сколько, ни куда.

На следующей странице Вы найдете стихотворение, полученное Вами 1-го апреля с подписью «Кто?» (на открытке Рериха — декорация к «Снегурочке»)³: Вы не совсем удачно приписывали этот сонет Кузьмину⁴, Блоку⁵ и прочим. Лестно ли это для меня — не знаю, но для них это вряд ли лестно. Одно из двух: либо моя версификаторская пачкотня — стихи одного порядка со стихами этих поэтов, либо стихи этих поэтов — такая же версификация. Что вероятнее?

Кстати: Вы не разглашайте об этой моей шутке, а то мне станет конфузно. Скажут: ведь такой почтенный мужчина, а какой ерундой занимается...

Кстати сказать: за последнее время я сильно охладел к творениям Ваших литературных друзей⁶. Вы — не в счет: я по-прежнему люблю и перечитываю Вашу «Посолонь»⁷ и другие вещи; по-прежнему читаю и перечитываю Брюсова⁸, многое из «старых декадентов»⁹. А вот на молодых — оскомину набил. Проза Кузьмина никогда мне не нравилась; его «Сети» мне показались пиздскими и стильными — но страшно скоро приелся¹⁰. У Блока наполовину версификация, — а его бездарная «Песня Судьбы», которую я вчера лишь прочел¹¹! Вообще все это — «третий сорт», не говоря уже о таких микроскопических величинах, как Ауслендер¹², Чулков¹³ и им подобные. Недавно я перечитывал «Пламенный круг»¹⁴ — вот это талант, да еще какой! И хотя я не люблю Мережковского, но он представляется мне каким-то великаном, по сравнению с современным муравейником «молодых».

Вот расписался! Так, к слову пришлось.

Черкните о себе; кланяемся Серафиме Павловне.

Р. Иванов.

Сонет 1-ое апреля.

Алексею Ремизову

(Акrostих).

Алеют зори бледными лучами;
Летит замерзший, почерневший лист,
Едва заметный в поле под ногами...

Как воздух ночи холоден и чист!
Сквозь дымку туч кружит за облаками
Ездок небесный, бледен и лучист.
И тучи тихо кружатся толпами —
Рассеет их вой бури, ветра свист.

Едва разгонит тучи ветер ночью —
Мы вступим в круг тревожной тишины
И страшное мы узрим тут во-объю:
Змей и чертяк, исчадий Сатаны...
О, как с тобой мне быть тогда отрада:
Ведь ты знаком со всем исчадьем ада!

¹ Надежда Сергеевна Бутова (1878–1921) — актриса Московского Художественного театра.

² В апреле-мае 1909 г. в Петербурге проходили гастролы МХТ.

³ См. п. 7. На открытке изображен эскиз Николая Константиновича Рериха (1874–1947) декорации «Пролог. Лес» (1908) к опере Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка». Сценического воплощения эскизы Рериха не получили. См.: *Яковлева Е.* Театрально-декорационное искусство Н. К. Рериха. <Б. м.>, 1996. С. 27–30.

⁴ Имеется в виду Михаил Александрович Кузмин (1872–1936).

⁵ Александр Александрович Блок (1880–1921). О его отношениях с Ивановым-Разумником см.: Переписка с Р. В. Ивановым-Разумником / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 366–414.

⁶ Будучи секретарем редакции журнала «Вопросы жизни» (1905), Ремизов вошел в круг литературно-художественного бомонда Петербурга. Вероятно, местом личного знакомства Иванова-Разумника с отдельными литераторами-модернистами была квартира Ремизова, о чем косвенно свидетельствует запись в дневнике М. А. Кузмина от 19 ноября 1908 г.: «Ремизов звал поздно, но все-таки мы там еще застали и Вяч<слава>, еле со мной поздоровавшегося, и Сологуба, и Иванова-Разумника» (Цит. по: *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов и Кузмин: к истории отношений // Вопросы литературы. 1998. № 1. С. 232).

⁷ Первая книга Ремизова (М.: «Золотое Руно», 1907).

⁸ Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924). См.: Переписка с А. М. Ремизовым (1902–1912) / Вступ. ст. и комм. А. В. Лаврова; публ. С. С. Гречишчина, А. В. Лаврова, И. П. Якир // Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 137–217.

⁹ Иванов-Разумник подразумевает здесь В. Брюсова, Ф. Сологуба, К. Бальмонта, Д. Мережковского, З. Гиппиус. См. его статью «О декадентстве в современном русском искусстве», написанную в октябре 1901 г. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 86).

¹⁰ К 1909 г. М. А. Кузмин был автором романа «Крылья» (1906), повести «Приключения Эме Лебефа» и др. прозаических произведений. «Сети. Первая книга стихов» вышла в 1908 г., в Москве, в издательстве «Скорпион».

¹¹ Этот критический отзыв Иванова-Разумника выглядит примечательно на фоне последующих восторженных оценок творчества А. А. Блока. Впрочем, и несколько лет спустя, в статье «Роза и крест» (1913) Иванов-Разумник не изменил своего отношения к «Песне судьбы»: «Тут была им написана “символическая” драма “Песня судьбы”, которую я лучше пройду молчанием» (*Иванов-Разумник*. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С. 23).

¹² Сергей Абрамович Ауслендер (1886–1943) — прозаик, критик; в 1908 г. участвовал в Пушкинском семинарии, руководимом С. А. Венгеровым, в том же году выпустил в Москве первый сборник рассказов «Золотые яблоки».

¹³ Георгий Иванович Чулков (1879–1939) — прозаик, поэт, критик; в 1906–09 гг. вместе с Вяч. Ивановым, А. Блоком и др. в журнале «Золотое руно» и альманахе «Факель» выступил с обоснованием «мистического анархизма».

¹⁴ Имеется в виду восьмая книга стихов Ф. Сологуба (М.: «Золотое Руно», 1908).

9.

16–VI–1909.
Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович,

буду у Вас рано утром 18-го в четверг — этак, примерно, часов в 10–10¹/₂. В тот же день беру и билеты. — Выедем 23-го/VI вечером: до 23-го не могу, дела не пускают, а после 23-го — тоже не могу, т.к. непременно должен вернуться назад к 15-му июля¹.

Итак, до свидания.

Р. Иванов.

¹ С 23 июня по 7 июля 1909 г. Ремизовы и Ивановы путешествовали по Волге на пароходе «Великий кн. Владимир». См.: *Ремизов А. М.* Адреса и маршруты поездок (РНБ. Ф. 634. № 3. Л. 12).

10.

16–VII–1909.
Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович

— мое путешествие окончилось почти одновременно с Вашим: я вернулся в Царское Село к 12-му июля. Путешествие было неудачное: доехали мы с В<арварой> Н<иколаевной> и Левой¹ только до Царицына, а там он заболел довольно сильно дизентерией; пришлось спешно пересаживаться на другой пароход (тот самый «Вел<икий> кн<язь> Владимир», на котором мы так хорошо ехали от Нижнего до Казани) и ехать вверх по Волге, поближе к культурным местам. Болезнь дли-

лась долго; пришлось ехать через Нижний и Москву, чтобы показать его доктору. Впрочем, теперь все благополучно: В<арвара> Н<иколаевна> с Левою сидят во Владим<ирской> губ<ернии>², и он там отдыхает от неудачной поездки. А я с удовольствием вспоминаю только наш путь до Казани.

Теперь сижу в Царском Селе. читаю и пишу всякие скучные вещи. зеваю над корректурами — вообще ушел с головой в будничную работу³. Газеты бросил читать — надоело; только бегло просматриваю их по утрам.

В киевских газетах о Вас ничего не было — если только я не пропустил; а вот в одесских — слышал я, что было что-то⁴. Поищите, ведь Вам теперь до Одессы рукой подать, вероятно есть одесские газеты.

О нашем разговоре в Казани в последнюю ночь — я помню; вчера обедал с «генералом», то бишь с действительным статским советником, начальником отделения какого-то департамента министерства земледелия, неким Д. П. Носовичем⁵. Но оказывается, что его в сентябре переводят в Варшаву, начальником какого-то учреждения. Ведь Вы не поедете в Варшаву? — Есть у меня другие «генералы» и чином близкие к ним; непременно буду вести с ними речь о месте⁶. Думаю, что что-нибудь в конце концов да выйдет.

Пишите мне сюда. Скучно, хоть беги: дачи, парк, шоссе, граммофоны, публика. Я бы теперь с радостью сбежал бы отсюда и засел бы в какой-нибудь непроездный и непролазный Ольховый рог⁷ — в роде того, в каком теперь живет Варв<ара> Ник<олаевна>: глухой сосновый лес, в середине усадьба, ближайшая деревня за 7 верст, ближайший помещик за 20 верст, до станции столько же... Я когда-то прожил там почти три года сряду⁸. Хорошо было!

Привет Серафиме Павловне. Не очень сердится она на меня за неудачную вторую половину Вашего путешествия? Ведь всему причиной Казань, а значит и я.

Пишите.

Р. Иванов.

¹ Лев Разумникович Иванов (1904–1938) — сын Р. В. Иванова и В. Н. Ивановой.

² В лесничестве Новоселки, Юрьев-Польского уезда, Владимирской губернии находилось имение Елены Павловны и Николая Густавовича Оттенбергов — родителей В. Н. Ивановой.

³ Ср.: «Что касается моих занятий, то я занимаюсь по-прежнему; т. к. хочу выпустить к началу сентября все три книги сразу (“Смысл жизни”, “Литер<атура> и общественность”, “Об интеллигенции”), то приходится работать много. Думаю закончить все писание числу к 25–30 августа: шла до 10 сентября провожусь с корректурами». — Из письма Иванова-Разумника к В. Н. Ивановой от 29 июля 1909 г. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 198. Л. 110 об.).

⁴ Подразумевается реакция прессы на обвинение Ремизова в плагиате, которое прозвучало в «Письме в редакцию» газеты «Биржевые ведомости», подписанном псевдонимом Мих. Миров (1909. 16 июня. № 11160. С. 5–6). Это обвинение вызвало волну газетных публикаций, склонявших имя писателя на все лады и спротивиловало серьезные осложнения в его творческой и личной жизни. См.: Киевская мысль. 1909. 19 июня. № 167. С. 2; Одесский листок. 1909. 25 июня. № 144. С. 2 (рубрика «Русская печать»). Подробнее об инциденте см.: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья. подг. текста и прим. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 159–160; 168–170; 204–209.

⁵ Судя по двум сохранившимся письмам Ивапова-Разумника к Дмитрию Павловичу Носовичу, их общение в основном носило литературный характер. Ср.: «Увидимся и поговорим vive voix — о Ремизове и Джемсе. О первом, кстати, должна завтра появиться моя статья в “Речи”»; а о Джемсе сим заявляю, что не согласен с Вашим письмом ни в одном слове. — равно как и о Шестове» (Письмо от 10 октября 1910 г. — РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 524. Л. 3; см. также: п. 5, прим. 1).

⁶ Летом 1909 г. проблема профессионального заработка, всегда острая для Ремизова, стала особенно актуальной. После обвинений в плагиате репутация писателя было сильно поколеблено; ведущие периодические издания перестали печатать его произведения (См.: *Ремизов А.* Встречи. Петербургский бусрак. С. 21–23; о трудностях тех лет см. также: *Ремизов А.* Кукха. Розановы письма. Нью-Йорк, 1978. С. 49). Иванов-Разумник старался деятельно помочь писателю в сложившейся ситуации (См.: п. 9, прим. 2).

⁷ С 9 июля Ремизовы отдыхали в Ольховом Роге, Полтавской губернии, в имении Гриневич (РНБ. Ф. 634. № 3. Л. 12).

⁸ Речь идет о периоде с 1903 по 1906 гг., который Иванов-Разумник провел в имени родителей жены после симферопольской ссылки (См.: прим. 3).

11.

17–X–1909.
Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович,

простите, что не сразу ответил: я вел дипломатические переговоры с М. К. Лемке¹. Я прекрасно понимаю, что 50 р<ублей> за сделанную Вами работу — мало, а потому и говорил Вам об увеличении гонорара до 75 р<ублей>. Но я только — редактор; денежная сторона в руках Лемке, а он на увеличение не согласен (он считает: месяц работы — 50 р<ублей>).

Поэтому предлагаю Вам следующее. Вы получите от Лемке еще работу: составление именного указателя ко всем 3 томам Белинского. Эта работа очень легкая — Вам только надо будет за эти полгода прочесть все статьи Бел<инского> нашего издания, отмечая главнейшие имена. Вы будете получать чистые листы из типографии по мере их

выхода. За эту работу Лемке предлагает 25 р <ублей>. А я со своей стороны уплачу Вам из своего гонорара (который получу в Марте-Апреле) 25 р <ублей>, как дополнительные к тем 50 р <рублям>, которые Вы получите за теперешнюю работу. Но это — секрет от Лемке².

Подходит ли это Вам? Напишите. Во всяком случае, возьметесь Вы или нет за составление указателя, но мои 25 р <ублей> Вам «гарантированы»; таким образом за Вашу корректуру Вы получите 75 р <ублей>.

Кстати: Вы напрасно думаете, что Лемке «не оценил» Вашей работы; он теперь имеет Вас «в виду» на случай подобных же работ. Только платит он не очень щедро.

Пока до свидания; поклон от нас Серафиме Павловне. — Читал я Вашего «Зайчика» в «Р <усской> М <ысли>»³ — и сразу же узнал письмо и реестр из Ваших старых бумаг. Рассказ, по-моему, удачный.

Всяческих благ.

Ваш Р. Иванов.

¹ Михаил Константинович Лемке (1872–1923) — историк, публицист, управляющий типографией и книжным складом в издательстве М. М. Стасюлевича.

² Ср.: «Р. В. Иванов-Разумник, с которым познакомился о ту пору, достал нам работу: сверять Белинского. Но эта работа скоро кончилась» (*Ремизов А. Кукха*. С. 49). В письме к М. К. Лемке от 4 октября 1909 г. Иванов-Разумник сообщал: «Ремизов прекрасно выполнил данную ему кропотливую работу; он будет у Вас в Типогр <афии>, во Вторник, 6/Х, около 12½ дня — сдаст законченную работу и возьмет предыдущие годы “От <ечественных> Зап <исок>” — если Вы их приготовите к тому времени» (ИРЛИ. Ф. 661. № 469. Л. 44). В следующем письме от 6 октября, Иванов-Разумник обратился к Лемке с просьбой: «Нельзя ли дать А. М. Ремизову, в счет совершенной работы, рублей 10–15? Он очень в них нуждается и в то же время стесняется их попросить у Вас» (Там же. Л. 45). 17 октября Иванов-Разумник выступил с инициативой передать Ремизову составление именного указателя: «Мы с Вами говорили уже о составлении указателя имен; это будет очень ценно для издания. Т <ак> к <ак> издатель — Вы, а след <овательно> и уплата гонораров — Ваше дело, то сообщите мне: согласны ли Вы поручить составление указателя имен А. М. Ремизову, за сумму 25 р <ублей>? Эту работу он будет делать исподволь, по мере печатанья листов» (Там же. Л. 53). Очевидно, Лемке ответил согласием, поскольку в письме от 26 января 1910 г. Иванов-Разумник передал ему просьбу Ремизова выплатить 25 рублей в виде аванса: «Я со своей стороны уверен, что работу он выполнит до конца и хорошо, и готов быть поручителем — вернуть эти 25 р <ублей> в случае чего» (Там же. № 470. Л. 3). Собрание сочинений В. Г. Белинского в 3-х т. под редакцией Иванова-Разумника вышло в 1911 г. Составитель именного алфавитного указателя (Т. 3. С. 1011–1017) не был назван, но, судя по п. 17, именно Ремизов выполнил эту работу.

³ *Ремизов А. Таинственный зайчик. Рассказ // Русская мысль. 1909. Октябрь. С. 131–137.*

22 августа 1910 г.

Wandrock¹.

Дорогой Алексей Михайлович, — как доехали?² Нат<алья> Вас<ильевна>³ и Елена Павловна⁴ вернулись вчера на наш необитаемый остров и сообщили, что Вы опоздали на 3 ч<аса> 10 м<инут> — так что пришлось ехать на Гельсинфорс. Благополучно ли?

Ваши «Крестовые сестры»⁵ все не идут у меня из головы — пришибли Вы меня ими; давно не приходилось читать ничего подобного. А вот только что пришло мне в голову: заглавие — «Кр<естовые> с<естры>» — хорошее и говорящее; но мне придумалось другое, которое дает повести обобщающий смысл: «Бурков двор», — как Вам покажется? Ведь Бурков двор — это не двор, это даже не Петербург, это чуть ли не вся Россия измученная, страдающая, пьющая настой на навозе и ищущая спасения в «Париже». И ведь дело не в одной Вере-Верочке-Верушке и в их крестовых сестрах, а во всякой изнасилованной душе человеческой — а в таком случае заглавие «Крест<овые> сестр<ы>» является требующим пояснения, <т.> е. что и Маракулин и др. — тоже «крестовые сестры». — Все это, однако, Вам виднее.

Приеду в Питер — еще поговорим. Мы выедем отсюда, вероятно, или 27 авг<уста>, или 1 сент<ября> — пишете в Царское. — После Вашего отъезда у нас один день была буря и дождь, а сегодня опять солнце и жара — так что детвора снова бродит в лесу и по скалам, я снова занимаюсь «дикими работами» — на прощанье с Wandrock'ом.

Серафиме Павловне привет от скал и моря, Вам — от леса и грибов, а обоим Вам вместе — от всего острова Wandrock'a и всех обитателей его. До скорого свидания — обнимаю Вас.

Ваш Р. Иванов.

Р. S. А тринадцать рыжих коров?! — ведь это Вы сами «намычали» их на свою голову! Без них пароход не опоздал бы в Або⁶ к поезду. Вот что значит играть с детьми!

А про «Бурков двор» — подумайте. Быть может, я, впрочем, и вру — и «Кр<естовые> с<естры>» еще ярче и яснее осмысливают все содержание повести.

Р. Иванов.

Поводом для написания этого письма было то, что вчера мы получили письмо на имя Сер<афимы> Павл<овны>; пришлось его распечатать, так как конверт не входил ни в один из наших конвертов; — прилагаю это письмо.

Письма к Шестову и Философову отправлены.

¹ Один из Аландских островов на юго-западе Финляндии.

² Ремизовы отдыхали вместе с Ивановыми на острове Вандрок с 30 июля по 20 августа 1910 г.

³ Наталья Васильевна Оттенберг — первая жена Н. Н. Оттенберга, брата В. Н. Ивановой.

⁴ Елена Павловна Оттенберг — мать В. Н. Ивановой.

⁵ См.: *Ремизов А. Крестовые сестры* // Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». СПб., 1910. Кн. 13. С. 159–297. Впоследствии повесть была включена в т. V «Сочинений» (СПб.: «Шиповник». <1911>); отд. изд.: М., 1918; Берлин–М.–Пг.: изд. 3. И. Гржебина, 1923. О работе над этим произведением летом 1910 года Ремизов сообщал Рязановскому в письме с Вандрока от 9 августа: «И опять пишу Вам <...> в дни моих скорбей — опять я захворал воею. Сию я все над «Крестовыми сестрами» — третий месяц идет. Но не от лепости тяну. Вы знаете, третий раз переписываю с отделкою. <...> 10-го меня увез к себе (г. Боровичи, Новгородск<ая> г<уберния>. имение Жданы) Е. В. Аничков <...> У Аничкова сидел я по 18-и часов над повестью моей и очень изморился. <...> с 30 июля здесь на Аландских островах у Иванова Разумника. На этой неделе, в крайнем случае на той — в Петербург» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 31. Л. 11). По-видимому, Ремизов перед отъездом с Вандрока предоставил Иванову-Разумнику возможность ознакомиться с последней редакцией «Крестовых сестер».

⁶ Город на юго-западном побережье Финляндии.

13.

5 сент<ября> 1910.

Ц<арское> С<ело>.

Ремизову Алексею от Иванова Разумника:

Пишет мне Игнат¹: «статья Ваша вполне подойдет для Русск<их> Введом<остей> — Мы можем поместить ее в день выхода книги Шиповника или на другой день»². — А потому, Алексей Михайлович, скорее вышлите мне гранки: у меня 2–3 свободных дня, и я могу теперь приняться вплотную за статью о «Крестовых Сестрах».

Кстати: мне *очень важно* иметь впоследствии *все редакции*³: как бы устроить, чтобы мне получить и исправленные Вами гранки? Нельзя ли будет также сказать Шиповнику⁴, чтобы он вернул после набора рукопись — все равно в каком виде? Устройте все это, земно кланяюсь.

Напишите, как насчет Москвы; боюсь, уже не уехали ли Вы? Пошлю письмо на имя Серафимы Павловны — только что получил с Wandrock'a.

Всего лучшего; привет от Варвары Николаевны (Няню нашла!)⁵ Фотографии ждут Вас. Крепко жму руку.

Ваш Р. Иванов.

Р. С. Если не поздно, хочу сказать Вам одно (не помню, говорил ли?): смерть генеральши Холмогоровой у Вас вышла в тонах *кошмара маракулинского*. Вряд ли это было в Ваших целях; да и весь этот эпизод был скомкан — а между тем генеральша эта для Маракулина — не кто-нибудь⁶. Вы говорили, что сокращаете 4–6 главы; не чувствуется ли Вам, что *это* место надо, напротив, удлинить? Впрочем, Вам виднее.

Р. И <Ванов>.

¹ Илья Николаевич Игнатов (1858–1921) — журналист, публицист, литературный критик, сотрудник редакции газеты «Русские ведомости».

² Иванов-Разумник приводит слова из письма Игнатова от 3 сентября 1910 года (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 276). Статья, посвященная «Крестовым сестрам», вышла под названием «Бурков двор» (Русские ведомости. 1910. № 213. 17 сентября. С. 2–3); дата ее публикации соответствовала дню появления повести. В письме к И. А. Рязановскому Ремизов сообщал 18 сентября 1910 г.: «Перед отъездом в Москву кончил “Крестовые Сестры” и устроил их в Шиповник. Вчера вышел XIII (13) альманах, в котором он напечатан» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 31. Л. 12).

³ В составе архива Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79) находятся две рукописи «Крестовых сестер»: одна была написана в именн. Ждань (См.: п. 12. прим. 5), другая — на Вандроке. По воспоминаниям Ремизова «Крестовые сестры» оттачивались пятью редакциями; «последнюю прочел Иванов-Разумник» (Встречи. Петербургский буерак. С. 31).

⁴ Вероятно, Соломон Юльевич Копельман (1881–1944) — совладелец (вместе с З. И. Гржебиным) издательства «Шиповник».

⁵ Очевидно, речь идет о няне для дочери Ивановых — Ирины (1908–1996).

⁶ Ср. с рассуждениями Л. Шестова о философском значении образа генеральши Холмогоровой из его письма к Ремизову от 8 декабря 1910 г.: «О “Крест<овых> Сестрах” скажу тебе, что почти присоединяюсь к мнению Иванова-Разумника. Они, несомненно, удалсь тебе. Очень сильно задуманы и местами, хотя не везде ровно, мысль так же сильно выражена. <...> невыгодное впечатление производят два обстоятельства: во 1^х генеральша, а во 2^х смещение стилей. Правда, большой публике генеральша, вероятно, понравится. Поймут, как протест против паразитизма высших классов общества. И, собственно говоря, я против такого протеста ничего не имею — мне кажется только, что именно в “Крестовых Сестрах” он неуместен. Ведь задумана-то повесть *Sub specie aeternitatis*. а тут генеральша, даже если бы ее вдвое от здоровья распырало бы, такое же слабое и немощное существо, как и все попираемые Верочки. Ты не должен был бы давать своим читателям такого исхода для накопившегося в них сомнения. А то генеральша у тебя вроде предохранительного клапана, чтобы взрыву не было. Как же, чтобы не было взрыву, не было вся-то вещь для взрыва написана? Генеральша делает “Кр<естовых> Сест<ер>” понятными. а разве они должны быть понятными? <...> Ибо, как ты говоришь, здесь все да жизнь наряду со смертью. Другой не разберет может, что я говорю — но тебе объяснять, верно, больше не нужно» (Русская литература. 1992. № 4. С. 93–94).

13–IX–1910.
Царское Село.

Сегодня буду браниться с Вами, Алексей Михайлович: ну что это Вы со мной делаете? Мало того, что Ваши «Шиповники» будь они неладны, не прислали мне корректурных листов «Крестовых сестер», о чем я их просил; мало того, что статью свою я должен был поэтому написать по памяти (и перепутал, вероятно, не мало), — а тут еще получаю от Вас вырезки из «Утра России», где встречаю свою фамилию¹. Зарезали Вы меня этим: теперь статью мою мне в пору хоть назад требовать из «Русск<их> Ведомостей»; так это не во время вышло! А ведь как я Вас всегда просил-молил: не поминайте Вы, Бога ради, имени моего в своих беседах с газетными репортерами! Терпеть не могу читать в газетах не о своих книгах, а о себе самом; а тут еще про Ремизова в семье Иванова-Разумника — как раз в то время, когда Иванов-Разумник пишет о вещи Ремизова, написанной в семье Иванова-Разумника... Ну, как же мне не сердиться? И почему Вы не могли рассказать про Вандрок, умолчав обо мне? — Если обещаете впредь со мною так не поступать, то уж так и быть, перестану браниться. А все-таки — подвели Вы меня.

Сильно рад, что Вам лучше. Когда приедете — черкните; когда переедете — тоже; да не забудьте сообщить новый свой адрес². Поклон от Варв<ары> Ник<олаевны>; привет Серафиме Павловне.

Ваш Р. Иванов.

Р. С. А корректурные листы «Крест<овых> сест<ер>» все-таки поскорее пришлите: они мне еще понадобятся в ближайшие дни.

Р. Ив<анов>.

¹ В анонимной заметке, составленной, по-видимому, со слов Ремизова, сообщалось: «А. М. Ремизов, проведя некоторое время в течение этого лета в Финляндии, поселился на небольшом пустынном острове Вандрок (в группе Аландских островов) в нанятом доме, в семействе Г. Иванова-Разумника. Остров совершенно безлюдный, жителей — один рыбак. Густой лес, скалы и песок. Много грибов и брусники и... ни следа цивилизации. Нет ни почты, ни лавок, ни аптеки, ни врачей. Провизию добывали с мимо идущих пароходов. За лето А. М. Ремизов написал большую повесть “Крестовые сестры”, которая пойдет в ближайшем альманахе “Шиповника”» (Утро России. 1910. № 242. 5 сентября. С. 4).

² 18 сентября 1910 г. в письме к Рязановскому Ремизов сообщал: «Со вторника адрес мой: Таврическая Зв, кв. 23 (д. Хренова)» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 31. Л. 12).

23-IX-1910.
Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович,

переехали ли уже Вы? Думаю, что да, а потому и пишу Вам; адрес не твердо знаю.

Ну, кончил я писать о Вас — хотя и не использовал всего материала. Сперва написал небольшую заметку (строк так на 200) в «Киевские Вести»; если интересно — пришло Вам (напечатана в № 253, от 21 сент<ября>)¹. Днем-двумя раньше, а может быть и в тот же день, еще не знаю, напечатали «Русск<ие> Вед<омости>» мою большую статью о «Кр<естовых> с<естрах>»; ее пришло Вам на днях. Наконец, вчера отослал в «Речь» самую большую статью вообще о А. Ремизове; когда напечатают — не знаю². У них там уже давно лежит статья Шестова о Джемсе³.

А по поводу «Кр<естовых> с<естер>» я еще с Вами говорить буду. Я их еще раз перечитал, вместе с рукописными редакциями; есть два-три возражения, о которых я не говорил в статьях. Кстати, во 2-ой редакции встретил я знакомых: «Ломоносова из немцев»⁴ и какой-то учитель, вылитый В. В.⁵ Хорошо, что Ломоносова зачеркнули — а то Лемке прямо бы съел меня живьем!

Теперь вот что: немедленно по получении этого моего письма, садитесь к столу и черкайте* мне ответ на следующий вопрос: пойдете Вы в Субботу в «Шиповник» слушать «Океан»⁶? Я получил от них официальное приглашение⁷ — и пошел бы, если бы была у меня там хоть одна душа живая знакомой. Пойдемте, а? Если да, то в Субботу я зайду к Вам вечером часов в 8–9, а потом вместе поедем. От «Океана» я многого не жду, если ошибаюсь — тем приятнее, если нет — уедем незаметно хоть в начале. — Если Вы официального приглашения не получали — ничего: ведь Вы у них *persona grata***⁸, а я — незнакомец.

Привет Серафиме Павловне; поклон от Варвары Николаевны. Когда же к нам в Царское Село?

Ваш Р. Иванов.

¹ В статье, вышедшей под заголовком «“Крестовые сестры”». Статья Иванова-Разумника» и подписанной: «Иванов-Разумник. Август 1910 г. Wandrock», говорилось, что новая повесть Алексея Ремизова «должна быть признана одним из самых выдающихся произведений последнего времени» (Киевские вести. 1910. 21 сентября. № 253. С. 2).

* В первом слове над буквой «е» Ивановым-Разумником приписано «и?».

** желательная персона (лат.)

² Имеется в виду статья «Между “Святой Русью” и обезьяной (Творчество Алексея Ремизова)» (Речь. 1910. № 279. 11 октября. С. 2–3).

³ Американский философ, представитель прагматизма Уильям Джемс (1842–1910) скончался 26 августа. См.: *Шестов Л.* Логика религиозного творчества (Памяти Виллиама Джемса) // Речь. 1910. № 298. 30 октября. С. 3; № 300. 1 ноября. С. 3; а также: *Шестов Л.* Собр. соч. Т. VI. Великие кануны. СПб.: Шиповник, 1910. С. 291–314.

⁴ В ранней редакции «Крестовых сестер», над которой Ремизов работал в июле 1910 г. в имени Жданы (см.: п. 12, прим. 5), в значительной степени были усилены автобиографические мотивы в построении образа главного героя, благодаря детальному описанию реальной жизненной ситуации писателя. Так, во фрагменте, впоследствии не вошедшем в основной текст, фигурирует персонаж, прототипом которого послужил М. К. Лемке (См.: п. 9., прим. 1): «У Маракулина после летней удачи с перепискою опять ничего не было. Случилось в это время в Петербурге перепись автомобилей, велосипедов и собак. <...> И с неделю ходил он по всяким бурковым и бельгийским дворам собак считал и что-то рублей семь получил <...> После собак Маракулин уж составлял каталог детских книг и, с детьми покончив, за какой-то пименной указатель принялся. причем в первый раз увидел и, должно быть, немаловажное, лицо в книжном деле, по фамилии в роде Ломоносов, из немцев. Этот Ломоносов, сделав указания для указателя и, предложив гроши, дружески распростился с Маракулиным: — Восемь часов работать, восемь часов отдыхать, восемь часов спать — дружески сказал Ломоносов из немцев и чем-то напомнил Маракулину того московского претава, который после одного несчастного столкновения, препровождая Маракулина с городовым в участок, не менее дружески распростился: — Почетный гражданин Маракулин, пожалуйста в участок, — дружески сказал тогда пристав, ну ей Богу, совсем, как теперь этот Ломоносов о восьми часах» (ИРЛИ. Ф. 79. Незабранная часть архива).

⁵ Подразумевается «старый русский литератор» Лымарев — персонаж из шестой главы ранней редакции, не сохраненный в каноническом тексте «Крестовых сестер» (ИРЛИ. Ф. 79. Незабранная часть архива). По-видимому, повышенное внимание этого героя к вопросам семьи, деторождения и пола вызвало у Иванова-Разумника ассоциацию, связанную с интересами и особенностями характера В. В. Розанова. Ср.: «Душа и пол <...> для него идентичны, тождественны; и именно исходя из “пола” входит В. Розанов в Душу Мира, подходит к Великому Пану, Великому Целому. П о л для В. Розанова — это все, то Рāп, всеобщий синтез» (*Иванов-Разумник*. Т. II. Творчество и критика. СПб.: «Прометей», <1911>).

⁶ См.: *Андреев Л.* Океан. Трагедия в 7 картинах. СПб.: «Прометей», <1911>. Подробнее о вечере см.: *Иванова Л. Н.* К биографии Л. Н. Андреева (по материалам коллекции Ф. Ф. Фидлера) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1998. С. 42–51.

⁷ См.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 220. Л. 8.

26–IX–1910.

Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Алексей Михайлович, посылаю Вам гранки со статьей Пришвина¹. Да где он сам, кстати? Когда увидите его — поклонитесь от меня и скажите, что сильно мне понравился этот его рассказ (— положим не рассказ, а что-то «путевое» — и очень «путёвое», пусть извинит за неудачный каламбур). А еще скажите, что очень рад был бы его у себя повидать, а если он ждет моего посещения — то и к нему заехать, когда сообщит адрес. И, наконец, — что-мол не забыл ли он своего обещания прислать мне свою первую книгу («В стране непуганых птиц»)². Вот, значит, Вам поручения.

От «Океана» ушел я вчера на середине третьей картины³. Совсем чужда мне эта вещь, — хотя, по-видимому, «сценична» и может иметь успех на сцене. Язык — невозможный, с самого же начала; все эти «безграничные просторы», «мглыстые сумерки» и не помню еще что — прямо оскорбляют слух; хорошо когда-то писал Мережковский обо всех этих «валерьяновых каплях» в творчестве Андреева⁴. А большой талант и настоящий русский, дубовый: тят да ляп — и вышел корабль Хаггарта⁵. Не понравилось.

Разговаривал вчера с Венгеровым — сами слышали, как он отозвался о «Кр<естовых> с<естрах>». Уж если такие старозаветные люди восчувствовали — это много значит. Расскажите-ка теперь Вы мне, что Вы слышали вчера и от кого о своей повести? С Андреевым не говорили?⁶

Курьезный диалог произошел вчера у меня с Сологубом. Я его не сразу узнал (не привык видеть бритого) и сказал ему об этом. Он иронически ответил мне, что-де и я тоже со времени нашей последней встречи лишился бороды и добавил: «ну что же, теперь нам полагается сказать друг другу: как вы помолодели!» — А меня какой-то мелкий бесенок дернул ответить ему: «нет, не стоит — я и без того чувствую себя молодым...» Он отошел с кислым видом, а я ей-же-ей не хотел обидеть старичка: просто не нравится он мне в своем новом виде, да и только⁷.

Сегодня прочел фельетон Чуковского о Вас. Пошло, поехал! — началась «неделя о Ремизове». Чуковский, конечно, по обыкновению своему вытянул щипцами ту черту «страха», которая действительно есть в творчестве Алексея Ремизова; он как бы — смотрит во все глаза на попавшееся ему красное пятно и прет напролом, не замечая ничего ни справа, ни слева. Если бы я вздумал писать статью о самом Чуковском, то назвал бы ее «Талантливая ограниченность»: он не без талан-

та, но очень ограничен. Сколько вздору наговорил он сегодня, например, что Ремизов *ненавидит* Маракулина *до* его злоключений! Да и вообще много другого — писать об этом не стоит. Апология Холмогоровой — вся его статья⁸.

Я сегодня сделал себе праздник, — отдыхаю, читаю, пишу письма; оттого и Вам написалось такое большое. Черкните о своих вчерашних впечатлениях. Кланяйтесь Серафиме Павловне; обнимаю Вас; до свидания

Ваш Р. Иванов.

¹ Речь идет о рассказе Михаила Михайловича Пришвина (1873–1954) «Черный араб. Степные эскизы» (Русская мысль. 1910. № 11. С. 89–118). Вычитанную корректуру рассказа 1 октября 1910 г. Ремизов отослал в «Русскую мысль» В. Я. Брюсову. Подробнее см.: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 173–174.

² *Пришвин М. М.* В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края. СПб: изд. А. Ф. Девриена, 1907.

³ Публичное чтение пьесы, которое состоялось 25 сентября, освещалось рядом газет. В заметке «Андреевский “Океан”» (Утро России. 1910. 24 сентября. № 256. С. 2) подробно пересказывалось содержание пьесы. Отчет «Чтение “Океана”» появился в «Утре России» спустя два дня (26 сентября. № 258. С. 3): «Вчера вечером в помещении редакции книгоиздательства “Шиповник” состоялось чтение новой пьесы Л. Андреева “Океан”. Собралось около 100 представителей петербургского литературного, артистического и художественного мира, в том числе сам Л. Андреев, Ф. Сологуб, Н. Морозов, И. Репин, Тан, Ремизов, художник Добужинский и др. Пьесу читал артист Александринского театра Ходотов. Несмотря на то, что присутствующие условились не выражать ни одобрения, ни порицания, после каждого перерыва в чтении раздавались шумные аплодисменты. После окончания пьесы на особом листе желающим было предложено охарактеризовать пьесу в нескольких словах. Сам Андреев написал следующее: “Сегодня в первый раз слушал “Океан”, Звучит странно, как мое: печаль моя. Леонид Андреев”. Николай Морозов охарактеризовал “Океан” двумя словами: “вперед”, “ввысь”. Поздно ночью начались прения». Газета «Речь» сообщила, что в прениях «под председательством С. А. Венгерова выступали Арабажин, Боцяновский, Морозов, Рейсер» (*Любош С.* На чтении «Океана» // Речь. 1910. 27 сентября. № 265. С. 3). См. также: *В-н О.* «Океан». Новая пьеса Л. Андреева // Речь. 1910. 25 сентября. № 263. С. 3; *Чуковский К.* Устрицы и океан // Речь. 1910. 20 марта. № 77. С. 3; *Игнатов И.* Литературные отголоски («Океан» Леонида Андреева) // Русские ведомости. 1911. 23 марта. № 67. С. 3; *Безобразов П.* Океан слов // Одесский листок. 1911. 12 мая. № 108. С. 1. Среди приглашенных на чтение был и Ремизов, о чем он позже вспоминал: «В 1910 в альманахе “Шиповник” № 13 появились “Крестовые сестры”. По случаю выхода альманаха вечер в “Шиповнике”. Меня пригласили. Народу набито. Актер Ходотов читает новую пьесу Леонида Андреева “Океан”. Я в другой комнате. Чтение томительно, Ходотов хочет передать Океан в тихую погоду — акт — ни автор, ни Ходотов не жили на океане. Ходотов читал час» (*Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С. 35).

⁴ Характеризуя литературный стиль Леонида Николаевича Андреева (1871–1919), Мережковский назвал его «красноречием дурного вкуса»: «Для моего человеческого носа тут запах валерьяны слишком чувствителен. И где бы я ни открыл книгу <Андреева — Е. О. и В. Б.>, мелькают все те же цветы красноречия, подобные цветам провинциальных обоев. Не живые сочетания, а мертвая пыль слов, книжный сор. Слова, налитые не огнем и кровью, а типографскими чернилами» (*Мережковский Д.* В обезьяньих лапах. О Леониде Андрееве // *Русская мысль.* 1908. Январь. С. 76).

⁵ Главный герой трагедии «Океан», корсар.

⁶ Суждения Л. Андреева в свое время решающим образом повлияли на творческую судьбу Ремизова. Именно благодаря Андрееву 8 сентября 1902 г. в газете «Курьер» состоялась его первая публикация («Плач девушки перед замужеством» под псевд. Николай Молдаванов). В письме к П. Е. Щеголеву 11 ноября 1902 г. Ремизов так описывал свое знакомство с уже известным писателем: «Сегодня был у Андреева: в блузе, черных шароварах и лакированных сапогах, подвижный, с чистым выговором <...> Принял очень приветливо» (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479–1610. Л. 18). Хотя к 1910 г. Андреев относился к творчеству Ремизова сдержанно (*Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С. 37–38), сам факт публикации «Крестовых сестер» в Альманахе «Шиповник» в немалой степени был определен его авторитетным мнением (Там же. С. 33–34). О разговоре с Андреевым на чтении «Океана» Ремизов вспоминал: «Леонид Андреев подал мне руку. — Читал, — задумчиво выговорилось и скорбью наполнил взгляд. — Что-то у вас там... Мне послышалось “магия”» (Там же. С. 35).

⁷ Федор Сологуб (наст. имя Федор Кузьмич Тетерников; 1863–1927). Ср.: «Женившись и обрившись, Сологуб разучился по-сологубовски любить Смерть и ненавидеть Жизнь» (*Блок А.* Собр. соч. в 8 т. Т. 7. М., 1963. С. 185; запись от 27 ноября 1912 г.).

⁸ Корней Чуковский (наст. имя Николай Васильевич Корнейчуков; 1882–1969) в статье «Для чего мы живем» (Речь. 1910. 26 сентября. № 264. С. 3) назвал главной движущей силой психологии и мировоззрения героев повести «Крестовые сестры» — страх: «Мы думали, Ремизов просто запуганный человек, любящий пугать и пугаться, а он оказывается, апологет, проповедник страха, он верует в страх, как в лекарство, как в чудодейственное средство для выправления, выпрямления человеческих душ». Принимая глубинную экзистенциальную тему повести за экзальтацию, Чуковский осознанно упростил мотивы поведения ее героев. Иванов-Разумник посчитал, будто образ генеральши Холмогоровой, воплощавший в «Крестовых сестрах» самодовольную и тупую сытость, получил в критической статье житейское оправдание. Примечательно, что спустя 34 года, в письме к А. Л. Бему (от 3 октября 1944 г.) Иванов-Разумник упомянет героиню «Крестовых сестер» не без легкой иронии и вполне в позитивном контексте: «Как здоровье Ваше? Полагаю, что у нас у всех теперь физическое состояние во многом зависит от душевного, если не от духовного. Нервы у всех напряжены до отказа, — о каком же тут здоровье можно говорить! Но тем более не надо запускать и физической стороны; всегда завидовал генеральше Холмогоровой (из “Крестовых сестер”) за ее непреоборимую способность есть, пить и закаляться» (Прага. Литературный архив Музея национальной литературы. Фонд А. Л. Бема).

10-X-1910.

Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Алексей Михайлович,

я, вероятно, еще не скоро буду в Петербурге; поэтому отправьте, пожалуйста, «Указатель»¹ в типографию, к Лемке (Васильев<ский> Остр<ов>, 5 лин<ия>, д. 28). Отправьте с посылным, <за> мой счет, NB — хорошо заметьте № посылного. Лучше бы, конечно, самому отвезти, да мне времени нет, а Вас совестно об этом просить. Ну да ведь и с посылным не пропадет.

Получил я сегодня письмо от Шестова: о нем в следующий раз. Черкните мне о своих впечатлениях и встречах <в> Интермедий² и Философско-Религиозном Обществе³.

Просьба к Вам — сделайте мне еще подарок: исправленные оригиналы повестей, которые сдаете в «Шиповник»⁴. Ведь из типографии возвращают текст? А мне очень пригодится со временем.

Серафиме Павловне кланяюсь.

Ваш Р. Иванов.

P. S. Напишите, что было после моего ухода в «Шиповнике»? Я сильно боялся потом, чтобы без меня они снова не пошли на попятный⁵.

¹ См.: п. 9, прим. 2.

² Имеется в виду театр-кабаре «Дом Интермедий» (Галерная ул., 33), который для его организатора В. Э. Мейерхольда был продолжением театра «Лукоморье» (См.: п. 5, прим. 7; подробнее см.: *Тихвинская Л. И.* Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. С. 37–47; 69–86). Открытие «Дома Интермедий» было намечено на 10 октября 1910 г., а затем перенесено на 12 октября. В этой связи газета «Речь» сообщала: «Зрительный зал вполне приспособлен к оригинальным постановкам этого театра. Места для публики не отделены от сцены, и представление будет происходить на подмостках, являющихся продолжением зрительного зала. Для открытия идет “Пролог” М. А. Кузмина и “Шарф Коломбины” А. Шницлера. Предназначена также к постановке пьеса Гуго Гофмансталя “Белый верер”» (1910. 10 октября. № 278. С. 4). На представлении 12 октября была сыграна пантомима А. Шницлера.

³ 13 октября 1910 г. на очередном заседании Санкт-Петербургского религиозно-философского общества был заслушан доклад Д. В. Философова «Желательна ли анкета по религиозному вопросу?». См.: *Каблуков С. П.* Дневник 1910 г. (16 августа — 31 октября) // РНБ. Ф. 322. № 11. Л. 139; а также: *Н. О.* В религиозно-философском обществе // Речь. 1910. 16 октября. № 284. С. 6.

⁴ Речь идет о рукописях, предназначенных для собрания сочинений А. М. Ремизова. В необработанной части архива Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79) находятся наборные рукописи трех первых томов, выпущенных «Шиповником» в апреле 1910 и в августе 1911 г. г., наборная руко-

пись тома «Сказки», обозначенная как т. IV (был издан в 1911 г. как т. VI), а также наборная рукопись восьмого тома «Русальные действия», вышедшего уже в издательстве «Сирин» в 1912 году.

⁵ Иванов-Разумник неоднократно ходатайствовал за Ремизова в издательстве «Шиповник», в частности, об издании собрания сочинений писателя. 10 октября 1910 г. Ремизов подписал договор с главой издательства «Шиповник» С. Ю. Копельманом, согласно условиям которого писатель обязался до 1 января 1918 г. «не печатать ни где и не под каким видом, помимо “Шиповника” своих книг и не приступать к полному собранию своих сочинений» (РНБ. Ф. 634. № 129. Л. 9).

18.

15 апр<еля> 1911.

Ц<арское> С<ло>.

Ведь вот какая история вышла, дорогой Алексей Михайлович: я сообщаю Вам, что гонорар из «Русск<их> Вед<омостей>» Вы получите на днях, а Вы хотите получить обратно «Рождество»¹. — Конечно, взять следует — по причинам экономическим; но тут уж Вы действуйте сами: мне неловко перед Игнатовым. Советую сделать так: завтра Вы получите из «Р<усских> В<едомостей>» сто рублей, завтра же и отошлите их *Илье Николаевичу Игнатову* (Москва, Чернышевский пер., д. 7; редакция «Русских Ведомостей»), а на обороте перевода напишите пару строк благодарственных, пару строк извинительных, и третью пару строк — просительных... Так мол и так — нужна рукопись обратно, а я-де пришлю Вам к декабрю другую вещь, тоже-де очень хорошую... Выйдет и им приятно, и Вам необходимо.

Только что получил Вашу телеграмму и уже ответил на нее. Простудились слегка, сидим дома, никуда не выезжаем. А что у Вас сегодня такое? Гости, чтение, дела? Если что-нибудь важное и спешное — о Наташе², например, — то приезжайте к нам поскорее. Я до среды (20-го) не буду в Петербурге, а в Среду зайду к Вам как всегда — около 12 ч<асов>, если Вы и Серафима Павловна не соберетесь к нам до того.

От Пришвина только что получил вырезку из газеты «Колокол», где какой-то поп, подписавшийся «мирянном», бранит его и меня сквернейшими словами. Поп глупый, а стильно написано³.

Ну так черкните, если что важное. До свидания в Царском или Петербурге. Варвара Николаевна кланяется.

Ваш Р. Иванов.

¹ Рассказ Ремизова «Рождество Христово. Отреченная повесть», отвергнутый в январе 1911 г. журналом «Русская мысль», был послан в газету «Русские ведомости», где его приняли для рождественского номера. Такое решение редакции вызвало желание автора найти более скорый и выгодный вариант публикации (См.: Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. С. 210–211; Переписка с П. Б. Струве // Там же. С. 312, 315; Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 181). Рассказ, тем не менее, увидел свет в рождественском номере «Русских ведомостей» (1911. 25 декабря. № 297. С. 2).

² Наталья Алексеевна Ремизова (1904–1943) — дочь Ремизовых. Почти все детские годы прожила в имении родителей С.П. Ремизовой-Довгелло в Берестовце (См. о ней: *Резникова Н. В.* Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 44–59; *Бунич-Ремизов Б. Б.* Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 267–272).

³ Публицист и литературный критик Н. А. Энгельгардт в цикле статей «Боги зеленые», опубликованных в разделе «Отклики» под псевдонимом *Мирянин* (Колокол. 1911. 13 февраля. № 1466; 17 февраля. № 1469; 27 февраля. № 1477; 3 марта. № 1480), обрушился с черносотенной критикой в адрес «либералов и радикалов, кадетов и кадетоидов и всего жидо-польско-армянско-чухонского кагала», а также «жидовствующих разумников из “Речи”», проповедующих антихристианство. Вероятно, Пришвин прислал Иванову-Разумнику первую статью из этого цикла, обличающую «грязные, ужасающие кощунства из фельетона “писателя” г. Иванова-Разумника “Великий Пан” в “Речи”». Здесь, в частности, утверждалось: «Ясно теперь, кого провозглашают, кого проповедуют всякие Безумники Разумники! Их “светлый”, “зеленый” их “великий пан”, что “светло и радостно” провозглашает “ни в чем греха нет”, очевидно есть антихрист. Ясно это и из того, что христианство нашими хулителями народной веры обозначается как “противоположное мировоззрение”» (№ 1466. С. 1).

19.

17 апреля 1911.

Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Алексей Михайлович,

буду у Вас в Среду — около 11 — 1 ч<аса> дня. А пока имею к Вам следующее дело:

Была у меня сегодня известная Вам д<окто>р Гедройц¹. Узнав, что Вы едете «покорять сердце Европы за полтора рубля с огурцами»² (завидую я Вам и очень рад за Вас, что попадете Вы в Париж) — она *советует* Вам и *предлагает* Вам следующее:

Непременно быть у проф<ессора> Ру (в Лозанне*), главного специалиста по хирургическому лечению болезней желудка³. Она даст Вам письмо к Ру, и визит к нему Вам будет стоить 5 франков. Если Ру

* Сверху Ивановым-Разумником приписано: *кажется*.

найдет (что почти несомненно), что никакого хирургического вмешательства не надо, то она направит Вас к проф. Бурже — в той же Лозанне. К этому Бурже она тоже даст Вам письмо. Бурже — специалист по желудочным болезням и, по ее словам (кое-что я слышал и раньше) — величайший европейский авторитет в этой области.

Если желаете получить от Гедройц эти письма, то или немедленно телеграфируйте мне: «жду писем», или поговорите по телефону с самой Гедройц. Для этого потребуйте соединения с Царским Селом, с квартирой доктора Гедройц. — Лучше — телеграфируйте мне; тогда я в Среду привезу Вам и рекомендательные письма и словесные указания. Советую воспользоваться случаем.

Ну, до свидания, счастливые люди. Эх, как бы мы с Варв<арой> Ник<олаевной> хотели присоединиться к Вашей поездке, побывать в Париже, Швейцарии, Италии! А вась еще когда-нибудь вместе поедем.

Пока — до свидания — до Среды.

Ваш Р. Иванов.

¹ Вера Игнатьевна Гедройц (лит. псевд. Сергей Гедройц; 1876–1932) — поэтесса, прозаик, врач; с 1909 г. ординатор Царскосельского дворцового госпиталя. О ее встречах с Ивановым-Разумником см.: Новое о Сергее Гедройц / Предисл., публ. и комм. А. Г. Меца // Лица. Биографический альманах. 1. М.—СПб., 1992. С. 291–316.

² Ср. с репликой Маракулина из последней главы «Крестовых сестер»: «Петр Алексеевич, — сказал он, обращаясь к памятнику. — Ваше императорское величество, русский народ настой из лошадиного навоза пьет и покоряет сердце Европы за полтора рубля с огурцами. Больше я ничего не имею сказать!».

³ Цезарь Ру (1857–1934) — профессор кафедры оперативной хирургии в Лозанне, Швейцария. После окончания в 1898 г. медицинского факультета Лозаннского университета В. Н. Гедройц работала ассистентом в клинике проф. Ру.

20.

2/15 мая 1911.

Дорогой Алексей Михайлович,

сиджу за Вашим столом и пишу на Вашей бумаге¹. Сегодня я первый раз собрался к Вам, по пути в пыпинский архив². Все у Вас благополучно; куча газет, штук 5 писем, которые я возьму с собою и завтра перешлю Вам заказным пакетом.

Письмо Ваше получил. Поступаете Вы правильно: раз попали в Париж, то надо исчерпать его до дна — когда еще придется быть там вторично. Значит никакая Волга Вам теперь не нужна; а мы взяли дачу в Териоках — большую, хорошую, в большом сосновом лесу и в пяти минутах от моря. Когда вернетесь в Питер, то приедете погос-

тить к нам, как в прошлом году на Вандрок. Только уж это, разумеется, будет не то: дачное место, а не наш дикий и милый робиноновский остров. — Впрочем, будем иметь собственную лодку и купальню — это к сведению Серафимы Павловны. Переедем в Терноки между 10 и 15 мая; адрес тогда сообщу.

Дела Ваши выполнил с небольшим запозданием. «Георгия»³ мог отдать переписывать только 23 апр<еля>, и перепищица немного затянула дело: только завтра кончит и отошлет Сенилову⁴ списанное, а мне — оригинал. Я перечту его и тотчас же отошлю к Брюсову, вместе с Вашим письмом⁵.

Анне Марковне⁶ пишу о даче.

Ваша Броня⁷ спрашивала меня сегодня о дне Вашего приезда; я отозвался незнанием, т. к. во-первых, действительно не знаю, а во-вторых, известите ее об этом сами, или дайте мне полномочия.

Кстати: перевода из *Русск<их> Вед<омостей>* нет. Вы им писали что-нибудь? Если нет, и если деньги Вам нужны, то черкните мне — я сейчас же напишу Игнатову, и деньги немедленно будут высланы Вам в Париж.

Пока до свидания. У нас в семье время после Вашего отъезда было не веселое. Лева заболел корью и наделал нам много хлопот. Теперь поправляется.

Всего лучшего. Привет от Варв<ары> Нпк<олаевны> и меня Серафиме Павловне. Кланяйтесь Парижу.

Ваш Р. Иванов.

¹ Во время путешествия Ремизовых Иванов-Разумник присматривал за их квартирой.

² Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) — автор 1200 работ по истории древней и новой литературы, палеографии, фольклору; специалист по истории русской общественной мысли. Во время подготовки книги «Белинский, его жизнь и переписка» собрал значительное количество материалов (автографы и копии писем, рукописи), относящихся к творческой биографии критика (См.: *Ухмылова Т.* Материалы о Белинском из архива А. Н. Пыпина // Литературное наследство. Т. 57. В. Г. Белинский. Кн. 3. М., 1951. С. 303 — 319). После смерти ученого архив хранился у наследников, в частности, у его дочери — В. А. Пыпиной, мужем которой был коллега и продолжатель научных изысканий А. Н. Пыпина — Е. А. Ляцкий. Иванов-Разумник в письме от 31 января 1911 г. обратился к Ляцкому с просьбой: «Вот уже два года, как я занимаюсь внимательным изучением Белинского; первым результатом этих занятий явилось вышедшее недавно собрание сочинений Белинского с моими статьями, заметками и примечаниями. — Продолжая эти занятия, встретился с необходимостью обратиться к подлинной переписке Белинского — особенно его письмам к Боткину. Не будете ли Вы так любезны сообщить

мне — имеются ли в архиве покойного А. Н. Пыпина подлинники этих писем или хотя бы полные копии их? — Во втором редактированном Вами издании книги А. Н. Пыпина о Белинском — был целый ряд дополнений в этих письмах: быть может остались еще и неопубликованные дополнения? <...> был бы Вам очень обязан, если бы Вы <...> сообщили мне — могу ли я надеяться найти в архиве А. Н. Пыпина нужные материалы? И вообще — разрешат ли владельцы архива мне ознакомиться с той частью этого архива, которая имеет отношение к Белинскому?» (ИРЛП. Ф. 163. Оп. 2. № 211. Л. 5–6). В течение весны 1911 г. Иванов-Разумник периодически работал с материалами пыпинского архива. В самом начале 1912 г. он писал Ляцкому: «<...> только теперь могу послать Вам мои новые книги — и особенно одну из них (“Великие искания”), в предисловии к которой Вы найдете печатно выраженную ту благодарность, которую я еще весной лично просил Вас передать наследникам А. Н. Пыпина. — Думаю, что эта моя книжка о Белинском не только не может повредить, но наоборот усилит интерес читателей к опубликованно полностью писем Белинского о» (Там же. Л. 14). «Великие искания» составили т. III Соч. Иванова-Разумника (СПб.: «Прометей», <1911>). В предисловии к книге, датированном октябрем 1911 г., автор писал: «Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность наследникам А. Н. Пыпина, любезно разрешившим мне изучить неизданные еще письма Белинского, собранные покойным академиком и хранящихся в его архиве. Нельзя не пожелать, чтобы собрание этих писем возможно скорее было издано полностью; только тогда великие искания Белинского станут во всю величину перед читателями» (Там же. С. 2). См. также рецензию Иванова-Разумника «Письма Белинского» на 3-х томное издание писем В. Г. Белинского под ред. Е. А. Ляцкого (СПб., 1913): Заветы. 1913. Отд. II. С. 184–186.

³ Речь идет о драматическом произведении «Действо о Георгии Храбром», которое впервые было опубликовано в конце 1911 г. в «Литературном альманахе» (СПб.: Изд. журнала «Аполлон», 1912. С. 117–162); затем, включенное в т. 8 «Сочинений» Ремизова (СПб.: «Сирин»), вышло в свет в октябре 1912 г.

⁴ Владимир Алексеевич Сенилов (1875–1918) — композитор, автор не получившей сценического воплощения оперы «Георгий Храбрый»; другое название: «Музыкальное действо о Георгии Храбром; текст А. М. Ремизова» (1913). См.: *Тюнев Б. В. А. Сенилов (Материалы) // Русская музыкальная газета. 1916. № 8–9. С. 170–175. Ср. с автографом на т. 8 «Сочинений»: «Владимиру Алексеевичу Сенилову, написавшему оперу на Егория Храброго. А. Ремизов. 1913 г. 14/27. III» (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 181).*

⁵ Текст пьесы и письмо Ремизова к В. Я. Брюсову, датированное 20 апреля 1911 г., в котором он предложил «Действо о Георгии Храбром» для публикации в «Русской мысли», было отправлено Ивановым-Разумником 13 мая 1911 г. (См.: Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. С. 213).

⁶ Анна Марковна Левина, жена Д. А. Левина. См. о ней: *Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. С. 16–17.*

⁷ Вероятно, домашняя работница Ремизовых.

Финляндия.

3/16 июня 1911.

Станция *Териоки*

Новые Места, дача Калачевой, № 4.

Дорогой Алексей Михайлович,

последнюю Вашу открытку получил я в день отъезда из Царского. Вот уже неделя, как мы в Териоках; дачка милая и уединенная, хотя и близко моря. Как вернетесь с Серафимой Павловной из Парижа — быть может погостите у нас. При даче очень большой сад — почти лес.

Сию и работаю — по утрам; остальное время провожу по-летнему — в разных «диких занятиях и работах», как помните, на Вандроке. Вот даже и письмо не пишется. Напишите хоть Вы. Желая Вам скорее кончить «Пруд»¹ и пожить в Париже без дела.

Посылаю свою статейку об Ал. Толстом № 2²; Варв<ара> Ник<олаевна> шлет Серафиме Павловне привет.

Ваш Р. Иванов.

¹ Летом 1911 г., находясь в Париже, Ремизов готовил к изданию третью редакцию романа «Пруд». См. также: п. 23, прим. 1.

² «Молодые силы (О XV альманахе «Шиповника»)» (Русские ведомости. 1911. № 15. С. 3). Позже в переработанном виде вошла в т. II Сочинений Иванова-Разумника «Творчество и критика» под заглавием «Алексей Толстой № 2-й» (СПб.: «Прометей», [1911]. С. 71–79).

Алексею Михайловичу Ремизову.

Дорогой Алексей Михайлович,

сию цыдулочку включаю в письмо к Льву Исааковичу, полагая, что Вы проедете через Соррет¹.

Вот Вам отчет о всех поручениях:

Пришвину все нужное сообщено.

«Аполлону» адрес Пришвина послан².

«Геоorgia» здесь не получал; вероятно, он ждет меня в Царском, куда я еду через 5–6 дней. Итак, Брюсов его не принял³: очевидно, надо было побереечь место для какого-нибудь романа Миртовой или Сергеенко⁴. Ай-да Брюсов!

Серафиме Павловне наш общий привет. Тут у нас море в пяти минутах, и будка своя (да и лодка есть). Пусть имеет в виду. К 10/23 июля к нам приедет и Николай Николаевич⁵, так что все вандрокское общество будет в сборе.

Адрес Форш:⁹ Ялта; Заречье. Дача генеральши Комаровой. — Я ей на лето «заказал» написать книгу сказок для детей, с собственными рисунками. Пишет и рисует. Кое-что я видел — очень мило. Осенью можно будет в печать пристроить у Девриена или у Вольфа⁶.

Самя теперь все Мережковского читаю, — заканчиваю. Надоел он мне до невыносимости: шутка ли, одолеть его 20 томов⁷! Во вторую половину лета буду отдыхать — перечитывать Л. Толстого⁸.

До скорого свидания. Вероятно, это последнее письмо мое к Вам за-границу.

Итак, приезжайте.

Ваш Р. Иванов.

21/VI–3/VII–1911.

Финляндия.

Станц<ия> *Териоки*

Новые Места, дача Калачевой, № 4.

¹ Летом 1911 года Ремизов из Парижа направился в Швейцарию для врачебных консультаций (см.: п. 19, прим. 3), где останавливался в Коппе у Л. Шестова с 22 июня по 4 июля.

² Символистски ориентированный литературно-художественный журнал «Аполлон» (1909–1918), в котором с начала 1910-х гг. происходило постепенное переосмысление художественных задач модернизма, стремился расширить круг своих авторов, привлекая писателей-реалистов «новой волны». См.: *Корецкая И. В.* «Аполлон» // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917. М., 1984. С. 230–242.

³ Имеется в виду полученное Ремизовым письмо от В. Брюсова, в котором он выражает сожаления в связи с невозможностью в текущем 1911 г. напечатать «Действо о Георгии Храбром» на страницах «Русской мысли» (См.: Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. С. 215–216).

⁴ Ольга Эммануиловна Негрескул-Котылева (1875–1939), писавшая под псевдонимом *О. Миртов*, и Петр Алексеевич Сергеевко (1854–1930), романы которых «Русская мысль» печатала в 1910–1911 гг..

⁵ Николай Николаевич Оттенберг (1878–1956) — брат В. Н. Ивановой.

⁶ Ольга Дмитриевна Форш (1873–1961), близкая кругу «Заветов» и «Скифов», запечатлела Иванова-Разумника в книге воспоминаний «Сумасшедший корабль» (1931) в образе Черномора, а Ремизова в книге «Ворон» (Л., 1934. С. 99–103; глава «За блошливым хвостом»).

⁷ Подразумеваются издательства Альфреда Федоровича Девриена, основанное в Петербурге в 1872 г., и Маврикия Осиповича Вольфа — «Товарищество М. О. Вольф». Сказки О. Форш «Духовик» и «Хитрые звери», иллюстрированные автором, были опубликованы в журналах «Тропинка» (1912. № 2. С. 100–120) и «Родник» (1912. № 2. С. 135–146). Книга сказок и рассказов

«Что кому нравится» вышла в московском издательстве И. Д. Сытина в 1914 г. с рисунками Л. Верховской.

⁸ Речь идет о статье «Мертвое мастерство», посвященной Д. С. Мережковскому. См.: *Иванов-Разумник*. Т. II. Творчество и критика. С. 110–179. Начало этой работе было положено двумя публикациями в газете «Русские ведомости» — «Пастырь без стада» (1911. 6 марта. № 53. С. 3) и «Мертвое мастерство» (1911. 27 марта. № 70. С. 4–5).

⁹ Книга Иванова-Разумника «Лев Толстой», законченная в октябре 1912 г., составила т. IV его Сочинений (1912).

23.

6 окт <ября> 1911.

Артек.

Дорогой Алексей Михайлович.

когда будете высылать мне отпечатанные листы «Пруда» — вышлите мне (поскорее) и первую редакцию¹, — Мигуришникову² закажите. «Часы» я внимательно читал параллельно в двух редакциях³: тоже сделаю и с «Прудом». Хочется проследить и читателям показать — эволюцию былого «декадентства». Не знаю только, подойдет ли статья моя для «Русск<их> Вед<омостей>», а больше нигде⁴. — Впрочем, пишут мне много из «Современника», но я с ними не вступил еще ни в какие сношения, и во всяком случае в журнале с июльским манифестом — работать не буду⁵. Разве только что у них еще какая-либо реформа произойдет. Впрочем, все это пока — между нами.

Напишите мне обещанное письмо «веселѣ». Да черкните, кстати, — что со Львом Исааковичем? Я уже два месяца жду от него письма — а сам посылал ему и простое, и заказное, и напоминающую открытку.

Здоровье Ваше, видимо, на-лад идет — хорошо. Эх, если бы Вам да сюда приехать! Здесь в имении — три пустые дома (т. е. «пустые» — от людей, а не от мебели), парк громадный, море... Хозяева имения Вам знакомы по «Вопросам Жизни» — Метальников⁶. Жена его писала мне, что-де была бы очень рада, если бы нашлись желающие воспользоваться пустыми домами. Ну-ка, подумайте с Серафимой Павловной. Я Пришвина звал — гостить к себе, а Вы рядом в отдельном доме заживете. Серьезно пишу.

Пишите и Вы мне — обо всем. Кланяемся Серафиме Павловне и Вам.

Ваш Р. Иванов.

¹ В конце октября 1911 г. в издательстве «Шиповник» вышла в свет третья редакция романа «Пруд» (впервые роман был напечатан в 1905 г. в журнале «Вопросы жизни» — с редакционными сокращениями; вторая редакция вышла отдельным изданием в 1908 г.: СПб.: «Стирус»). составившая т. 4 «Сочинений» Ремизова. Третья редакция романа, по мнению многих критиков и друзей писателя, представляла собой совершенно новое произведение, весьма отдаленно напоминающее его предшествующие варианты. См.: Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым // Русская литература. 1992. № 4. С. 105; Кузмин М. [Рец.] Сочинения А. Ремизова, т. 4. Роман «Пруд» // Аполлон. 1911. № 9. С. 74; Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 187. Сравнительный анализ второй и третьей редакций «Пруда» см.: *Shane A. Remizov's Prud: From Symbolism to Neo-Realism* // *California Slavic Studies*. 1971. Vol. VI. P. 75–78; 82. Подробнее об истории издания романа см.: *Ремизов А.* О разных книгах // Воля России. 1926. № 8/9. С. 231–232.

² Иван Иванович Митюрников — владелец книжного магазина в Санкт-Петербурге (Литейный пр., 31).

³ Роман Ремизова «Часы» впервые был опубликован в петербургском издательстве «EOS» в 1908 г.; затем со значительными изменениями был включен в т. 2 «Сочинений» (СПб.: «Шиповник». [1910]). Ср. с письмом Ремизова к П. Е. Щеголеву, в котором он отмечал собственную принципиальную установку на переработку каждого последующего издания: «Во Пт<оме> “Часы” в новой редакции. И все рассказы в прежнем виде не входят, хоть что-нибудь, а исправлю. Иначе не могу» (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479–1610. Л. 144).

⁴ Замысел не был осуществлен.

⁵ В связи с расширением состава редакции в июльском номере ежемесячного журнала литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни «Современник» был опубликован т. н. «новый манифест» («старый» — в № 1 за 1911 г.), в основном написанный В. М. Черновым, за исключением 30 начальных строк, принадлежавших А. В. Амфитеатрову (Подробнее см.: Переписка с А. В. Амфитеатровым / Вступ. ст. Н. И. Дкушиной; публ. и комм. С. И. Доморацкой, Ф. М. Иоффе, Е. Г. Коляды, А. Е. Погосовой // Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века. Незданная переписка. М., 1988. С. 320–321; 364–367). Несогласие Иванова-Разумника с «манифестом» могла вызвать заявленная здесь литературно-эстетическая программа журнала: «Под реалистическим искусством мы разумеем противоположность той манерности, которая в погоне за импрессионизмом теряет связь с нормальной восприимчивостью человека, испещряя художественное творчество затейливыми перолифами, понятными лишь для избранного кружка посвященных, да и то с грехом пополам. Этот изысканный, нарочный субъективизм творчества, избегающий общепонятный, наклонный к мистике и тайне, является в наших глазах весьма нездоровым продуктом нашего времени» (От редакции // Современник. 1911. Кн. 7. С. IV).

⁶ Сергей Иванович Мегальников (1870–1946) — биолог.

1 ноября 1911¹.
Гурзуф, Артек.

Дорогой Алексей Михайлович,

Напишите о себе. Давно не писал Вам: тихо здесь, уединенно, хорошо, — не пишется, лень. А Вы пишете. Что Берлин? Поедете? (или уже уехали?). Подождите до весны — вместе поедем². На лето планы у нас далекие и широкие — думаем соблазнить и Вас, и Серафиму Павловну, ей же кланяемся. — Получил «Пруд» первой редакции от Митюрникова, и второй — от «Шиповника»; попеняйте «Шиповнику», что прислали мне экземпляр вырезанный и перепечатанный, а не первоначальный. — Поблагодарите Чеботаревскую за книгу³. Скоро получите мою⁴. Не можете ли собрать для меня все последние нововременские хамства Розанова⁵? Если бы имел и знал их, прибавил бы еще страничку в статью о нем, — в той книге, которую получите⁶. — Что такое о Пришвине напечатано в «Современнике»? Мирлюбов⁸ извиняется, что-де «гадость» эта прошла без его ведома. Какая? — интересно. Напишите и об этом и вообще обо всем, что творится у Вас в Петербург вообще и на Таврической⁹ в частности.

«Пруд» новый прочесть не успел — сильно занят, но скоро приступлю.

Варвара Николаевна тоже ленится писать, как и я; а хотела спросить Серафиму Павловну о Наташе. Напишите.

Что у Вас с Лундбергом¹⁰? Шестов писал, что кошка пробежала. Быть может пробежала и уже убежала?

Напишите о судебном следователе и «обвинительном акте России»¹¹. Подвигается? Приеду — прочтите.

Приедем к 15 декабря. Пока напишите побольше — соскучился.

Ваш Р. Иванов.

¹ На обороте письма имеется черновая глаголическая запись, по-видимому, рукой Ремизова: «Аркадию Павловичу Зонову».

² С 25 сентября 1911 г по 14 июня 1912 г. Ремизовы безвыездно находились в Петербурге (См: РНБ. Ф. 634. № 3. Л. 15, 16). Не состоялась и их совместная с Ивановыми поездка летом 1912 г. В мае-июне 1912 г. Иванов-Разумник посетил Германию. Италию и Швейцарию.

³ Вероятно, сборник статей и заметок «О Федоре Сологубе. Критика» (СПб.: «Шиповник», 1911), составленный женой Сологуба — Анастасией Николаевной Чеботаревской (1876–1921). Статья Иванова-Разумника «Федор Сологуб» открывала книгу (С. 7–34).

⁴ Речь идет о втором томе сочинений Иванова-Разумника («Творчество и критика»), в котором была опубликована статья «Творчество А. Ремизова»

(С. 80–109), объединившая ранее опубликованные — «Бурков двор», «Между “Святой Русью” и обезьяной» и новый текст — «Святая Русь».

⁵ Подразумеваются публикации В. В. Розанова в газете А. С. Суворина «Новое время» (1901–1916), с репутацией печатного органа, потрафляющего обывательскому вкусу, националистическим настроениям и религиозному догматизму, в штате которой Розанов состоял с мая 1899 г. Сотрудничество с этой консервативной и одноязычной газетой давало повод для соответствующего отношения к писателю со стороны либерально-демократической интеллигенции. Тем не менее, именно этот печатный орган позволил ему, практически без ограничений выражать весь комплекс идей, связанный с вопросами пола, брака, религии и многое другое, что вызывало бурные полемике в кругах общественности (Подробнее см.: *Абрамович Н. Я.* Новое время и «соблазненные младенцы». В. В. Розанов // В. В. Розанов: Pro et contra. Антология. СПб., 1995. Кн. II. С. 220–222; а также: *Фатеев В. А.* Публицист с душой метафизика и мистика // Там же. Кн. I. С. 11–12). Ср. также с воспоминаниями А. З. Штейнберга о первых послереволюционных годах: «Перед тем, как их <комплекты “Нового времени” — Е. О. и В. Б.> сжигать, Разумник разворачивал каждый номер и просматривал, нет ли там статей Розанова. И если находил, то старательно вырезал и собирал, потому что все, что писал Розанов, было интересно, своеобразно, оригинально, а иногда и мудро» (*Штейнберг А. З.* Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991. С. 176).

⁶ См.: *Иванов-Разумник.* Юродивый русской литературы (В. В. Розанов) // Творчество и критика. С. 180–211. Вероятно, эта статья была инспирирована критическим откликом В. В. Розанова «И шутя и серьезно...» (Новое время. 1911. 31 марта. № 12590. С. 5) на газетные публикации Иванова-Разумника о Мережковском (См.: п. 22, прим. 8). Уязвленный «Юродивым русской литературы», Розанов ответил статьей «Бляха № 101», где назвал принципиальное отсутствие инициалов в публикациях Иванова-Разумника «безжалостным позитивизмом», подавляющим индивидуальность: «...Хочется чего-то симпатичного в литературе, с именем и даже с отчеством. “Может зашли бы выпить чайку”. С “Разумником” ничего нельзя “выпить”, можно сказать только — “принеси мне вещь”. И он “носит” на спине своей — Белинского, Михайловского, должно быть понесет скоро Лаврова, Огарева, Герцена» (Новое время. 1911. 17 декабря. № 12848. С. 17).

⁷ Имеется в виду анонимная рецензия на 15-ю книгу литературно-художественных альманахов «Шиповник», помещенная в обзоре «Новые книги» журнала «Современник» (1911. Кн. 8. С. 392–396). Трагический финал прищвинского рассказа «Крутоярский зверь» был интерпретирован следующим образом: «<...> звериная смерть придумана автором, очевидно, для того, чтобы слияние героя с природой довести до конца, но невольно кажется, что это придумано. “чтобы почуднее было”» (С. 396). Рецензия принадлежала одному из редакторов журнала — А. В. Амфитеатрову, что подтверждается его письмом к М. Горькому от 14 августа 1911 г., в котором имеются текстуальные совпадения с публикацией. См.: Литературное наследство. Т. 95. С. 332–333.

⁸ Виктор Сергеевич Миролубов (1860–1939) — издатель-редактор «Журнала для всех» (1899–1906), журнала «Трудовой путь» (1907–1908). В 1911 г.

Миролюбов редактировал журнал «Современник»; 1 ноября после конфликта с А. В. Амфитеатовым вышел вместе с В. М. Черновым из состава редакции (См.: Литературное наследство. Т. 95. С. 48–50). Позже принял участие в организации литературно-политического журнала «Заветы», куда был приглашен и Иванов-Разумник.

⁹ См.: п. 14, прим. 2.

¹⁰ Евгений Германович Лундберг (1887–1965). В 1910-х гг. Ремизов и Иванов-Разумник неоднократно содействовали публикации его рассказов и очерков в периодической печати Москвы и Петербурга. Знакомство Ремизова с Лундбергом состоялось в 1905 г. См.: Русская литература. 1992. № 2. С. 136; а также: *Ремизов А. Кукха. С. 36; На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. Антонеллы Д'Амелия // Europa Orientalis. 1990. Bd. IX. С. 462. О каком инциденте идет речь, установить не удалось.*

¹¹ Подразумевается следователь Бобров — главный герой повести Ремизова «Пятая язва» (Альманах издательства «Шиповник». Кн. 18. СПб., 1912) и его обличительное сочинение — «плач над разоренностью земли русской о погибели русского народа».

25.

17 ноября 1911.

Артек.

Дорогой Алексей Михайлович,

Сочувствую Вам: что в Венгеровском предприятии о Вас писать будет Чулков¹ — это совсем плохо. Если бы Гершензон взялся — совсем другое дело, а еще лучше, если бы Лев Исаакович². Я бы на Вашем месте узнал бы у Венгерова — начал ли уже Чулков свою статью? Если да — плохо дело, если нет — скорее бейте челом Гершензону или Шестову³./* Кстати сказать: я в этом издании не участвую, т. к. недавно послал Венгеру отказ — не буду писать о Гиппиус⁴.

О следователе⁵ не пишете, а все читаете — это хорошо; когда доспеет, само «выпрет» (как выражался тот же Гершензон об Алексее Толстом № 2-ом⁶). Хотелось бы, чтобы эта вещь вышла большой повестью, в роде «Сестер»; да вряд ли и выйдет меньше — материал слишком обширен. На «роман» бы хватило. И можно действительно сделать большую вещь (и внешне и внутренне).

Есть еще одна тема, скелет темы — вот бы Вам воспользоваться. Только страшно — тема Л. Толстого. Я на днях нашел в его письме к Черткову поразившее меня место. «Я себе часто представляю (— переписываю для Вас слова Толстого —) героя истории, которую хотелось бы написать: человек воспитанный, положим, в кружке револю-

* В тексте письма после черты и до конца абзаца Иванов-Разумник использует мелкий почерк.

щонеров. сначала революционер, потом народник, социалист. православный. монах на Афоне. потом атеист. семьянин. потом духоворец, все начинает, все бросает, не кончая. Люди над ним смеются. Ничего он не сделал и безвестно помирает где-нибудь в больнице. И, умирая, думает, что он даром погубил свою жизнь. А он-то святой...»⁷

Поразила меня эта тема (не мыслью: я давно знаю, что «жаждущие неудачники» — величайшие из людей земли), поразила своей грандиозностью: какую вещь можно написать на эту тему! Жизнь человеческая вся войдет сюда. Если бы я был художником — только об этой теме и думал бы все время, как бы ее воплотить.

Ну, в письме этого не упишешь. Черкните-ка Вы мне лучше о своих делах: что «Лейла»? Вы получили уже 1000 р.<ублей> (кажется, неожиданно большой гонорар? Хотя лучше было бы «по-спектакльно»), но что Лядов⁸? Пшлет, будет писать, написал? Есть надежда хоть зимою 1912-го года увидеть и услышать ее⁹?

Вернемся в Петербург через месяц. Слишком здесь пока хорошо, да делать нечего, пора ехать. Вы мне все-таки еще раз напишите сюда, а то скучно без писем. Вернусь, тогда и поговорим о всяких делах, «шпиповничьих» и других. Я о «Пруде» отдельно писать не буду, а напишу в Январе-Феврале о всем издании 1911 г., сравню его с «первой редакцией»; так лучше будет¹⁰. Пока, до свидания, Алексей Михайлович, кланяемся мы с Варварой Николаевной Серафиме Павловне и Вам.

Ваш Р. Иванов.

¹ Георгий Иванович Чулков (1879–1939).

² Л. И. Шестов.

³ Подразумевается подготовка издания «Русская литература XX века» (См.: Русская литература XX века. (1890–1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: Изд. т-ва «Мир», 1914–1918. Т. 1–3. Вып. 1–8). Русская литература в этом издании была представлена автобиографическими справками ведущих писателей и поэтов эпохи с их портретами, а также статьями известных критиков об их творчестве. По заказу Венгерова статью о творчестве Ремизова написал Г. И. Чулков, что вызвало недовольство друзей Ремизова. Ср. с мнением Гершензона из его письма к Ремизову от 8 ноября 1911 г.: «...я протестовал против Чулкова <...> Мне только хотелось вообще, чтобы была написана дельная статья, а не “80 000 слов под водою”» (РНБ. Ф. 634. № 87. Л. 10). Гершензон, как и Иванов-Разумник, считал лучшей кандидатурой для критического очерка о Ремизове Л. Шестова, который в письме к Ремизову 29 августа 1911 г. отклоняя предложения Ремизова написать такой критический очерк, в свою очередь, сделал предположение, что эта статья по силам Е. Лундбергу (См.: Русская литература. 1992. № 2. С. 102). В письме к Чулкову от 15 ноября 1911 г. Ремизов предоставил ему собственное жизнеописание (РГБ. Ф. 371. Карт. 4. № 46); Венгерову также была отправлена автобиография, датирован-

ная 1912 г. (РНБ. Ф. 634. № 1). Том «Русской литературы XX века» с материалами о Ремизове не вышел. Позже Чулков включил свой очерк, названный «Сны в подполье», в книгу «Наши спутники» (М., 1922. С. 7–37).

⁴ Речь идет об участии Иванова-Разумника в издании «Русской литературы XX века (1890–1910)». В ответ на предложение С. А. Венгерова написать статью о Зинаиде Николаевне Гиппиус (1869–1945) он ответил согласием 23 мая 1911 г.: «Черкните мне, кстати, когда Вам понадобится моя статья о Гиппиус, и каков ее условленный между нами размер. Совсем забыл» (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 982. Л. 30). 15 июня, приступив к работе над статьей, Иванов-Разумник писал Венгерову: «... не можете ли сообщить мне точные данные года и дня рождения Мережковского, Гиппиус и Философова? Это мне нужно для разгадки ребуса, заданного Зинаидой Гиппиус читателям в стихотворении “Числа”. Не помните ли также года, в который Гиппиус стала г-жой Мережковской? И это интересно знать, так как в произведениях этих супругов-литераторов можно отметить, с определенного года, ясное взаимное влияние. Интересно оправдать, à la Лавре, теоретические выводы опытными данными» (Там же. Л. 31). Однако, осенью, когда им уже была написана критическая статья «Мертвое мастерство (Д. Мережковский)», Иванов-Разумник счел неуместным одновременно выступать с «объективной» оценкой творчества Гиппиус в словарном издании, и 20 октября обратился к Венгерову с просьбой «заменить» его В. Брюсовым: «Я Вам пришлю скоро мою книгу “Творчество и Критика” (выйдет в ноябре); там Вы увидите статью о Мережковском с упоминанием и о Гиппиус. Вы увидите оттуда, что я совершенно не могу писать о З. Гиппиус для *истории литературы*. Там нужна объективность, а у меня сложилось субъективнейшее убеждение, что З. Гиппиус была тем упырем, который высосал кровь из Д. Мережковского и сделал его “живым трупом”, что она и есть самая настоящая “чортова кукла”. Я таки напишу о ней отдельную статью — но она совершенно не подойдет для редактируемого Вами издания» (Там же. Л. 34). Позже в обзоре «Русская литература в 1912 году» Иванов-Разумник резко критически отзывался о «Романе-царевиче» З. Гиппиус: «Этого романа нет в русской литературе, он — пустое место, он вовсе не нужный, а просто мертвый и нудный роман, нудное и тягучее продолжение никому не нужной “Чортовой куклы”» (Заветы. 1913. № 1. Отд. II. С. 65).

⁵ См. п. 24, прим. 9.

⁶ Неустановленный источник.

⁷ Письмо от 26 сентября 1889 г. (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 86. М., 1937. С. 265).

⁸ Анатолий Константинович Лядов (1855–1914) — композитор.

⁹ 1911 г. в творчестве Ремизова отмечен созданием «русалий» — нового жанра, по природе восходившего к русским плясовым действиям и построенного на единстве народной обрядности, танцев и музыки. Первым подобным опытом, хотя и опубликованным значительно позже остальных, стала «русалия» «Алалей и Лейла», написанная на основе второй части книги «Посолонь» — «К Морю-Океану» (Впервые: Колядный. Литературно-художественный альманах для детей 9–12 лет. Пг., 1919, С. 52–62; впоследствии вошла в

кн.: Ремизов А. Русалия. Театр. Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1922). Возможно, что сама идея создания «русального действия» была подкреплена проектом балета по мотивам «Посолони» (композитор А. К. Лядов, постановщик В. Э. Мейерхольд, балетмейстер М. М. Фокин, художник А. Я. Головин), который предполагался к постановке в Марининском театре. В начале января Ремизов подготовил набросок либретто (См.: письмо к И. А. Рязановскому от 9 января 1911 г. — РНБ. Ф. 634. № 31. Л. 15). 22 февраля Ремизов писал тому же адресату: «А пришлось-таки засесть за балет. Последний срок подошел» (Там же. Л. 17). К марту работа была закончена и в письме к Рязановскому от 6 марта писатель сообщал: «Сейчас я в ожидании часа — идти надо читать балетное действие “Лейлу”» (Там же. Л. 18). О положительном отклике композитора свидетельствует письмо А. Я. Головина Ремизову от 4 апреля: «Мейерхольд говорил с Лядовым и он в восторге, что есть сюжет» (РНБ. Ф. 634. № 91. Л. 1 об.). Создание спектакля растянулось на несколько лет, самым плодотворным из которых был 1912 г. О подготовке театральной постановки «Алалей и Лейлы» см.: *Ремизов А.* Пляшущий демон. Слово и танец. Париж, 1949. С. 31–36. Художник Ю. Анненков, который вместе с С. Прокофьевым в 1916 г. работал над постановкой ремизовской «русалии» «Ясень», вспоминал о судьбе этих балетов: «Революция прервала нашу работу, и постановка “Ясни” осталась неосуществленной <...> С балетами (“русалиями”) Ремизову, вообще, не везло. В конце 1912 года он начал подготавливать “петербургскую русалию” — Алалей и Лейла — “волшебный балет” <...> Либретто Ремизов подписал именем Куринаса. На этот раз, война 1914 года остановила постановку. В том же году умер Лядов, и его партитура не была никогда найдена. Такая же участь постигла русалию “Гори-Цвет”, на музыку Гречанинова» (*Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М., 1991. Т. 1. С. 219).

¹⁰ Ср.: «Интересно сравнить редакцию собрания его сочинений (1911 г.) с первоначальным текстом тех же произведений: ценнейший материал для изучения психологии и эволюции творчества! Сравните “Часы” или “Пруд” первых изданий (1905 и 1907 г.) с текстом этих же романов с собрания сочинений — почти ни одна фраза не осталась без изменений, некоторых страниц узнать нельзя. К изучению всего этого когда-нибудь еще вернется русская критика» (*Иванов-Разумник.* Творчество А. Ремизова // Творчество и критика. С. 109). Заявленная в письме и статье тема не была реализована.

26.

1 декабря 1911.

Артек.

Вот и последнее письмо Вам из Артека, дорогой Алексей Михайлович: через неделю собираемся в путь. Пора домой. Погуляли и будет. А жалко; так бы еще сидел да сидел здесь, весну бы встретил.

Книгу Вы от меня получили дефектный экземпляр, без оглавления. «Прометей» пришлет Вам все три тома в хорошем виде¹. В Париж и Мюнхен² пошлет: приеду — распоряджусь. А что Вы поздравля-

ете меня спобедою и одолением твердыни вроде «Речи», которые обычно побеждаются «Веною» — вздор, батюшка: эти твердыни победил не я, а, вероятно, издатель мой «Прометей»³ (не тот, который помогал в Зоологическом саду случке слонов⁴, а другой). Но и гнусная же газета «Речь»: с 1-го сентября не могу ее переносить⁵ и сто раз жалею, что напечатал там хоть одну статью (о Пришвине)⁶. Если с Левиным⁷ встречаюсь — чувствую, что побранюсь, хотя он и милый человек.

А о Пришвине вот что знаю: писал он мне, что 21-го ноября уже будет в Петербурге, а через неделю написал, что-де заложил велосипед и остался в Новгороде. Продался он «Знанию», а те ему денег не шлют и книги не печатают⁸. Уж лучше бы «Шиповник».

Вышло «Действие о Георгии»⁹? А что VI и VII тт.¹⁰? Как только все издание закончится — пишу в «Русск<ие> Ведом<ости>» статью под мерзким заглавием «Эволюция декадентства»¹¹. Как бы без этих двух гнусных слов обойтись, сохранив при этом весь смысл? Не придумаем ли до моего приезда?

Увидите Павла Елисеевича — кланяйтесь; не видал его четыре года¹².

И с Вами, какжется мне, будто четыре года не видался — так давно сидим в Артеке. Теперь уже скоро увидимся: надеемся числа 10-го (а может и 9-го) быть в Царском Селе. Если бы Вы на «именных» мог¹³ приехали бы к нам в Царское с Серафимой Павловной — это был бы лучший подарок. А другой, «очень большого веса» — с собой захватите (в жилетный карман влезет?)¹⁴.

Шлем Вам и Серафиме Павловне общий наш привет.

Ваш Р. Иванов.

¹ Речь идет об издании трех первых томов («Литература и общественность»; «Творчество и критика»; «Великие искания») собрания сочинений Иванова-Разумника в издательстве «Прометей». Отправленная Ремизову книга — это, по-видимому, «Творчество и критика».

² См.: п. 24, прим. 1.

³ Подразумевается публикация в газете «Речь» (1911. 5 ноября. № 304. С. 2) анонса о выходе из печати первого тома «Сочинений» Иванова-Разумника «Литература и общественность», перечисленного среди других книжных новинок издательства Н. Н. Михайлова «Прометей». Иванов-Разумник намекает, что здесь не обошлось без угощения в знаменитом своей литературно-артистической публикой ресторане «Вена» (на углу Гороховой и Малой Морской в Санкт-Петербурге). См.: Десятилетие ресторана «Вена». Литературно-художественный сборник. СПб., 1913.

⁴ Ср. рассказ о «блудборце» Петре Николаевиче Потапове в книге Ремизова «Кухня. Розановы письма»: «По весне, как всем известно, в Зоологическом саду зверь на звере сидит — слон на слоне, и гиппопотам на гиппопотаме <...> П. Н. Потапов ходил по весне в Зоологический сад для поднимания, как

сам он выражался, потенциальной энергии. Странный он человек! И зачем ему это поднимание, когда и без того вечная его и одна жалоба на обуревание мыслей зоологических» (*Ремизов А. Кукха. С. 108*).

⁵ В связи с покушением на председателя Совета министров П. А. Столыпина 1 сентября 1911 г. и последовавшей его кончиной либерально настроенная газета «Речь» в ряде редакционных статей выступила с идеей объединения правительств на политической основе — в расчете на т. н. «политический объективизм» власти. Неприятие позиции «Речи» Ивановым-Разумником было обусловлено его социалистическим и антигосударственным мировоззрением.

⁶ *Иванов-Разумник. Великий Пан (о книгах М. Пришвина) // Речь. 1911. 24 января. № 23. С. 2.*

⁷ Давид Абрамович Левин (1863–1930) — юрист, публицист, сотрудник газеты «Речь».

⁸ В письме Ремизову от 28 октября 1911 г. Пришвин сообщал о подготовке первого тома собрания своих сочинений: «<...> около Рождества выйдет моя книга с рассказами <...> Эту книгу издает “Знание” <...> Благодаря этой комбинации я стал крошечным рантьером и довольно долго могу не писать из-под палки» (Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 187). Первый том «Сочинений» Пришвина вышел в свет в издательстве «Знание» в самом конце 1911 г.

⁹ См.: п. 20, прим. 3.

¹⁰ В конце февраля — начале марта 1912 г. в издательстве «Шиповник» вышли т. VI («Сказки») и т. VII («Отреченные повести») собрания сочинений Ремизова.

¹¹ См.: п. 23, прим. 4.

¹² Павел Елисеевич Щеголев (1877–1931) — историк литературы и русско-го революционного движения; близкий друг Ремизова. В 1909 г. как издатель-редактор журнала «Былое» Щеголев был приговорен к трем годам тюремного заключения, которое отбывал в Петропавловской крепости, откуда неоднократно обращался к Ремизову с просьбами содействовать в получении книг от различных авторов. 24 февраля 1910 г. (датируется на основании пометы Ремизова о получении — *Е. О. и В. Б.*) он писал: «Увидите Вяч. Ив<анова>, Разумника-Ив<анова>: передайте им мой поклон и просьбу послать мне заказ<ной> банд<еролью> все выпущенное ими в 1908–1910 гг.» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 243. Л. 5 об.). В письме от 2 апреля 1910 г.: «Вы, наверно, знаете местожительство Р. В. Иванова-Разумника и наверно не сочли бы за труд послать и ему аналогичное письмо о его книжках, всех, кроме Ист<ории> общ<ественного> развития. Эта у меня есть, а у него есть Смысл жизни и еще нечто» (Там же. Л. 6–6 об.). 2 сентября 1910 г. после того, как его просьба была выполнена, Щеголев писал: «Разумника поблагодарите за книги, а статья его об Евг<ении> Онег<ине> не понравилась» (Там же. Л. 7 об.). 19 января 1911 г. он обратился к Ремизову с просьбой: «Не знаете ли и не сообщите ли Вы адрес Разумника Вас. Иванова, которому я хотел бы послать книжечку» (Там же. Л. 9), подразумевая книгу «Пушкин и его современники» (СПб., 1911. Вып. 14), где была опубликована его работа «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина» (С. 53–193).

¹³ 12 декабря (по ст. стилю) — день святого мученика Разумника и Спиридона-солнцеворота.

¹⁴ Возможно, имеется в виду подарок, от которого в архиве Иванов-Разумника сохранился лишь небольшой фрагмент — титульный лист рукописи <?> Ремизова, украшенный орнаментальным рисунком и подписями, написанными на глаголице (ИРЛИ. Ф. 79. Неразобранная часть). Сверху — дарственная надпись: «Разумнику Васильевичу Иванову / в день его ангела / 1911 г. 12 декабря / Алексей Ремизов». Посередине листа крупными буквами: «Русские ведомости 1844 года». Ниже: «Принадлежат Алексею Ремизову». Предположительно, обложка была оформлена для рукописи рассказа «Рождество Христово», напечатанного, при содействии Иванова-Разумника в рождественском номере газеты «Русские ведомости» (См.: п. 18, прим. 1).

27.

23/XII 1911
Царское Село
Колпинская, 20.

Дорогой Алексей Михайлович —

С елкой — С праздниками! — Когда к нам на елку? Известите заранее. Что, не приехал ли Кружоярский Зверь¹ из Новгорода? Да Вы его не ждите, раньше приезжайте. — Сам я буду в Петербурге 28-го числа и заеду к Вам — днем ли, вечером ли, еще не знаю.

Только что прочел «Петушка». Так хорошо, что мочи нет. И хоть бы кто-нибудь это понял, хоть бы кто-нибудь из газетных остолопов обратил на этот рассказ внимание². Да что уж!..

Так приезжайте; — Серафиме Павловне наш привет. Кланяется Вам Варвара Николаевна, за «Петушка» благодарит — так он ей полюбился.

Ваш Р. Иванов.

¹ М. М. Пришвин.

² Рассказ Ремизова «Петушок» был опубликован в Альманахе издательства «Шиповник» (Кн. 16. СПб., 1911. С. 205–221). Отзывы о нем см.: *Редько А.* «Сашка Жигулев» Л. Андреева и «Петушок» А. Ремизова (Альманах изд. «Шиповник», кн. 16) // Русское богатство. 1912. № 1. Отд. II. С. 139–149; *Бурнакин А.* Литературные заметки. Сомнения и надежды // Новое время. 1912. № 12928. 9 марта. С. 6. В книге В. В. Брусянина «Дети и писатели. Литературно-общественные параллели» (М., 1915) «Петушок» был назван «одним из замечательнейших произведений русской литературы за последнее время» (с. 150–151). Наряду с высокими оценками, прозвучало и противоположное суждение об этом произведении, как «не принадлежащем к... лучшим вещам» писателя. «То, что есть в Ремизове детского и милого, здесь переходит в какую-то неуверительную слащавость» (*Кузмин М.* Заметки о русской беллетристике. 13 // Аполлон. 1912. № 1. С. 68).

27 декабря 1911.
Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович,

только что Пришвина проводил, — Вы его раньше этого письма увидите. Если вздумаете собраться к нам вместе с ним, то вот Вам на всякий случай «сведения»:

28-го дек<абря> я в Петербурге; буду у Вас

29-го — мы дома только до 3-х ч<асов> дня

30-го — дома только до часу дня

31-го — весь день дома

1-го Янв<аря> — дома с 5 ч<асов>; у нас — Моисеенки (Казанские)¹

2-го, 3-го, 4-го — все дома

Вот как мы завертелись.

Видели Вы «Русские Ведомости» 25 дек<абря>? Задавили Вы там всех: да и то сказать — не трудно и задавить было, на-подбор бездарности². Но не смотришь на них — слишком уж хороша «отреченная повесть». А вот «Глаголица» в «Речи»³ меня огорчила: — неудачно. Тяжело очень написано, пот виден. Каждая глава в отдельности хороша, а все вместе не склеились. По началу такой размах, точно «Крестовые сестры» дальше будут, а потому и впечатление такое: с большим усилием размахнулся великан, обрушил удар и — сломал кулаком пустую картонную коробку. Тема трудная, задумано хорошо, сделано плохо — тяжело. Вот Вам сказ по совести; хотелось бы знать, так ли и то ли чувствуете Вы к «Петушку», «Рождеству» и «Глаголице».

До свидания — до завтра. Кланяется Варвара Николаевна, Серафиме Павловне поклон.

Ваш Р. Иванов.

Препеду — расскажу Вам о журнале; с Нового Года начинаются переговоры и хлопоты⁴. Пока — молчок; одному Пришвину сказал.

¹ Подразумевается семья библиофила Н. Н. Моисеенко. Во время совместного путешествия по Волге летом 1909 г. Иванов-Разумник и Ремизов с 27 по 30 июня останавливались в Казани, где имели возможность ознакомиться с личной библиотекой Моисеенко, от которого Ремизов получил в подарок рукописный сборник притч XVII века. Творческие пересказы легенд из этого кодекса («Властилин», «Притча Златоустого», «Властелин»), впервые были опубликованы в газете «Утро России» (1909. № 32. 39, 67) и впоследствии с посвящением «Разумнику Васильевичу Иванову» включены в седьмой том «Сочинений» Ремизова (СПб.: «Шиповник»; «Сирин» [1912]. С. 64–82). В

авторских примечаниях Ремизов указал источник и происхождение текстов — «дар казанского книгочя Н. Н. Моисеенки» (С. 200).

² См. п. 18., прим. 1. В «рождественском номере» газеты «Русские ведомости» (1911. 25 декабря. № 297), наряду с рассказом А. М. Ремизова «Рождество Христово. Отреченная повесть» (С. 2), были опубликованы произведения Дионео (И. В. Шкловского), Буквы (И. Ф. Василевского), М. А. Осоргина, Кс. Морозовой и Белоруссова (А. С. Белевского).

³ Речь. 1911. 25 декабря. № 354. С. 2–3.

⁴ Еще в начале 1911 г. руководство издательства «Шиповник» вело переговоры с Ивановым-Разумником об организации в Петербурге ежемесячного художественного, литературного и критического журнала, в котором ему предлагалось возглавить литературно-критический отдел. 20 января Иванов-Разумник писал М. К. Лемке: «... дело Копельмана ко мне о редакторстве — быть может и миф, поэтому оно остается между нами» (ИРЛИ. Ф. 661. № 471. Л. 4). См. также: Письма А. М. Пешкова к Иванову-Разумнику (краткий комментарий) // Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М., 1988. С. 712. Ср. с воспоминаниями С. П. Постникова: «Когда я приехал к нему <Иванову-Разумнику — Е. О. и В. Б.> с предложением постоянного сотрудничества в «Заветах» в качестве критика, принял он меня очень любезно, расспрашивал о нашем плане издания, но сотрудничать пока отказался. Он сам, с какой-то литературной компанией, подготавливал издание журнала и даже сообщил мне будущее название журнала «Творчество». Вот если этот журнал не осуществится, то он обещал, после летней своей заграничной поездки, принять участие в нашем деле. Это так потом и вышло. Журнал его не появился на свет, и он стал у нас работать с седьмого номера, с октября месяца». — «Мои литературные воспоминания» (1953) (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 3. Ед. хр. 40. Л. 24–25).

29.

26 янв<аря> 1912.

Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович,

по обыкновению собирался сегодня — в Четверг — к Вам, от 2 до 4-х ч<асов>; но в Воскресенье, когда ездил к Андрееву, простудился на 30°-ом морозе, чихаю и кашляю. Все-таки буду сегодня в Петерб<урге>, должен заехать по делу от 4 до 6 к Копельману в «Шиповник»; оттуда очень хочется на вечер в Философское О<бщест>во¹, да боюсь; — также и к Вам не заеду.

Был я прошлый четверг вечером в «Русск<ом> Богатстве», с Короленко знакомился. Рад был пожать его руку и поговорить с ним. Говорили много, между прочим и о Вас, о «Петушке». Если интересно — расскажу, впрочем, Вы заранее знаете, что ничего хорошего о Вас Короленко сказать не мог. Не нравится ему очень².

Был в Воскресенье с утра до вечера у Л. Андреева. Понравился он мне очень — хотя и в другом роде, чем Короленко. — Говорили с Андреевым целый день и, кажется, договорились до точки; вообще я очень доволен этим посещением. Расскажу потом подробно.

История с Горьким выясняется¹; получил я большое письмо от В. М. Чернова⁴; Горькому написал еще до того тоже большое письмо². Тоже расскажу при встрече.

Вообще должен сказать, что журнал становится все более и более осуществимым планом. — О нем же буду сегодня говорить с Копельманом.

Всего доброго. Приезжайте с Серафимой Павловной (кланяемся ей); мы всегда дома. До свидания; кланяется Варвара Николаевна.

Ваш Р. Иванов.

Л. Шестову написал 21-го в Москву (Лурье⁶); сведений не имеете?

¹ Вероятно, речь идет о заседании Философского общества при Петербургском университете.

² Владимир Галактионович Короленко (1853–1921) — официальный издатель и руководитель журнала «Русское богатство». Неблагодарное отношение Короленко к творчеству Ремизова проявилось еще в 1902 г. Тогда начинающий писатель, находившийся в вологодской ссылке, послал для журнала «Русское богатство» рассказ «Бибка» и получил озорчивый ответ Короленко, обнаруживший существенные расхождения реалистической школы и модернизма: «Очерк Ваш «Бибка», присланный Вашим товарищем Б. Савинковым, прочел. Для журнала он не подходит уже по своей миниатюрности. Написан очерк литературно, но это как будто запись слов и движений одного ребенка, не переработанная в художественный типический образ» (РНБ. Ф. 634. № 249. Л. 3). См. также: Ремизов А. Иверень. Загогулины моей памяти // Ред., послесл. и комм. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. С. 213–214. О своей встрече с В. Г. Короленко летом 1916 г. в Эссентуках Ремизов тепло писал в книге «Взвихренная Русь» (М., 1981. С. 324–328).

³ О конфликте М. Горького с Ивановым-Разумником см.: Переписка с Р. В. Ивановым-Разумником / Вступ. статья, публ. и комм. Е. В. Ивановой и А. В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 95. С. 706–720.

⁴ Письмо В. М. Чернова к Иванову-Разумнику (<декабрь 1911 г.>) содержало следующие наблюдения о ремизовском творчестве: «Я считаю совершенно правильным *общий тон* Вашего отношения к Ремизову и Розанову, хотя в Ремизове отметил бы сильнее ту особенность писательской манеры, котораяближает иные его вещи с изломанностью изложения у А. Белого. Ремизов — сильный писатель, но он, по манере мистиков, склонен часто глядеть на мир, прищурив глаза: тогда все резкие цвета и яркие черты сливаются, сменяются расплывчатыми, контуры превращаются в силуэты, окраски и цвета в нюансы, события — в свои собственные причудливые тени, по которым можно только гадать на святках. Облачности и туманности ему нужны, чтобы на-

бросить на все покрывало какой-то “загадочности” и “тайны”» (ИРЛИ. Ф.79.Оп.1.№340.Л.1).

⁵ Письмо от 18/31 января 1912 г. (Литературное наследство. Т. 95. С. 715–717).

⁶ Вероятно, имеется в виду, что письмо было отправлено на адрес Семена Владимировича Лурье (1867–1927), у которого Л. И. Шестов останавливался в Москве.

30.

30 янв<аря> 1912.

Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Алексей Михайлович,

передайте письмо, которое найдете здесь же, А. Н. Бенуа (предварительно прочтя и запечатав). Если будут разговоры, то действуйте не как «стороннее лицо», а по меньшей мере как второй редактор художественного отдела¹. Сообщите о результате.

Получил пару строк от Шестова. Будет в Петербурге 2-го — 3-го февраля. Я встречу его на вокзале, оттуда в гостиницу, оттуда к Вам.

Кланяемся Серафиме Павловне и Вам.

Р. Иванов.

¹ Предполагалось, что Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) возглавит художественный отдел журнала при издательстве «Шиповник».

31.

21 апреля 1912.

Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Алексей Михайлович,

в «Табак»¹ не хватает мне страницы 31-ой, начинающейся с нового абзаца: «Давно уж замечал старец Нюх...» и до слов «шлепнулся окаяннай да прямо мякинным своим». Остальное есть.

Венгерову еще не отдал машинной работы. Черкните мне заодно вот о чем: как имя-отчество Балтрушайтиса? Мне надо ему письмо написать².

Что экзамены³?

Привет от Варв<ары> Ник<олаевны>.

Всего лучшего.

Ваш Р. Иванов.

¹ Имеется в виду т. н. «Гоносиева повесть» «Что есть табак», написанная на святках 1906 г. (СПб.: изд. Сирius. 1908 — в количестве 25 экз.). Это произведение, как и другие, впоследствии вошедшие в его книгу «Заветные сказы»

(СПб.: Алконост, 1920). Ремизов считал началом к созданию «русского Декамерона» (См. его инскрипт. посвященный С. П. Ремизовой-Довгелло: Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. СПб., 1992. С. 21; а также: *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж. 1959. С. 159. Об истории создания «Табак» см.: *Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С. 70–75; *Ремизов А.* О происхождении моей книги о табаке. Что есть Табак. Париж, 1983). Ввиду эротического содержания, отчасти восходящего к апокрифическим источникам, изданная мизерным тиражом повесть мгновенно стала раритетом. Весьма популярная в литературном и дружеском окружении писателя, она не раз переписывалась. См., напр., список, выполненный с рукописи Ремизова и принадлежащий Л. Н. и Е. Н. Замятиным (РНБ. Ф. 292. № 23). Несколько раз Ремизов собственноручно переписывал «Табак», в частности, для Н. П. Рябушинского, С. М. Лифаря и Литературного музея Ф. Ф. Фидлера. О работе над этими, искусно выполненными автографами, см. его письма к Сомову (РНБ. Ф. 634. № 207); письма к И. А. Рязановскому от 14 февраля, 14 марта 1910 г. и 11 октября 1911 г. (РНБ. Ф. 634. № 31); а также: *Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С. 76, 81. В необработанной части архива Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79) хранятся разрозненные страницы авторского списка, размером в четверть листа толстой голубой бумаги с текстом, написанным черными чернилами, без ярко-выраженных элементов декорирования, какие Ремизов использовал, выполняя, например, заказ Рябушинского. На одном из первых листов имеется надпись: «Этот список “Повести” принадлежит Разумнику Васильевичу Иванову А. Ремизов. <Внизу листа:> Написан “Табак” на Святках 1906 г<ода>». Здесь же находятся и разрозненные фотокопии, возможно, сделанные с экземпляра, предназначенного для Рябушинского (предположительное местонахождение которого: РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. № 27). Вполне вероятно, что это именно те фотокопии, о которых Ремизов, вспоминая о работе над автографом для Рябушинского, писал: «Я трудился над перепиской моей повести: на больших листах полуустав с красными и голубыми заглавными буквами; к моим листам вложены листы с оригиналами рисунков Сомова. <...> перед отъездом в Москву мой текст был сфотографирован В. Н. Ивойловым (Княжнин), он достал фотографический аппарат и увековечил. Негативы взял к себе П. Е. Щеголев, обещал сделать оттиски, да так и не собрался, и памяти у меня никакой не осталось» (*Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С. 76–77.).

² Вероятно, Иванов-Разумник предполагал обратиться к Юргису Казимировичу Балтрушайтису (1873–1944) по делам журнала, организуемого при издательстве «Шиповник». В его архиве сохранился ответ Балтрушайтиса от 22 июня 1912 г. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 224. Л. 1). С 1913 г. Балтрушайтис вместе с Ивановым-Разумником принимал участие в редактировании «Заветов». См.: *Балтрушайтис Ю. К.* Письма к В. С. Миролубову и Р. В. Иванову-Разумнику / Публ. Б. Н. Капелюш // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 159–177.

³ В 1912 г. С. П. Ремизова-Довгелло заканчивала Санкт-Петербургский археологический институт.

4 июня 1912¹.

Берлин.

Дорогой Алексей Михайлович, сижу теперь с Шестовым третий день в Берлине и еще три дня пересажу — затем на Люцерн, Милан, Генуя; в Соррет попаду к началу православного июня². Черкните мне тогда, а заодно и Шестову.

В Берлине купил Вам рубашки, Серафиме Павловне мыло *Gustav'a Lohse* — по заказу.

В Берлине меня глубоко поразили две вещи — *Sitzplatz*'ы для семейного отдохновения и клозеты в ресторане Кемпинского. Это разрез современной «культуры», по ним можно воссоздать всю жизнь города и удавиться с тоски. С удовольствием отдохну в Италии³.

Поклон Серафиме Павловне. Для Вашего общего сведения наш адрес: *Везо*, Эстляндия, Дача Нилуса.

Пишите.

Ваш Р. Иванов.

¹ Письмо датировано по новому стилю.

² В мае-июне 1912 г. Иванов-Разумник совершил поездку в Германию, Италию и Швейцарию. Во время встречи с В. М. Черновым в Феццано (Италия), была достигнута договоренность о его вхождении в состав редакции журнала «Заветы». Ср.: «...только что приехал я в Швейцарию, а то все время сидел у Чернова и говорил с ним о журнале» (Из письма Иванова-Разумника к М. К. Лемке от 4/17 июня 1912 г. — ИРЛИ. Ф. 661. № 471. Л. 54).

³ В сентябрьском номере журнала «Заветы» (1912. № 6. Отд. II. С. 46–68), в статье «Человек и культура (Дорожные мысли и впечатления)», опубликованной под псевдонимом *Скиф*, Иванов-Разумник, в частности, писал: «Мне осталось пробыть в Берлине еще три-четыре дня; это тяжело. Но с какой же радостью сяду я через три дня в поезд, который унесет меня от улиц-аллей, от асфальта, от бензина и сигар, от тоскливо-шумной берлинской толпы, от *Sitzplatz*'ов, от мраморных пищеварительных храмов, от всей этой комфортабельной культуры — прямо в Италию, к узким улочкам, к яркому морю, к веселым горам, к священным развалинам подлинных храмов!» (С. 67–68). Спустя несколько лет тема «скифства» станет ведущей для публицистики Иванова-Разумника; однако, примечательно, что на момент публикации данной статьи автор не придавал ей «судьбоносного» значения. Ср.: «...для № 6 дал только полу-публицистику, полу-философию культуры: “Человек и культура”, — но под псевдонимом» (Из письма Иванова-Разумника к В. С. Мирянову от 17 сентября 1912 г. — ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 563. Л. 3 об.). В письме от 22 сентября он объяснял псевдоним тем, что не хотел именно этой статьей дебютировать в журнале (Там же. Л. 4).

24 июня 1912.
 День Ивана Купала.
Везо.

Поздравляю с днем рождения, дорогой Алексей Михайлович; ведь Вы, кажется, в Купальский день родились¹? — Был я у Вас в Петербурге неделю тому назад, нашел письмо. Надолго ли Вы уехали в земли черниговские²? Возвращайтесь, ждем Серафиму Павловну и Вас; комната Ваша так и стоит пустая, готова. Адрес наш для писем: *Везо, в Эстляндии; дача Нелуса*; а чтобы попасть к нам, ехать надо так:

Из Петербурга выехать в 11 ч <асов> 55 м <инут> ночи с Балтийского вокзала, взять билет до *Везенберга*. В Везенберг поезд приходит в 7 1/2 ч <асов> утра. Вылезть. Взять (за 20 коп.) извозчика на коннопочтовую станцию *Андреева*; там заказать пару лошадей в *Везо* (4 р. 70 к.). В *Везо* — Морская ул., 6-ой переулоч, дача Нелуса — последняя с левой стороны.

Приедете — расскажу Вам о «за-границе»; писать не стоит. Поездка очень мне удалась, вспоминаю с удовольствием.

Ждем Вас. Живем мы здесь на отлете, особняком, совершенно уединенно; с Шиповницей³ видимся редко, с Осипом Дымовым⁴ — совсем не видимся: больно уж истомило меня его «Томление духа»⁵. — Купание чудесное, глухой лес, грибы — ждем.

Привет от Варвары Николаевны; кланяемся Серафиме Павловне.

Ваш Р. Иванов.

¹ А. М. Ремизов родился 24 июня 1877 г. Соотнесение собственного дня рождения с праздником летнего солнцестояния (ночь на Ивана Купалу — народное именование Иоанна Крестителя — с 23 на 24 июня по старому стилю) являлось значимым для аутобиографии писателя: «Оттого, должно быть, что родился я в купальскую ночь, когда в полночь цветет папоротник и вся нечисть лесная и водяная собирается в купальский хоровод и бывает особенно буйна и громка, почувствовал в себе глаз на этих лесных и водяных духов и две книги мои “Посолонь” и “К Морю-Океану”, в сущности, рассказы о знакомых и приятелях моих из мира невидимого — “чертячьего”» (Алексей Ремизов о себе // Россия. М.; Пг., 1923. № 6. С. 25). Ср. также с фрагментом из письма Ремизова к А. Н. Чеботаревской, относящимся к 1907 г.: «По обещанию написал Вам краткое жизнеописание <...> Год рождения моего 1877. День: Купальская ночь (с 23 на 24 июня)» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. № 230. Л. 1).

² С 15 июня по 27 июня 1912 г. Ремизовы навещали дочь Наташу в Черниговской губернии (с. Берестовец), где она жила у родственников Серафимы Павловны. См. также: п. 18, прим. 2.

³ Вера Евгеньевна Беклемишева (в замужестве Копельман; 1881–1944) — жена С. Ю. Копельмана, секретарь издательства «Шиповник».

⁴ Осип Дымов (наст. имя и фам. Иосиф Исидорович Перельман; 1878–1959) — прозаик, драматург, журналист.

⁵ См.: Шиповник. Альманах. Кн. 17. СПб., 1912. Летом того же года О. И. Дымовым, Ивановым-Разумником и М. М. Исаевым была написана пародия «Томление плоти, коллективный роман в восьми главах Исайи Везова скритическим исследованием о ней Тихого графомана», копия которой (рукой В. Н. Ивановой), датированная 6 августа, сохранилась в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 138).

34.

16 июля 1912.

Везо.

Дорогой Алексей Михайлович.

пишу Вам сегодня немного и только вот по какому делу:

Из письма Вашего видно, что Вы боитесь наших 35-ти верст на лошадях при своей больной руке (лучше ей теперь?). Так вот что: эти 35 верст можно миновать, ибо к нам три раза неделю приходит пароход. Сделать надо так: выехать из Петербурга непременно в *Воскресенье*, *Вторник* или *Четверг* вечером и ехать до *Ревеля*, где будете рано утром в *Понедельник*, *Среду* или *Пятницу*. В эти дни из Ревеля в Везо идет пароход *Вирума*; отходит из Ревеля в 1 ч <ас> дня, приходит в Везо в 7^{1/2}–8 ч <асов> вечера.

Вот этим путем к нам и приезжайте; оно и приятнее и дешевле, чем на лошадях. Если же почему-либо Вам лошади больше по душе, то имейте в виду, что Копельман уезжает из Везо 28-го июля на неделю в Петербург, следовательно числа 4 августа будет ехать обратно в Везо и может быть Вашим и Серафимы Павловны чичероне¹.

Письмо Ваше Шиповнику передал, в тот самый момент, когда он садился купно с «Осипом Дымовым» на пароход, чтобы ехать в Ревель, оттуда в Гельсинфорс, оттуда к Л. Андрееву². Дня через три они вернуться, тогда скажу Шиповнику о Вашем деле.

А пока ждем Вас. Комната давно готова; Серафиму Павловну ожидает морское купание в двух шагах от дома. А я ожидаю с нетерпением Вашего чиновника Орлова. Не отдавайте только его пока никуда: я Вам его устрою рублей 400 за лист³.

Итак — ждем. Привет от всех Серафиме Павловне и Вам.

Ваш Р. Иванов.

¹ Проводник (*итал.*), за плату показывающий иностранцу местные достопримечательности.

² Летом 1912 г. Иванов-Разумник активно содействовал формированию редакционного портфеля «Заветов» по отделу беллетристики (к руководству которого приступил в сентябре), о чем писал В. М. Чернову 31 августа 1912 г.:

«... "в портфеле" журнала на 1913 г. будут лежать замечательные вещи. <...> ... Л. Н. Андреев охотно отдаст в журнал все, что попросят у него; я собираюсь съездить к нему в начале сентября, когда вернусь домой и тогда поговорю с ним подробно о журнале. У Андреева есть пьеса "Екатерина Ивановна", которая пойдет теперь в Художественном Театре; он еще не отдал ее в альманах "Шиповник", но в середине сентября вопрос будет уже решен, — имейте это в виду» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 1820. Л. 1об.). Пьеса была опубликована в альманахе «Шиповник» (Кн. 19. СПб., 1913), в связи с отсутствием у «Заветов» средств на ее покупку (См.: прим. 3).

³ Речь идет о повести «Пятая язва», главный герой которой — следователь Сергей Алексеевич Бобров. Вероятно, в ранних редакциях герой носил фамилию Орлов (См.: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 184). Иванов-Разумник, предполагая напечатать ремизовскую повесть в журнале «Заветы», сообщил Чернову (См.: прим. 2): «Ремизов написал повесть (листа 3–4) "Пятая язва", которая произведет еще большее впечатление, чем "Крестовые сестры"; я знаю тему, разработку ее — вещь сильная и глубокая. Надо ее не упустить; я уже писал Ремизову» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 1820. Л. 1об.). Однако, уже 17 сентября Иванов-Разумник поставил в известность В. С. Мирлобова о невозможности ее приобретения: «Писал я <...> В. М. <Чернову — Е. О. и В. Б.> о разных видах на новые произведения. Но — денег нет и приходится смириться и молчать. Так, повесть Ремизова "Пятая язва" (автор мне ее прочел), сильная вещь, о которой много говорит <...> будут. — была бы ценнейшим приобретением журнала, — но он уже отдал ее "Шиповнику" — и я не возражал, хотя мог получить ее: повесть в 3–4 листа, "Шиповник" дает 400 р <ублей> за лист, — а Ремизову нужны деньги сейчас же. А где взять 1500 р <ублей>? <...> У Ремизова есть еще две вещи, обе чудесные: одна — размером в 1 лист, — собрание связанных легенд, апокрифов, сказаний, — соединение глубочайшей народной мудрости, народная философия. Я читаю теперь это. — на днях перешло Вам. Мое мнение — печатать это как можно скорее. в № 7. У Вас лежат "Сказки" Ремизова, этот пуслячок (сравнительно) можно отложить до Декабря. — Кроме того, у Ремизова есть еще одна вещь — "Свет немерцающий", рассказы из детской жизни. Удивительные. Эту вещь тоже не упустить бы, но дать ее только в 1913 году (Размер — 1–1½ дл.)» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 563. Л. 2об.–3). 22 сентября Иванов-Разумник писал Мирлобову: «На днях послал Вам "Бисер малый" Ремизова: некоторые сказания там — чудесные (напр<имер> о коне старца Герасима, о "разумном дереве" и т. п. Если Вам и В. М. понравится так же, как и мне, то скорее верните для Октябрьской книжки» (Там же. Л. 4). «Заветы» опубликовали «Бисер малый от словес Дебренского старца» (1912. № 8. С. 42–60); «Сказ и Рассказни. Сказки» (1912. № 9. С. 9–25); «Свет немерцающий. Рассказы» (1913. № 3. С. 102–120). После выхода повести «Пятая язва» в альманахе «Шиповник» Иванов-Разумник посвятил ей свою статью «Черная Россия ("Пятая язва" и "Никон Староколенный")» (Заветы. 1912. Ноябрь. № 8. Отд. II. С. 40–58).

4 августа 1912.
Везо.

6-19
7-20
8-21
9-22

Дорогой Алексей Михайлович,

беспокоимся: Вас нет и письма от Вас нет. Ждали Вас ежедневно с 29 июля и продолжаем ждать. Что случилось? Черкните хоть в двух словах о причинах опоздания.

Копельман теперь в Петербурге — не ждете ли Вы его? А комната Ваша ждет Вас, а купание ждет Серафиму Павловну, а грибы только что начинаются, а погода все еще чудесная.

Откликнитесь, — лучше всего своим приездом; а мы пока по-прежнему будем ждать Вас каждый день утром с 10 до 12 (на лошадях) и каждый Понедельник, Среду, Пятницу вечером — с пароходом.

До свидания! Все наши кланяются Вам обоим. Ждем!¹

Ваш Р. Иванов.

¹ С 9 по 31 июля 1912 г. Ремизовы находились в с. Бобровка, Тверской губернии; с 10 по 20 августа — в Костроме. Несмотря на то, что 20 августа в письме к Блоку Ремизов сообщал о своем намерении спустя три дня выехать в Везо (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 110), судя по зафиксированному Ремизовым «адресам и маршрутам поездок», планируемое посещение Везо не состоялось. См.: РНБ. Ф. 634. № 3. Л. 16.

8/XI 1912.
СПб.

Дорогой Алексей Михайлович,

посылаю обещанное; сохраните, а если не нужно будет, то снова в «Сирин»¹ пришлите.

Серафиме Павловне привет шлю.

Ваш Р. Иванов.

¹ Издательство «Сирин» было основано 10 октября 1912 г. сахарозаводчиком и меценатом М. И. Терещенко, его сестрами П. И. Терещенко и Е. И. Терещенко и А. М. Ремизовым. Об этом см. «Сирин» — «Дневниковую тетрадь» Ремизова: «Основание издательству «Сирин» положено было 10-ого октября в среду 1912 г. в день св. Иакова Постника. К вечеру того дня было мне извещение по телефону от Михаила Ивановича <Терещенко>, а вечером приехали

сестры его Пелагея Ивановна да Елизавета Ивановна и сказали: — Мы решились. Согласны. Эти слова мне очень памяты. понял тогда я и сообразил, что дело начинается, и только направить надо по хорошему» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 3. Л. 5). 11 октября Ремизов познакомил семью Терещенко с Ивановым-Разумником, который приступил к непосредственной организации издательской деятельности. 12 октября Ремизов записал: «Разумник Васильевич действует. Дело пойдет на лад, верую» (Там же. Л. 8).

37.

21-V-1913 г.

3-VI-1913¹

Дорогой Алексей Михайлович,

сегодня высылается Вам другое заказное письмо — от Сирина, с чеком². Живите в Париже³ спокойно. Здесь стараюсь за Серафиму Павловну, — надеюсь, что все «устроится»⁴.

Поедете через Сорпет — вспомните обо мне в тихой мансарде Льва Исааковича⁵. — Я здесь по-прежнему, — рассказывать нечего.

Всего и всего доброго Серафиме Павловне и Вам.

Ваш Р. Иванов

¹ Бланк издательства «Сирин». Сверху рукой Ремизова проставлена дата получения: 24 V / 6 VI.

² В официальном письме издательства «Сирин» от 21 мая / 3-го июня 1913 г., от издательства подписанном Ивановым-Разумником, сообщалось: «Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, согласно Вашего распоряжения сегодня переведено Вам Руб. 200. — Деньги эти получите по предъявлении препровождаемого билета в банке, адрес которого следующий: *Rue Bergère, 14*. При получении денег необходимо предъявить паспорт. Издательство позволило себе послать деньги не через Русско-Азиатский Банк, как Вы указывали, а посылает через Волжско-Камский, в виду того, что, как нам известно, в этом Банке такие же условия для выдачи, как и в Русско-Азиатском, а между тем перевод денег через В. К. Б<ан>к стоит издательству всего лишь 5к. Когда будете подтверждать получение денег, не откажите сообщить, насколько хлопотливее для Вас получение денег через В. К. Б<ан>к» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 84. Л. 12–12 об.). Сохранился чек в Eidgenössische Bank, Zürich на сумму 767,20 франков, адресованный в Сорпет Леону Шварцману. (Там же. Л. 6).

³ Май-июль 1913 г. Ремизовы провели за границей. В Париже они находились с 14 мая. См.: *Ремизов А. М.* Помесячная роспись петроградских адресов, мест и времени поездок по России и за границу. 1913–1919 (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 6. Л. 1).

⁴ Подразумевается поиск места преподавателя в гимназии для С. П. Ремизовой-Довгелло. Ср. с письмом А. В. Карташева к С. П. Каблукову, председателю педагогического совета петербургской женской гимназии А. П. Никифоровой от 25 июня 1913 г.: «Жена А. М. Ремизова — Сераф<има> Павл<овна> Ремизова

хотела бы найти уроки где-ниб<удь> в гимназии. Она окончила Выс<шие> Ж<енские> Курсы (Бестуж<евские>) по истор<ико>-фил<ологическому> отдел<у>. Одно время преподавала, но, по женской ленности (это мое мнение), бросила. Недавно она окончила Археологич<еский> Институт. Ее специальность русский яз<ык>. Она изучала вообще славянские яз. Вызубрила и все истории. От себя скажу, что ч<еловек> она оч<ень> хороший, но как преподават<ельни>цу, конечно, ее не знаю. Мож<ет> б<ыть> на Вашем горизонте виднее, куда следовало бы обратиться за подходящ<им> местом?» (РНБ. Ф. 322. № 25. Л. 104 об.).

⁵ 30 мая 1913 г. Ремизовы остановились в местечке Фунз (Швейцария), недалеко от Коппе, где жил Л. И. Шестов, и пробыли там приблизительно до 18 июня.

38.

11/24 июня 1913 г.¹

Дорогой Алексей Михайлович,

немедленно по прочтении письма Вашего (вчера) послал еще 200 рублей². Возвращайтесь, приезжайте к нам в Везо, там хорошо, тихо, спокойно, — весь конец лета Серафима Павловна и Вы у нас проживете. Насчет гимназии хорошей — легко устроить; 5-го июля возвращается в Петербург С. И. Метальников — он у «Лесгафта» и большие связи имеет³. Сейчас по приезде с ним переговорю и все устрою.

Мне, Алексей Михайлович, плохо всячески. «Заветы» на краю гибели, а я в них много сил вложил⁴. — К тому же — очень болен я и совсем измучен. Стыдно жаловаться, да уж подступило. Давно не было у меня в жизни такой тяжелой полосы, как теперь, вот уже с неделю. — Еду я завтра в Везо и пробуду там до 1-го июля. Пишите: *Везо*, Эстляндия, дача Нелуса.

Посылаю в другом конверте пачку писем, и сам прибавляю несколько строк Льву Исааковичу⁵. — Кланяйтесь Серафиме Павловне, пусть верит она, что все к ее приезду будет налажено.

Ваш Р. Иванов.

¹ Бланк издательства «Сирин».

² В письме от 11-го июня 1913 г., напечатанном на машинке на бланке издательства «Сирин», сообщалось: «Глубокоуважаемый Алексей Михайлович. При сем издательство препровождает Вам переводной билет на руб. 200. — Деньги посланы на имя г. Л. Шварцмана, который и может получить их в Женеве, предъявив документы, удостоверяющие его личность. Получение денег благоволите при случае подтвердить. За издательство «Сирин» Р. Иванов» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 84. Л. 11).

³ В начале 1910-х гг. С. И. Метальников (См.: п. 23, прим. 6) был директором Санкт-Петербургской биологической лаборатории, а также одним из руководителей Высших Курсов, организованных Петром Францевичем Лесгафтом (1837–1909). См.: *Метальников С. И.* Задачи высших курсов Лесгафта. СПб., 1913.

⁴ Ср.: «... усталая; с "Заветами" все огорчения, со смертью боремся. Майский №-р вышел, завтра пошло тебе; июньский печатаем, а выйдет ли — Бог весть. Дела трудные. Ну, да — авось...» (Из письма Иванова-Разумника к В. Н. Ивановой от 4 июня 1913 г. — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 198. Л. 130). Имеются в виду финансовые затруднения, а также последствия конфликта, вызванного отказом В. С. Мироллобова от работы в журнале в связи с т. н. редакционным «диктатом» Иванова-Разумника. Отвечая на эти претензии, Иванов-Разумник писал Мироллобову 5 мая 1913 г.: «... мною отправлено, по поручению товарищей, письмо к Виктору Михайловичу <Чернову — Е. О. и В. Б.>; на его решение предоставляется — или согласиться с Вашим последним заявлением о выходе Вашем из журнала, — или, наоборот, признать такое заявление совершенно невозможным. В последнем случае все мы, бывшие на собрании — Балтрушайтис, Пришвин, Обозреватель, Иванчин-Писарев, Постников и я — немедленно передаем журнал в Ваши руки. Есть третий выход — дружеская совместная работа вне всякого спора о "прерогативах редакционной власти". Но этот выход Вы не пожелали принять. Об ответе В. М. — немедленно сообщу» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 563. Л. 5). В следующем письме от 26 июня Иванов-Разумник передал Мироллобову позицию Чернова: «Ответ его мне заключал в себе признание Вашего ухода из редакции за un fait accompli* — и сожаление, что Вы решили так категорически в трудное для журнала время. Лично я по-прежнему думаю, что была полная возможность дружеской работы в товарищеском кругу» (Там же. Л. 6).

⁵ Л. И. Шестов.

39.

27 июня 1913.

Везо.

Дорогой Алексей Михайлович,

За письма спасибо. Верно, тяжелый год 13-ый вышел для всех нас, ничего не поделаешь.

Я с начала июля опять в Петербурге, — пишите мне на Спринг, через несколько дней уеду в Везо. Числа 5-го июля увижу в Петербурге Метальникова, которому я уже подробно писал в Крым. Серафима Павловна пусть будет уверена, что все устроится к ее приезду домой.

Заманчиво — ехать осенью к Льву Исааковичу¹, да вряд ли выполнимо; да и не поможет мне это. Вот увидимся — поговорим; расскажете Вы все свои летние впечатления.

Алексей Михайлович, в деньгах трудности случатся — напишите мне; как-нибудь да устрою.

Кланяется Варвара Николаевна Серафиме Павловне и Вам, и я шлю поклоны. Спасибо обоим Вам за участие, а в письме ничего не напишешь.

Всего и всего лучшего Вам; возвращайтесь.

Ваш Р. Иванов.

¹ Л. И. Шестов.

* свершившийся факт (*фр.*)

15 июля 1913 г.¹

Дорогой Алексей Михайлович,

письма Ваши все получил, деньги выслал Вам давно²; все поручения исполнил. «Речь» сообщила, что деньги Вам высланы³, — «Русская» М<ысль> — что рукопись Ваша получена (принята или нет, пока неизвестно)⁴. Газеты все аккуратно Николай⁵ доставляет в Сирин раз в неделю; письма перешлю в Карлсбад⁶, если будут. — «Цепь златая» будет набираться лишь в конце июля, — вероятно даже в августе, так что корректуры в Карлсбаде править не будете⁷.

Вот, кажется, и все «дела», а кроме них — нового ничего; сижу в Петербурге и, вероятно, просижу до конца лета. Как Серафима Павловна и Вы довольны лечением? Я по-прежнему «согбен», но когда-нибудь да выпрямлюсь снова. Пишите, Алексей Михайлович.

Кланяюсь Серафиме Павловне и Вам.

Ваш Р. Иванов.

¹ Бланк издательства «Сирин».

² В письме от 9/22 июля 1913 г., напечатанном на машинке на бланке издательства «Сирин» и подписанном Ивановым-Разумником, сообщалось: «Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, При сем издательство препровождает Вам переводной билет на Карлсбадское отделение Венского банка, за № 13249, на Кч. 1215,15 (Руб. 480. —), каковую сумму составляют 80 р. от ШИПОВНИКА и 400 р. от СИРИНА; получение последней суммы благоволите при случае подтвердить» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 84. Л. 10).

³ Подразумевается гонорар за рассказ «Жук» (Речь. 1913. 29 июня. № 174. С. 2).

⁴ 18 июня 1913 г., из Швейцарии, Ремизов направил уведомительное письмо на имя заведующей беллетристическим отделом журнала «Русская мысль» Л. Я Гуревич: «Я сегодня посылаю на Редакцию “Рус<ской> Мыс<ли>” рукопись — С в е т н е з а х о д и м ы й — 7 рассказов: 1 Птичка, 2 Яблонька, 3 Беда, 4 Дикие, 5 Белое знамя, 6 Спасов огонек, 7 Странник божий» (ИРЛИ. № 20063. Л. 1). По-видимому, первоначально Ремизов выслал рукопись для прочтения лично Гуревич, т. к. 3 июня в ответном письме, она еще до обсуждения с главным редактором журнала П. Б. Струве высказала предположения о размере гонорара. Кроме того, Гуревич писала: «Впечатление мое от этих Ваших маленьких рассказов таково, что если б я не знала раньше Вас, как человека и писателя, одной этой серии было б достаточно, чтобы я навсегда почувствовала и горячо полюбила Вас. Эта серия — по-моему, принадлежит к самому прекрасному, что Вы сделали» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. 65. Л. 3). На следующий день рукопись была направлена в редакцию с резолюцией Гуревич: «Рассказы Ремизова <...> приняты и пойдут, вероятно, осенью» (ИРЛИ. Ф. 264. № 106. Л. 1). Цикл был напечатан в «Русской мысли» за 1913 г.: первые четыре рассказа в № 10, остальные — в № 11; впоследствии эти рассказы вошли в одноименный раздел книги «Весеннее порошье» (СПб.: Сирин, 1915).

⁵ Николай Алексеев — служащий издательства «Сирин».

⁶ Ремизовы находились на лечении в Карлсбаде с 1 июля и, предположительно, по 24 июля 1913 г., так как 25 июля они уже переехали в Прагу (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 6. Л. 1).

⁷ Цикл рассказов Ремизова «Цепь золотая» готовился к печати в альманахе «Сирин» и вышел в свет осенью (СПб., 1913. Кн. 1). Позднее под тем же названием и без изменений был включен в книгу «Весеннее порошье».

41.

2 августа 1913.
Везо, дача Нелуса.
Эстляндия.

Дорогой Алексей Михайлович,

Я уехал на две недели в Везо, — с 1 по 15 августа, может быть даже до 19-го, в виду двух праздников. Пишите сюда, а то приехали бы вдвоем погостить?

Писал Вам в Прагу, до востребования; получили? Дела Серафимы Павловны устроятся к началу Сентября. «Кузовок» Ваш в I-ый сборник никак не попадет, — совсем места мало¹. Пишите мне о деньгах, — постараюсь устроить.

Кланяемся, Варвара Николаевна и я, Серафиме Павловне. Здесь Аленушка² и прочая детвора.

Всего хорошего; до свидания.

Ваш Р. Иванов.

¹ Имеется в виду альманах «Сирин».

² Елена Николаевна Оттенберг (1906–1965) — племянница Ивановых. По-видимому, именно с нее списан образ маленькой девочки из рассказа Ремизова «Аленушка» (Заветы. 1913. № 3. С. 112–115).

42.

15 августа 1913.
Везо.

Дорогой Алексей Михайлович,

рад узнать, что Вы уже дома. Скоро увидимся — в Понедельник 19-го я до 12-ти и после 4-х — в «Сирине». Если нужны деньги до моего приезда — возьмите авансом из кассы у Сер<гея> Яковл<евича>¹. — покажите ему это письмо.

Так до свидания, Алексей Михайлович, <и> всего хорошего; шлем привет Серафиме Павловне и Вам. Мне по-прежнему плохо всячески, не знаю, как и работать зимою буду; уповаю, что кончится уж, наконец, 13-ый год.

Всего, всего доброго; через четыре дня увидимся; до свидания.

Ваш Р. Иванов.

¹ Сергей Яковлевич Осипов — заведующий хозяйством издательства «Сирин».

14 окт<ября> 1913.
СПб.

Дорогой Алексей Михайлович,

был я в субботу в гимназии; Серафима Павловна будет зачислена первой кандидаткой, — это все, что я мог достичь. Но зато в другом месте — у С. Д. Масловского¹ — на днях должно решиться более важное (и более скорое) дело; о нем расскажу. Думаю, что ко времени выздоровления Серафимы Павловны мне все удастся устроить.

В субботу не мог позвонить Вам по телефону в 7 ч<асов> веч<ера>, — был в это время далеко от всяких телефонов. А сам захватить не решился, — очень плохо чувствовал себя в этот вечер, места себе не находил.

Сегодня у меня с 3 1/2 ч<асов> дня — Сологуб²; просидит, вероятно, до 5-ти. Если буду в состоянии — заеду вечером, сперва позвонив по телефону.

Кланяюсь Серафиме Павловне и Вам. Когда-то кончатся все наши «горя-злосчастия»? Разве в 1914 году?

Всего Вам хорошего.

Р. Иванов.

¹ Сергей Дмитриевич Масловский (псевд. Мстиславский; 1876–1943) — обозреватель журнала «Заветы»; до 1917 г. библиотекарь Академии Генерального штаба. Вероятно, речь идет о поисках работы для С. П. Ремизовой-Довгелло.

² В 1912 г. издательство «Сирин» выпустило собрание сочинений Ф. К. Сологуба в 12 томах; в течении 1913–14 гг. в «Сирине» выходило в 20-ти томное собрание сочинений Сологуба, которое не было доведено до конца.

17 окт<ября> 1913.
СПб.

Дорогой Алексей Михайлович,

вчера, вернувшись в Сирин от брадобрея, был задержан людьми и делами до 7 часов; после был у Масловского, и в 9 1/2 мы с ним оба поехали на вечер — все по тем же делам школьным. Передайте Серафиме Павловне, что *до конца октября* я ручаюсь все, все устроить, пусть будет совершенно спокойна. Простите, что не позвонил Вам вечером по телефону — из чужого дома неловко было звонить; а уехал я оттуда в 1/2 12-го — и с вокзала звонить Вам уже поопасался — не поздно ли?

Сегодня я до 3 $\frac{1}{2}$ в «Заветах», в 6 ч<асов> обедаю у М. М. Исаева¹, вечером — на каком-то политическом собрании у адвоката Н. Д. Соколова². Он живет на Сергиевской 81; хотел бы до него быть у Вас хоть на полчаса. Не сегодня, так завтра; очень хочу видеть Серафиму Павловну и сказать ей о положении дел, о том, что до конца этого месяца я навёрное, наверное доведу дело до конца.

Зайдете в Сирин сегодня?

Кланяюсь Серафиме Павловне; Варвара Николаевна-просила передать привет.

Ваш Р. Иванов.

¹ Михаил Михайлович Исаев (ок. 1880 — после 1948) — юрист, приват-доцент Санкт-Петербургского университета, оказывал юридическую помощь журналу «Заветы».

² Николай Дмитриевич Соколов (1870–1928) — адвокат и общественный деятель; социал-демократ.

45.

19 декабря 1913.
СПб.

Дорогой Алексей Михайлович,

если в «Сирине» к 4-м часам не будет никаких и меня не вызовут по телефону, то я проеду прямо в Царское Село и не увижусь с Вами. На всякий случай оставляю поэтому Вам 300 рублей — передаст их Вам Сергей Яковлевич¹, расписки не надо. Боюсь, что до конца Декабря, т. е. до выхода в свет № 12-го² мне не удастся достать для Вас больше.

Заходите завтра к 4-м, буду ждать.

Серафиме Павловне кланяюсь.

Если окажется, что 300-т рублей мало — скажите мне, постараюсь достать в другом месте.

До завтра; всего Вам хорошего.

Ваш Р. Иванов.

¹ С. Я. Осипов.

² Речь идет о журнале «Заветы».

46.

28/III 1914.
СПб.

Дорогой Алексей Михайлович,

мне приходится теперь (2 $\frac{1}{2}$ ч<аса> дня) по спешным делам уйти из Сирина. — до вечера не вернусь. Зайдите завтра, я буду с утра и до 4 $\frac{1}{2}$ ч<асов> дня. Кланяюсь Серафиме Павловне. Пришва¹ Вам позвонит по телефону.

Посылаю книжку, изданную якобы на острове Валааме; ее достал Мих <аил> Мих <айлович>² для меня. буде у Вас есть: а если у Вас такой книги нет, то берите ее себе, как дополнение к Афанасьеву³.

До завтра

Ваш Р. Иванов.

¹ М. М. Пришвин.

² Пришвин.

³ Речь идет об издании русских сказок, собранных А. Н. Афанасьевым (1826–1871), значительный корпус которых составили т. н. «заветные», непристойные сказки. Книга была отпечатана в Женеве, в 1872 году с мистифицированными выходными данными, так как в связи с цензурными запретами эти тексты не могли быть опубликованы в России. См.: Русские заветные сказки. Валаам: Типарским художеством монашесвующей братии. Год Мракобесия. Второе стереотипное издание вышло там же между 1873–1878 гг. Подробнее см.: *Успенский Б. А. «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева // От мифа к литературе. Сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. М., 1993. С. 117–138: Бессмертных Л. В. Об изданиях «Русских заветных сказок» А. Н. Афанасьева (История. Гипотезы. Открытия) // Афанасьев А. Н. Русские заветные сказки. М., Париж, 1992. С. XVIII–XLV.*

47.

10 февр <аля> 1915.

Дорогой Алексей Михайлович,

хотел быть у Вас сегодня вечером — но приходится сидеть в Царском С <еле> до четверга; буду у Вас в четверг вечером, часов с 8-ми. Если приедет Пришвин — привезу с собой¹. До скорого свидания.

Ваш Р. Иванов.

¹ Ср.: «15 февраля — день моего отъезда из Петрограда на войну. Я здесь провел несколько дней <у> многих своих знакомых. Как будто все постарели — такое мое общее впечатление» (*Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. М., 1991. С. 127.*)

48.

<28.3.15. Царское Село>¹.

Дорогой Алексей Михайлович, — Серафиму Павловну и Вас поздравляем с проходящими праздниками я и Варвара Николаевна. Все думал быть в Петербурге — и все сижу дома, никого не вижу. ничего не знаю — даже телефон не действует — испорчен.

В Москву не поехал, оказалось ненужным; написал подробно Мельгунову в «Голос Минувшего»² и дал Ваш адрес для ответа, указав, что и еще есть подобные письма — даже и семьи Пестеля³. Думаю, что удастся устроить.

Всего лучшего: думаю на будущей неделе побывать в Петербурге. До свидания.

Ваш Р. Иванов.

¹ Датируется по почтовому штампе.

² Сергей Петрович Мельгунов (1879—1956) редактировал ежемесячный журнал истории и истории литературы «Голос минувшего» (М., 1913—1916).

³ Ср. с письмом Иванова-Разумника к С. П. Мельгунову от 16 марта 1915 г.: «Многоуважаемый Сергей Петрович, полгода тому назад, для последнего (так и не вышедшего) №-ра “Заветов” была набрана статья А. Ремизова “Россия в письмах”, — как раз касающаяся “юбилейной” войны 1914 года. Она так и затерялась в моих бумагах. Посылаю ее сегодня (заказной бандеролью) Вам. — быть может она подойдет для “Голоса Минувшего”. О судьбе ее — уведоьте, пожалуйста, автора (Алексей Михайлович Ремизов, СПб., Таврическая, д. 7, кв. 23). Если бы статья подошла, то у него нашелся бы еще ряд писем той эпохи (между прочим — семья Пестеля). Уважающий Вас Разумник Иванов». (На письме имеется резолюция, оставленная синим карандашом, вероятно, рукой Мельгунова: «Послано Семевскому». — РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. № 386. Л. 10). Речь идет о предложении опубликовать в журнале «Голос минувшего» подготовленные Ремизовым тексты из цикла «Россия в письмах», в частности, «Разорение, общественно случившееся» (рукопись, датированная 22 августа 1914 г., сохранилась в архиве Иванова-Разумника — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 140), а также письма семьи декабриста Павла Ивановича Пестеля (1793—1826). Публикация была осуществлена в других изданиях. См.: *Ремизов А. Россия в письмах. Разорение, общественно случившееся* // Полон. Лит. сб. Пг., 1916. С. 121—166; *он же. Россия в письменах. Живая жизнь. Письма Пестелей. 1824—1827* // Воля России. 1925. № 12. С. 3—18.

49.

9 июня 1915.

дер. *Песочки*.

ст. Сольцы, М.—В.—Р. ж-д.

Дорогой Алексей Михайлович,

вот уже месяц, как мы здесь, — и так здесь хорошо, что и в войну перестаешь верить, и в погромы московские, и в сутолоку петербургскую. Приезжайте с Серафимой Павловной хоть на две недели, посмотреть, что здесь за красота, какая река, какой лес, какой народ новгородский. Места у нас много — ждем Вас.

Пришвин не хочет сигару Сингапурскую послать для польского Сборника¹: я, говорит, уже в «Кличе» (московском) осрамился, больше не хочу. А написал он там не плохо, да одной фразой только все испортил, благочестиво-вульгарно-патриотической². Ну, теперь стыдно. Кланяется он Вам и все писать собирается, да ждет, чтобы сами Вы сюда приехали, это лучше письма.

Что это Замятин³ и Добронравов⁴ голоса сюда не подают? Кланяйтесь им. Они тоже сюда к нам собирались.

Вот что, Алексей Михайлович: если соберетесь Вы раньше их, или они раньше Вас, то пусть первый приехавший привезет мне, хоть на несколько дней, 2-ую *Симфонию А. Белого*. Очень мне она нужна⁵.

Что слышно у Вас нового? Я за месяц от всего отстал. В переписке только с Шестовым.

Варвара Николаевна Серафиме Павловне и Вам поклоны посылает и приглашает в Песочки. Какие мужики здесь! Поведу Вас к одному из них — старик, Крюк по прозвищу: вот о войне услышите вещи неожиданные, о России, о Боге!⁶

Ваш Р. Иванов.

¹ О каком издании идет речь, установить не удалось.

² Речь идет о рассказе М. Пришвина «На братской линии» (День печати. Клич. Сборник на память жертвам войны. Под ред. И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова. М., 1915. С. 127–129). Вероятно, Иванов-Разумник подразумевает заключительную фразу рассказа, обращенную к воюющим солдатам: «Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя».

³ Евгений Иванович Замятин (1884–1937) получил литературную известность после публикации в «Заветах» повести «Уездное» (1913. № 5). Рассказ об «открытии» его литературного таланта Ивановым-Разумником см.: *Штейнберг А. З. Друзья моих ранних лет*. С. 146–148. Ср. также: «Вы очень верно отметили большую зависимость молодого и начинающего Евг. Замятина от А. М. Ремизова; хотя это и не “одно лицо”, но стиль, тема, разработка ее — все “ремизовское”. Но я не думаю, что это только “эпигонство”, т. к. в рассказе много премилых “своих” черточек. С интересом буду ждать второй вещи этого начинающего писателя». — Из письма Иванова-Разумника к Ф. Сологубу от 11 июня 1913 г. (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 296. Л. 19–20). Письма Замятина к Ремизову за 1915–18 гг. см в публикации В. В. Бузник: *Русская литература*. 1992. № 1. С. 176–179. В 1915 г. Замятин написал рассказ «Петька», первоначально предназначавшийся для сборника «Аист» (вышел в Петрограде. в 1916 г. под названием «Пряник осиротевшим детям»), в составлении и подготовке которого принимал активное участие Ремизов. В связи с этим не случайны его пометы и автографы на рукописи рассказа (См.: *Рукописные памятники*. Вып. 3. Ч. 2. *Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина*. СПб., 1997, С. 441; 512). Замятин, будучи близким «скифской» литературной группе, в полемической статье «Скифы ли?» (Мысль. Сб. 1. Пг., 1918) выступил в защиту Ремизова в его конфликте с Ивановым-Разумником.

⁴ Леонид Михайлович Добронравов (1887–1926) — прозаик, драматург, публицист. В «Заветах» (1913, № 6–10) был опубликован его роман «Новая бурса». О Добронравове см. главу «Заветы» в: *Ремизов А. Встречи*. Петербургский бумеранг. С. 256–264. Л. М. Добронравов был одним из немногих, кто разделял антивоенный и общественно-политический максимализм Иванова-Разумника: «Кажется мне, что после войны загорится такая реформация, какая его преподобию Мартину Лютеру и во сне не снилась. Будет новая религия и, может быть, начнется христианство. Хорошо в деревне! Колесо вертится медленнее и можно разглядеть спицы, каждую отдельно». (Из письма к Иванову-Разумнику от 15.08.1914 г. — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1 № 259. Л. 1об.). Сохранилось адресован-

ное Иванову-Разумнику извещение о бракосочетании Л. М. Добронравова с К. В. Клярвской 5 сентября 1915 г. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 260).

⁵ См.: *Белый А.* Симфония (2-я, драматическая). [М.:] «Скорпион», [1902]. Иванов-Разумник работал над статьей «Андрей Белый», которая была опубликована в книге «Русская литература XX века. (1890 — 1910)» (Т. III. Ч. II. [Кн. 7]. М., [1916]. С. 13–64. См. также: п. 25, прим. 1.

⁶ См. цикл статей «Деревенское», в 1916 г. печатавшийся в газете «Русские ведомости» под псевдонимом Вл. Холмский и позднее вошедший в книгу Иванова-Разумника «Перед грозой. 1916–1917» (Пг., 1923). В очерках провище старика — Сук.

50.

9–X–1915.

Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Алексей Михайлович,

был я у Вас дважды, и пробовал звонить по телефону несчетное количество раз. Вчера был я у Замятина, узнал от него, что без дров Вы сидели, и по знакомым ночевали. Отчего не написали мне? — Когда немного устроитесь, приду на новоселье¹.

Придет к Вам, с письмом от меня, некий молодой человек — А. А. Бородин². Примите его, пожалуйста, и устройте ему, что можно.

Серафиме Павловне привет.

Ваш Р. Иванов.

¹ 27 сентября 1915 г. Ремизовы переехали на новую квартиру по адресу: Петербург, Песочная, д. 8, кв. 23 (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 6. Л. 3).

² Александр Александрович Бородин — преподаватель Царскосельского реального училища. См.: *Бородин А. А.* Историко-литературный очерк деятельности Ломоносова. Речь, произнесенная препод. А. А. Бородиным на торжественном акте Царскосельского реального училища имп. Николая II 8 ноября 1911 г. СПб., 1911.

51.

10–X–1915.

Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Алексей Михайлович,

письмо это вручит Вам Александр Александрович Бородин — переводящий сербские народные песни, собр<ания> Вука Караджича¹. Пожалуйста, сделайте для него, что возможно.

Варвара Николаевна кланяется, шлет привет Серафиме Павловне. Получили ли мою открытку?

Ваш Р. Иванов.

¹ Вук Стефанович Караджич (1787–1864) — сербский писатель. См.: Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича. М., 1987. Переводы А. А. Бородина неизвестны.

52.

29 янв<аря> 1916.

Ц<арское> С<ело>¹.

Дорогой Алексей Михайлович,
просьба у меня к Серафиме Павловне и Вам: приютить меня в третий и последний раз «на верохе»² после моего заседания Литер<атурного> Фонда в Понедельник³; если разрешите -- явлюсь к Вам в 1 ч<ас> ночи. Если неудобно — Вы успеете еще черкнуть мне об этом.

Варвара Николаевна кланяется.

Всего доброго и до свидания.

Ваш Р. Иванов.

¹ Сверху имеется помета синим карандашом, предположительно рукой Ремизова: «Р».

² Верёх — северный вариант слова «верх».

³ Иванов-Разумник с 1915 г. являлся секретарем Бюро комитета Литературного Фонда (Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым). См.: Отчет Общества за 1915 г. (Пг., 1916).

53.

19-III-1916.
<Петроград>¹.

Дорогой Алексей Михайлович,
хотел быть у Вас в Воскресение — и не удастся; пишу, чтобы не ждали. Зайду в Понедельник, после 6 часов вечера.

До скорого свидания.

Ваш Р. Иванов.

¹ Устанавливается по штамплу.

54.

18/IV 1916.

Дорогой Алексей Михайлович,
был я у Вас сегодня — тщетно звонил и стучал, и по телефону потом и раньше ничего не добился, с утра и до вечера. Где это Вы? Принес Серафиме Павловне давно обещанного Леонида, ярящегося против Максима¹; возвращаю и «Летопись» (очень слабо, кроме «Людей»)². Имею всякие новости, а хороших мало. Напишите о себе. Скоро мы и уезжаем: надо до лета повидаться.

Поздравляю Серафиму Павловну и Вас с минувшими праздниками!

Ваш Р. Иванов.

Р. С. Литер<атурный> Ф<онд> назначил по 100 р<ублей> на 3 месяца: по истечении их возобновите просьбу еще на 3 месяца.

¹ Имеется в виду статья Л. Андреева «О двух душах» (Современный мир. 1916. № 1. Отд. II. С. 108–112) — полемический отклик на публицистическое выступление М. Горького «Две души» (Летопись. 1915. Декабрь. С. 123–134). в котором автор утверждал: «У нас, у русских, две души: одна — от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя, убежденного в том, что “Судьба — всем делам судья”, “Ты на земле, а Судьба на тебе”, “Против Судьбы не пойдешь”. а рядом с этой бессильной судьбой живет душа славянина, она может вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горит, быстро угасая, и мало способна к самозащите от ядов, привитых ей, отравляющих ее силы» (С. 132). Возражая Горькому, Андреев писал: «... чем больше соглашаемся мы с похвалою активности Запада, чем ненавистнее становится в наших глазах “бессильный и постыдный пессимизм”, не способный отмечать положительные явления. — тем непонятнее становится для нас позиция самого М. Горького, его собственный беспросветный пессимизм, с каким относится он к русскому народу. <...> И если вообще всякий человек нуждается в ободрении, то насколько такое ободрение <нужно> народу, который так или иначе, плохо ли, хорошо ли, борется за свою жизнь? А ведь на страницах всей статьи писателя ни единого бодрого слова о русском народе, ни единого просвета в непроницаемой тьме, которою окутаны обе “Души” его!» (С. 110). См. также: *Рейсер М.* Пролетариат и мещанство. Две души русского народа в учениях Леонида Андреева и Максима Горького. Пг., 1917.

² Вероятно, речь идет о апрельской книжке ежемесячного журнала «Летопись», который в течение всего 1916 г. публиковал повесть М. Горького «В людях».

55.

13–V–1916.
СПб.

Дорогой Алексей Михайлович,

перед отъездом скопилось у меня столько дел, что зайти к Вам не удалось. А о деле Вашем¹ — дважды говорил и с Серг<еем> Дм<итриевичем>² и Мих<аилом> Конст<антинovichем>³. Толку не вышло ни в каком месте: оба ничего сделать не могут и пугей не знают. Советуют действовать обычным путем, через непосредственное начальство. Так вот, к сожалению неудачей все кончилось, и очень неприятно мне об этом Вам сообщать.

Завтра уезжаем в деревню: напишите о себе, где и как устроитесь. Адрес наш: *Сольцы, Псковск. губ. (Моск.-Влад.-Рыб. ж. д.). Деревня Песочки.* Серафиме Павловне кланяемся, Вам обоим желаем хорошего лета, — насколько оно может быть хорошо в 1916 году.

Ваш Р. Иванов.

¹ Возможно, речь идет о понсках работы для А. М. Ремизова.

² С. Д. Масловский.

³ М. К. Лемке.

12 июля 1916¹.
Сольцы, Пск<овской> губ.
дер. Песочки.

Дорогой Алексей Михайлович, не очень верю я в письма «с передачей», но если получите это письмо мое — сообщите свой адрес. Где Вы и долго ли еще пробудете «там где»? Мы пробудем в Песочках до середины Августа.

Получаю много писем, но мало кого вижу. Писал Добронравов мне, что Вы поручили ему квартирное дело; на это не надейтесь, Алексей Михайлович, — но если в начале Августа попадете в Петербург, то быть может и посчастливится найти.

Что повесть³, что пьеса? О последней читал я в «Биржевке» несуразное что-то (о заглавии)⁴.

Призыв 15/VII Вас не коснулся (как и меня)⁵; но «Андрей Белый», Блок — как они? С обоими я в переписке и обоим пишу сегодня⁶.

Серафиме Павловне шлем привет; что Песочки — не по дороге ли из Черниговской губернии?

Ваш Р. Иванов.

¹ На письме помета А. М. Ремизова красным карандашом: «Ивраз 20VII».

² Ср.: «Алексей Михайлович бросает квартиру, складывает все добро к Пясту <...> и уезжает с Сераф<имой> Павл<овной> в Черниговскую губернию, а потом — неизвестно куда. Книги его печатать никто не берет, и за последнюю-то “Лукоморье” заплатило бесстыдно мало» — Из письма А. А. Блока к Иванову-Разумнику от 8 июня 1916 г. (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 399). См. также: п. 33, прим. 2. См. также письмо Ремизова В. С. Миролюбову от 17 июня: «Квартиру мы нашу Песочную бросили, вещи свезли на Теряеву, комнату сняли там, а нового не нашли себе жилья, и поехали на волку Божью» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 998. Л. 8).

³ Возможно, речь идет о повести «Ров львиный» (другие авторские названия — «Плачущая канава», «Канава»), над которой Ремизов работал в 1914–1918 г.

⁴ В заметке «Между двух миров», помещенной в рубрике «Театр и музыка», сообщалось: «Алексей Ремизов уехал на отдых в Черниговскую губернию. В течение лета он будет заканчивать свою новую пьесу “Между двух миров”» (Биржевые ведомости. 1916. 4 июня. № 15597. С. 6). Драматическое произведение под таким названием неизвестно.

⁵ 7 июля 1916 г. был обнародован высочайший указ о «призыве ратников I и II разрядов». Следующий призыв был назначен на 15 июля, но 12 июля последовала отсрочка до 15 августа. Призыв для ратников 1898 г., под который подпадал Ремизов, был обнародован 23 октября 1916 г. После прохождения медицинской комиссии и обследования в госпитале 28 декабря он не был признан годным к военной службе. См. об этом: *Ремизов А.* Вихренная Русь. С. 223–229; *Ремизов А.* Письма И. А. Рязановскому. 1915–1919 // РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 33. Л. 8–9.

⁶ Б. Н. Бугаев (Андрей Белый) был призван на военную службу 20 сентября 1916 г., но получил отсрочку, которая несколько раз продлевалась до марта 1917 г. (См.: Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А. В. Лавров // Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988. С. 790). А. А. Блок был призван на военную службу согласно призыву 7 июля 1916 г. и зачислен табельщиком в 13-ю инженерно-строительную дружину Всероссийского союза земств и городов. 26 июля он выехал в расположение дружины (район Пинских болот). В письме к Блоку 15 июля 1916 г. Иванов-Разумник писал по поводу мобилизации Белого: «Получил <...> большое письмо его и очень обрадовался за “призыв”: из тяжелой и гнусной мути войдет он снова в живую жизнь <...> Рад был узнать, что Вы едете в “действующую армию” — рад потому, что противно смотреть на сотни патриотов, уютно пристраивающихся в столице. Уверен и за Бор<иса> Ник<олаевн>ча, что поступит он по совести. Когда мой призыв (1900 года) — поступлю по своей совести и я; поступки будут различны, но верность своей вере одинакова» (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 401).

57.

21 авг<уста> 1916.⁹

Песочки.

Дорогой Алексей Михайлович,

очень Вы меня огорчили письмом (месяц тому) о всяких бедах Ваших¹; хотел было ответить — да Вы написали: «30/VII уезжаем из Москвы» — куда? Адреса не было. Написал Шестову. На днях только (он был где-то на Оке) получил ответ; узнал, что Вы в Петербурге. Если письмо это скоро дойдет до Вас, напишите мне в Царское, где Вы? В Царское Село мы возвращаемся к 28 августа.

Лето провели так интересно и хорошо, что хоть бы и не по нынешним временам; как в «Чайничке»², из прошлогоднего моего письма: «почти забыли, что война»³. Рад был узнать, от Л<ьва> И<сааковича>⁴, что он «что-то» собирается устроить для Вас. Как-то квартира? Как-то жить будем? Для всех нас зима будет тяжелая.

Варвара Николаевна кланяется; привет Серафиме Павловне.

Ваш Р. Иванов.

¹ Письмо написано на почтовой карточке, адресованной в Петроград, в Русский Торгово-Промышленный Банк, инспектору Федору Ивановичу Щеколдину «для А. М. Ремизова». На открытке помета Ремизова черными чернилами — «29 сент<ября>».

² Лето 1916 г. для Ремизовых было осложнено трудностями с поиском новой квартиры, чем, вероятно, объяснялись их достаточно частые перемещения. Так, 29 июня они остановились в Москве, проездом с Украины, где провели весь июнь. 31 июля Ремизовы приехали во временную петербургскую квартиру, по адресу: Песочная, 24 А, кв. 11. (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 6. Л. 4).

³ Рассказ Ремизова «Чайничек» впервые был опубликован в журнале «Русская мысль» (1915. № 10. С. 143–163). Примечательна запись в дневнике писателя Б. А. Лазаревского от 14 октября 1915 г.: «Сегодня в редакции “Ежемесячного” миролюбовского журнала я слушал чтение автором А. М. Ремизовым своего рассказа “Чайничек” — удивительный рассказ! Как высоко поднимается русская литература — что значит душа у нее огромная. Сильно чувствуется. Пришли: В. Муйжель, Е. Чириков, А. Ремизов, Чапыгин, С. Городецкiй, сибиряк Шишков и другие <...>» (ИРЛИ. Ф. 145. № 10. Л. 17).

⁴ См.: п. 49. Ср. с фразой из письма одного из героев рассказа «Чайничек»: «Вот уж месяц, как мы здесь, и так хорошо, что и в войну перестали верить» (Русская мысль. С. 146).

⁵ Л. И. Шестов.

58.

10 сент <ября> 1916¹.

Царское Село.

Колпинская, 20.

Дорогой Алексей Михайлович.

заказное письмо сегодня получил и сегодня же послал его (опять заказным) М. Б. Исаевой². Адрес ее таков: Фонтанка. 24. Она писала нам в Песочки, что 4/IX уезжает из Артека, значит теперь она уже дома.

Приедете — сообщите; как дела квартирные? В городе — безнадежно, но если решитесь последовать нашему примеру. «загородному», то устроиться еще есть возможность. — знакомым москвичам привет, если увидите; Варвара Николаевна и я кланяемся Серафиме Павловне. До близкого свидания.

Ваш Р. Иванов.

Р. С. Кланяйтесь Льву Исааковичу, да скажите ему: писал я ему в середине или конце Августа, а ответа нет. В Москве ли он? И еще: не пришлет ли с Вами новую статью свою, если списана³?

¹ Почтовая карточка адресована в Москву, Кречетниковский пер., д. 13, кв. 1. кв. Д. Е. Жуковского, А. М. Ремизову. На открытке помета Ремизова карандашом — «12.IX».

² Мария Борисовна Исаева упоминается в «Дневнике» Ремизова за 1920 г. (См.: Ремизов А. Дневник 1917–1921 / Подг. текста А. М. Грачевой и Е. Д. Резникова. Вступ. заметка и комм. А. М. Грачевой // Минувшее. Исторический альманах. 16. М.—СПб., 1994. С. 497).

³ Речь идет о статье Л. Шестова «Музыка и призраки» (Скифы. Сб. 1. Пг., 1917. С. 213–232). наборная рукопись которой с незначительной авторской правкой сохранилась в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 162). 8 января эту рукопись Шестов переправил из Москвы вместе с С. А. Венгеро-

вым (См. письмо Шестова к Ремизову от 12 января 1917 г. // Русская литература. 1992. № 4. С. 123). Позднее вошла в книгу Л. Шестова «Власть ключей» (Берлин: «Скифы». 1923).

59.

15 сент<ября> 1916.
Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Алексей Михайлович,

получив Ваше последнее письмо — позвонил я к Гржебину¹: могу успокоить Вас, все будет благополучно. Вещи он перевезет в какой-то музей, если Вы не получите до того ответа от Лансере²; Пяст³ ждет до 20-го. Постарайтесь снести с Лансере немедленно, телеграфом; если бы дело с его квартирой устроилось — это был бы наилучший исход. Квартиру найти — тщетная надежда; даже в Царском Селе и Павловске все переполнено.

Письмо заказное получил и переслал Исаевой тоже заказным (адрес ее — Фонтанка, 24)⁴.

Вчера провел у нас «день и ночь» — Бугаев; если увидите его в Москве — кланяйтесь. Я впервые видел его по-настоящему и еще больше его полюбил; один из немногих людей, у которого за душой есть подлинное, кровное⁵. Что же Лев Исаакович⁶ молчит? Кланяйтесь вторично.

Серафиме Павловне и Вам привет. До свидания в квартире Лансере.
Ваш Р. Иванов.

¹ Зиновий Исаевич Гржебин (1869–1929) — совладелец издательства «Шиповник».

² Евгений Евгеньевич Лансере (1875–1946) — живописец, член «Мира искусства».

³ Владимир Алексеевич Пяст (наст. фам. Пестовский; 1886–1940) — поэт.

⁴ См. п. 58, прим. 2.

⁵ Андрей Белый гостил в Царском Селе у Иванова-Разумника 14–15 сентября 1916 г.

⁶ Л. И. Шестов.

60.

<Декабрь 1916>¹.

Дорогой Алексей Михайлович,

— незадача! Дела были всякие, а Вас дома нет. — С Новым годом Вас, зайду уже в 1917 году. Серафиме Павловне кланяемся. «Стремнины»² оставляю: и две тетради: мертвую и живую³.

Ваш Р. Иванов.

¹ Датируется предположительно по содержанию. Текст написан на визитной карточке Разумника Васильевича Иванова.

² Имеется в виду альманах «Стремнины» (Кн. 1. М., 1916), где был опубликовано произведение Ремизова «Кумова кровать. Тотемская бывальщина» (С. 55–60).

³ Подразумеваются альбомы, в которых Ремизов, находясь в военном госпитале на обследовании с 24 октября по 6 декабря 1916 г., зарисовывал свои реальные впечатления о различных рецидивах жизни на фронте и в тылу. 24 декабря Ремизов писал И. А. Рязановскому: «Выпущен я на волю, но еще билета не получил, по которому отпускаюсь впредь до распоряжения, т<о> е<сть> до первого призыва: чего я только навидался, сколько жадного хищного мяса в душной утробе человеческой и скотства людского» (РНБ. Ф. 634. № 33. Л. 9). Об одной из таких рисованных «хроник» упоминает в своих дневниках Е. Ф. Книпович: «смотрела “Книгу мертвую” — сборник лазаретных рисунков, когда он там лежал на испытании. Сборник всяческих бед, смерти, боли, страдания человеческого» (*Книпович Е. Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 26*). По-видимому именно с этих тетрадей в творчестве Ремизова утверждается жанр графического дневника, в эскизных рисунках фиксирующего острейшие жизненные переживания. Следующим по времени подобным дневником стал альбом рисунков «Последний путь из России. 1921. 5 августа» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 44).

61.

24 янв<аря> 1917.

Дорогой Алексей Михайлович,

расклеился я немного, и дня два-три просижу дома. Не попаду ни к Вам в Среду, ни на Гершензона в Четверг¹. Передайте ему привет от меня; если заглянет в Царское Село, буду очень рад.

А у Вас буду в Понедельник, 30-го.

Кланяемся обоим Вам оба.

Ваш Р. Иванов.

¹ Имеется в виду лекция М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина», прочитанная 26 января 1917 г. в концертном зале Тенишевского училища (Моховая, 33). Газета «Речь» в рубрике «Хроника» (26 января. № 24. С. 5) опубликовала ее тезисы, а в кратком отчете «Мудрость Пушкина» (28 января. № 26. С. 4–5) сообщала: «Лекция, привлекавшая многочисленную аудиторию, среди которой преобладали представители литературного мира и пушкинских семинаристов при высших учебных заведениях, была выслушана с большим вниманием и вызвала оживленные толки в перерыве и после лекции, награжденной аплодисментами».

20-I-1918 г.¹

Дорогой Алексей Михайлович,

— контора «Скифов» поручила мне переслать Вам «Женщин» — с просьбой возможно скорее вернуть². Для этого надо позвонить по № 105–98, в типографию, вызвать Веру Ефимовну и попросить, чтобы она прислала за корректурой.

Всего Вам хорошего, кланяюсь Серафиме Павловне.

Ваш Р. Иванов.

¹ Письмо написано на бланке «Рабочей газеты “Знамя труда”, органа Петроградского Комитета Партии Социал<истов>-Революционеров». Датируется по помете Ремизова красными чернилами — «20 I 1918».

² Речь идет о подготовке издания книги А. М. Ремизова «Русские женщины. Народные образы» в издательстве «Скифы». В архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 237) сохранился черновик <?> письма на бланке с издательской маркой «Скифов»; с правкой и датой, проставленной синим карандашом рукой неизвестного лица (приводится в угловых скобках): «Контора издательства “Скифы” уведомляет А. М. Ремизова, что книга “РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ” выпущена издательством. <Половина> гонорар<a> в размере <500> 250 руб. И 50 авторских экземпляров могут быть получены Вами немедленно к к<онто>ре издательства (Лиговка, 44 по вторн<икам>, четв<ергам>, субб<отам> от 12–2 часов дня: спросить Ольг. Дмитр. Коноплеву, заведующую конторой “Нашего Пути”). <Вторая половина гонорара будет уплачена Вам по течение июня месяца>. Заведующая редакцией. <1 июня 1918 г.>» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 237).

11/IX 1919.¹

Дорогой Алексей Михайлович,

с Четверга сижу дома больной (бронхит) и вряд ли попаду в город в течение всей недели. Если разговоры наши не спешны — отложим на неделю, если спешны — приезжайте ко мне, я не лежу, а хожу и сижу.

Серафиме Павловне привет; всего доброго.

Ваш Р. Иванов.

¹ На письме помета Ремизова карандашом: «ИР. Ида Елисеевна, к. 9».

16 сент <ября> 1919.

Дорогой Алексей Михайлович,
 просидев дома с неделю (бронхит) — начал выходить; буду у Вас в
 Пятницу в 12 1/2 дня — ровно через неделю после обещанного.
 Привет Серафиме Павловне и Вам.

Ваш Р. Иванов.

27 ноября 1919 г.¹

Дорогой Алексей Михайлович,
 мне приходится, в суете, поднимать такие Гималаи своего архива,
 что не мог доселе найти «Пруд»; переискал в четырех шкапах. значит
 он в пятом, и сегодня же вечером я его раскопаю — и привезу с собой
 в Воскресенье 30/XI на открытое заседание нашей «Скифской Акаде-
 мии»². Буду здесь от 1 до 5 ч <асов> дня. Если за рукописью никто не
 явится, то оставляю ее у Антонины Петровны³ — у ней и спросите.

Зайдите переговорить, кстати, об устройстве вечера из Ваших про-
 изведений — у нас намечается ряд вечеров⁴.

Привет и до свидания.

Ваш Р. Иванов.

¹ Письмо написано на бланке «Кооперативного книгоиздательского това-
 рищества «Колос», Петроград, пр. Володарского (б. Литейный), 21».

² Речь идет о Вольной философской ассоциации (1919–1924), которая возникла по инициативе Иванова-Разумника, Конст. Эрберга, А. Блока, А. З. Штейнберга, А. Белого и др. Своей основной целью Ассоциация поставила философское и творческое осмысление отечественной и мировой культурно-политической ситуации в духе «скифства» (См.: *Белоус В. Г.* Петроградская Вольная философская ассоциация (1919–1924) — анти тоталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997). Уместно обратить внимание, что упоминаемое в письме третье открытое заседание Вольфилы (доклад А. З. Штейнберга «Развитие и разложение в современном искусстве») в хронике Е. В. Ивановой «Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни» ошибочно датировано 1 декабря (Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1992 г. СПб., 1996. С. 30).

³ Вероятно, имеется в виду одна из сотрудниц издательства «Колос», в помещении которого проходили первые заседания Вольфилы.

⁴ Творческий вечер Ремизова в петроградской Вольфиле состоялся 15 июля 1920 г. (См.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 1; *Мовиенсон А.* Вечер Алексея Ремизова // Жизнь искусства. Пг., 1920. 24–25 июля. № 512–513. С. 1). 21 ноября 1920 г. предполагалось открыть клуб ВФА беседой с писателем. Об отношении Ремизова к Берлинскому отделению Вольной философской ассоциации см.: *Обатнина Е. Р., Белоус В. Г.* Берлинская Вольфила (1921–1922): хроника // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 141–155.

1 мая 1942¹.

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович — воистину воскресе! И Варв<ара> Ник<олаевна> и я очень обрадовались весточке от Вас², и если я сегодня еще не пишу Вам большого письма, то лишь потому, что хочу первой ласточкой послать эту открытку: дойдет — тогда напишу Вам большое, настоящее письмо, и даже пошлю «ingeschrieben»*. А пока жду от Вас только хотя бы открытку с извещением, что эта моя открытка Вами получена. Но еще лучше — если напишете подробно: ведь Ваше письмо дошло же! И шло не очень долго: с 21 по 30/IV. Значит жду!

Да, воистину воскресаем мы теперь друг для друга, — ведь больше двух десятков лет были отрезаны, и без всякой надежды не то, что увидиться, но даже списаться. Война решила иначе. Из Царского Села нас с Варв<арой> Ник<олаевной>, в качестве Volksdeutsch'ей** (ведь В. Н. — «geboren Ottenberg»***) эвакуировали в Кониц, где пока находимся в карантине³. Дальнейшее пока неизвестно, но надеемся на лучшее, — по крайней мере на отдых после многих лет моих тюрем и ссылок в СССР. Всего сразу не расскажешь! — Вот и о Мих<аиле> Мих<айловиче> Пришвине расскажу Вам чудеса (я жил у него в Москве в 1940 году)⁴. Да и от Вас и про Вас надо столько узнать! Пока списался только с милейшим Серг<еем> Порф<ирьевичем>, который отнесся к нам, как к родным и глубоко нас тронул⁵. А весточка от Вас — большая радость: ведь воистину воскресаем мы друг для друга! Пишите. Ваши В. Н. и Р. В. Ивановы.

¹ На почтовой карточке помета А. М. Ремизова: «15 V».

² Адрес Иванова-Разумника был, вероятно, сообщен Ремизову А. Л. Бемом, которому Иванов-Разумник писал 14 апреля 1942 г.: «В заключение — еще раз сердечное спасибо за доставленную Вашим письмом радость и за отзывчивое Ваше отношение. Вы напрасно думаете, что мой вопрос — говорит ли Вам что-нибудь мое имя? — происходит из ложной скромности. За минувшие четверть века такие дела вершились и свершились, что и более крупные имена стертые или забыты, — как, например, совершенно забыт и неизвестен в России крупнейший художник А. М. Ремизов, о котором Вы мне пишете. Кстати, каков его парижский адрес?» (Прага. Литературный архив Музея национальной литературы. Фонд А. Л. Бема).

³ О пребывании Ивановых в лагере для «перемещенных лиц» см.: Раевская-Хьюз О. Иванов-Разумник в 1942 году // Блоковский сборник. XIII. Тарту, 1996. С. 214–232.

* заказным (нем.)

** здесь: лиц немецкой национальности (нем.)

*** урожденная Оттенберг (нем.)

⁴ В январе-июне 1940 г. Иванов-Разумник по договору с Государственным литературным музеем занимался описанием архива М. М. Пришвина. См.: *Иванов-Разумник*. Архив Михаила Михайловича Пришвина. Опись. Отрывок // ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 34.

⁵ Сергей Порфирьевич Постников (1883–1965) — секретарь редакции журнала «Заветы» (1912–1914); в эмиграции — заведующий библиотекой Русского исторического архива в Праге. Местонахождение писем Иванова-Разумника к С. П. Постникову неизвестно.

67.

4 мая 1942¹.

Дорогой Алексей Михайлович, — посылаю эту открытку в догонку первой, которую послал 1 мая (Ваше письмо получил 30/IV), — и вот почему:

Написал мне из Anglet Георгий Иванов² с просьбой ответить: я и ответил, но открытка моя, прогуляв 10 дней, сегодня вернулась ко мне обратно, ибо была недостаточно оплачена (без дополнительных марок). Боюсь, что и мою открытку от 1/V к Вам постигнет та же участь, сегодня пишу вторично и наклеиваю лишние марки. Повторяю и то, что сказал в первой открытке:

Дорогой Алексей Михайлович, — вот уж порадовали своим письмом! «Невероятное здесь совершается»³, — кто бы мог верить этому еще год тому назад! Пишите побольше о себе и обо всех; — как только увижу, что письма доходят — напишу Вам обстоятельнейше. И о Мих<аиле> Мих<айловиче> Пришвине расскажу — чудеса!

Дорогая Серафима Павловна — воистину воскрес! И Варв<ара> Ник<олаевна> и я радуемся возможности возобновить с Вами пока хоть письменную связь, а потом — кто знает! — может быть и встретиться!

Буду ждать ответа на обе, или хотя бы на одну из этих открыток; как только получу ответ — сразу напишу Вам уже не «открытку», а «закрытку». Адрес наш будет действителен, по всей вероятности, еще месяца 1½–2, если не больше. Пишите!

А все-таки хорошо, что мы все четверо исполнили пушкинский завет и «постарались быть живы»!⁴

Р. Иванов.

¹ На почтовой карточке помета А. М. Ремизова: «15 V».

² Местонахождение писем Иванова-Разумника к Георгию Владимировичу Иванову (1894–1958) неизвестно.

³ Перевод латинского выражения «incredibile dictu».

⁴ Иванов-Разумник имеет в виду слова из письма к М. П. Погодину (начало ноября 1830 г.): «Прощайте, будьте живы» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.* Т. 14. Переписка 1828–1831. М., 1941. С. 122).

In russischer Sprache

27 мая 1942¹.

Дорогой Алексей Михайлович,

и я в свою очередь получил Вашу открытку (от 16/V). — это дает мне надежду, что и настоящая «закрытка» дойдет до Вас; впрочем для большей верности пошлю это письмо заказным.

С чего начать — вот и не знаю: за те 20 лет, что мы с Вами не виделись, целые Ниагары событий прошли перед нами. О себе рассказывать не собираюсь: в «Новом Слове» от 10 и 17 мая напечатаны два моих очерка², в первом из которых находится и краткая моя автобиография — как раз за последние 20 лет. Рассказывать про общих знакомых — тоже не стоит: ведь еще лет пять тому назад жил-был у Вас Евг<ений> Ив<анович> Замятин³, рассказавший Вам, конечно, про все наши тогдашние новости, — и о том, что Вячесл<ав> Шишков женился на двоюродной молоденькой племяннице (брак оказался очень счастливым, но — оба они теперь — в осажденном Петербурге)⁴, и о том, что Ольга Форш стала знаменитой писательницей и «орденоноской»⁵. . . Но вот Вы в обоих письмах несколько раз упоминаете про Михалмихалыча Пришвина; о нем могу для начала рассказать такое, что Вам еще неизвестно.

Вы пишете: «как М. М. Пришвина калечили — приходилось читать». Недоумеваю, о чем речь и что Вы читали? О нем много вздора писали и пишут (например, в «Новом Слове» от 24/V — совершенная ерунда)⁶. Сам себя он именует: «литературный барин, но опальный», опальный потому, что получил самый жалкий орден — «Знак почета», — в то время как другие его литературные сверстники (не говоря уж о молодежи) получили ордена высшей марки⁷. Во всяком случае — он богат, благоденствует, имеет прекрасную квартиру в Доме Писателя (на Лаврушинском пер., против Третьяковской галереи), имеет дом с большим садом в Троице (ныне город Загорск). Ни разу не слышал от него, чтобы его «калечили» при печатании: и «Кашеева цепь»⁸ и позднейшие работы — прошли без всяких цензурных купюр. Кстати, читали ли Вы последние его (и прекрасные) вещи: «Корень жизни»⁹, и «Неодетую весну»¹⁰ и «Фацелию»¹¹? Первая переведена на немецкий¹² и английский языки¹³, причем роскошное, «золотое» английское издание сопровождается предисловием проф. Гексли¹⁴, восторженно отзывающегося об этой книге (ее второе название — «Жень-шень»). Так что вот: Михалмихалыч благоденствует, зарабатывает (т. е. теперь надо сказать — зарабатывал) тысяч 50–100 в год; несмотря на свои «подсемьдесят» (он родился в 1873 году) — очень бодр, по-прежнему — страстный охотник, делающий иной раз по 40 верст в день с ружьем в

руке. Бодрость и молодость его проявились воочию, когда он два года тому назад влюбился — да еще как! Развелся с Ефросиньей Павловой¹⁵ (большие трагедии были) и женился на сорокалетней, но весьма сохранившейся «Валерии-Калерии»¹⁶ (так он прозвал свою новую жену). Все это происходило на моих глазах (я жил тогда в Москве), в первую половину 1940-го года¹⁷. Молодожены безмерно счастливы — по крайней мере были такими до начала войны, когда я получил от Михалмихалыча последнее письмо; они уезжали из Москвы на восток — куда-то на Алтай, чтобы пережить там «грозу военной непогоды».

Лист пришел к концу, надо и письмо кончать; пусть оно будет — «пришвинским», а продолжение — в следующий раз, когда узнаю, что это мое письмо получили Вы благополучно.

Оба мы шлем приветы и кланяемся

Серафиме Павловне и Вам, Алексей Михайлович.

Р. Иванов.

Р. S.¹⁸ Получил письмо от Бор<иса> Зайцева и сегодня же отвечаю ему¹⁹. За это время прочел кое-что и Ваше, и его: Ваше — роман «С огненной пастью»²⁰, его — роман «Золотой узор»²¹ и «Дом в Пасси»²². Много еще надо мне прочитать, чтобы «ликвидировать безграмотность» за 20 лет!

Р. P. S. Из сегодняшнего «Нового Слова» узнал, что приехали Ната и Тата Гиппиус²³!

Р. P. S. А где теперь наш «Сирин»? — не писатель Набоков²⁴, а Михаил Иванович²⁵? Если переписывается с ним — поклон ему от меня.

NB: Отправляя это письмо — получил Ваше и Серафимы Павловны (от 19/V); ответ — за мною, на днях.

¹ На письме помета А. М. Ремизова: «8 VI».

² Речь идет об очерках «Хождение над бездной» (Новое слово. 1942. 10 мая. № 37) и «Две жизни султана Махмуда» (17 мая. № 39).

³ Е. И. Замятин выехал из СССР в октябре 1931 г.; с февраля 1932 г. проживал в Париже.

⁴ Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) с января 1927 г. жил в Детском Селе (Колпинская, 20), по соседству с Ивановым-Разумником. В июне 1927 г. он женился на Клавдии Михайловне Шведовой. Зимой 1941–42 гг. Шишковы провели в блокадном Ленинграде, после чего, в апреле 1942 г. были эвакуированы. См.: Шишкова К. М. Незабываемые годы, прожитые вместе // Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1987. С. 130–151.

⁵ В мае 1938 г. торжественно отмечалось 65 лет со дня рождения О. Д. Форш, а в ноябре — 30-летие ее литературной деятельности (См.: Литературная газета. 1938. 20 ноября. № 64. С. 3). 31 января 1939 г. «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы» она была награждена орденом Трудового Красного знамени.

⁶ Ср.: «Писатели с истинно русской душой, не желавшие выслуживаться и пресмыкаться перед еврейскими критиками, всячески притеснялись и вытеснялись из художественной литературы. Поистине трагична судьба замечательного русского прозаика, тончайшего художника слова Михаила Михайловича Пришвина. Его роман “Кашеева цепь”, являющийся изумительной поэтической хроникой жизни русского человека, был встречен еврейской критикой в штыки, усмотревшей в нем “идеализацию помещичьего уклада жизни”. Когда Пришвин выпустил свою последнюю книгу “Неодетая весна”, присяжные еврейские критики открыли по ней огонь, обвиняя писателя в “пантеизме и религиозной проповеди”. Пришвин был вынужден удалиться от этой травли в маленький городок Переяславль-Залесский и совершенно обособиться от литературной жизни». — *Горский И.* Евреи и русская литература // Новое слово. 1942. 24 мая. № 41. С. 6.

⁷ 31 января 1939 г. большая группа советских писателей «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы» была награждена орденами СССР; среди них: 21 — орденом Ленина, 49 — орденом Трудового Красного знамени, 102 — орденом Знак Почета. М. М. Пришвин был среди награжденных орденом Знак Почета.

⁸ Различные редакции автобиографического романа Пришвина «Кашеева цепь», над которым писатель работал в 1920–30-х гг., публиковались в собраниях сочинений 1927–30 гг. (т. 5–6) и 1935–39 гг. (т. 2).

⁹ Речь идет о повести «Жень-шень», которая впервые была опубликована в журнале «Красная новь» под заглавием «Корень жизни» (1933. № 3. С. 83–124). См. также: *Пришвин М.* Жень-шень. Корень жизни. М., 1934.

¹⁰ Октябрь. 1940. Кн. 4–5. С. 24–90.

¹¹ Новый мир. 1940. № 9. С. 64–86. Позднее поэма «Фацелия» публиковалась как первая часть книги «Лесная капель».

¹² *Prishvin M.* Einfeng. Die Wurzel des Lebens. Berlin, 1935.

¹³ *Prishvin M.* Jen Sheng: the root of life. London, 1936.

¹⁴ Джулиан Сорелл Хаксли (1887–1975) — английский биолог, философ; один из создателей современной синтетической теории эволюции.

¹⁵ Ефросинья Павловна Смогалева (1883–1953) — первая жена М. М. Пришвина.

¹⁶ Валерия Дмитриевна Лиорко (в замужестве Лебедева; 1899–1979) — вторая жена М. М. Пришвина.

¹⁷ Ср.: «Дела на Лаврушинском наружно наладились, но под лавой горит огонь. ММ снял домик в деревне под Бронницами (1 1/2 часа езды от Москвы на автобусе), в совершенном восторге от местности и собирается вот-вот переехать туда. В Загорске остается его комната, куда он обещается наезжать раза два в месяц на день-другой. Но за его спиной ведутся какие-то шушуканья у Ефр<осиньи> П<авловны> с сыном (Львом) и с “сродственниками”. Результатом пока явилось письмо без подписи на пишущей машине, полученное на днях Калерией-Валерией, переданное ею ММ, — и им показанное мне. Письмо такое очаровательное, что не могу удержаться от искушения переписать его здесь:

“О боже, боже!

Незнаю даже, как назвать вас.

Как вам было не стыдно, не совестно — увлечь старца!

Вы не сумеете ухаживать за ним, оберечь его.

Помните, что за судьбу старца вы ответите перед государством!”

Это прелестное стихотворение в прозе Ефр<осинья> П<авловна>, очевидно, диктовала, а Лев Алпатов выстукивал на машинке. Я сказал ММ, что отныне буду именовать его не иначе, как “государственным старцем”, что привело его в восторг. Одним словом — под левой кипит и клокочет огонь и может в любой момент повести к новому извержению. Жаль по человечеству страдающую женщину, но все же — нельзя быть такой фиолетовой душой» — Из письма Иванова-Разумника к В. Н. Ивановой от 31 марта 1940 г. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 200. Л. 82). См. также: *Пришвин М. М. Мы с тобой*. По дневнику 1940 года / Сост. и сопров. текст В. Д. Пришвиной // *Дружба народов*. 1990. № 6. С. 236–269; № 7. С. 264–269; № 8. С. 262–270; № 9. С. 217–255.

¹⁸ Здесь и далее приписки — на полях.

¹⁹ Сохранились два письма Иванова-Разумника к Борису Константиновичу Зайцеву (1881–1972) от 27 мая 1942 г. и 8 мая 1946 г. См.: Письма Р. В. Иванова-Разумника Б. К. Зайцеву / Публ. и прим. В. Г. Белоуса, Я. В. Леонтьева и Ж. Шерона // *Звезда*. 1996. № 3. С. 114–116.

²⁰ Воля России. 1924. № 14–19; 1925. № 1–3.

²¹ Современные записки. 1923. Кн. 15–17; 1924. Кн. 18–22; 1925. Кн. 23–24.

²² Современные записки. 1933. Кн. 51–54.

²³ Гага — Наталья Николаевна Гиппиус (1880–1963); Тата²³² Татьяна Николаевна Гиппиус (1877–1957). В отделе «Розыски» (Новое слово. 1942. 27 мая. № 42. С. 8) было напечатано следующее объявление: «Татьяна и Наталья Николаевна ГИППИУС (художницы) ищут своих сестер: Зинаиду Николаевну ГИППИУС–МЕРЕЖКОВСКУЮ (писательницу), Анну Николаевну Гиппиус (врача) и Ант<она> Владимировича Карташева, а также просят откликнуться всех родных и знакомых. Писать: Stettin, Postlagermd, für GIPPIUS». О Т. Н. Гиппиус см. вступ. статью С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова к публикации писем А. А. Блока к Т. Н. Гиппиус (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 209–214).

²⁴ Владимир Владимирович Набоков (1899–1977) публиковал свои произведения в эмигрантской печати под псевдонимом *Сирин*.

²⁵ Имеется в виду Михаил Иванович Терещенко (1886–1958) — сахарозаводчик, меценат, министр Временного правительства; в 1912–1915 гг. организатор и совладелец (вместе с сестрами) издательства «Сирин».

69.

29–VI–1942.

Lieber Alexei Michajlowitz!

Ich muss Ihnen in deutscher Sprache schreiben, was Sie garnicht stören muss mir in russischer Sprache zu antworten. — Ich habe Ihnen so lange nicht geschrieben, denn ich habe in Mai und Juni eine Änderung unseres

Schicksals und unserer Adresse erwartet, denn man erwartete die Ankunft in unser Beobachtungslager einer Kommission aus Berlin, die den Entschluss über unser Schicksal nehmen musste; jetzt erwarten wir sie im Juli. Wie es sich nur etwas aufklären wird, werde ich es Ihnen sogleich mitteilen; vorläufig schreiben Sie nach früheren Adresse.

Ich möchte viele von Ihren Büchern lesen, besonders «Взвихренную Русь», von dem ich gelesen und viel gutes gehört habe. Ich hoffe es einmal zu bekommen und dann werde ich es lesen.

Heute schreibe ich nicht mehr; B. N. wollte noch an Serafima Pawlowna schreiben.

Mein innigster Gruss Ihnen und S. P.

Ihr R. Iwanow.

P. S. — 2-VII-1942.

Die Absendung meines Briefes ist verspätet: in diesem post-scriptum füge ich zwei Bitten meiner Barackennachbarn zu:

1) Wissen Sie nicht, wo sich jetzt *Sergius Makowskij* befindet und seine Adresse?

2) Wissen Sie nicht Prosorowskij, Jurij Michailowitsch (geboren 1902) aus Zarskoje Selo, in Paris seit dem 1917 Jahre; zufälligerweise kennen Sie nicht auch seine Adresse?

R. I.

29-VI-1942 г.

Дорогой Алексей Михайлович!

Мне приходится писать Вам на немецком языке¹, что никак не должно Вам мешать отвечать мне на русском. — Я Вам так долго не писал потому, что ожидал в мае и июне изменение нашей судьбы так же как и нашего адреса, так как ожидалось, что к нам в наблюдательный лагерь прибудет комиссия из Берлина, которая должна принять решение о нашей судьбе; теперь мы ее ожидаем в июле. Как только это дело немного выяснится, я Вам немедленно сообщу; пишите пока что по прежнему адресу.

Я бы хотел прочесть многие из Ваших книг, особенно «Взвихренную Русь», о которой я читал, а также слышал много хорошего². Надеюсь получить ее когда-нибудь, тогда я ее и прочту.

Сегодня больше писать не буду: В. Н. хотела еще написать Серафиме Павловне.

Мой самый сердечный привет Вам и С. П.

Ваш Р. Иванов.

P. S. — 2-VII-1942 г.

Отправление моего письма задержалось: в этом постскриптуме добавляю две просьбы со стороны моих соседей по барaku:

1) Не знаете ли Вы, где сейчас находится *Сергей Маковский*³ и какой у него адрес?

2) Не знаете ли Вы Прозоровского, Юрия Михайловича⁴ (родился в 1902 г.) из Царского Села, с 1917 г. в Париже: не знаете ли Вы случайно и его адрес?

P. I.

¹ 8 июня 1942 г. начальником «баракенлагеря» был объявлен запрет отправлять из лагеря письма на русском языке. Ср.: «Пишу Вам на немецком языке в соответствии с приказом, недавно отданным у нас в лагере, что никоим образом не должно мешать Вам отвечать мне на русском языке». — Из письма Иванова-Разумника к Е. А. Ляцкому от 17 июня 1942 г. (Прага. Литературный архив Музея национальной литературы. Фонд Е. А. Ляцкого. Перевод Г. Х. Тупса).

² Книга Ремизова «Взвихренная Русь» вышла в парижском издательстве «Таир» в 1927 году и была оценена как первая эпопея революционных лет. Ср.: «"Взвихренная Русь" — книга совершенно исключительная <...> пронизанная высокой человечностью, освященная тем светом откровения, который дается мученичеством, вернее — сомученичеством в страшнейшем из застенков — в застенке людского быта. Книга эта рождена в революции и останется ее памятником» (*Мих. Ос<оргин>*). <Рецензия> Алексей Ремизов. *Взвихренная Русь*. Изд. «Таир» — Париж 1927 // *Современные записки*. 1927. XXXI. С. 454, 456).

³ Сергей Константинович Маковский (1877–1962) — поэт, искусствовед, редактор журнала «Аполлон», автор мемуаров «Портреты современников» (Нью-Йорк, 1955), «На Парнасе "Серебряного века"» (Мюнхен, 1962) и др.; во время войны проживал в Париже.

⁴ Неустановленное лицо.

70.

5–VIII–1942.

Lieber Alexei Michajlowitsch!

Ihre Postkarte (vom 16/VII) habe ich nur in diesen Tagen erhalten, — wir senden Ihnen unseren beiderseitigen «briefkart'schen» Gruss, Serafima Pawlowna und Ihnen.

Mir läuft das Wasser im Munde zusammen von dem Durchzählen Ihrer mir unbekanntes Bücher. Hoffentlich werde ich das alles irgendeinmal durchlesen, — noch vor dem wie wir mit Ihnen in ein und derselben Zeitschrift mitarbeiten werden. Nun — wann wird das sein? Qui vivra — verra, wie die Franzosen sagen.

Nach der Veränderung unserer Lage (und Lager) und Adresse — werde ich Ihnen einen grossen Brief schreiben; aber jetzt — ist unsere Adresse dieselbe und wir erwarten wie zuvor Ihre Briefe «in russischer Sprache». Es wäre sehr schön einen grossen-grossen Brief — mit einer Erzählung über das ganze zwanzigjährige Leben — zu erhalten; einst würde er in alle Geschichten der russischen Literatur eintreten.

B. N. und ich senden Serafima Pawlowna und Ihnen, Alexei Michajlowitsch, unseren herzlichsten Gruss.

R. Iwanow.

Дорогой Алексей Михайлович!

Вашу открытку (от 16/VII) получил я только на днях, — мы посылаем Серафиме Павловне и Вам свой «открыточный» привет от нас обоих.

У меня слюнки текут, когда перечисляю все Ваши мне еще неизвестные книги. Надеюсь, что прочту их все когда-нибудь, — ещё до того, как мы с Вами будем сотрудничать в одном и том же журнале¹. Только — когда это будет? Qui vivra — veffa*, как говорят французы.

После того, как изменится наше положение (не говоря уже о нашем лагере), так же как и наш адрес — я Вам напишу большое письмо; а сейчас — наш адрес все тот же, и мы ждем, как прежде, Ваших писем «на русском языке». Было бы замечательно получить какое-нибудь большое-большое письмо — с рассказом о всей двадцатилетней жизни; он вошел бы когда-нибудь во все учебники истории русской литературы. Мы с В. Н. посылаем Серафиме Павловне и Вам, Алексей Михайлович, свой самый сердечный привет.

Р. Иванов.

¹ Одно из несостоявшихся начинаний русской эмиграции военных лет. Ср.: «Был Разумник. Предлагает написать статью о советской живописи для какого-то журнала в Прагу. — Сам будет писать о советской литературе». — Из дневника О. Клевера; запись от 29 ноября 1942 г. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 154. Оп. 1. Д. 67. Л. 11).

71.

29-IX-1942.

Lieber A. M.!

Wir wohnen ebendasselbst und wie vorher erwarten wir Briefe von Ihnen und Serafima Pawlowna. Ohne Briefe ist es sehr traurig. Uns kann man in russischer Sprache schreiben, — eine Möglichkeit, die wir nicht haben.

Schreiben Sie und vergessen Sie uns nicht!

Ihr R. Iwanow.

Liebe Serafima Pawlowna!

Herz lichsten Dank für Ihre Einladung. Wie würden wir, mein Mann und ich, uns freuen, wenn wir zu Ihnen kommen könnten. Wir haben noch in Puschkin (früher Zarskoje Selo genannt) von den deutschen Soldaten gehört: Paris wäre eine der schönsten Städte. Wir können es «wollen», aber das heisst nicht das wir es «können»: während des Krieges muss man beständig an Goethes Worte («Faust») sich erinnern: «Du glaubst zu schieben und du bist geschoben».

Wir befinden uns schon den fünften Monat im Lager der kleinen Stadt Konitz und erwarten schon längst eine Kommission aus Berlin die unser

* Поживем — увидим (фр.)

Schicksal entscheiden muss. Aber schon im voraus kann man sagen: bevor der Krieg nicht endet, kommen wir nicht nach Paris, obgleich wir so vieles einander zu erzählen hätten.

Sie fragten in Ihrem letzten Briefe wie es unseren Kindern und meinen Nichten Олѣнушке und Иринушке geht. Beide Nichten sind verheiratet und obgleich sie schon gar nicht jung sind (38 und 36 Jahre alt sind) hat eine jede von Ihnen noch recht kleine Töchter: Irene — eine sechsjährige Natascha, und Helene eine Tochter von drei Jahren ebenso «Олѣнушка» genannt. Im vorigen Sommer hat meine Schwägerin mit beiden Töchtern und Enkelkindern ebenso der Schwiegertochter und ihrer Tochter, 7–8 Jahre alt, Moskau mitte Juli verlassen, nach Ural gefahren, und dort sind sie aufs Land gekommen. Wir hoffen sie werden da nicht verhungern. Der Mann von Helene ist ebenso alt wie ihr Vater, der Mann von Irene und mein Neffe sind beide mobilisiert und wir wissen nicht ob sie am Leben sind.

Was unsere Kinder anbetrifft, so ist mein Sohn schon im 1938 Jahre gestorben, er lebte in der Provinz und wir haben uns sehr-sehr selten gesehen. Meine Tochter — 34 Jahre alt — lebte die ganze Zeit mit mir, jetzt ist sie in Petersburg geblieben. Was mit ihr ist, wissen wir nicht. Die letzte Zeit, als der Krieg eingebrochen war, wurde sie als Radist (Funker) mobilisiert und musste in der Stadt bleiben, einmal in 1–2 Wochen kam sie auf einige Stunden nach Hause; man musste die Abteilung evakuieren, aber ob es gelungen hat, wissen wir nicht. Vielleicht im Winter? Zum letzten mal war sie bei uns den 7/IX, ihre letzte Postkarte — von 10/IX, die wir den 13/IX erhielten — das war der letzte Tag, wo die Post noch arbeitete und den 17/IX — waren schon die Deutschen in unserer Stadt.

Unsere Tochter hat 2-jährige Kurse der Funkentelegraphie in dem Marine-technikum beendet und war eine der ersten russischen Frauen die als Funker auf einem Momorschiffe der Handelsschiffahrt diente. Fast zwei Jahre war sie in «weitläufiger Seefahrt» (радист «дальнего плавания») und schiffte aus Petersburg nach dem Schwarzen Meere. Im ganzen ist sie neun mal um den Gibraltar gefahren, auf jeder Fahrt war sie in Hamburg gewesen, mehrmals in Italien, in Genova (einmal fast drei Wochen) und in Napoli (fast einen Monat verbrachte sie da). Solch eine Fahrt — hin und zurück — dauerte 3–4 Monate. Unsere Tochter war gesund und froh gestimmt. (Die Korrespondenz — oft eine Postkarte nur mit dem Buchstaben «I.» — ging jetzt verloren).

Das dauerte bis zur Verhaftung des Vaters, als sie ebenso verhaftet wurde und fünf Wochen (nur!) im Gefängnis verbrachte (Aus Petersburg wurden zwei von GPU nach Odessa geschickt um dort vom Schiffe unsere Tochter zu holen). Nachdem wurde sie entlassen ohne beschuldigt zu sein und kehrte in den früheren Dienst zurück; aber nicht auf ein Schiff sondern

auf «Uferfunkentelegraph». Doch musste sie diesen Dienst verlassen und die letzten sechs Jahre war sie auf dem Haupttelegraph. Dieser Dienst war schon nicht interessant, nur zuweilen wie z. B. als die «Hinüberfliegen des Nordpols» statt fanden oder «Papanin» gerettet wurde (meine Tochter funkte mit dem Eisbrecher «Ermak» während eines Monats zwölf Stunden täglich und doch war sie zufrieden mit dieser Arbeit). — So verging das Leben — die ganze Zeit im Dienste — meiner Tochter, meines besten Freunde und Gehilfin.

Hier habe ich eine neue Arbeit: sie besteht in der Übersetzung der Briefe meines Mannes in die deutsche Sprache. Ob es mir gut gelingt, weiss ich nicht.

In diesem Jahre ist der Sommer recht kalt, nur die letzten drei Tage schien es: «der Sommer ist gekommen» und heute ist es wieder kalt und solch ein Wind — man könnte einen Wintermantel anziehen um zu spazieren und zu Hause den Ofen heizen.

Von den Schriftstellern, die in Russland diese Zeit waren, wird Ihnen mein Mann schreiben ein anderes mal. Und wenn wir von hier fortkommen, werden wir Ihnen sogleich unsere neue Adresse geben. Ich möchte sehr meinen Brief mit den Worten «Auf Wiedersehen» schliessen, denn wer weiss vielleicht sehen wir uns ebenso unerwartet, wie wir nach Deutschland gekommen sind?!

Mit den innigsten Glückwünschen

Ihre B. Iwanowa.
29-IX-1942.

29/IX-1942.

Дорогой А. М.!

Мы живем в том же самом месте и, как прежде, ждем еще писем от Вас и Серафимы Павловны. Без писем очень грустно. Вы можете писать нам на русском языке. — у нас такой возможности нет.

Пишите же, не забывайте нас!

Ваш Р. Иванов

Дорогая Серафима Павловна!

Сердечно благодарю Вас за приглашение. Как бы мы с мужем были рады, если бы смогли к Вам приехать. Ещё в Пушкине (раньше назывался Царским Селом), мы слышали, как немецкие солдаты всё говорили: Париж — один из самых красивых городов. «Иметь желание» можно, но это не значит, что мы можем это сделать: во время войны приходится постоянно вспоминать о словах Гёте («Фауст»): «Тебе кажется, что ты толкаешь, а толкают тебя»!

Мы находимся уже пятый месяц в лагере городка Конци и уже давно ждем комиссию из Берлина, которая должна определить нашу судьбу. Но уже заранее можно сказать: пока война не кончится, нам не удастся приехать в Париж, хотя мы много могли бы рассказать друг другу.

Вы в последнем письме спрашивали, как поживают наши дети и мои племянницы Олёнушка² и Иринушка³. Обе племянницы замужем и, хотя они уже вовсе не молодые (одной 38, другой 36 лет), у каждой по еще довольно маленькой дочке: у Ирины — шестилетняя Наташа, а у Елены — трёхлетняя дочка, которую тоже зовут Олёнушкой. Моя золовка вместе с обеими дочерьми и внуками а также со снохой и её дочкой, которой 7–8 лет, уехала прошлым летом, в середине июля, из Москвы на Урал, и там они поселились в деревне. Мы надеемся, что они там с голоду не умрут. Мужу Елены столько же лет, как ее отцу, а муж Ирины и мой племянник⁴ оба мобилизованы и мы не знаем, живы они еще или нет.

Что касается наших детей, то мой сын умер еще в 1938 году, он жил в провинции и мы с ним виделись очень, очень редко⁵. Моя дочь⁶ — ей 34 года — в течение всего этого времени жила со мной, теперь она осталась в Петербурге. Что с ней, нам неизвестно. Последнее время, когда началась война, она была мобилизована как радистка и должна была оставаться в городе, раз в неделю-две приезжала она домой на несколько часов; <их> подразделение должны были эвакуировать, но мы не знаем, удалось ли это. А может быть это произошло зимой? Она была у нас в последний раз 7/IX, ее последняя открытка — от 10/IX, которую мы получили 13/IX — именно это был последний день, когда почта ещё работала, а 17/IX немцы были уже у нас в городе⁷.

Наша дочь окончила двухгодичные курсы радиотелеграфистов в военноморском техникуме и была одной из первых русских женщин, которые служили радистами на борту теплохода торгового флота. Почти два года она была радистом «дальнего плавания» и плавала из Петербурга в Черное море. В целом, она девять раз проплывала через Гибралтар, во время каждого рейса она бывала в Гамбурге, побывала несколько раз в Италии, в Генуе (однажды почти три недели) и в Неаполе (она там провела почти месяц). Такой рейс — туда и обратно — длился 3–4 месяца. Наша дочь была здорова и в хорошем настроении. (Переписка — зачастую открытка лишь с буквой «И.» — теперь пропала).

Это продолжалось вплоть до ареста отца, когда арестовали и ее тоже, и она просидела пять недель (только!) в тюрьме (из Петербурга в Одессу были посланы двое из ГПУ, чтобы там снять с корабля нашу дочь). Потом ее выпустили, без обвинительного приговора, и она вернулась на прежнюю службу; но не на корабль, а на «береговой радиотелеграф». Однако, она была вынуждена покинуть эту службу и последние шесть лет работала на главтелеграфе. Эта работа не была уже интересной, только иногда, напр<имер>, когда совершались «перелёты через Северный полюс» или когда спасали Папанина (на протяжении месяца моя дочь ежедневно по двенадцать часов была на связи с ледоколом «Ермак» и все-таки она была довольна этой работой)⁸. — Так проходила жизнь — все время на службе — моей дочери, моего лучшего друга и помощницы.

Здесь у меня новая работа: она состоит в том, что перевожу письма моего мужа на немецкий язык. Хорошо ли мне это удается. я не знаю.

Лето в этом году довольно холодное, только три последних дня показалось: «наступило лето», а сегодня опять холодно и дует такой ветер, что можно было бы надевать зимнее пальто, чтобы прогуляться, а дома печь затопить.

О писателях, которые были в это время в России, напишет Вам мой муж в другой раз. И если мы отсюда уедем, то сейчас же дадим Вам наш новый адрес. Мне бы очень хотел ось закончить своё письмо словами «До свидания», так как, кто знает, может быть, мы увидимся так же неожиданно, как мы и в Германию попали?!

С самыми наилучшими пожеланиями

Ваша В. Иванова.
29/IX-1942.

¹ Слова Мефистофеля цитируются с искажением. У Гете: «Du glaubst zu schieben, und du wirst geschoben» («Ты думаешь, что сам толкать умеешь, — глядишь тебя ж толкают <все вперед>») (пер. Н. А. Холодковского) — Фауст, I, Вальпургиева ночь).

² Елена Николаевна Оттенберг (См.: п. 41).

³ Ирина Николаевна Оттенберг (1907 — конец 1970-х)

⁴ Георгий Николаевич Оттенберг (1914).

⁵ Лев Разумникович Иванов. О его судьбесм.: «Дорогая моя и любимая Варя...». Письма Иванова-Разумника В. Н. Ивановой из саратовской ссылки. С. 436; 438.

⁶ Ирина Разумниковна Иванова.

⁷ Сохранились копии 19 писем Р. В. и В. Н. Ивановых к дочери (14 августа — 13 сентября 1941 г.), которые были переданы И. Р. Ивановой В. Г. Белоусу и Ж. Шерону в 1995 г.

⁸ См. радиogramмы от И. Д. Папанина, О. Ю. Шмидта и др., принятые И. Р. Ивановой (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 2. № 17).

72.

In russischer Sprache

21-X-1942.

Дорогой Алексей Михайлович,

открытка Ваша шла 10 дней, но все же дошла, наконец; надеюсь поэтому, что и это мое письмецо доползет до Вас к Ноябрью.

Хорошо бы, конечно, посидеть всем нам вместе в Вашей кукушкиной комнате¹, попить яблочного чаю, вспомнить старые времена и поговорить о новых. Но — «и близок рай, да дверь-то где?» — как сказано у Некрасова². Так что о поездке нашей в Париж надо надолго еще отложить попечение. Так что давайте хоть переписываться и не терять друг друга из виду. Впрочем, Вы — человек оседлый, с постоянным адресом, а мы с Варв<арой> Ник<олаевной> — дубовые листки, оторвавшиеся от ветки родимой, и куда занесет нас ветер — неведомо.

Вы спрашиваете о целом ряде людей, — а я некоторых из них давно уже потерял из вида (например С. Я. Осипова³). Федин⁴ и Леонов⁵

оба жили в Москве, печатали свои романы (средние) и вообще стояли «в первых рядах литературы»*. Алянский служил в Госиздате по иллюстрационной части⁶. Кто еще Вас интересует? Скитаясь по тюрьмам и ссылкам я многих порастерял из вида, так как большинство знакомых шарахалось в кусты при встрече с «репрессированным» человеком. Исключений было мало. Пришвин до 1937 года держался молодцом. писал мне в ссылку (в Саратов). но в «суровые времена» (1936 г. и следующие) и он перепугался. Впрочем, с конца 1939 года мы с ним снова «восстановили знакомство»⁷.

Статью Вашу о Зямятине⁸ не читал и не знаю, на что могла обидеться Людм<ила> Ник<олаевна>⁹. Где она, кстати спросить? В Париже или где в иных местах? — Удивляюсь Вашему сообщению, что Мих<аил> Ив<анович>¹⁰, бывая в Париже, ни разу не заходил к Вам: забыл «сибирские» времена. И напрасно забыл: «Сирин» не нанесет ущерба его памяти.

Вы пишете, что Зин. Ник. Гиппиус «вспоминала» меня. Воображаю, как вспоминала! Я прочел здесь ее два тома «Живые лица» (очень мне понравились) и в статье о Блоке нашел себя, как «темную личность», «переметчик» и еще что-то в этом роде¹¹. Здесь я написал ответную статью — не о себе. а о Блоке¹²; занятно было бы, если бы Зин<аида> Ник<олаевна> могла ее прочитать! Да вряд ли придется. А о ней там много. Жалею ее: тяжелая судьба — одиночество в старости¹³. А «Тата и Ната» приехали — и тоже, наверное не могут приехать в Париж? И где теперь А. В. Карташев¹⁴? Разметало всех нас, подлинно, как листья по ветру.

В последнем №-ре «Нового слова» прочел бездарный рассказ Ив. Шмелева: уж лучше бы оставался «задушенным»¹⁵! Кто еще из «старой гвардии» в Париже? Знаю только о Зайцеве и Берберовой¹⁶, которые писали мне. Писал мне и Георгий Иванов откуда-то из-под Биаррица.

Так вот, Алексей Михайлович, пишите и не забывайте. Серафиме Павловне наш двойной привет; вот поговорили бы за чаем, если бы удалось повидаться! Будем надеяться, что когда-нибудь это случится.

Gruss und Kuss! **

Р. Иванов.

¹ Независимо от места жительства Ремизова, «кукушкиной» называлась комната, совмещавшая функции кабинета и гостиной, где обычно висели механические часы с кукушкой. Описание этого особого экзистенциального и творческого пространства, неотделимого от образа хозяина и его аутобиографии см.: Резникова Н. В. Огненная память. С. 22–23; Никитин В. П. «Кукушкина»

* «раки на безрыбьи» (прим. Паанова-Разумника).

** Привет и поцелуй! (нем.)

(памяти А. М. Ремизова). Воспоминания. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 279–295.

² Неточная цитата из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»: «И рад бы в рай, да дверь-то где?» (Некрасов Н. А. Полное собр. соч. в 15 т. Т. 5. Л., 1982. С. 35).

³ См.: п. 42, прим. 1. В первые годы эмиграции Ремизов поддерживал тесные связи с Осиповым, который в 1921–23 гг. работал над биографией писателя (См.: *Осипов С. Я.* А. М. Ремизов. Материалы для биографии. 1921–1923 // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 38).

⁴ Константин Александрович Федин (1892–1977) — в начале 1920-х гг. активный участник литературной группы «Серапионовы братья». Подробнее см.: *Обатнина Е. А.* М. Ремизов и «Серапионовы братья» (к истории взаимоотношений) // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 223–237.

⁵ Леонид Максимович Леонов (1899–1994). Критика начала 1920-х гг. отмечала влияние ремизовского стиля на отдельные произведения Леонова. См. напр.: *Воронский А.* Литературные силуэты. Леонид Леонов // Красная новь. 1924. № 3. С. 305.

⁶ Самуил Миронович Алянский (1891–1974) — в конце 1910-х — начале 1920-х гг. — руководитель издательства «Алконост»; в 1920–30 гг. — работал в советских издательствах.

⁷ В 1936 г. Иванов-Разумник обратился к Пришвину с просьбой сохранить рукопись воспоминаний — «Юбилей», посвященных его аресту и заключению 1933 года. Тетрадь была запечатана в конверт и в жестяной банке закопана в саду. Летом 1937 г., накануне своего последнего ареста Иванов-Разумник получил от Пришвина письмо с просьбой забрать «экземпляр Чехова» — «под таким псевдонимом скрывалась консервная банка с рукописью»: «Московский друг мой был запуган не менее других. Он выкопал мою рукопись из ее годовой могилы, вернул ее мне и дал понять, что хорошо бы нам “некоторое время” вообще не общаться — ни лично, ни письменно». — *Иванов-Разумник.* Тюремь и ссылки («По тюрьмам на родине») // Мера. 1994. № 1. С. 148. В конце 1939 г., после выхода Иванова-Разумника из заключения и устройстве его на работу в Государственный литературный музей, его отношения с Пришвиным возобновились, и он был приглашен описывать его литературный архив.

⁸ Имеется в виду некролог «Стоять — негасимую свечу (Памяти Е. И. Замятина)» (Современные записки. 1937. Т. LXIV. С. 424–430).

⁹ Возможно, обиду Людмилы Николаевны Замятинной (1883–1965), жены писателя вызвали следующие слова Ремизова: «И каким ненужным показался мне дурацкий кинематограф — работа последних лет Замятина...» (Там же. С. 426).

¹⁰ М. И. Терещенко.

¹¹ В книге воспоминаний «Живые лица», впервые опубликованной в 1925 г., в Праге, З. Н. Гиппиус, характеризуя позиции Андрея Белого в 1917 г., писала: «Связался с издательством одной темной личности — Иванова-Разумника, что-то писал у него, ездил к нему в Царское Село. Далее — о Блоке и Белом: «Оба писали и работали в “Скифах” — издательстве этого переметчика — не то левого эсера, не то уж партийного большевика — Иванова-Разумника». — *Гиппиус З.* Живые лица. Воспоминания. Кн. 2. Тбилиси, 1991. С. 30; 32.

¹² Имеется в виду «статья об очерке Зинаиды Гиппиус про Блока (“Мой лунный друг”)), которую Иванов-Разумник включил в свой сборник историко-литературных статей «Холодные наблюдения и горестные заметы», о чем он писал А. Л. Бему 5 февраля 1944 г.

¹³ О последних годах жизни З. Н. Гиппиус в оккупированном немцами Париже см.: *Гиппиус З.* Письма к А. Л. Бему / Публ. и прим. Ж. Шерона // Новый журнал. 1997. № 209. С. 206–215.

¹⁴ С именем Антона Владимировича Карташева (1875–1960) Иванова-Разумника связывал инцидент, происшедший на заседании Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества 19 января 1913 г. Будучи председателем РФО, Карташев публично назвал проходившие прения «словоблудием», на что Иванов-Разумник откликнулся статьей «Клопные шкурки» (Заветы. 1913. № 2. Отд. II. С. 105–114), где, наряду с резко критической оценкой деятельности общества, изложил свои представления о подлинной религиозной философии. Выступление Иванова-Разумника вызвало широкий полемический резонанс в кругу Мережковского-Гиппиус. См.: *Крайний А.* <Гиппиус З. Н.> 2. Журнальная беллетристика // Русская мысль. 1913. Кн. 4. Отд. II. С. 28–29; *Философов Д.* Письмо в редакцию // Речь. 1913. 6 мая. № 121. С. 3; *Карташев А.* Письмо в редакцию // Речь. 1913. 27 мая. № 142. С. 4. Иванов-Разумник отвечал на критику в «постскриптуме» к статье «Было или не было» (Заветы. 1913. № 4. Отд. II. С. 150–151); в статье «“Полемика” и “критика”» (Заветы. 1913. № 5. Отд. II. С. 138–143; глава «Полемика»); а также в «Письме в редакцию» (Речь. 1913. 11 мая. № 126. С. 6–7), напечатанном вместе с «Ответом» Д. Философова.

¹⁵ Имеется в виду рассказ «От обезьяны» (Новое слово. 1942. 18 октября. № 83. С. 5) Ивана Сергеевича Шмелева (1875–1950) — представителя первой эмиграционной волны. О литераторах, «духовно задущенных» советской цензурой см. статью Иванова-Разумника «Задущенные» из цикла «Писательские судьбы» (Новое слово. 1942. 20 сентября. № 75. С. 4–5).

¹⁶ Письма Иванова-Разумника к Нине Николаевне Берберовой (1901–1993) см.: См.: *Cheron G.* The Wartime Years of Ivanov-Razumnik: Correspondence with N. Berberova // Literature, Culture, and Society in the Modern Age: In honor of Joseph Frank. Part II. Stanford Slavic Studies. Vol. 4:2. Stanford, 1992. P. 396–397. Ответные письма см.: Наст. изд. С. 156–160.

73.

In russischer Sprache

23–XII–1942.

Дорогие Серафима Павловна

и Алексей Михайлович!

Писал Вам ровно два месяца тому назад, — но безответно. Сегодня пишу, чтобы поздравить с наступающим Новым Годом, а после него и с нашим русским Рождеством. Варвара Николаевна и я желаем обо-

им Вам бодрости душевной и здоровья телесного. Не забывайте нас, — авось когда-либо еще и увидимся.

Адрес — прежний.

Сердечный привет!

Ваш Р. Иванов.

74.

In russischer Sprache

17 марта 1943.

Дорогой Алексей Михайлович,

переписка наша идет медленными шагами: на мою новогоднюю открытку Вы ответили 11/II. а ответ этот я получил 28/II, как раз в тот самый день, когда мы (всем лагерем) переехали на новое местожительство¹. Пока мы утряслись и устроились — еще 1/2 месяца прошло. Так-то оно:

Neu! Neu! Fugit irrepairabile tempus!* — если вспомнить старую латынь. Время бежит, мы старимся, — когда-то свидимся?

Но вот прежде всего наш адрес:

Iwanow-Rasumnik

Umsiedlungslager Konradstein

Anstalt/Haus II, Zimmer 20

Pr. Stargard (Westpr.)

Надолго ли он — Бог весть; предыдущий оказался в целый год длительностью. Во всяком случае пишите нам сюда, когда найдется время и желание.

Очень Вы меня порадовали и удивили, что Юргис² жив и живет в Париже. Если знаете его адрес — сообщите, непременно ему напишу; а если встретите — сообщите мой адрес и передайте заочный привет. Вот кого бы я повидал с удовольствием.

А Серафиму Павловну и Вас надеемся не только «повидать», этого мало; хотелось бы начать разговоры «всерьез и надолго» — за все двадцать с лишним прошедших лет. Но пока длится война — нам пути в Париж заказаны, да и что нам делать в Париже? Вы, старожилы, имете чем жить, да и то, вероятно, живется не легко. Впрочем — кому теперь легко живется? Время трудное, тяжелое, и не о легкости приходится думать, а лишь бы живу остаться. На Военно-Грузинской дороге была нависшая над шоссе скала; это место искони называлось: «Пронеси, Господи!» Экипажи старались проезжать потише и поскромнее. Вот и мы все теперь жизнестествуем под такой мировой скалой «Пронеси, Господи!». — а вот пронесет ли? Кстати сказать — скалы этой на Военно-Грузинской дороге уже нет: не так давно — сорвалась

* Эй! Эй! Летит невозвратное время! (лат.)

и полетела в пропасть, никого не задев. Мировое «Пронеси, Господи!» тоже упадет, но сокрушив под собою миллионы. И лучшее пожелание в наши дни то, которым как-то обмолвился Пушкин, — этим пожеланием и заканчиваю свое письмо, — : «постараемся быть живы».

Желаю этого Серафиме Павловне, Вам и нам с Варварой Николаевной.

Привет сердечный от нас двоих Вам обоим, — пока заочный, а когда-нибудь и лично передадим его Вам на Voileau³.

Р. Иванов.

¹ Вместе с другими поселенцами Коницкого лагеря Ивановы были переведены в Прусский Штаргард (наст. Старгород Гданьский), где их разместили в здании психиатрической лечебницы. См.: *Мор Е. (Сидорова Е.)* Воспоминания об Иванове-Разумнике / Публ. В. Г. Белоуса и Ж. Шерона // *Русская мысль*. 1996. № 4146. С. 11–12.

² Ю. К. Балтрушайтис.

³ Ремизовы жили в Париже на улице Буало, дом 7.

75.

In russischer Sprache

25–IV–1943¹.

Христос воскрес! — дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович! Оба мы поздравляем обоих Вас; будьте добры и здоровы!

Получили ли мое письмо, посланное более месяца тому назад (17 марта)? Если получили — черкните, как живется? Очень скучно без писем.

Дружеский привет от обоих обоим.

Ваш Р. Иванов.

¹ На открытке помета А. М. Ремизова: «3 V».

76.

In russischer Sprache

20–X–1943¹.

Дорогой Алексей Михайлович, пока это письмо дойдет до Вас, наступит, вероятно, уже и полугодовой день со времени кончины Дорогой Серафимы Павловны, с которой так и не привелось нам встретиться². Придется ли встретиться нам с Вами? На письма мои Вы не отвечаете — получили ли их? Вот уже три месяца, как мы живем в имении родственников на Литве (адрес на обороте)³ и проживем еще неопределенное время. Пишите — лучше всего заказным. Когда получу — напишу Вам большое письмо. Сегодня же посылаю открытки и Б. К. Зайцеву и Н. Н. Берберовой, которые тоже совсем меня забыли. Варвара Николаевна клянется: на могиле Серафимы Павловны вспомните и о нас. Не забывайте!

Р. Иванов.

¹ На открытке помета А. М. Ремизова: «б XI».

² Ср.: «В Праге, вероятно, известно, что 13 мая скончалась Серафима Павловна Ремизова. Недавно получил письмо от Алексея Михайловича об этом; пишет он — тяжело ему досталась вообще жизнь, да и литературная жизнь в частности. Теперь он остался совсем одинок; “сорок лет странствовали вместе” — пишет он про Серафиму Павловну. А в Землю Обетованную так и не попали. Очевидно — это не суждено нашему поколению» (Из письма Иванова-Разумника к А. Л. Бему от 6 июня 1943 г. — Прага. Литературный архив Музея национальной литературы. Фонд А. Л. Бема).

³ «Frau N. Jankauskas (für I.-R.) Ostland. Litauen. Kreis Kedahnen. Post Surviliški. Gut Daniliški». Речь идет об имении Янковских (Янкаускасов) — родственников Иванова-Разумника по материнской линии (Данилишки, Ковенской губернии, Паневежского уезда, Литва). Архивный фонд Департамента земельной реформы, в деле за 1928–38 гг. об имении Данилишкес, волости Сурвилишкис, Кедайняйского уезда, располагает сведениями о том, что с 7.05.1891 имением владел Константин Янкаускас. после его смерти упомянутым имением владела Барбара Янкаускене, которая своим завещанием оставила его своему единственному сыну Платону Константиновичу Янкаускасу (Литовский центральный государственный архив. Ф. 1248. Оп. 9. Д. 717). П. К. Янкаускас — двоюродный брат Р. В. Иванова.

77.

In russischer Sprache

2-II-1944¹.

Дорогой Алексей Михайлович,

очень я виноват пред Вами: так давно не писал, что и вспомнить не могу — когда. Не потому, чтобы мы забыли вас и Серафиму Павловну (напротив, очень помним и часто вспоминаем), а потому, что жизнь теперь взвихренная, дни летят быстро, а время ползет медленно. А вернее, может быть, наоборот: время летит быстро, а дни за днями ползут медлительно. Вообще, по Шекспиру — мир сошел с оси², и пока он не придет в порядок — не войдет в норму и время, не придем в порядок и все мы.

Вот и теперь: прожили мы месяцев 7–8 в деревне, у племянницы (она сама прилагает к моему письму свой листок; помнит, что в давние года, когда она была девчонкой, Вы и Серафима Павловна прозвали ее «Пищик Иванович»³); теперь собираемся в путь — и с середины марта наш адрес будет такой:

Allemagne. An Herrn Amtsgerichtsrat Olaf Welding (für I–R)
Deutschland. Konitz (Westpr.) Denkmalsplatz, 2⁴.

Сколько проживем там — обстоятельства покажут; но пока — пишите нам туда; очень будем ждать Ваших писем. — Сегодня же пишу в Париж и Н. Н. Берберовой, и Б. К. Зайцеву (от последнего только что получил пись-

мо). Знаю из газет о том, что в Париже в первых числах января скончался Ю. К. Балтрушайтис; вот и с ним не удалось повидаться!⁵

В грустном письме Вашем одно порадовало — это то, что Вы усиленно работаете⁶. Всем нам немного осталось работать на свете, годы наши такие, и хорошо последние годы нашей жизни провести в труде «на память потомкам». Но авось — еще поживем, авось еще увидимся и Вы прочитаете нам то, что писали эти годы.

А пока — оба мы обнимаем Вас и просим не забывать.

Ваш Р. Иванов.

¹ На письме помета А. М. Ремизова: «4 III».

² Вероятно, имеются в виду слова Гамлета: «The time is out of joint» («Гамлет», акт I, сцена V).

³ Возможно, под впечатлением этого знакомства Ремизов написал рассказ «Птичка», главной героиней которого была маленькая девочка Мильда — дочка хозяйки усадьбы, где отдыхал писатель (См.: *Ремизов А.* Весеннее порошье. СПб: «Сирин», 1915. С. 13–20).

⁴ Ивановы поселились в Конице у судебного советника Олафа Федоровича Вельдинга. Подробнее см.: *Раевская-Хьюз О.* Иванов-Разумник в 1942 году. С. 224–225.

⁵ Ю. К. Балтрушайтис скончался 3 января 1944 г.

⁶ После смерти С. П. Ремизовой-Довгелло здоровье Ремизова резко ухудшилось; тем не менее, находясь в оккупированном Париже, под ежедневными бомбардировками, он продолжал работать над книгой, посвященной памяти Серафимы Павловны (*Ремизов А.* В розовом блеске. Нью-Йорк. 1952), а также над воспоминаниями о детстве (*Ремизов А.* Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут памяти. Париж, 1951) и начале литературного пути (См.: *Ремизов А.* Иверень. Загогулины моей памяти / Ред., послесл., коммент. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986). Ср. с письмами Ремизова к Н. В. Резниковой этого времени: *Russian Literature Triquarterly*. 1986. No. 19. P. 274. (Публ. S. Aronian).

78.

In russischer Sprache

26-II-1944¹.

Ecrit en russe.

Данилишки.

Дорогой Алексей Михайлович,

вдогонку большому письму, которое я и Пищик отправили Вам с неделю тому назад, пишу сегодня открытку, которая дойдет скорее и вернее, чтобы сообщить главный пункт закрытого письма: со второй половины Марта наш адрес меняется, ибо наш литовский Urlaub* закончился; наш адрес теперь будет:

An Herrn Amtsgerichtsrat Olaf Welding (für I–R) 5^a. Konitz (Westpr.) Denkmalsplatz, 2.

* отпуск (нем.)

Будем ждать там Ваших писем; авось они будут доходить туда скорее, чем до нашей литовской деревенской глуши.

Сегодня — Масленица; едим блины и вспоминаем старые времена! Привет от Варвары Николаевны; не забывайте нас.

Ваш Р. Иванов.

Р. С. Одновременно писал и Б. К. Зайцеву, и Н. Н. Берберовой.

¹ На открытке помета А. М. Ремизова: «20 III».

79.

Russisch

7-IV-1944.

Кониц.

Дорогой Алексей Михайлович, авось эта открытка моя дойдет до Вас к нашей Пасхе: Христос воскрес! Варвара Николаевна и я трижды целуем Вас и вспоминаем в эти дни Серафиму Павловну, через месяц уже и годовщина будет. На днях в старом томе «Современных Записок» прочел Ваш рассказ «Кран Гиппопотама», — как Вы встречали Пасху в Париже десять лет тому назад¹; как-то встречаете теперь? Там же прочел, что «Сны» Тургенева вышли еще тогда же². Пушкин. Толстой. Лесков, Достоевский — большие клады снов, но не забудьте и Лермонтова³. Поздравляю, что книгу кончили: когда-то появится она по-русски!⁴ — Я за время сидения в Данилишках закончил по старым материалам целых четыре книги, листов по 12 каждая, а Варв<ара> Ник<олаевна> перестукала их на машинке: вот и все возможности издания по нашему времени⁵.

Из деревни я и Пищик написали Вам большое письмо, да не дошло; спасибо, что хоть открытка дошла. Пишите нам сюда в Кониц, где мы пребываем с конца Марта; комната отдельная, удобная и теплая; у хозяина квартиры библиотека большая; городок маленький и тихий, работать удобно.

Крепко помним Вас оба.

Не забывайте и Вы нас. Ваш Р. Иванов.

¹ Современные записки. 1932. № 50. С. 96–112.

² См.: Ремизов А. Тридцать снов Тургенева // Воля России. 1930. № 7/8. С. 580–623.

³ Имеется в виду «сновидческая» традиция в русской литературе, генеалогию которой Ремизов наметил в своей первой работе о поэтике сновидений, взяв за основу творчество Тургенева (См.: прим. 2). Впоследствии этот текст вошел в книгу «Огонь вещей. Сны и предсонье» (Париж: «Оплешник», 1954), где наряду с осмыслением темы сна в произведениях Гоголя, Пушкина, Толстого и Достоевского, содержался творческий комментарий к стихотворению Лермонтова «Сон» (глава «Сквозные глаза. Сон Лермонтова»).

⁴ Вероятно, подразумевается роман Ремизова «В розовом блеске» (См.: п. 77, прим. 6). Отдельные главы из этого романа выходили по-французски в 1943 году в различных периодических изданиях (См.: Alexis Remizov. Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov / Établie par Héléne Sinany. Paris, 1978. S. 78–79). Полностью на русском языке книга вышла лишь в 1952 г. Ср. также с письмом Ремизова А. Л. Бему от 16 апреля 1944 г.: «К годовщине смерти Серафимы Павловны думаю, закончу всю книгу: сейчас пишу приложение, Выходит “thréne”* и только общее заглавие не могу придумать» (Прага. Литературный архив Музея национальной литературы. Фонд А. Л. Бема).

⁵ Речь идет о книгах воспоминаний «Тюрьмы и ссылки» и «Холодные наблюдения и горестные заметы», сборнике статей на литературные темы «Письма без адресатов», а также об итоговой философской работе «Оправдание человека». «Тюрьмы и ссылки» увидели свет в Нью-Йорке, в 1953 г., судьба остальных рукописей неизвестна.

80.

Russisch

31–V–1944¹.

Конец.

Дорогой Алексей Михайлович, Ваше письмо получили 13 мая, в день памяти Серафимы Павловны, и поминали ее, и вспоминали Вас. Время бежит, нас не ждет, — как скоро год прошел! И не верится даже, что мы уже два с половиной года без отечества, а Вы уж и все двадцать три года... Писал мне недавно Б. К. Зайцев, спрашивал — как я думаю, вернемся ли? Я ответил (вчера письмо послал) словами из Писания: «и покажах ю очесем твоим и тамо не внидеши»²... Это наша судьба.

Будем же последние дни и годы, кому сколько дано, работать на чужбине. Рад за Вас, что Вы много работаете, — как хотелось бы прочесть! Да не по-французски, а по-русски. Авось дождемся времени, когда можно будет печататься и на родном языке. Делаю эту попытку даже сейчас: издательство во Фрейбурге предложило издать две мои книги «Писательские судьбы» (10 печ. лл.) и «Тюрьмы и ссылки» (14 печ. лл.) сразу и по-русски и по-немецки. Послал, но не очень верю в возможность издания теперь, — до того ли!³

Как странно читать в Вашем письме знакомые имена — Ольга Елисеевна⁴, Пелагея Ивановна⁵... Тридцать лет от «Сирина» и от «Заветов» прошло — и мы всё еще живы, после всего пережитого, — иной раз даже и не верится. Также странно получать письма от Сергея Порфирьевича (мы с ним часто переписываемся), от Б. К. Зайцева, да и

* погребальный плач (фр.)

вообще от всех людей нашего поколения. Много ли нас однако осталось? И много ли еще останется до конца войны, которой конца не видать? Но — как сказал Пушкин — «постараемся быть живы». Этим общим пожеланием всем нам сегодня заканчиваю письмо. Не забывайте нас письмами и впредь, дорогой Алексей Михайлович; очень мы с Варварой Николаевной одиноки в безвестном городишке. Оба сердечно приветствуем и кланяемся.

Ваш Р. Иванов.

¹ На письме помета А. М. Ремизова: «б VI».

² Вероятно, имеются в виду слова из Библии, обращенные к Моисею: «Взойди на вершину Фасги, и взгляни глазами твоими к морю, и к северу, и к югу, и к востоку, и посмотри глазами твоими; потому что ты не перейдешь за Иордан сей» (Втор. 3, 27).

³ В анонимной заметке «Разумник Васильевич Иванов», предварявшей нью-йоркское издание «Писательских судеб», указывалось, что работа «“Холодные наблюдения и горестные заметы” (о большевистских и немецких зверствах — ...была закончена и уже набиралась в типографии, когда в нее попала бомба — набор и рукопись сгорели)». — *Иванов-Разумник Р.* Писательские судьбы. С. II.

⁴ Ольга Елисеевна Чернова-Колбасина (1886–1964) — литератор, жена В. М. Чернова. О ее встречах с Ивановым-Разумником и Ремизовым см.: *Резникова Н. В.* Огненная память. С. 33–35.

⁵ Пелагея Ивановна Терещенко — совладелица издательства «Сирин».

Приложение

Подкальватель¹

Подкальваньё — не под силу заурядному нынешнему «революционеру» (я говорю о «революционерах» в кавычках, т. е. о тех «торжествующих», что мчатся вперед на известной «красной тройке»). Так вот, «революционер» сегодняшний из простых, из темных — он дубнет тебя не благословясь наотмашь, и ладно. Гнев народный, глядишь, и утолен. И закурить можно.

Не то — нынешний революционный красно-троечник с культурными вкусами, с буржуазными «литературными» запасами. Дубье или обыкновенная пальба не утоляет его «революционного пафоса». Что-то иное, более утонченное, ему требуется. Он уже в некотором роде «гурман». Он вас заманит за уголок, обмахнет ласково всякими словесами, вывернув да оплевав их и тут же, тихонечко, остренько и гаденько вас подколлет.

Так, на наших глазах, заманил Иванов-Разумник Алексея Ремизова в укромный уголок и там его подколол. Укромный уголок — это разумовский «литературный» сборник (II) «Скифы».

Я не буду распространяться о том, кто такой А. Ремизов. Это все знают. Знаем мы, давно, и господина Разумника со всех сторон: нас, ведь, не запугаешь «высоко-литературными» словами, каждому цена известная... Нет, я остановлюсь только на последнем деянии нашего крайнего, нашего правительственного «революционера» (тьфу, чур меня!) Ив.-Разумника: на том, как он, заманив, *подколол* Ремизова.

Ремизов написал очень сильную, яркую и бездонно искреннюю вещь — «Слово о погибели Русской Земли». Нет сомнения: миллионы русских людей (если бы эти миллионы ее прочитали) узнали бы в ней свою душу. Воистину «Слово» их же, еще бессловного вопля. Но Слово станет плотью, и тогда — только тогда, воскреснет Россия. *Революционная*, ныне закованная и мертвая, Россия.

Вот какое это «Слово». Его, впрочем, знают читатели: оно было целиком напечатано в одном из №№ «Воли Народа». Ив.-Разумник упростил Ремизова напечатать «Слово», как прекрасную, сильную вещь и в своем «чисто-литературном» сборнике «Скифы» (заманил в уголок). Действительно, напечатал. Сполна. Но тут же, тотчас после Ремизова, напечатал и свой... доносик на Ремизова. Именно доносик, если не цельный доносище (подколол). Назвать иначе статью Разумника о Ремизове и его «Слове» — нельзя. Весь сопроводительный арсенал литературных красот, все библейские и евангельские цитаты, кощунственно (и невежественно) вывертываемые наизнанку — лишь гурманство подкальвателя, утончение шила, чтобы поглубже вошло. А суть в доносе. И доносит Разумник — следующее: Ремизов защищает «самодержавие, православие и народность». Ремизову ненавистна *всякая** революция. К «обезьяньему гикю» Ремизова, к его «заушенью революции» «присоединится малодушный всесветный мещанин» и т. д.

Следует строка о «каре» Ремизова, «ибо нельзя безнаказанно заушать»... «распинаемую» идею, — читай «торжествующую». Ив. Разумник тут некстати вывернул: ведь если что и «заушает» Ремизов, то как раз торжествующую «красную тройку», на запяточках коей примостился и Разумник.

Сделаем дальнейшие выводы.

Черносотенное «Слово» Ремизова было напечатано, без комментариев (т. е. как «свое») на страницах с. р.-ской газеты. Значит, кивая на Ремизова, кивает Разумник и на руководителей газеты. Револю-

* Курс. подлинника.

ционеры? Как бы не так! Даже не «калединцы», а прямо «николаевцы»; у них Ремизов «трех китов» и «самодержавие» защищает, нашу «тройку» заушает! Если Разумник не доходит до «Воли Народа», то лишь потому, что выдерживает «чисто-литературный» стиль: в «чисто-литературном» сборнике не принято говорить о «газетах». Он скажет (еще не говорил?) в газете же, в «Правительственном Вестнике» г. Мстиславского, «Знамени Труда». (Г. Мстиславский не может, как все знают, жить без «Вестника» — все равно какого «Правительства»)².

Да, что объяснять? Знают Ив. Разумники, прекрасно все знают. Вот это-то и страшно, что знают. И что Ремизов не черносотенец, не «за самодержавие» стоит, а к подлинному русскому свободному и гордому духу взывает — и это Разумнику ясно. Только Разумник, с его гордой революцией, ему враг. Вот и нужно кивнуть дурным, детским головам на Ремизова, и замануть его в Скифный проулочек, да подколоть шильцем; а чтоб поострее — со святыми цитатами. У Разумников, этих фон-Зонов Достоевского³, для борьбы с врагами, с революционерами настоящими, — все средства хороши. Не брезгают. Так было... при Николае, так есть и при Николайчиках-Разумниках.

Да, между ними и нами — пропасть. Вы еще захотите перескочить ее, будете пытаться, но знайте: мы вам встречной руки тогда не протянем.

И это вздор, что Россия погибнет. Никогда она не погибнет, сколько бы вы ее ни душили и ни рвали. Ее малых детей и ее свободных сынов — подлинных революционеров, — вы сможете еще перебить, сколько успеется. Можете еще и подкалывать, и «плевать и заушать», и кричать (история повторяется) — «распни, нет у нас царя, кроме Кесаря!»

— Кричите, мы не боимся: будет третий день, воскреснет Россия!

А вы, — ничего не боитесь?

Ой, бойтесь! Мчится «красная тройка», пыль, искры и комыря грязи летят в лицо Ив. Разумника, скорчившегося на передке... Птица-тройка! И вдруг... вы не боитесь, Ив. Разумник? Вдруг оборачиваются лошадиные головы, все три, и видите вы их длинные морды, и скалятся желтые зубы (как у Гоголя в «Страшной мести»), скалятся, — смеются: и коренник багровый, и пристяжные кровавые...

Этого еще не было, но это будет. Вы еще вспомните тогда Ремизова, г-да Разумники-Ивановы. Но он не напишет «Слова о гибели»... вашей. Он будет славить возрожденную Россию и ее святую революцию, ее Звезду Утреннюю.

Ип. Трилесов

¹ Статья была опубликована в «Воле страны» (первоначальное название «Воля народа») — ежедневной, литературно-политической газете, издававшейся правыми социалистами-революционерами А. А. Аргуновым, И. А. Гукоским, П. А. Сорокиным, Е. А. Сталинским (1918. 24 января. № 8. С. 1–2). Автор неизвестен. Примечательно, что рядом с «Подкальвателем» был напечатан фельетон близкого друга Иванова-Разумника М. М. Пришвина — редактора литературного приложения газеты — «Россия в слове» и постоянного автора «Воли народа». Откликаясь на «Подкальвателя», Е. Г. Лундберг писал Ремизову 28 января 1918 г.: «Вы знаете, что я далек от партий, литературн<ых> дрязг и пр. и м<ожет> б<ыть> в силу этого по хорошему восприимете мой совет, кот<орый> я вправе дать в 1х, по долгому нашему знакомству, во 2х, потому, что люблю Вас. / Всякая литерат<урная> — и иная — борьба хороша, когда она ведется умными и честными руками. Сегодня я прочел в “Воле Народа” статью об Иванове-Разумнике. Вы знаете, как во многом расходимся мы с Ив<ановым>-Раз<умником> — не меньше, чем с Вами расходимся. Темнить одного, обелять другого у меня нет ни желания, ни причин. / Но ясно одно: 1) статья Воли Народа оскорбительна для Вас, ибо Вы трактуетесь как дурачок в ней 2) статья лично — озлобленная 3) злоба в ней дурная — и глупая. и пошлая и пошло-<прож?>женная; эту статью не мог по тону и по словам написать порядочный человек 4) всем известно Ваше влияние на бедного запутавшегося Мих. Мих. Пришвина 5) всем известны Ваши личные связи, связи серьезные и деловые с Ив<ановым>-Раз<умником>. / Это с одной стороны. / С другой — Разумник делает свое литерат<урное> дело и умно и чисто. / Ну-ка, сопоставьте. Вы понимаете в каком положении оказывается Вы, если Вас будет защищать пошлым тоном какой-то (вероятно, по стилю коллективный) между нами будь сказано дурак? Статья непроходимо глупа и мерзка. Ведь это же марают Вас? Неужели Вы этого не видите? Марают и Пришвина. Если не Вы, то Серафима Павловна должна это видеть. / Что бы ни было впереди. Вы не должны смешиваться с мелкими и пошлыми защитниками. Вы должны как писатель отмежеваться. Если Вы сами, или чужие руки поведут борьбу литерат<урно> умно, зло, ярко — все будет хорошо. Если глупо, мерзко и пошло, это на Вас же упадет. Выгашите Вы *Пришвина* из газетной сутолоки: загубит свой талант, измарается, жалко. И себя поберегите» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 150. Л. 49).

² Намек на сотрудничество С. Д. Мстиславского в дореволюционном «Правительственном Вестнике». Подр. см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и комм. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 125.

³ Дело об убийстве фон Зона содержанием притона М. Ивановым и его сообщниками в январе 1870 г. послужило основой для романа Достоевского «Бесы». Образ фон-Зона применительно к Иванову-Разумнику возникает также в статье Антона Крайнего (З. Н. Гиппиус) «Неприличия» (Современное слово. 1918. 16 (3) июня. № 3554).

Иванов-Разумник и Леонид Андреев*

Интерес Иванова-Разумника к творчеству Леонида Андреева возник еще до их личного знакомства. Весной 1908 года он выступал с лекциями¹, материалы которых легли в основу книги «О смысле жизни: Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов» (СПб., 1908). В раздумьях «о смысле существования каждого отдельного человека и всего человечества» Иванов-Разумник не случайно остановил свое пристальное внимание на изучении творчества Л. Андреева, Ф. Сологуба и Л. Шестова — «столь различных и столь близких друг другу писателей». Соединение этих имен он объясняет тем, «что во всей современной русской литературе только эти три писателя поставили во главу угла своего художественного и философского творчества вопрос о смысле жизни»².

Автор подводил некий итог творчества Андреева, именем которого, по его мнению, «будет обозначена» «современная эпоха русской литературы». Отвечая на вопрос: «В чем и каково значение Л. Андреева?», Иванов-Разумник писал: «В Л. Андрееве осуществился переход от общественно-этических к философско-этическим проблемам; в творчестве Л. Андреева мы видим возвращение “назад к Достоевскому”. Это возвращение назад бывает иногда громадным шагом вперед. <...> Вечные карамазовские вопросы снова поставлены на очередь современным художественным творчеством; трагические проблемы снова стоят перед нашим сознанием и требуют ответа. Цель, смысл и оправдание отдельной жизни человека; цель, смысл и оправдание общей жизни человечества — на все эти вопросы Л. Андреев дает нам, может быть, сам того не сознавая, один из возможных ответов своим творчеством. И в этом — главное его значение в современной русской литературе»³.

В октябре того же года Иванов-Разумник опубликовал статью «Талантливое сочинительство. (По поводу “Моих записок” Леонида Андреева)»⁴. Написанная в годы реакции, в период усилившегося трагического мироощущения Андреева и, одновременно, высокой творчес-

* Автор выражает благодарность К. А. Кумпан за помощь в работе над данной статьей.

кой продуктивности⁵, — повесть «Мои записки»⁶, как и большинство других его произведений, вызвала очередную волну обсуждений и споров. Этот рассказ от лица человека, приговоренного за убийства к пожизненному заключению, называли «психологическим» и «художественным ребусом», «шифрованной литературой», пытались разгадать ее «подлинный смысл»⁷. Сам Андреев придавал этой повести особое значение: негодовал, встречая непонимание, а некоторые критические выступления воспринимал, соглашаясь с Горьким, как травлю⁸.

Иванов-Разумник в своей статье о повести, не умаляя «громадный талант» писателя, критически оценивал художественное воплощение всё тех же размышлений о смысле жизни. По его мнению, «Л. Андреев еще больше укрепился на своей прежней точке зрения, — на убеждении в *объективной бессмысленности жизни*», но излагает ее неубедительно, создавая не «живые образы и типы», а «ходячие символы и аллегории».

Спустя почти месяц после опубликования статьи, 25 ноября 1908 г., Иванов-Разумник возвращается к обсуждению повести в письме к Д. П. Носовичу⁹: «Многоуважаемый Дмитрий Павлович, / одновременно с этим письмом высылаю Вам бандеролью 251-ый № “Русских Ведомостей” (от 29/X), из которого Вы увидите, что я сказал о “Моих Записках” Л. Андреева еще месяц тому назад. Как увидите, мы с Вами смотрим на эту вещь почти одинаково. / Вы пишете, что “Мои Записки” Л. Андреева — как будто бы ответ Л. Шестову и мне. На первое уже обратил внимание критик “Вестника Европы” (М. О. Гершензон) в своей рецензии на рассказ Л. Андреева (Вестн<ик> Евр<опы>, № XI). А я со своей стороны имею основания предполагать, что “Мои Записки” — отчасти ответ Л. Андреева на мои весенние мысли “о смысле жизни”, т. е., значит, на известную Вам мою книгу. / Ваша мысль написать по поводу “Моих Записок” Л. Андреева — Д. С. Мережковскому и поздравить его с прибытием ожидаемого Антихриста — очень удачна; жаль, если Вы не привели эту мысль в исполнение. Воображаю, как преисполнился бы гневом и презрением уважаемый Д. С. ... / Всего лучшего. Не будете ли Вы 2-го дек<абря> на “Черных Масках”? Я буду, — (хотя и должен — но не буду — в этот вечер читать в Зале Городской Думы о Л. Андрееве на литературном вечере)»¹⁰.

Иванов-Разумник имеет в виду фрагмент из рецензии М. О. Гершензона, в которой о «Моих записках» говорится: «Можно подумать, что Л. Андреев задался целью воплотить живой образ учения Л. Шестова. Этот замечательный мыслитель утверждает, что человечество, не имея мужества прямо смотреть в глаза ужасной правде бытия, создало себе бесчисленные иллюзии, долженствующие симулировать осмысленность и приятность жизни <...> Повесть Л. Андреева удивительно похожа на эту схему»¹¹.

Упоминание в письме Д. С. Мережковского также не случайно. В прочитанной в Париже 11 января 1908 г. лекции, опубликованной затем в «Русской мысли» (1908, № 1) под заглавием: «В обезьяньих лапах. (О Леониде Андрееве)», Мережковский рассматривает произведения Андреева («Жизнь Василия Фивейского», «К звездам», «Савва» и др.) в свете своей главной после 1905 года идеи: истинная революция должна быть религиозной. Андреев же, по мнению автора, как и многие представители русской интеллигенции, не понял этого. Во всяком случае, позиция его остается для Мережковского непроясненной: с кем писатель — с Саввой, утверждающим хаос, желающим уничтожить идею Бога и считающим себя предтечей Антихриста, или — с Богом?

Очевидно, недовольство Андреева рядом критических выступлений не распространялось на статью Иванова-Разумника, выдержанную в уважительном и доброжелательном тоне. Об этом свидетельствует его первое письмо к Иванову-Разумнику¹², представляющее собою ответ на просьбу прислать только что законченную пьесу «Анатэма» с целью включить ее критический разбор в свою очередную книгу¹³. Ошибка в обращении, — вероятно, знак того, что личное знакомство еще не состоялось.

<17.04.1909>¹⁴

Многоуважаемый Разумник Иванович.

С большим удовольствием — мне очень ценно Ваше мнение — пришлю Вам «Анатэму» для прочтения. И буду крепко благодарен, если Вы хотя бы и в немногих словах поделитесь Вашими впечатлениями. Точка еще не поставлена и всякое указание на погрешность вещи будет для меня важно.

Но мне очень не хотелось бы, чтобы в Вашей книге Вы говорили о пьесе. Напечатана она будет только в Октябре, и с точки зрения правильности оценки мне кажется нежелательным, чтобы читатели раньше знакомились с критическим анализом произведения, нежели с самим произведением.

Жму Вашу руку.

Леонид Андреев.

Опасения Андреева оказались не напрасными: нападки на пьесу начались уже после прочтения автором отрывка из нее. Писатель с горечью сокрушался: «Если бы я сделал сотни преступлений, — грабил, убивал, я никогда не услышал бы столько оскорбляющих и злобных слов, столько клеветы <...> Моя «Анатэма» еще не вышла в свет, а ее уже бранят и меня «ликвидируют» <...> Но помилуйте, ведь пьесы еще нет, ее никто не читал, она не поступила в продажу... разве критика имеет право становиться между писателем и читателем? Писатель имеет же право непо-

средственного обращения к нему! Если бы я писал статью о писателе моего положения, я озаглавил бы эту статью: “На лобном месте”...»¹⁵

После публикации «Анатэмы» (СПб.: Шиповник, 1909) и ее сценического воплощения (премьера в МХТ 2 октября 1909 г.) усилились не только резкие критические выступления, но и обвинения в богохульстве со стороны церковных кругов, черносотенцев и, как следствие, запрещение пьесы к постановке, что сильно травмировало автора.

Первое упоминание о встрече Иванова-Разумника и Андреева мы находим в письмах критика к А. М. Ремизову 1910 года. Так, 23 сентября он сообщает о получении официального приглашения на чтение андреевской пьесы «Океан»¹⁶ в помещении издательства «Шиповник»¹⁷ и зовет с собой Ремизова: «Я <...> пошел бы, если бы была у меня там хоть одна душа живая знакомой». И далее: «От “Океана” я многого не жду, если ошибаюсь — тем приятнее, если нет — уедем незаметно хоть в начале».

«Ожидания» критика оправдались. 26 сентября, на следующий день после чтения, Иванов-Разумник пишет Ремизову: «Совсем чужда мне эта вещь <...> Язык — невозможный»¹⁸.

По сообщениям прессы, уделившей немало внимания этому значительному событию, на чтении и обсуждении (под председательством С. А. Венгерова), закончившихся лишь под утро, присутствовало около ста пятидесяти человек. Даже вездесущему и, безусловно, знакомому с большинством слушателей Ф. Ф. Фидлеру удалось «с каждым и каждой <...> обменяться в этой тесноте (несмотря на громадные комнаты) лишь несколькими незначительными словами». К самому же Андрееву «<...> удавалось лишь изредка и урывками приблизиться <...> — его постоянно окружали люди»¹⁹. Вряд ли Иванову-Разумнику, ушедшему «на середине третьей картины», повезло больше.

Более близкое знакомство Иванова-Разумника и Андреева произошло, очевидно, в 1912 году. 26 января он делится с Ремизовым: «Был в Воскресенье с утра до вечера у Л. Андреева. Понравился он мне очень — хотя и в другом роде, чем Короленко. — Говорили с Андреевым целый день и, кажется, договорились до точки; вообще я очень доволен этим посещением. Расскажу потом подробно»²⁰.

В связи с очередным «шумом и страстными спорами» вокруг опубликованных в 1912 г. пьес Андреева «Профессор Сторицын» и «Екатерина Ивановна» Иванов-Разумник напомнил на страницах «Заветов» свое высказывание о значении писателя в истории русской литературы из книги «О смысле жизни»²¹ и добавил: «Слова эти более чем уместно повторить теперь, когда считается признаком хорошего литературного тона провозглашать “конец Андреева” и грубо лягать этого большого писателя...»²²

В конце 1911 — начале 1912 г. велись переговоры между издательством «Шиповник» и Ивановым-Разумником и А. Бенуа «об издании в Петербурге ежемесячного художественного, литературного и критического журнала. Ближайшее участие в литературном отделе должны были принимать Леонид Андреев, А. А. Блок, А. М. Ремизов», — вспоминал Иванов-Разумник в 1940 г.²³ Но замысел не был осуществлен.

15 (28) мая 1912 г. Андреев писал Горькому: «А вот. Алексей. как ты отнесешься. Затеяли мы с Разумником (главным образом я, говорю это для характера), задумали сборник в пользу ленских рабочих, дешевый, не дороже полтинника. Обещал Короленко, никого предосудительных и просто равнодушных не будет, постараемся почище и поискреннее. Не захочешь ли и ты дать рассказик или статейку? Хоть и работает по материалу В. Е. Копельман²⁴. но фирмы “Шиповника” не будет».

«Сборник в пользу ленцев, конечно, не пойдет, и затеяли вы его напрасно», — отвечал Горький и оказался прав: издание не состоялось²⁵.

Однако сотрудничество Иванова-Разумника и Леонида Андреева (хоть и не долгое) все же осуществилось в возникшем в апреле 1912 г. журнале «Заветы», где с сентября 1912 г. по август 1914 г. Иванов-Разумник вел отдел «Литература и общественность», печатал критические статьи, а «в своей литературной политике стремился к консолидации всех, с его точки зрения, значимых для современности имен, независимо от их эстетических и общественных позиций»²⁶. Скорее всего, именно ему принадлежала инициатива привлечения в «Заветы» Леонида Андреева. Следующее письмо, возможно, является ответом на приглашение Иванова-Разумника к разговору об этом:

Многоуважаемый Разумник Васильевич! Не осуждайте и не браните меня за молчание, меня и так загрызла совесть. За все лето я не написал не единого письма, не отвечал на телеграммы, разучился говорить и только болтался по морю, как летучий голландец. Дождь, ветер, добрый хозяин собаки не выгонит, на море ни единой лодчечки — только и народу на море, что я с своим «Далеким»²⁷. Здорово накувыркался, а теперь, двадцать пятого, собираюсь начать кувыркаться до Петербурга. Сколько пройду — одному Богу известно, так как погода стоит худая, а «Далекому» настоящие штормы не под силу; придется кое-где пережидать. Но во всяком разе начало сентября застанет меня уже дома, и тогда всласть побеседуем!

Вероятно, Копельман и Дымов²⁸ уже рассказали Вам о наших совместных скитаниях. Кажется, я запугал их своим сугубо морским видом и настроением: все разговоры. не касающиеся вех и

фарватера, я считал посторонними. Сидят себе на корме и потихоньку шепчутся о литературе.

Итак — будем говорить! Пока же — сердечный привет и пожелания всего доброго.

И крепко жму руку

Леонид Андреев.

18 августа 1912.

Два последних сохранившихся письма отражают краткий период сотрудничества Андреева в «Заветах»:

Дорогой

Разумник Васильевич!

Не знаю, удастся ли мне кончить «Авиатора» и к половине Ноября — много спешной и срочной работы, от которой не могу отойти. Постараюсь — но без ручательства и без гарантии. Штука еще в том, что я написал, закончил новую драму, а ни печатать, ни ставить ее не буду; и очень возможно, что мне на днях придется сесть за писание третьей в этом году пьесы.

Привет!

Ваш

Леонид Андреев.

11 октября 1913.

* * *

Дорогой Разумник Васильевич! Однако же — не сердитесь. «Авиатора» никак кончить скоро не удастся, а вот написал я две небольшие вещи, в общей сложности меньше листа. Может быть, подойдут? Одна называется «ТРИ НОЧИ», начата давно, последние строчки написаны теперь. Вторая — «ВОСКРЕСЕНИЕ ВСЕХ МЕРТВЫХ» только что соорудил; первая — о смерти, вторая, как из заглавия видно, о жизни и воскресении. Промежуток между рассказами и *настроями* и почти два года, и в датах необходимо это отметить.

Но вот в чем неприятная штука: меньше тысячи за лист я никак взять не могу. Вещи маленькие, а труда стоят большого, пишутся, как стихи — подойдет ли это Вам²⁹? За небольшие вещи мне все журналы платят столько, также и газеты.

По получении от Вас ответа пришлю вещи; могут попасть в декабрьскую книжку.

Привет!

Ваш Леонид Андреев.

20 октября 1913.

В первом, январском, номере «Заветов» за 1914 г. были напечатаны два из упоминаемых в письмах рассказа Андреева: «Три ночи» и «Воскресение всех мертвых». Публикация третьего — «Авиатора» — по неизвестным нам причинам не состоялась. Однако, думается, не случайно первым же предложенным Иванову-Разумнику произведением стал именно этот рассказ — очередное символически изложенное размышление «о смысле жизни». Повествование о летчике, в гибели которого автор видит и другой смысл: освобождение, полет. Заглавие, не в полной мере отражавшее замысел рассказа, при первой публикации было заменено на «Надсмертное»³⁰. Спустя два года рассказ, которым Андреев дорожил «как выражением своего миропонимания»³¹ получил заглавие «Полет», был включен в шестнадцатый том его Собрания сочинений и дал название всему тому³².

В том же, 1916 г., в письме к В. Н. Архангельскому от 6 мая Андреев так определял значение этого рассказа в своем творчестве: «Жизнь и красота утверждается не одними восторгами и комплиментами, но и скорбью. Смысл жизни не может быть исчерпан и определен несколькими словами и понятиями; и каждый человек добывает его для себя многолетним упорным трудом, поисками и размышлениями. <...> Прочтите мой рассказ “Полет” (в последнем томе) — быть может, в его символах Вам откроется нечто о смысле и красоте человеческой жизни, как я их понимаю и чувствую»³³.

В приведенных выше письмах Андреева к Иванову-Разумнику упоминаются также (но не называются) три драматических произведения. «Назвать» их помогают письма писателя к Вл. И. Немировичу-Данченко за 1913 год. Так, 17 августа Андреев писал: «Будет две драмы, одна недели через две, другая к концу сентября»³⁴. 9 сентября сообщал ему же о том, что «написал в две недели» пьесу «Не убий»³⁵ и работает над «Собачьим вальсом»; 24 сентября: «Недели через две пьеса будет готова»³⁶; 22 октября: «“Собачий вальс” кончил»³⁷; 31 октября: «...сажусь писать драму на тему рассказа “Мысль”»³⁸.

Пьеса, которую Андреев поначалу не собирался «ни печатать, ни ставить», скорее всего, — «Собачий вальс». Эта пьеса, имеющая подзаголовок «Поэма одиночества»³⁹, действительно, не поставленная и не опубликованная при жизни автора, — одно из тех произведений, которое он считал для себя программным, называл «моя молитва», «история души»⁴⁰. Работа над «Собачьим вальсом» продолжалась и в последующие годы. Желая увидеть пьесу на сцене МХТ, но, главным образом, в надежде найти понимание, Андре-

ев подробно обсуждал ее с Немировичем-Данченко. «“Собачий вальс”, — писал он 4 сентября 1916 г., — это самый потайной и жестокий смысл трагедии, отрицающей смысл и разумность человеческого существования»; «...это одна из м о и х вещей, немногих, которые входят в сознание и душу, которые смутное и темное имя мое внесли в историю души»⁴¹.

Сведений о дальнейшем личном общении Иванова-Разумника и Леонида Андреева обнаружить не удалось. Известно лишь, что в ноябре 1916 г. Иванов-Разумник крайне негативно отзывался о газете «Русская Воля», с сочувствием отнесясь к ошибочному, по его мнению, участию в издании Андреева (с августа 1916 г. заведовал отделом беллетристики, а с 13 апреля 1917 г. — главный редактор газеты): «...Леонид Андреев, подлинно “именитый муж” русской литературы — он-то как сюда попал? Зачем он здесь? Зачем ломает он копыя за безнадежное дело <...>? Ошибка ли это и неумение сознаться в ошибке, или подлинно новый поворот писателя, новая тропа его пути? Если нет, то как же не поймет он, что не место ему в этом улье, что в этой “притче про пчелок” не место его имени!»⁴².

Андреев в июле 1918 г., возвращаясь на страницах дневника к этим годам своей публицистической деятельности, с горечью писал: «А все эти эс-эры, которые смотрели на меня с “Русской Волей” прямо с колокольни — и ненавидели, зная, что колокольня все-таки я, а они только мусор сегодняшнего дня. Мстиславские⁴³, Разумники, еще какие-то, имени которых не вспомнишь.

Гнусно жить в России. Или это и везде так? Наивный вопрос писателя в 47 лет, но это мое несчастье — я наивен, как мальчишка»⁴⁴.

Жить Леониду Андрееву оставалось недолго: он скончался от сердечного приступа в Финляндии, 12 сентября 1919 г.

Оставшийся претерпевать жестокие удары судьбы, уготованные эпохой, Иванов-Разумник, оказавшийся в немецком лагере «для перемещенных лиц». Позже, в письме к А. Л. Бему⁴⁵ от 23 декабря 1944 г. он так вспоминал о писателе: «Вполне сочувствую Вашему намерению — помянуть добрым словом Леонида Андреева по поводу четверти века со дня его смерти. Право, он заслуживает доброго слова после всех тех злых слов, каких ему пришлось наслушаться при жизни и какие до сих пор заглушают малочисленные добрые слова. Странная судьба писателей, наколотых на булавку острого и остроумного определения. “Что за топор его талант!” — сказал Белинский о Некрасове⁴⁶, и много десятилетий подряд Некрасов был прищиплен к этому определению; лишь символисты, уже в начале XX века, сняли его с этой булавки»⁴⁷. “Он

пугает, а мне не страшно”, — сказал Толстой про Леонида Андреева⁴⁸, и он доселе так и остается прищипленным к этому острому и остроумному, но несправедливому определению. Несправедливо потому, что оно применимо лишь к слабым произведениям Леонида Андреева, в роде “Красного смеха”⁴⁹, но бьет мимо цели, когда мы имеем дело с лучшими его вещами. И то, что он был “властителем дум” целого поколения (“между двумя революциями”⁵⁰) — тоже что-нибудь да значит. Его надо брать, каким он был, с его слабой техникой, с частыми срывами, но с великим даром даже слабым глаголом жечь сердца людей. Беда его была в том, что был он человек малообразованный и, боюсь сказать злое слово, недостаточно умный. Это особенно контрастировало с предыдущим “властителем дум” — тонким и умницей Чеховым; а впрочем и вклинившийся между ними Максим Горький был ведь тоже весьма не тонок, а ум заменял хитростью, был “себе на уме”. Леонид Андреев был всегда искренен и всегда открыт душою; часто он и не думал пугать, а становилось страшно. Вот, я помню, рассказ “Стена”: тут Толстой совершенно прав, автор пугает, а мы — равнодушны и только морщимся от безвкусыя деталей⁵¹; но тут же рядом “Большой шлем”⁵²: автор не хочет пугать, а впечатление жути получается. Все эти “Черные маски”, “Царь Голод”⁵³ — часто невыносимы; но не случайно Андрей Белый в “Весах” 1906-го года отдавал должное “Жизни человека”⁵⁴.

Еще Белинский советовал Тургеневу не печатать вещей ни слишком хороших, ни слишком плохих, а так, посредственных: это-де очень вредит “тоталитету известности”⁵⁵. Леонид Андреев не последовал этому совету, посредственных вещей у него больше, чем хороших. Но, помяная его добром, будем говорить не о слабых, а о сильных сторонах его большого таланта. Впрочем и тема эта большая — не для письма⁵⁶.

Важно отметить, что, вспоминая о Леониде Андрееве, Иванов-Разумник и спустя 35 лет возвращается к некоторым рассуждениям из своей статьи «Талантливое сочинительство»: статья начиналась со слов Белинского о «топорном таланте» Некрасова, с противопоставления Андреева и Чехова — «грубого» и тонкого талантов, и заканчивалась той самой, излюбленной критиками, ставшей почти «крылатой», фразой Льва Толстого об Андрееве. Неизменным осталось и убеждение Иванова-Разумника в том, что «и грубый, “топорный” талант Л. Андреева является настолько большим талантом, что по справедливости дает своему носителю первое место в современной литературе»⁵⁷.

Примечания

¹ О лекциях Иванова-Разумника весной 1908 г., посвященных Л. Андрееву, см. газетные сообщения: Русь. № 71; Речь. № 62, а также упоминание в письме к жене, В. Н. Ивановой, от 2 апреля 1908 г. (датируется по почтовому штемпелю). — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 198. Л. 95.

² *Иванов-Разумник*. О смысле жизни. С. 3, 5. В архиве критика сохранились материалы и наброски к этой книге, первоначально озаглавленной: «Л. Андреев и другие» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 29).

³ *Иванов-Разумник*. О смысле жизни. С. 160–161.

⁴ См.: Русские ведомости. 1908. 29 октября. № 251.

⁵ В 1908 году Андреевым были написаны такие значительные произведения, как «Рассказ о семи повешенных», «Дни нашей жизни», «Черные маски», «Анатэма».

⁶ Повесть «Мои записки» опубликована в 6-й книге альманаха «Шиповник» за 1908 г.

⁷ См.: *Измайлов А.* Художественный ребус. (Новая повесть Леонида Андреева «Мои записки») // Русское слово. 1908. № 246; *Басаргин А.* Шифрованная литература // Московские ведомости. 1908. № 277.

⁸ См.: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка // Литературное наследство. Т. 72. М., 1965. С. 307–311. См. также комм. В. Н. Чувакова к повести в издании: *Андреев Л.* Собр. соч. в 6-ти т. Т. 3. М., 1994. С. 635–639 и статью Н. П. Генераловой «“Мои записки” Леонида Андреева (к вопросу об идейной проблематике повести)» (Русская литература. 1986. № 4. С. 172–185).

⁹ Дмитрий Павлович Носович — чиновник особых поручений в одном из департаментов Главного управления землеустройства и земледелия. Письмо печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 2, № 542. Л. 1–2.

¹⁰ 2 декабря 1908 года в Театре В. Ф. Комиссаржевской состоялась премьера пьесы Л. Андреева «Черные маски». В этот же день на литературном вечере в зале Городской думы, посвященном Андрееву, в числе других был прочитан доклад Иванова-Разумника о повести «Мои записки». Об авторе доклада в газетах сообщалось, что он «не явился на вечер по болезни» (Речь. 1908. № 297).

¹¹ См.: *М. Г.* <Гершензон М. О.> <Рец.> Альманах «Шиповника». Кн. 6. СПб., 1908 // Вестник Европы. 1908. № 11. С. 341.

¹² Письма Леонида Андреева к Иванову-Разумнику публикуются по автографам (авторизованная машинопись), хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 220.

¹³ Вероятно, речь идет о несуществующей книге Иванова-Разумника «Критическая история современной литературы», в сохранившихся планах которой упоминается и Л. Андреев. См.: *Лавров А. В.* Иванов-Разумник // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 387.

¹⁴ Датируется по почтовому штемпелю.

¹⁵ Цитируется по изд.: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. С. 442.

¹⁶ *Андреев Л. Н.* Океан: Трагедия в семи картинах. СПб.: Прометей. 1911.

¹⁷ Приглашение на чтение «Океана» см. среди публикуемых в данной статье писем Леонида Андреева к Иванову-Разумнику: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 220. Л. 8.

¹⁸ См.: Наст. изд. С. 45.

¹⁹ Полную запись от 26 сентября 1910 г. из дневника известного коллекционера, педагога и переводчика на немецкий язык Федора (Фридриха) Федоровича Фидлера (1859–1917), а также более подробно о чтении пьесы «Океан» см.: *Иванова Л. Н.* К биографии Л. Н. Андреева (по материалам коллекции Ф. Ф. Фидлера) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1998. С. 36–51. При перечислении присутствующих на вечере знаменитостей Фидлер называет и А. М. Ремизова: «очень бледный; жаловался на язву желудка».

²⁰ См.: Наст. изд. С. 69.

²¹ См. прим. 3.

²² Цитируется по изд.: *Иванов-Разумник.* Русская литература «десятих годов». 1. Русская литература в 1912 году // *Иванов-Разумник.* Заветное: О культурной традиции. Статьи 1912–1913 гг. Пб.: Эпоха, 1922. С. 29–30. Это издание с дарственной надписью автора сохранилось в составе личной библиотеки Ф. Сологуба.

²³ Цитируется по вступительной статье А. В. Лаврова к публикации «Переписка с Р. В. Ивановым-Разумником» (Александр Блок. Новые материалы и исследования // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. М., 1981. С. 371).

²⁴ Имеется в виду Вера Евгеньевна Беклемишева (1881–1944) — литературный секретарь издательства «Шиповник» и жена его главного редактора Соломона Юльевича Копельмана (1881–1944).

²⁵ Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. С. 343–345.

²⁶ *Лавров А. В.* Иванов-Разумник. С. 387.

²⁷ «Далекий» — парусная яхта Л. Андреева, увлекавшегося морскими прогулками.

²⁸ Осип Дымов (псевдоним Иосифа Исидоровича Перельмана; 1878–1959) — прозаик, драматург, журналист; с 1913 г. жил в Америке.

²⁹ Среди «оправдательных документов» журнала «Заветъ» хранятся просьба Н. Н. Михайлова (на бланке его книгоиздательства «Прометей») о выплате денег Л. Андрееву и расписка Н. Трифонова от 11 марта 1914 г. в получении для передачи ему двухсот рублей (ИРЛИ. Ф. 114. Оп. 7. № 4. Л. 237).

³⁰ См.: Современный мир. 1914. Январь. № 1. С. 3–18.

³¹ См.: *Муратова К. Д.* Рассказ Леонида Андреева «Полет» // Русская литература. 1997. № 2. С. 66.

³² См.: *Андреев Л. Н.* Полет: Рассказы и пьесы // *Андреев Л. Н.* Собр. соч. Т. 16. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1916.

³³ См.: ИРЛИ. Поступление 1979 г., № 32. Л. 1. Цитата до купюры впервые опубликована в статье К. Д. Муратовой «Рассказ Леонида Андреева “Полет”» (С. 63).

³⁴ См.: Письма Л. Н. Андреева к Вл. И. Немировичу-Данченко и К. С. Станиславскому (1913–1917) / Публ. и комм. Н. Р. Балатовой и В. И. Беззубова // Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Литературоведение. Тарту, 1971. (Уч. зап. ТГУ. Вып. 266). С. 232.

³⁵ *Андреев Л. Н.* Каинова печать. (Не убий): Драма в 5-ти действиях и 6-ти картинах. 2-е изд. СПб., 1913.

- ³⁶ Письма Л. Н. Андреева к Вл. И. Немировичу-Данченко и К. С. Станиславскому. С. 233.
- ³⁷ Там же. С. 235.
- ³⁸ Там же. С. 238. См.: *Андреев Л.* Мысль: Современная трагедия. В 3-х действиях и 6 картинах. СПб.: Прометей, 1914.
- ³⁹ См.: *Андреев Л.* Собачий вальс: Поэма одиночества. Представление в 4-х действиях // *Современные записки.* Париж. 1922. 28 апреля. № 10. С. 1–66. О сложной судьбе пьесы см.: *Кен Л. Н.* «Поэма одиночества». (К истории прочтения пьесы «Собачий вальс») // *Русская литература.* 1991. № 2. С. 190–197.
- ⁴⁰ Письма Л. Н. Андреева к Вл. И. Немировичу-Данченко и К. С. Станиславскому. С. 285, 282.
- ⁴¹ Там же. С. 282–283.
- ⁴² См.: *Иванов-Разумник.* Перед грозой: 1916–1917 г. Пг., 1923. С. 80–81.
- ⁴³ Сергей Дмитриевич Мстиславский (наст. фам. Масловский; 1876–1943) — писатель, публицист; вел в «Заветах» отдел «Свое и чужое».
- ⁴⁴ См.: *Андреев Л.* Дневник (1914–1919) // *Андреев Л. S.O.S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников / Вступ. статья, сост. и прим. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб., 1994. С. 113.*
- ⁴⁵ Альфред Людвигович Бем (1886–1945) — литературный критик.
- ⁴⁶ Цитата из письма В. Г. Белинского к И. С. Тургеневу от 19 февраля (3 марта) 1847 г.: «Нек<расов> написал недавно страшно хорошее стихотворение. <...> Что за талант у этого человека! И что за топор его талант!» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.. Т. 12. М., 1956. С. 336).
- ⁴⁷ Красноречивым подтверждением слов Иванова-Разумника о «реабилитации» Некрасова в начале XX века может послужить, например, публикация К. И. Чуковского «Некрасов и мы», содержащая ответы на анкету о поэте, принадлежавшие А. А. Блоку, Вяч. Иванову, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковскому, Н. С. Гумилеву, А. А. Ахматовой и др. «Модернисты не только никогда не хоронили Некрасова, — писал в предисловии Чуковский, — но первые воскресили его, как поэта, первые внедрили в сознание общества мысль, что его поэзия есть поэзия. <...> Постепенно, в последние годы, русское общество привыкло воспринимать эту поэзию эстетически и в самой грубости некрасовских стихов ощущать своеобразную прелесть». (*Летопись Дома литераторов.* 1921. 1 декабря. № 3. С. 3). См. также: *Раицкая А.* Некрасов и символисты // *Вестник литературы.* 1921. № 12. С. 5–6.
- ⁴⁸ 23 декабря Горький писал Андрееву из Оленино: «Говорил о тебе с Толстым — не первый раз уже. Сегодня он у меня был и сам завел разговор. Очень хвалил “Жили-были”, “Большой шлем”, “У окна”, “О Сергее Петровиче”. В то же время сказал: “Есть анекдот о мальчишке, который так рассказывал сказку товарищу своему: “Была темная ночь — боишься? В лесу выл волк — боишься? Вдруг за окошком — боишься?” вот и Андреев так же: пишет и все как бы спрашивает меня: “Боишься? боишься?” А я — не боюсь! Что, взял?” Много говорил похвального о чистоте языка и силе изображения. Великолепный старик! Приезжай, пока он не умер, — познакомишься» (*Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка.* С. 122). В беседе с А. Б. Гольденвейзером 25 июля 1902 г. Толстой

«с отвращением» отозвался о рассказе Андреева «Бездна» (Курьер. 1902. 10 января. № 10. С. 2–3), привел похожий «анекдот» о мальчишке и добавил: «Так и Андреев всё спрашивает меня “испугайся?” А я несколько не испугался» (*Гольденейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М., 1959. С. 114). «Благодаря стараниям репортеров, отзыв Толстого вскоре стал широко известен в форме броского афоризма “Он пугает, а мне не страшно”» (*Беззубов В.* Леонид Андреев и Лев Толстой // *Беззубов В.* Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин, 1984. С. 22). Андреев посвятил Толстому «Рассказ о семи повешенных» (Литературно-художественные альманахи изд-ва «Шиповник». СПб., 1908. Кн. 5. С. 153–240), состоял с ним в переписке (1901–1908), но их личное знакомство состоялось лишь 21 апреля 1910 г. (См.: *Андреев Л. Н.* За полгода до смерти // *Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников.* В 2-х тт. Т. 2. М., 1978. С. 410–413).

⁴⁹ *Андреев Л. Н.* Красный смех: Отрывки из неизданной рукописи // *Сб. товарищества «Знание» за 1904.* СПб., 1905. Кн. 3. С. 268–348.

⁵⁰ Для определения важного исторического периода Иванов-Разумник воспользовался заглавием одной из книг мемуарно-автобиографической трилогии Андрея Белого «Между двух революций» (Л., 1934).

⁵¹ *Андреев Л. Н.* Стена // *Курьер.* 1901. 4 сентября. № 244. С. 3.

⁵² *Андреев Л. Н.* Большой шлем: Идиллия // *Курьер.* 1899. 14 декабря. № 345. С. 2.

⁵³ *Андреев Л. Н.* Царь Голод: Представление в 5-ти картинах с прологом. СПб.: Шиповник, 1908.

⁵⁴ Ошибка памяти: статья Андрея Белого о пьесе Андреева «Жизнь Человека» (Литературно-художественные альманахи изд-ва «Шиповник». Кн. 1. СПб., 1907), озаглавленная «Смерть или возрождение?», была опубликована в «Литературно-художественной неделе» (1907. 17 сентября, № 1). Защищая Андреева от «хамского хихиканья над слабыми сторонами этого большого дарования», Белый признавал некоторую небрежность формы в пьесе, отсутствие «слога», однако, высоко ставил изменившийся стиль автора, вырвавшегося из-под «земляного пласта реализма» в сторону символизма: «Стиль собственный. влекущий, невнятный. В нем бьется ритм души, точно в пространстве ночи крылья испуганной птицы». В «Весах» же, в 1906 г. (№ 5) была помещена статья о втором томе собрания сочинений Андреева в четырех томах, так и озаглавленная: «Второй том». Позднее Андреев разочаровал Белого как в творческом, так и в политическом отношении: «... в 1907 году я пережил кратковременное увлечение писателем; но, подойдя ближе, я разглядел нечто в нем, навсегда оттолкнувшее» (Андрей Белый. Между двух революций. М., 1990. С. 180).

⁵⁵ Очевидно, — также ошибка памяти. Совет Белинского Тургеневу в цитируемом выше письме от 19 февраля (3 марта) 1847 г. звучит иначе: «... не только “Хорь”, но и “Русак” обещает в Вас замечательного писателя в будущем. Только, ради аллаха, не печатайте ничего такого, что ни то ни се, не то, чтобы не хорошо, да и не то, чтоб очень хорошо. Это страшно вредит тоталитету известности (извините за кудрявое выражение — лучшего не придумалось). А “Хорь” Вас высоко поднял — говорю это не как мое мнение, а как общий приговор». (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.. Т. 12. М., 1956. С. 336).

⁵⁶ Прага. Литературный архив Музея национальной литературы. Фонд А. Л. Бема.

⁵⁷ См.: прим. 4.

Неосуществленные издательские проекты Иванова-Разумника (1922–1923)

Активная издательско-редакторская и организационная деятельность Иванова-Разумника, прерванная в 1914 г. с началом мировой войны (закрытие, в этой связи, журнала «Заветы» и почти одновременное прекращение деятельности издательства «Сирин»), возобновилась сразу после Февральской революции: с марта 1917 г. Иванов-Разумник взял в свои руки литературный отдел петроградской газеты «Дело Народа», центрального органа Партии социалистов-революционеров. Впрочем, еще до Февральской революции он приступил к составлению сборников «Скифы» — нового литературного начинания, призванного манифестировать то революционно-максималистское умонастроение, которое получило, по формулировке, найденной Ивановым-Разумником, определение «скифства», «скифского» мироощущения. В оформлении «скифского» идейно-творческого объединения, литературными проекциями стали прежде всего два сборника «Скифы», Иванов-Разумник сыграл решающую роль; он же, как о том свидетельствуют многочисленные эпистолярные и другие документальные данные, был основным редактором и составителем этих сборников. В «скифское» сообщество оказались вовлечены многие литераторы, крупные и второстепенные; среди них — писатели символистской школы (Андрей Белый, А. Блок, А. Ремизов, Конст. Эрберг), «новокрестьянские» поэты (Н. Клюев, С. Есенин, А. Ганин, П. Орешин), прозаики, выдвинувшиеся в 1910-е гг. из круга «Заветов» (Е. Замятин, О. Форш) и др.

1-й сборник «Скифы» был сформирован Ивановым-Разумником, совместно с А. И. Иванчиным-Писаревым и С. Д. Мстиславским, и сдан в типографию еще в конце 1916 г., вышел в свет, с существенным опозданием против предварительно намеченных сроков, 1 августа 1917 г.; 2-ой сборник — соредактором которого, наряду с Ивановым-Разумником и Мстиславским, стал Андрей Белый, — сформированный летом 1917 г., вышел в свет в середине декабря того же

года. Готовился и 3-й сборник. 8 декабря 1917 г. Иванов-Разумник писал Белому об ожидавшемся «III-м «Скифе»»: «Уже есть в предположении и предложении — стихи Клюева, Есенина, Сологуба, две небольшие вещи Ремизова, повестушка Чапыгина, рассказ Терка»¹. В письме к Белому от 11 января 1918 г. Иванов-Разумник выражал надежду издать сборник к Пасхе² — к 22 апреля / 5 мая 1918 г., — однако этот проект вообще не осуществился. Литературные материалы, собиравшиеся для 3-го сборника «Скифы», впрочем, в значительной своей части смогли увидеть свет в других изданиях, курировавшихся Ивановым-Разумником, — в органах Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) газете «Знамя Труда» и журнале «Наш Путь»; в обоих изданиях Иванов-Разумник заведовал литературным отделом. В частности, в 1-м номере «литературно-политического журнала революционного социализма» «Наш Путь» (апрель 1918), выходившего под редакцией Р. В. Иванова-Разумника, Б. Д. Камкова, С. Д. Мстиславского, были напечатаны некоторые из произведений, первоначально предполагавшиеся к опубликованию в «Скифах», — поэмы Есенина «Пришествие», «Октоих», «Преображение», начало романа А. Чапыгина «Одна душа», рассказ О. Д. Форш «Поголовщина» (под псевдонимом А. Терек), — а также глубоко «скифские» по духу и идеологическому пафосу произведения А. Блока («Двенадцать», «Скифы», «Интеллигенция и революция»). Непосредственная преемственность по отношению к «Скифам» была заявлена и списком постоянных сотрудников «Нашего Пути», включенным в объявления о подписке; в нем были перечислены А. Авраамов, Александр Блок, Андрей Белый, А. Ганин, Сергей Гедройц, Сергей Есенин, Н. Клюев, Евгений Лундберг, С. Мстиславский, Петр Орешин, Свен (Е. Г. Лундберг), А. Терек (О. Д. Форш), А. Чапыгин, А. Ширяевец, Шах-Эддин (О. Д. Форш), Константин Эрберг — участники «Скифов» и всё те же писатели «из разумниковского гнезда» (по позднейшей формулировке А. З. Штейнберга)³.

Тот же контингент постоянных сотрудников значился и в анонсах газеты «Знамя Труда». В ее литературном отделе (формировавшемся под редакцией Р. В. Иванова-Разумника) были заявлены постоянные авторские рубрики (отделы), также обозначенные именами писателей — в большинстве своем — «скифской» ориентации: Арсений Авраамов — «Искусство в свете революции», Александр Блок — «Россия и интеллигенция», Андрей Белый — «На перевале» (статьи), Иванов-Разумник — «Литература и революция», Евгений Лундберг — «Под знаком Зодиака», В. Шимановский — «Искусство и труд» (о те-

атре), Шах-Эддин — «Живопись и скульптура», К. Эрберг — «Письма о творчестве». После запрета в июле 1918 г. всей левозсеровской печати издание «Знамени Труда» и «Нашего Пути» прекратилось (вышло в свет всего два номера «Нашего Пути» — за апрель и май 1918 г.), и после этого «скифские» объединительные усилия Иванова-Разумника стали воплощаться главным образом не в печатной, а в устной форме — в лекциях, рефератах, собеседованиях, устраивавшихся в рамках деятельности Вольной Философской Ассоциации («Вольфиль»), которая была учреждена в Петрограде в 1919 г. и проводила регулярные публичные заседания и кружковые занятия на протяжении четырех с половиной лет⁴. Иванов-Разумник, по должности — товарищ председателя Совета «Вольфиль» (председатель — Андрей Белый), на деле был не только главным инициатором ее создания, но и фактическим организатором и руководителем всей деятельности Ассоциации. Предполагались к изданию несколько сборников, составленных по материалам «вольфильских» заседаний («О пролетарской культуре», «Кризис христианства», «Философия религии» и др.)⁵, однако удалось осуществить всего одно издание — по материалам 83-го открытого заседания (28 августа 1921 г.), посвященного памяти А. Блока (Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг. Пб., 1922).

Темы «вольфильских» заседаний и «вольфильские» авторы преобладали в журнальном проекте, который задумано было осуществить на базе петроградского издательства «Эпоха», основанного в 1921 г.⁶ Сведения о подготовке первого номера журнала содержатся в письмах Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу (также имевшему ближайшее отношение к задуманному изданию) за январь-март 1922 г.;⁷ в одном из них (от 6 февраля 1922 г.) критик, в частности, предлагает своему корреспонденту написать редакционное предисловие к первому номеру: «Теперь о предисловии: — ничего не вышло. Посылаю 2 проекта — именной и безымянный. Оба плохи, но быть может безымянный лучше? Будьте другом — напишите сами»⁸.

Ни «именной», ни «безымянный» варианты предисловия к готовившемуся изданию в архиве Иванова-Разумника и в архиве Конст. Эрберга не сохранились. Среди бумаг Иванова-Разумника отложился, однако, лист, заполненный с двух сторон и имеющий позднейшую пояснительную карандашную помету, сделанную его рукой: «Неосуществленный весной 1922 журнал изд-ва “Эпоха”»⁹. На одной стороне листа, также рукой Иванова-Разумника, сделан эскиз обложки (или титульного листа) и дан перечень лиц, входящих в редакцию журнала:

ЭПОХА
I
Март 1922 г.

Редакция
 Андрей Белый
 Иванов-Разумник
 Конст. Эрберг
 Секр<етарь> ред<акции>
 Д. Пинес
 Представ<итель> изд<ательст>ва
 (Белицкий)*

} 5

По намеченному составу редакции, включавшему трех членов-учредителей «Вольфильм» и ее постоянного участника и (с 1922 г.) секретаря Ассоциации (Д. М. Пинес), можно судить, что новый журнал задумывался как, по существу, «вольфильмский» печатный орган. Примечательно, что в редакционный список был включен Андрей Белый, с осени 1921 г. находившийся за границей, в Берлине; предполагалось, по всей вероятности, что издание будет осуществляться в контакте с Белым и пополняться как его произведениями, так и текстами других литераторов, обосновавшихся к тому времени в Берлине или в других центрах русского рассеяния¹⁰. В добрых отношениях со многими «вольфильмцами», и прежде всего с Белым, состоял и «представитель издательства» — Е. Я. Белицкий, представлявший также своего рода семейный клан, который имел ближайшее касательство к делам «Вольфильм» и вместе с тем к петроградским властным инстанциям (Белицкий был женат на Марии Гитмановне Каплун; ее сестра, Софья Каплун, — одна из деятельнейших «вольфилок»; брат, Борис Каплун, — в 1918–1920 гг. управляющий делами отдела Петроградского Совета, в 1922–1923 гг. управляющий делами Петроградского промбанка; другой брат, Соломон Каплун-Сумский, возглавлял берлинское отделение издательства «Эпоха»)¹¹.

На оборотной стороне листа Иванов-Разумник привел развернутые сведения о содержании подготавливаемого журнала:

«ЭПОХА»

№ 1

Вступительная статья

Влад. Гиппиус — «Лик человеческий», поэма. Песни I–IV. 5**

Елена Данько — «Простые муки»

1/4 печ. л.

1/4

* Фамилия приписана карандашом.

** Далее зачеркнуто: <Влад. Гиппиус> — рассказ 1 <печ. л.>
 Сергей Есенин — Круг стихов

Александр Блок — Письма к Андрею Белому (1903–1905 гг.)	1 1/2
Андрей Белый — «Вячеслав Иванов»	2
[Конст. Эрберг] — «По нагорьям искусства»	2
— «По нагорьям мысли»*	1
Андрей Белый — [«О смысле познания»]**	2
«Глоссология»***	
М. Гершензон — «Труд»****	1
А. Штейнберг — «Достоевский», гл. I–II	1
<i>Хроника искусства и философии</i>	1
<i>Библиография</i>	1

17 1/2 п.л.

Материал для дальнейших №№-ов

Стихи: Н. Клюев, А. Ахматова, Е. Данько, В. Брюсов, Н. Тихонов****, Н. Павлович, В. Ходасевич, Вл. Пяст, Казин, Александрович, Герасимов, К. Эрберг, Маяковский, В. Хлебников, Ф. Сологуб, Вяч. Иванов, М. Кузмин, Влад. Гиппиус (трилогия).

Проза: А. Белый, А. Чапыгин («На лебязьих озерах»), Никандров, Сергеев-Ценский, О. Форш, М. Пришвин, Всеv. Иванов, Б. Пильняк, А. Ремизов, Е. Замятин.

Статьи: Авраамов, М. Гершензон, С. Мстиславский («Шесть дней»), Серг. Соловьев, Игорь Глебов, Л. Шестов, Е. Лундберг, Петров-Водкин («Наука видеть»), Л. Бруни, М. Шагинян, Шах-Эддин («Андрей Белый»), К. Эрберг, Иванов-Разумник («Итоги»), Андрей Белый, В. Розанов (письма), Александр Блок (письма и статьи), Л. Пумпянский («Размышления о Ревизоре»), Н. Пунин, Артур Лурье, Е. Полетаев, Пиотровский, Ф. Зелинский, А. Штейнберг, Б. Кушнер, В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, А. Гизетти, В. Жирмунский, А. Вольнский, А. Иванов, Сабанеев, Лернер, Денисов, Каратыгин, А. Смирнов*****.

В проекте содержания 1-го номера «Эпохи» отчетливо сказывается руководящая роль Иванова-Разумника. Отпечаток его индивидуальных литературных предпочтений налицо уже в первых двух заглавиях, значащихся в перечне, — поэме Вл. В. Гиппиуса «Лик человеческий», высоко оцененной Ивановым-Разумником в статье «Три богатыря»¹², и стихотворном цикле Е. Я. Данько «Простые муки» (тогда

* Приписка на полях: «Из глубины», «Смена вех», «Логика» Лосского,

** Зачеркнуто карандашом.

*** Вписано карандашом.

**** Строка зачеркнута карандашом, на полях помета: Анд<рей>Бел<ый>

***** В автографе, вероятно, описка: А. Тихонов

***** Слева на полях — дополнительный перечень: Нилендер, Степпун, Шпет, Горнфельд, Муратов, А. Векслер, Зоргенфрей.

же планировалось под маркой «Вольфильды» отдельное издание сборника Данько «Простые мухи» с предисловием Иванова-Разумника, оставшееся неосуществленным¹³). «Глоссолалия. Поэма о звуке» (1917) Андрея Белого предполагалась к печати сначала во 2-ом, а затем в 3-м сборнике «Скифы»; эта книга вышла в свет в издательстве «Эпоха» отдельным изданием (Берлин. 1922), равно как и теоретическая работа Белого «О смысле познания» (Пб., 1922)¹⁴. Письма А. Блока к Андрею Белому, публикацию которых предполагалось начать также в 1-ом номере «Эпохи», позднее стали темой 136-го заседания «Вольфильды» (13 августа 1922 г.)¹⁵. С «вольфильским» выступлением А. З. Штейнберга «Достоевский как философ», произнесенным 16 октября 1921 г. на одном из заседаний, приуроченных к 100-летию со дня рождения писателя¹⁶, безусловно, соотносились и готовившиеся к публикации в журнале начальные главы его монографии о Достоевском, вскоре вышедшей в свет отдельным изданием под заглавием «Система свобода Достоевского» (Берлин, «Скифы», 1923).

Более разностороннюю программу и более широкий спектр литературных имен, чем в содержании 1-го, почти всецело «вольфильского», выпуска «Эпохи», находим в списке «Материал для дальнейших №№-ов»: видимо, в нем отражены не только результаты конкретных договоренностей с писателями, но и общие соображения и расчеты Иванова-Разумника, его представления о наиболее желательных авторах для задуманного журнала. В перечне имен живые классики символистской эпохи соседствуют с новейшими поэтами, в том числе с наиболее яркими футуристами и даже с отдельными представителями «пролетарской» поэзии: характерно, что из этой среды критик отбирает тех авторов, которых с похвалой выделял Андрей Белый, — В. Казина и В. Александровского (в списке ошибочно: Александрович)¹⁷; прежние участники «Заветов» и писатели, которых Иванов-Разумник подробно анализировал десятилетием ранее (М. М. Пришвин, С. Н. Сергеев-Ценский), перемежаются именами, только что вошедшими в литературный обиход (Всеволод Иванов, Борис Пильняк). В разделе статей преобладает «скифско-вольфильский» авторский круг, но и он заметно расширен за счет «посторонних» участников — критиков и филологов, связанных с Петроградским университетом (Ф. Ф. Зелинский, В. М. Жирмунский, А. А. Смирнов), представителей ОПОЯЗа и формального метода (Виктор Шкловский, Б. М. Эйхенбаум), искусствоведов и музыковедов. «Вольфильское» по своим исходным авторским резервам и ориентациям, издание, задуманное Ивановым-Разумником, в перспективе должно было развернуться в периодический орган, опирающийся на самые разнообразные по своим идейным и эстетическим устремлени-

ям творческие силы, которые представлялись теоретику «скифства» живыми и продуктивными. Единственное произведение самого Иванова-Разумника, зафиксированное в этих записях, — «Итоги»; по всей вероятности, так обозначен замысел обзорной критической работы о новейшей русской литературе, которая позднее увидит свет под заглавием «Взгляды нечто».

Причины нереализованности этого журнального проекта документально не прояснены; скорее всего, сыграли свою роль финансовые затруднения: издательство «Эпоха», широко и энергично развернув в 1922 г. свою деятельность, столь же быстро прекратило существование.

Еще один издательский замысел, связанный с именем Иванова-Разумника, зародился несколько месяцев спустя.

В декабре 1922 г. Иванов-Разумник предпринял поездку в Москву, где встречался с С. Д. Мстиславским — в прошлом соредактором «Скифов». Тогда, вероятно, и возникла идея нового, петроградско-московского, журнала. Результаты предварительных обсуждений нашли свое отражение в беглых полустертых карандашных записях Иванова-Разумника, имеющих самый предварительный характер; зафиксированы они в его записной книжке, на обложке которой значится: «1922 г. Вольфила и “Эпоха”». Заметки, относящиеся к новому журнальному проекту, сопровождаются «инструкцией» для себя: «Написать: Ключеву. Ар<ону> Захар<овичу>. Лундбергу. Белому»¹⁸. Таким образом, в число участников задуманного издания предполагалось пригласить авторов, находившихся тогда за границей (А. З. Штейнберга, Евг. Лундберга, Андрея Белого). Записи Иванова-Разумника представляют собой черновой набросок содержания двух номеров журнала, издание которого надеялись организовать, по всей вероятности, с января 1923 г.¹⁹:

Журнал «О с н о в ы»

Ред<акция>:

Ив<анов>-Р<азумник> и С. Мст<иславский>

Предполаг<аемое> содержание:

Журнал Основы, № 1

Ант<окольский>, Данько, И. Анн<енский>, Крив<ич>

Гипп<иус> — «Сон в пустыне»

С. Мст<иславский>

И<ванов>-Р<азумник>

} статьи о «Сне в пустыне»

Леонов — «Петуших<инский> пролом»

Frater Tert<иус> — 2 сказки

Блок — Белый

Восп<оминания> — И<ванов>-Р<азумник>

Восп<оминания> — Книпов<ич>

Форм<альный> метод (<нрзб>)

С. К<нрзб> — Форм<альный> мет<од>

С. Бобров — О Кроче

С. Мст<славский> — <2 нрзб>

С. Мст<славский> — Восход<ящая?> демократия

Основы, № 2

[Февраль]

Стихи: Хлебн<иков>, Гуро

«Мь», роман Замятина

Вольнов?

Никандров?

Блок — Белый

Пришвин: По гр<адам> и весям

Эрберг — Эст<етика> Шпенгл<ера>

Блок — о Вагнере

И. Глебов — о Вагнере

И<ванов>-Р<азумник> — Хлебн<иков>, Гуро

И<ванов>-Р<азумник> — Опр<авдание> чело<века>

С. Бобров — Опоязники

С. Мст<славский> — Филос<офия> единого фронта

Шоу — Пенталогия (отрывки)

В «Основы» — предлагаются архивные документы:

I

1) «Секретная дворцовая охрана в России». 4 л.

2) «Из дневника герм<анского> ген<ерала>». 5 стр.

3) «Письмо волостн<ого> писаря». 1 стр.

4) «Анархисты» (противл<енцы>) — в Риме. 1/2 п.л.

5) «Песни и гимны» — *просмотреть*. 4 стр.

6) Л. Фейербах

Часть материалов, намеченных для «Основ», должна была перекочевать из не востребовавшего редакционного портфеля «Эпохи»: стихотворения Е. Данько, письма А. Блока к Андрею Белому; часть, и весьма значительная, представляла собой произведения, оглашавшиеся перед аудиторией петроградской «Вольфильм»: драматическая поэма Владимира Гиппиуса «Сон в пустыне» (101-е заседание, 24 ноября 1921 г.)²⁰, статья Конст. Эрберга «Эстетика Шпенглера» (согласно записям Иванова-Разумника, выступление Эрберга на эту тему планировалось на 11 марта 1923 г.)²¹, статья А. Блока «Искусство и революция», прочитанная на заседании, посвященном 40-летию со дня смерти Р. Вагнера (1923), неизданные произведения И. Ф. Анненского (предоставленные

сыном поэта, В. И. Анненским-Кривичем) и Е. Г. Гуро, которым были посвящены отдельные заседания в первой половине 1923 г. (Елене Гуро уделили два заседания, одно из них было занято чтением «Бедного рыцаря») ²², стихотворения П. Г. Антокольского, выступавшего на «вольфильском» Вечере поэтов в 1923 г. ²³ К числу произведений, впервые представленных широкой аудитории в «Вольфилье», принадлежал и намеченный к опубликованию — однако впервые напечатанный на родине автора лишь в 1988 г. — знаменитый роман Евг. Замятина «Мы» (1920): чтению его было посвящено заседание 10 августа 1923 г. ²⁴ Содержание «Основ» предполагало вобрать в себя не только «вольфильскую» современность, но и более ранние пласты литературных интересов и связей Иванова-Разумника, восходившие к периоду издания «Заветов» (И. Вольнов, Н. Никандров); характерно в этом отношении заглавие «По градам и весям», которым обозначены намеченные для публикации тексты Пришвина: цикл пришвинских миниатюр под таким заглавием появился некогда в «Заветах» ²⁵. Ко временам «Заветов» восходит у Иванова-Разумника и традиция печатания собственных критических отзывов в одном номере журнала с произведениями, оказывающимися предметом разбора; в «Основах» он собирался сопроводить своими статьями публикации «Сна в пустыне» Вл. Гиппиуса и стихотворений В. Хлебникова и Е. Гуро. В этом же журнале он надеялся поместить свое центральное произведение — «Оправдание человека», опыт «антроподицеи», — неоднократно объявленное как готовящееся к печати, света не увидевшее и, возможно, утраченное ²⁶.

В «московской» части проекта «Основ», формировавшейся, вероятно, единолично С. Д. Мстиславским, обращают на себя внимание, прежде всего, повесть Леонида Леонова «Петушихинский пролом» (впервые опубликованная отдельной книгой в московском издательстве М. и С. Сабашниковых в 1923 г.) и «2 сказки» за подписью Frater Tertius. Под этим псевдонимом скрывался один из своеобразнейших писателей, начинавший в первые пореволюционные годы, но впервые нашедший доступ к читателю и получивший определенную известность лишь в наши дни, Сигизмунд Доминикович Кржижановский (1887–1950) ²⁷; для публикации, безусловно, предназначались две новеллы из его книги «Сказки для вундеркиндов», сформированной в 1922 г., готовившейся к печати в издательстве «Денница», но так и не увидевшей света ²⁸. В кругу «московских» авторов обращает на себя внимание ожидавшееся активное участие поэта, критика и стиховеда С. П. Боброва, обещавшего статьи об итальянском философе и теоретике искусства Бенедетто Кроче и о теоретиках формального метода (дискуссии о формальном методе также предполагалось уделить на

страницах журнала немалое внимание). Имеются все основания предположить, что героем намеченных к публикации мемуарных текстов был А. Блок: Иванов-Разумник опубликовал свой небольшой мемуарный очерк о Блоке («Надписи на книгах (Из воспоминаний об А. А. Блоке)») тогда же, в 1923 г.²⁹, а Е. Ф. Книпович, организатор московской Ассоциации по изучению творчества Блока, обнародовала воспоминания о нем лишь на склоне своих лет³⁰. Журнальным проектом предусматривались также разработка актуальной общественно-политической проблематики (статья Мстиславского), общеэстетических вопросов и конкретно — музыкальной эстетики (намеченная статья Игоря Глебова (Б. В. Асафьева) — скорее всего, текст его вступительного слова о Р. Вагнере для концертов в Петроградской филармонии, напечатанный в 1923 г.³¹), публикация новинок зарубежной литературы: перевод фрагментов пенталогии (метабиологической драмы в 5 частях) Бернарда Шоу «Назад к Мафусаилу» («Back to Methuselah», 1918–1920).

Замысел «Основ» оказался не менее эфемерным, чем проект журнала на базе издательства «Эпоха». Единственным коллективным изданием, которое Иванову-Разумнику все же удалось подготовить и выпустить в свет в первой половине 1920-х гг., был скомплектованный в 1924 г. сборник статей «Современная литература» (Л.: «Мысль», 1925). Условием выхода этой книги в свет стало снятие имени ее редактора-составителя с титульного листа; напечатанная там же (упоминавшаяся выше) обзорная статья Иванова-Разумника «Взгляд и нечто» уже не могла, по цензурным обстоятельствам, появиться за его литературным именем: подписана она весьма красноречивым псевдонимом, заимствованным из «Горя от ума», — Ипполит Удушьев. После издания «Современной литературы» возможность участвовать в текущем, живом литературном процессе была для Иванова-Разумника окончательно исчерпана.

Примечания

¹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 145.

² Там же. С. 150.

³ Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928). Подг. текста, послесл. и примеч. Ж. Нива. Париж, 1991. С. 162.

⁴ См.: Белоус В. Г. Петроградская Вольная Философская Ассоциация (1919–1924) — анти тоталитарный эксперимент в коммунистической стране. М.: 1997; Иванова Е. В. Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 3–77.

⁵ Подробнее об этом см. в работе Е. В. Ивановой «Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни» (С. 20–21). Ею же опубликован (по тексту, сохранившемуся в архиве Иванова-Разумника) стенографический отчет заседания 21 марта 1920 г. («Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле» // De Visu. 1993. №7 (8). С. 5–27).

⁶ В информационной заметке «Издательство “Эпоха”», помещенной в берлинском журнале «Новая Русская Книга» (1922. №1. С. 35), сообщалось: «В Петербурге недавно основалось издательство “Эпоха”, редакторами которого являются Евг. И. Замятин и К. И. Чуковский» — и перечислялись издания «Эпохи», вышедшие в свет («Книга об Александре Блоке» и «Жена поэта (Авдотья Яковлевна Панаева)» К. Чуковского, «Герберт Уэллс» Евг. Замятина, «Четвертый Рим» Н. Клюева, «Заклинательница змеи» и «Соборный благовест» Ф. Сологуба. «Котик Летаев» Андрея Белого и др.), а также планировавшиеся и несуществующие («Вяч. И в а н о в — первые два тома собрания сочинений, много небольших книжек типа Универсальной библиотеки — “Библиотека “Эпохи”». Подготавливается к печати перевод труда Ш п е н г л е р а — “Г и б е л ь З а п а д а” и мног. др.»). В «Эпохе» готовилось также издание двух сборников статей Иванова-Разумника («Заветное» и «Скифское», каждый в двух книгах); из четырех подготовленных книг вышла в свет лишь одна: *Иванов-Разумник*. Заветное. I. Черная Россия. Статьи 1912–1913 гг. Пб., «Эпоха», 1922.

⁷ Эти сведения, а также проекты содержания задуманного журнала приводятся в работе Е. В. Ивановой «Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни» (С. 21–22).

⁸ ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 145.

⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 147.

¹⁰ Ни одно из писем Иванова-Разумника, отправленных Белому в Берлин в 1921–1922 гг., не дошло до адресата и не сохранилось. Безусловно, среди тем, в них затрагивавшихся, был и проект журнала «Эпоха».

¹¹ Согласно справке, представленной Центральной архивом ФСБ, Ефим Яковлевич Белицкий (1895–1940) учился в петербургском Психоневрологическом институте, в 1917–1922 гг. работал в Петроградском Совете, с начала 1922 г. — заместитель заведующего Петроградского отделения Гоиздата; в последующие годы работал на ответственных советских должностях за границей; арестован органами НКВД 22 июня 1939 г., расстрелян 5 февраля 1940 г. Ср. справку о нем в журнале «Новая Русская Книга» (1922. № 2. С. 35): «Ефим Яковл. Б е л и ц к и й, д-р психиатр. писатель, живет в Петербурге (Мойка, 11). Подготавливает книгу рассказов». Сведениями о литературной деятельности Белицкого мы не располагаем.

¹² См.: *Летопись Дома Литераторов*. 1922. №7. С. 5. Поема Гиппиуса «Лик человеческий» вышла в свет отдельным изданием (Пб.—Берлин, 1922) в составе песен 1–8; песни 9–20 остались неизданными.

¹³ См. вступительную статью М. М. Павловой к публикации воспоминаний и стихотворений Е. Я. Данько (Лица. Биографический альманах. 1. М.—СПб., 1992. С. 196). «Простые муки» впервые опубликованы М. М. Павловой в том же издании (С. 240–259).

¹⁴ Обозначенная в содержании 1-го номера статья Андрея Белого «Вячеслав Иванов» — едва ли одноименная статья, включенная в книгу Белого «Поэзия слова» (Пб.: «Эпоха», 1922) и ранее опубликованная в кн.: *Русская литература XX века. 1890–1910*. Под ред. проф. С. А. Венгерова. Т. III. Кн. VIII. М., <1918>. С. 114–149; скорее всего, в журнале предполагалось перепечатать статью Белого о книге Вяч. Иванова «Родное и вселенское», впервые опубликованную в «Знамени Труда» 26 марта и 3 апреля 1918 г. («На перева-

- ле. 1–2. Сирин ученого варварства») и позднее напечатанную отдельной брошюрой: *Андрей Белый*. Сирин ученого варварства. Берлин: «Скифы», 1922.
- ¹⁵ См.: *Иванова Е. В.* Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни. С. 55.
- ¹⁶ См.: Там же. С. 46–48; а также: Штейнберг А. З. Достоевский как философ // *Предысл., публ. и примеч. В. Г. Белоуса // Вопросы философии*. 1994. № 9. С. 184–196.
- ¹⁷ См.: *Андрей Белый*. О стихах Александровского // *Горн*. 1918. № 1. С. 79–81.
- ¹⁸ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 3 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 3 об., 6 об.–7.
- ²⁰ Это произведение осталось неопубликованным. Текст его сохранился в архиве Вл. В. Гиппиуса: ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 148 («Сон в пустыне. Зрелище в трех действиях» — перебеленный список); Ед. хр. 149 («Сон в пустыне. Сценическая поэма в трех действиях» — черновая рукопись).
- ²¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 2 об.
- ²² Это произведение впервые опубликовано (с сопроводительной статьей Зои Эндер «История рукописи неизданного произведения Елены Гуро “Бедный рыцарь”») в кн.: *Elena Guro: Selected Prose and Poetry*. Ed.: Anna Ljunggren and Nils Åke Nilsson. Stockholm. 1988. P. 111–214. См. также: *Гуро Е.* Небесные верблюжата. Бедный рыцарь. Стихи и проза. Ростов-на-Дону, 1993. С. 145–219.
- ²³ См.: *Иванова Е. В.* Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни. С. 47, 58–59.
- ²⁴ См.: Там же. С. 60.
- ²⁵ См.: *Пришвин М.* По градам и весям: Штыковой удар. — В греческом погребке. — Рыцари без лат. — Эпидемия // *Заветы*. 1912. № 8. Отд. II. С. 73–82; По градам и весям: Дежурное блюдо. — Коренная обίδα. — Притча о пьяных медведях // *Заветы*. 1912. № 9. Отд. II. С. 119–129. Позднее Пришвин объединил в раздел под заглавием «По градам и весям» четыре своих вещи: «Слуга времени», «Деревенский ренессанс», «Химик», «Радий» (*Пришвин М.* Собр. соч. Т. 4. От земли и городов. М.–Л.: Гос. изд-во, 1931).
- ²⁶ См.: *Белоус В.* Реконструкция «Антроподицеи», или Самооправдание Иванова-Разумника // *Русская мысль*. 1995. № 4102, 23–29 ноября. С. 10; № 4103, 30 ноября — 6 декабря. С. 10.
- ²⁷ См.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4-х т. Т. 3. М., 1958. С. 312. С. Д. Мстиславский (согласно его свидетельствам, переданным С. А. Макашиным) познакомился с Кржижановским в Киеве в 1918 г., позднее, в Москве, пригласил его на работу контрольным редактором в Большую советскую энциклопедию (Перельмутер В. Когда не хватает воздуха // *Кржижановский С.* Возвращение Мюнхгаузена. Повести. Новеллы. Воспоминания о Кржижановском. Л., 1990. С. 6–7).
- ²⁸ См.: *Перельмутер В.* «Трактат о том, как не выгодно быть талантливый» // *Кржижановский С.* Воспоминания о будущем. Избранное из неизданного. М., 1989. С. 15.
- ²⁹ См.: *Иванов-Разумник*. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг.: «Колос». 1923. С. 231–246.
- ³⁰ См.: *Книпович Е.* Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987.
- ³¹ См.: Петроградская Государственная Академическая Филармония. Академические симфонические концерты, сезон 1922/23 г.; *Лосев А.* Проблема Рихарда Вагнера в прошлом и настоящем // *Вопросы эстетики*. Вып. 8. М., 1968. С. 114.

**Из военной переписки
Иванова-Разумника с А. Л. Бемом:
суждения о литературе русской эмиграции**

В сентябре 1941 года Иванов-Разумник попал в зону германской оккупации. В следующем году он и его жена были вывезены в Германию. Так как В. Н. Иванова была немецкого происхождения, то сначала оба попали в лагерь для перемещенных лиц в городе Кониц, а потом были выпущены на свободу, к своим родственникам в Литву. Как только это стало возможным, Иванов-Разумник начал переписываться со многими представителями русской литературной эмиграции. Среди них был литератор и критик Альфред Людвигович Бем (1886–1945). Бем был профессором русского языка в Карловом университете в Праге и активным деятелем культурной жизни русской эмиграции. Из этой переписки приводятся выдержки, которые касаются исключительно литературы русской эмиграции. По ним видно, как постепенно Иванов-Разумник, «человек, выползший из-под железного занавеса», знакомился с произведениями русской эмигрантской литературы, впервые осваивая все ее богатство.

Оригиналы писем Иванова-Разумника хранятся в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге.

15 мая 1942 г.:

«О Сирине Набокове. Всё, что Вы пишете о нем — очень интересно и, надо думать, соответствует действительности, — но я не имею права судить об этом, так как прочел лишь 3/4 одного романа этого автора (“Camera obscura”) в присланных мне Сергеем Порфирьевичем* томах L–LII “Современных Записок”. Вот когда прочту все его романы (а их много!) — буду сметь свое суждение иметь, а Вам и книги в руки. Но если “le style c’est l’homme”**, то стиль прочитанного мною отрывка

* С. П. Постников (*Прим. ред.*)

** стиль — это человек (*фр.*)

рисует человека, который не является героем моего романа. А почему — Вы сами ответили на это в своем письме, и мне теперь легко объяснить первое свое впечатление. Чем дольше я живу (а следовательно — чем больше читаю), тем больше отвращаюсь от “чистой литературы” с ее иногда великим мастерством: я ее очень “ценю” — и не очень “люблю”. а ведь в любви все дело. Ценю “парнасцев”, а люблю — Верлена: ценю Бунина и (Вы правы) не люблю его, и всегда готов повторить по его адресу слова из “Власти тьмы”: “Опамятуйся, Микита! Душа надобна!” Вот почему разбросанная и отнюдь не академическая “Кашеева цепь” Пришвина для меня выше всех романов Бунина вместе взятых. Думаю, что по аналогичной причине я буду “ценить” и Сирина-Набокова (когда прочту его романы), но вряд ли буду “любить” его; сужу об этом по Вашей же оценке его, как “мастера”, необычайно “литературного”, но писателя “без веры, без Бога”, то есть без единого на потребу, ибо “tout le reste est litterature”*. Буду, возможно, очень его ценить, а полюблю уж кого-нибудь другого; ему же скажу: “опаматуйся, Микита! Душа надобна!”. <...>

Вы пишете об эмигрантской критике — Адамовиче, Ходасевиче (когда же он умер?); последнего я себе представляю, хотя и хотел бы узнать поближе (особенно — “Некрополь”), первый же, как критик, для меня terra incognita** (а как поэт я его не очень ценил когда-то)».

7 июня 1942 г.:

«Читая запоем всё присланное мне Сергеем Порфирьевичем (“Путь”! “Новый Град”! “евразийцы” — 12 книг! “Числа”! не говоря уж о “Соврем<енных> Записках” и “Воле России”!) всё более и более знакомлюсь с эмигрантской литературой, но все же не считаю себя “освоившим” ее более, чем в какой-нибудь 1/30-ой части. И все-таки — уже начинаю дерзать — “сметь свое суждение иметь”».

Иванову-Разумнику постоянно сообщались все актуальные новости эмигрантской литературы военных лет. Вот, например, отрывок из письма от 25 марта 1943 г.:

«За последнее время получил <...> письма от Ремизова и Зайцева; оба описывают похороны Бальмонта, — на которых впро-

* все остальное — литература (фр.)

** неизвестная земля (лат.)

чем Ремизов не был; Зайцев пишет, что из писателей были только он и Балтрушайтис. Последнее имя очень меня порадовало: этого старого соратника по “Заветам” я тщетно искал в Литве — и не получал о нем никаких сведений; думал — жив ли? И вот оказывается — жив, в Париже; непременно напишу ему. Зайцев сообщает и о смерти Осоргина (о чем я знал уже раньше) — “во французской деревне, в дыре, в одиночестве”; пишет, что от Бунина получил из Грасса грустную открытку, что здоровье Тэффи (если уж говорить о *minoritus deolus et dealus**) очень плохо, — грудная жаба. Ремизов писал мне о полуслепой и полуглухой Зинаиде Гиппиус, которую иногда водят к нему в гости. Она — ровесница Бальмонта и, после его смерти, последняя могиканша декадентства (впрочем — не считая Александра Добролюбова, о курьезной житейской метаморфозе которого за последние годы когда-нибудь Вам расскажу), также как и Вяч. Иванов (если жив?) и Балтрушайтис — последние могикане символизма. Ремизова не считаю ни в тех, ни в сих, — он сам по себе.

О Бальмонте — Вы правы: поэт подлинный и со своим голосом, но с пудами гравия и руды, в которых блестят подлинные драгоценные камни и металлы. Последней “беспорной” его книгой было “Будем, как солнце”, — 1904-ый год! После этого пришлось ему еще 40 лет — жутко сказать! — спадать с голоса и сходить на нет. Но всё же в свое время значение его было огромно, не меньше брюсовского. Блок, конечно, был не прав, также как и Федор Сологуб, называвший Бальмонта — Бенедиктовым от декадентства. <..>

Зайцев пишет, что снова засел за перевод “Inferno”, которому отдал 5 лет жизни, а теперь даст тексту последний удар кисти — и оставит перевод в наследство своей дочери; называет Данте родоначальником всех эмигрантов. Хорошо, когда на письменном столе лежит такая большая работа. В России у нас говорили, что Вяч. Иванов уже перевел все три части “Комедии”, — так ли это?»

В письме от 5 февраля 1944 г. Иванов-Разумник делился своими творческими планами:

«Из черновых рукописей, привезенных мною с собой, я за эти полгода успел написать четыре книги, пятая на очереди; они в двух экземплярах переписаны на машинке, которою, как видите, мы здесь обладаем, и будут ждать лучших времен для своего

* здесь: мелочи (*искаж. лат.*)

рождения в свет. Я очень хотел бы один из экземпляров машинописи всех четырех книг переслать в Прагу на хранение, имея ввиду всякие возможные случайности войны, и писал об этом Серг<ею> Порф<ирьевичу>; но еще не узнал, каковы цензурные возможности пересылки таких материалов за границу. Пусть по крайней мере будет Вам известно их содержание, — это покажет Вам, что полгода деревенской жизни не прошли совсем бесплодно.

Первая книга, в одной десятой части Вам известная по газете — “Писательские судьбы”; в ней около 12-ти печатных листов и некоторые из ее глав представили бы для Вас, вероятно, интерес. Например глава “Подсудное”, в которой я рассказываю о тех действительно замечательных произведениях (в роде “Погорельщины” Николая Клюева), которые по разным причинам не могли быть напечатаны в Стране Советов. Быть может заинтересовали бы Вас и главы об Андрее Белом, Александре Блоке, Сергее Есенине, со многими фактами до сих пор еще не оглашенными в печати. Есть и еще ряд глав, которые мне очень хотелось бы прочитать в дружеском кругу, так как печатание книги — это вопрос таких греческих календ, по поводу которых теперь никто не может предвидеть ничего ясного.

Вторая книга — “Тюрьмы и ссылки” такого же размера, как и первая; хотя обе они, казалось бы, содержания “актуального”, но при создавшихся условиях об издании их думать не приходится. Тем более это относится к третьей и четвертой книге, совсем “неактуальных” и интересных лишь для ограниченного круга читателей. Третья книга — сборник историко-литературных статей под заглавием “Холодные наблюдения и горестные заметы”; в ней тоже листов 12 печатных, а может быть и больше. Среди статей этой книги — ряд наблюдений и замет над “Мастерством Гоголя”, романом “Маски” и тремя томами воспоминаний Андрея Белого: статья об очерке Зинаиды Гиппиус про Блока (“Мой лунный друг”); большая статья о “Дневниках” Федора Сологуба и ряд других статей. По поводу последней из названных статей я писал Серг<ею> Порф<ирьевичу>, что содержание дневников Сологуба настолько неожиданно и жутко, что я еще не решил, может ли эта статья увидеть свет; я писал Серг<ею> Порф<ирьевичу>, что откладываю решение этого вопроса до того времени, когда за его чайным столом в Вашем присутствии впервые оглашу эту статью.

Наконец четвертая книга, такого же размера как и предыдущие и самая для меня (но не для других) интересная, носит на-

звание “Оправдание человека” и состоит из ряда докладов на темы философии культуры, прочитанных в Вольной Философской Ассоциации в 1919–1924 годах. Но рассказывать здесь о ней было бы очень длинно; достаточно и того, что я и без того длинно рассказал Вам на этих страницах. Одним словом — “... пишут, пишут, и всё ни от кого похвал себе не слышат”; да хотя бы и не похвал, а лишь отзывы. Вот и еще одна из причин, почему приходится мечтать о Праге, где есть возможность общения с людьми, мнением которых я дорожу».

Иногда переписка с Бемом переходила в полемику, о чем свидетельствует «диалог» из письма от 12 апреля 1944 г.:

«Переходя от Вашей книги к моей, от большой темы к маленькой, скажу, что отнюдь не удивился Вашему к ней отношению, то есть тому, что Вы читая, сердились. Конечно, как Вы пишете, мы с Вами люди разных мироощущений, и вполне понятно, что то, что Вы считаете моими “срывами”, например “скифство”, я склонен расценивать, как “взлеты”. И наоборот. Но все же я полагаю, что сердиться Вы могли, читая только последний отдел книги — “Красные вымыслы”, где есть место для столкновения мнений. Что же касается злободневности для меня того, что для Вас является уже древней историей, то оно и понятно: я — homo novus* в эмигрантской литературе, впервые читающий такие вещи, которые Вы читали уже двадцать лет тому назад; неудивительно, что они для Вас — plusquamperfectum**, а для меня, как Вы пишете, даже старые счета с Гиппиус или Буниным — сегодняшний день, что несколько не мешает мне вместе с Вами признавать, что Зинаида Гиппиус — очень острый критик и хороший поэт (хотя и слабый беллетрист), а Иван Бунин — большой писатель (хотя и далеко не столь большой, каким предложила считать его Нобелевская премия). “Красные вымыслы” в советской России имеют параллельные “Белые вымыслы” в России зарубежной, насколько я уже мог ознакомиться с ее литературой».

Дискуссия об эмигрантской литературе продолжалась на страницах других писем, например в письме от 17 мая 1944 г.:

«В эмигрантскую литературу я только еще вхожу, десятой доли ее еще не прочел, но тем интереснее мне узнать не только о ее прошлом, но и о возможном будущем. Должен вам сказать,

* новый человек (лат.)

** давнопрошедшее время (лат.)

что после небольшого, прочитанного мною (три-четыре романа Сиррина; столько же романов Бунина, Зайцева, Ремизова, Мережковского; рассказы и повести Газданова и иных “молодых”; стихи Марины Цветаевой и других эмигрантских поэтов) — у меня сложилось мнение (возможно, что и совершенно ошибочное), что к эмигрантской литературе применима та же общая формула, которую я высказал о литературе советской: “все ценное в ней дано людьми дореволюционного поколения”».

В предпоследнем письме Бему от 5 ноября 1944 г. Иванов-Разумник предсказывал общую судьбу:

«Чем событий больше, тем время течет быстрее; а в этом 1944-ом году мы не можем пожаловаться на недостаточную густоту событий: они идут в таком оглушающем количестве, одно за другим, что не успеваешь их как следует осознавать. Тут и теряешь чувство времени, — с такой быстротой оно мчится.

К чему оно нас домчит — в подробностях предвидеть трудно, но общие контуры как будто обрисовываются. Человечество не погибнет, ему суждена еще долгая жизнь, а вот мы с Вами — старые и новые эмигранты — как будто бы уже стоим на рубеже гибели. <...> Если бы и впрямь случилась — о чем трубят все газеты — “большевизация Европы”, то не поздоровится и вам, старым эмигрантам, и тем паче нам, новым беженцам. К непосредственной кончине живота надо быть готовым во всякий час надвигающихся событий, а они <...> идут быстрыми шагами. <...>

Какой это самоубийца-поэт решил остаться в Ревеле на милость большевиков? У меня не хватило бы мужества для этого, должен сказать откровенно. Вероятно потому, что я прожил с ними 25 лет».

Тем не менее, А. Л. Бем остался в Праге, а с приходом советской армии был задержан агентами СМЕРШ и расстрелян в городской тюрьме в мае 1945 г. Иванов-Разумник избежал вынужденной репатриации, скрываясь у своего племянника в Мюнхене, где и умер в июне 1946 г., накануне получения американской визы.

**Письма Н. Н. Берберовой
и Вл. Иоанна (Шаховского)
к Иванову-Разумнику**

Вступительная заметка, публикация и примечания
Е. А. Голлербаха и Ж. Шерона

Нина Николаевна Берберова — прозаик, литературный критик, переводчица, журналистка, педагог — родилась в 1901 г. в Петербурге, эмигрировала в 1922 г., печаталась в газетах «Последние новости», «Русская мысль» (Париж), в журналах «Новый корабль», «Звено», «Современные записки» (Париж), в «Новом журнале» (Нью-Йорк) и других периодических изданиях. Военное время провела в оккупированной немцами зоне Франции, продолжая там литературную деятельность, чем вызвала обвинения в коллаборационизме. В 1950 г. переехала в США, в 1993 г. скончалась в Филадельфии.

Публикуемые письма Берберовой к Иванову-Разумнику дополняют публикацию его писем к ней, осуществленную Ж. Шероном¹. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (в миру князь Дмитрий Алексеевич Шаховской) был крупным православным церковным деятелем, проповедником, публицистом, литератором, издателем. Он родился в Москве в 1902 г., эмигрировал в 1920 г. С юности писал стихи, также занимался литературной критикой и публицистикой. В 1926 г. организовал в Бельгии «журнал русской литературной культуры» «Благонамеренный», однако предприятие оказалось unsuccessful (вышло всего два номера)², и в том же году Шаховской принял монашеский постриг в Свято-Пантелеймоновском монастыре на Афоне. Рукоположен в священники был в 1927 г. в Югославии, после чего служил в Югославии и в Германии. В июне 1941 г. вл. Иоанн выступил в берлинской газете «Новое слово» со статьей, в которой поддержал военную кампанию Гитлера против СССР, затем вел миссионерскую работу среди русских военнопленных³, за что впоследствии был обвинен в коллаборации с нацистами. В 1946 г. через Францию переехал в США. В 1947 г. в Свято-Покровском соборе в Нью-Йорке состоялась хиротония вл. Иоанна во епископа Бруклинского, в 1948 г. он стал деканом Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке⁴, в 1950 г. занял кафедру в Сан-Франциско, в 1961 г. был возведен

в сан архиепископа. Послевоенные литературные публикации вл. Иоанн подписывал псевдонимом Странник. Однако большую известность он получил не как литератор, а именно как церковный деятель и проповедник, вл. Иоанн издал большое число православных книг и брошюр выпускал «газету За Церковь!», в течение сорока лет (с 1946 по 1986 гг.) вел еженедельную религиозную программу русского отдела радиостанции «Голос Америки». Скончался он в Санта-Барбаре (Калифорния) в 1989 г.⁵

Тексты публикуются по ксерокопиям (письма Берберовой) и оригиналам (письма вл. Иоанна), хранящимся в архиве покойного архиепископа Иоанна Сан-Францисского. Этот архив до последнего времени находился в Санта-Барбаре (Калифорния) и должен быть передан на хранение в Amherst Center for Russian Culture (Массачусетс), где уже собран ряд архивов русских эмигрантов, в том числе архив сестры вл. Иоанна З. А. Шаховской.

Приносим благодарность всем оказавшим содействие в подготовке публикации, особенно К. К. Чекину (Сан-Франциско), Т. О. Раннит (Нью-Йорк) и С. Шпикеру (Санта-Барбара).

Примечания

¹ См.: *Cheron G. The Wartime of Ivanov-Razumnik: Correspondence with N. Berberova // Stanford Slavic Studies. Vol. 4. [Issue] 2. Literature, Culture and Society in the Modern Age: In Honor of Joseph Frank. Part II. Stanford, 1992. P. 394–407.*

² О «Благонамеренном» см. подр.: *Толстой И. Курсив эпохи. Литературные заметки.* СПб., 1993. С. 137–139. См. также: *Шаховской И. Биография юности: Установление единства.* Париж, УМСА-Press, <1917>. С. 75–88, 163–418 (Эта книга является 5-м томом собр. трудов вл. Иоанна).

³ См.: Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921–1972 / Сост. Н. Зернов. Boston, 1973. С. 60.

⁴ *Т-ов С. Торжество православной культуры // Посев. 1948. 20 июня. № 25 (108). С. 14.* Согласно этой информации, сотрудниками вл. Иоанна по академии были Н. О. Лосский, Н. С. Арсеньев, Г. П. Федотов, Г. В. Флоровский и др.

⁵ См. подр.: <Б. п. > 20 лет в епископском сане // Новое русское слово. Vol. LVII. 1967. 11 мая. № 19785. С. 3; *Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893–1965: Bio-Bibliographie von Metropolit Manuil (Lemesevskij).* T III. Erlangen, 1984. S. 339–340; <Михнюк Г. В.> К кончине Владыки Иоанна, бывшего архиепископа Сан-Францисского: 1902–1989 // Русская мысль. 1989/9 июня. № 3779. С. 14.

Письма Н. Н. Берберовой к Р. В. Иванову-Разумнику

1.

Geschrieben
in Russischer
Sprache¹

M-me N. Berberoff
Longchene
par Bonnelles
S. et O.
France

30.IV.<19>42²

Многоуважаемый
Разумник Васильевич,

Ваше объявление в «Новом Слове» чрезвычайно удивило и взволновало меня: Вы ли это, автор статьи о «Двенадцати» и «Скифах», друг Белого и Блока, сотрудник Вольфиль?³ Здесь, за границей, был, года три назад, слух о Вашей смерти.

Если это Вы, то буду рада получить от Вас ответ, узнать, каким образом Вы попали в Германию, не нуждается ли в чем? Давно ли из Петербурга? Здесь, в Париже, находятся многие из Вам знакомых литераторов: Зайцев, Шмелев, Бердяев, о. Булгаков; Бунин на юге. Бальмонт, хоть и жив, но как бы уже и не жив. Вяч. Иванов в Италии⁴.

Сама я писательница, издала здесь немало книг, писала (пока они были) в здешних журналах и газетах. С 1922 по 1932 г<оды> была женой В. Ф. Ходасевича, с которым уехала за границу⁵. Теперь он умер.

С глубоким уважением

Н. Берберова.

(Нина Николаевна).

¹ Написано по-русски (*нем.*). Приписано Берберовой.

² К письму приложена копия конверта с надписью: «Herrn Ivanov-Rasumnik / Barackenlager / Baracke "Essen" / Zimmer 8. / Konitz (Westpreussen) / Allemagne» («Господину Иванову-Разумнику / Барачный лагерь / Барак "Эссен" / Номер 8 / Конитц (Западная Пруссия) (*нем.*), Германия» (*фр.*)). Марки с почтовыми штемпелями оторваны. На обороте также рукой Берберовой: «N. Berberoff. Longchene par Bonnelles. S<eine> / France» («Н. Берберова. Лонгшен С<ена> и У<аза> / Франция» (*фр.*)). Сена и Уаза — название департамента под Парижем, существовавшего до июля 1964 г.

³ «Новое слово» — русская газета, выходившая в 1933–1944 гг., в Берлине. В ней сотрудничали И. Д. Сургучев, Б. А. Филистинский (псевдоним: Филиппов), Е. Р. Островский (псевдоним Романов), Валентин Горянский и др. авторы, часто под псевдонимами. См подробнее: *Williams Robert. Culture in Exile: Russian Emigres in Germany, 1881–1941.* Ithaca, London, 1972. P. 344–347; *Трушинович Я.* Аресты руководства НТС в Берлине: К истории Народно-Трудового союза // *Посев* (Ярославль). 1992. Сентябрь–октябрь. № 5 (1409). С. 118–120. Иванов Разумник печат.

тал в «Новом слове» свои «Писательские судьбы» (Нью-Йорк: «Литературный фонд», 1951). Первый очерк см. *Иванов-Разумник И.* <sic. — *Комм.*> Хождение над бездной // Новое слово. 1942. 10 мая. № 37 (419). С. 4–5.

⁴ Борис Константинович Зайцев (1881–1972) — прозаик, мемуарист, литературный критик, переводчик; до революции печатался в журнале «Заветы»; в эмиграции с 1922 г., в Париже — с 1923 г. См.: *Грибановский П.* Борис Константинович Зайцев: (Обзор творчества) // Русская литература в эмиграции / Сб. статей под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 133–150. Письма Иванова-Разумника к Б. К. Зайцеву см.: Звезда. 1996. № 3. С. 114–116 (публ. и прим. В. Г. Белоуса, Я. В. Леонтьева и Ж. Шерона). Иван Сергеевич Шмелев (1873–1950) — прозаик, в эмиграции с 1922 г. См.: *Сорокина О.* Творческий путь И. С. Шмелева в эмиграции // Там же. С. 215–231 (здесь, в частности, сообщалось о коллаборации Шмелева с нацистами во время войны); *Келер Л. И. С. Шмелев о себе и о других* // Там же. С. 233–240. Николай Александрович Бердяев (1874–1948) — философ, публицист; в эмиграции с 1922 г., в Кламаре под Парижем — с 1924 г. Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) — философ, богослов, публицист, педагог; с 1918 г. — православный священник, в эмиграции — с 1923 г., в Париже — с 1925 г. Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) — прозаик, поэт, переводчик, мемуарист, нобелевский лауреат (1933); в эмиграции с 1920 г. См.: *Крыжицкий С.* Жизнь и творчество И. А. Бунина в эмиграции // Там же. С. 107–120. Обзор писем Бунина к Берберовой (1927–1946) см.: Бунинские материалы в архивах Советского Союза: Сводный обзор // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 2. М., 1973. С. 502–505. Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) — поэт, переводчик, литературный критик, эссеист; в эмиграции с 1920 г., в Париже — до 1926 г., с 1928 по 1930 гг. и с 1932 г. С 1937 г. Бальмонт страдал прогрессирующим психическим заболеванием. Скончался в приюте «Русский дом» в Нуази-ле-Гран под Парижем 23 декабря 1942 г. Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) — поэт, философ, филолог, переводчик, педагог, в эмиграции с 1924 г., с 1936 г. — в Риме. См.: *Климов А.* Вячеслав Иванов в Италии (1924–1949) // Русская литература в эмиграции. С. 151–165.

⁵ Владислав Фелицианович Ходасевич (1886–1939) — поэт, переводчик, прозаик, литературовед, литературный критик, в эмиграции с 1922 г., был мужем Берберовой в 1922–32 гг.

2.

Russisch¹

Longchene par Bonnelles
S. et O.

26.V.<19>42²

Многоуважаемый

Разумник Васильевич,

Вашу открытку я получила, спасибо. Завтра еду в Париж (40 верст) и наведу справки — как послать Вам книги — а кстати и табак, — нужна ли цензура, дозволено ли это? Если дозволено, то вышлю Вам

свои книги, а также Бунина, Сирина (прекрасный писатель, самый талантливый из новых наших здешних, 40-ка лет, сын кадета Набокова), и еще, что достану³. Уже из Ваших фельетонов в «Н<овом> С<лове>» я поняла, что Вы — Вы. Нечего говорить, как мне хотелось бы увидеться с Вами! Да и не мне одной... Хочется задать Вам тысячу вопросов: о последних годах Белого, о смерти Горького (правда ли официальная версия отравления?), об Ахматовой, о самоубийстве Цветаевой, о моих сверстниках⁴. Но все это Вы, вероятно, расскажете постепенно. Хочется Вас спросить и о нашем городе, где у меня остались отец и мать⁵. Думаю, что и могил их не найду.

Июнь 40-го года, завоевание Франции, оказались пределом нашим. До этого — была одна жизнь, жизнь губернского русского города, с газетами, журналом, клубом, театром, церквями и пр<очим> и пр<очим>. После этого срока — настало совсем иное. Многие из наших уехали, живем сейчас в одиночку. Появились надежды — впервые за 20 лет, и от них все перестроилось в своей внутренней основе. Что касается меня, то у меня редкое счастье: я живу у себя, т<о> е<сть> в собственном маленьком деревенском доме, где сад, где огород, мною выхаживаемые, где подобие прочности — книги и возможность работы. Я замужем за человеком, кот<орого> Вы, быть может, знаете — Н. В. Макеев, Владимирской губернии эс-эр, в 17-18 гг. Вас он встречали просит Вам передать поклон⁶.

Останетесь ли Вы в Вашем лагере? Где Ваши близкие? Есть ли у Вас кто-нибудь поблизости, кто принимает в Вас участие? Каков был Ваш путь оттуда сюда?

Мы уже очень давно не видели никого, кто бы приехал по доброй воле из чумных мест. А вот уже скоро 3 года, как не видали ни газет, ни книг оттуда. Есть у меня кое-кто из друзей, кот<орые> сражаются на восточном фронте сейчас. Вести от них — самое волнующее, что только может быть. Здешняя наша жизнь — одно ожидание.

Если Вас закинет в Берлин, Вы, вероятно, встретите там не мало русских, полужнакомых, а мож<ет> быть и знакомых. Сознаюсь, — Ваша судьба удивительна. Вы мне кажетесь драгоценным сосудом, кот<орый> наконец-то доставили на берег после 20-летней бури.

Жму Вашу руку.

Н. Берберова

¹ Русский (нем.). Приписано Берберовой.

² К письму приложена копия конверта с надписью «Herrn Dr. Iwanow-Rasumnick / Barackenlager. / Baracke "Essen", No 8 / Konitz (Westpr<eussen>)»

и почтовыми штемпелями «Seine et Oise / 30. 5 <1942>». На обороте рукой Берберовой: «Longchene par Bonnelles S<eine> et O<ise> / France».

³ Владимир Владимирович Набоков (псевдоним Стрпн, 1899–1977) — прозаик, поэт, переводчик, мемуарист, литературовед, педагог; в эмиграции с 1919 г., с 1940 г. в США. Его отец Владимир Дмитриевич Набоков (1869–1922) — политический и административный деятель, юрист, публицист, в эмиграции с 1919 г.

⁴ Алексей Максимович Пешков (псевдоним Максим Горький, 1868–1936) — прозаик, драматург, публицист, общественный деятель. Версию об отравлении Горького и его сына М. А. Пешкова см.: Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР 2–13 марта 1938 г. <...> М., 1938. С. 23–29; и др. Анна Андреевна Горенко (псевдоним Ахматова, 1889–1966) — поэтесса, переводчица. Марина Ивановна Цветаева (1892–1941) — поэтесса, драматург, эссеистка, в эмиграции с 1922 по 1939 г. См.: Карлинский С. Новое об эмигрантском периоде Марины Цветаевой: (По материалам ее переписки с А. А. Тесковой) // Русская литература в эмиграции. С. 209–214.

⁵ Николай Иванович Берберов (1868–1942) — отец Н. Берберовой; экономист, до революции был сотрудником министерства финансов, автор нескольких публикаций по налогам (последняя его книга вышла в Петрограде в 1923 г.) Мать — Наталья Ивановна Берберова (рожд. Караулова: 1877–1942?).

⁶ Николай Васильевич Макеев (1889–1974) — второй муж (до 1947 г.) Н. Берберовой, художник; в 1917–18 гг. член Учредительного Собрания от Владимирского избирательного округа. См.: Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 395.

3.

3. IX. <1942>¹

Sehr geehrter Herr Ivanov,

ich habe Inre postcarte im Mai bekommen und habe Ihnen einen langen Brief geschriben, habe aber keine Antwort erhalten. Ich las Ihren Brief zu Saitzeff. Dieser Brief hatt uns sehr viel Freude gemacht — über 20 Jahre haben wir Sie wieder gefunden! Leider nachher haben wir wieder nichts erhalten. Jetzt habe ich 2 Aitikel in der Berliner Zeitung von Ihnen gelesen². Kann es Ihnen nicht sagen, wie die interessant waren und so viel mir über alles Neues gaben. Der aime Oxman und alle andere<n>³! Russische Bücher wollte ich Ihnen schicken, aber es ist nicht erlaubt. So muss man noch warten. Wie geht es Ihnen? Bleiben Sie in Konitz? Bitte antworten Sie mir.

Hochachtungsvoll.

N<ina> B<erberoff>

Уважаемый господин Иванов,

я получила Вашу открытку в мае и написала Вам длинное письмо, но ответа не получила. Я прочла Ваше письмо Зайцеву. Это письмо доставило нам большую радость — через 20 лет мы Вас нашли вновь! После этого мы, к сожалению, опять ничего не получили. Недавно я прочла 2 Ваши статьи в берлинской газете². Не могу Вам сказать, как они были интересны и сколько они мне дали обо всем нового. Бедный Оксман и все другие³! Русские книги хотела Вам послать, но это не разрешено. Надо ждать еще. Как Вы поживаете? Останетесь ли Вы в Конице? Пожалуйста, ответьте мне.

С уважением.

Н<ина> Б<ерберова>.

¹ Письмо на открытке. На обороте надписи: «Herr Ivanoff-Rasumnick / Barackenlager / Baracke "Essen". Zim<mer> 8. / Konitz / 'Westpreussen / Allemagne» и «Exp. N. Berberoff / Longchene / par Bonnelles / S<eine> et O<ise>», а также почтовые штемпели «Seine et Oise / 5. 9 <1942>».

² Имеется в виду одна из публикаций Иванова Разумника в газете «Новое слово». См. прим. 3.

³ Юлиан Григорьевич Оксман (1894/1895–1970) — литературовед, педагог, с 1936 по 1946 гг. был в заключении.

Письма вл. Иоанна (Шаховского) к Р. В. Иванову-Разумнику

1.

ZZ. Archimandrit Johann (Schakhovskoy)

II/VI-1942¹

b/M. Vogl. Mattighofen ob/Donau

Сердечно приветствую Вас. Простите, не знаю Вашего имени-отчества... Ваш приезд — приезд сюда первого настоящего литературного человека из страны нашей. Очень хотелось бы повидать Вас, напишите, пожалуйста, долго ли останетесь еще в лагере и если отъедете оттуда, то — куда?.. Какие планы работы имеете? Простите, что спрашиваю Вас об этом, но м<ожет> б<ыть> могу Вам быть чем-либо полезен... Как-либо...

Я сейчас на отдыхе (по некоторой «немощи естества») но всегда живу в Берлине, являясь настоятелем одной берлинской правосл<авной> церкви². До священства я имел некоторое отношение к русской литературе; после священства — сконцентрировал свой интерес на религиозной русской литературной культуре. Характер этого интереса Вы увидите из некоторых изданий кот<орые> Вам пришлют из Берлина.

Мне весьма было бы интересно узнать от Вас, — можно ли думать, что в Сов<етской> России есть (подспудный, конечно) матери-

ал, могущий быть ценным для «Летописи»³?. Из-за войны сейчас здесь ничего такого издавать нельзя, но при первой возможности хотелось бы перенести издание этого журнала в Россию, м<ожет> б<ыть> в милый Петербург, если от него что уцелеет (покинул его давно, до сна султана Махмуда, в 1917 г<оду> — еще юношей)⁴. Или — в Москву...

Скажите, что с Анной Ахматовой, последн<ие> сведения были о ней, что бедствовала очень, чуть ли не у няньки где-то жила.

Зарубежн<ые> главные писательские силы были во Франции. Бунин, очень выросший в эмиграции, но до «какой-то точки» только дошедший (сейчас, слышно, на юге, в Грассе), Шмелев, Зайцев (все тот же!), Ходасевич (скончался), Мережковский (совсем недавно умер), Зинаида Ник<олаевна> Гиппиус — где-то в неоккупир<ованной> Франции...⁵ Верно ли, что покончила с собой вернувшаяся недавно в С.С.С.Р. Марина Цветаева? Что случилось со Святополк-Мирским (б<ывший> сотрудник мой), из «левых евразийцев» сделавшийся «национал-большевиком» (в стиле А. Н. Толстого, немного)⁶? Кое-кто «канут» в С.С.С.Р. (кончая М. Цветаевой)... Не думаю, чтобы <кто-нибудь> выплыл там надолго... Бальмонт где-то во Франции в психиатрической больнице (и в совершенной нищете)... Ремизов с женой в Париже был все время...⁷ Вот неск<олько> имен. М<ожет> б<ыть>, Вы о ком и не знали.

Сердечно чтущий Вас Архим<андрит> Иоанн.

С семьей ли Вы или один?

Простите, что вкладываю этот пустяк, но теперь (и особенно в лагере) не так легко достается даже пустяк⁸.

А<рхимандрит> И<оанн>

¹ К письму приложен конверт с надписью: «Herrn Iwanoff-Rasumnik / Konitz (Westpr<eussen>) / Barackenlager. Baracke: "Essen". / Zimmer 8» и почтовыми штемпелями: «Mattighofen / 11. VI <1942>». На обороте: «Abs<ender> A<rchimandrit> J<ohann> b/M. Vgl. Mattighofen ab/Donau» («Отпр<авитель> А<рхимандрит> И<оанн>» (нем.)).

² С июля 1932 г. по октябрь 1945 г. вл. Иоанн был настоятелем берлинской Свято-Владимирской церкви (Находштрассе, 10. До 13 августа 1932 г. церковь находилась по адресу: Моцштрассе, 27. См.: <Б. л. > В русской колонии // Возрождение. 1932. 16 августа). По свидетельству современника, это была домовая церковь — в отличие от второй популярной берлинской, конкурирующей православной церкви — собора на Гогенцоллерндамм, который относился к синодальной юрисдикции. «На Находштрассе было уютнее, мягче, теплее для души внутри храма, а собор привлекал своим внешним видом. Все-таки храм должен быть храмом, а не квартирой в жилом доме. Внешний вид настраивает тебя еще издалеки» (Комов А. Культурная жизнь // Посев. 1949. 4 декабря. № 49. С. 6). Церковь занималась издательской деятельностью, имела

школу и библиотеку. При церковном сестричестве работала школа иконописи. См.: <Б. л. > В приходе св. кн. Владимира // Новое слово (Берлин). 10 мая. № 37. С. 7; <Б. л. > Встреча в церкви // Там же. 3 мая. № 35. С. 7. В архиве вл. Иоанна хранится подписанный митрополитом Евлогием (В. С. Георгиевским) указ из Епархиального управления православных русских церквей в Западной Европе от 8 (21) июля 1932 г., за № 1302, в котором перомонаху Иоанну (Шаховскому), с февраля 1932 г. выполнявшему пастырские обязанности в берлинском приходе, сообщалось «Настоящим утверждаетесь Вы в должности настоятеля Прихода Св.[ятого] равноапостольного Князя Владимира в Берлине с 21 Июня — 4 Июля 1932 года». Там же хранится подписанный временно управляющим епархией архиепископом Владимиром (В. М. Тихонидским) указ из Епархиального управления православных русских церквей в Европе от 1 октября 1945 г., за № 489, в котором благочинному церкви в Германии архимандриту Иоанну (Шаховскому) сообщалось: «Настоящим согласно прошения <sic — комм. >, Вы освобождаетесь от должности Благочинного церкви в Германии с 1-го октября 1945 года». Там же — указ от того же числа, за № 419 «Настоящим, согласно прошению, увольняетесь Вы от должности Настоятеля Св.<яго->Владимирской церкви в Берлине с 1-го октября 1945 г.»

³ «Летопись» — журнал, издававшийся вл. Иоанном в Берлине.

⁴ Имеется в виду один из очерков Иванова-Разумника. См.: *Иванов-Разумник. Две жизни султана Махмуда* // Новое слово. 1942. 17 мая. № 39. С. 5.

⁵ Грасс — городок под Ниццей, где с 1922 по 1945 гг. семья Буниных проводила большую часть времени. Дмитрий Сергеевич Мережковский (1866–1941) — прозаик, поэт, драматург, публицист, в эмиграции с 1921 г. Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945) — литературный критик, поэтесса, прозаик, драматург, мемуаристка, с 1889 г. — жена Мережковского; в эмиграции с 1920 г., в Париже с 1921 г. См.: *Пахмусс Т. З. Н. Гиппиус в эмиграции по ее письмам* // Русская литература в эмиграции. С. 121–132; и др. В июне 1940 г., перед оккупацией немцами Парижа, Мережковский и Гиппиус переехали в Биарриц на юге Франции.

⁶ Дмитрий Петрович Святополк-Мирской (1890–1939) — литературный критик. См. *Мнухин Л. Легенды и быль. Еще раз о гибели князя Д. П. Святополк-Мирского* // Русская мысль. 1996. 6 июня. № 4129. С. 10; 13 июня. № 4130. С. 10; 20 июня. № 4131. С. 10. Алексей Николаевич Толстой (1882–1945) — прозаик, драматург, публицист, поэт, в эмиграции с 1918 по 1923 гг.

⁷ Алексей Михайлович Ремизов (1877–1975) — прозаик, драматург, дореволюционный знакомый Иванова-Разумника; в эмиграции с 1921 г. См.: *Карлова М. Осуд и сон писателя: О жизни и творчестве А. М. Ремизова в эмиграции* // Русская литература в эмиграции. С. 191–197. Жена Ремизова — Серафима Павловна Ремизова-Довгелло (1876–1943) — палеонтолог.

⁸ На полях приписка Иванова-Разумника: «К письму было приложено / 5 конвертов / 5 лл. почт<овой> бумаги / 16 почт<овых> марок по 6 pf<енig'ов>».

Глубокочитимый Разумник Васильевич,

хоть и непривычно мне так именовать русского человека (все кажется, что фамилию вместо имени поставил), однако — послушание матерью всех добродетелей, а иноческие правила говорят: «послушание имей ко всем»...

Спасибо за письмо, очень было приятно получить его и узнать, хотя и грустные вести, но все же — правду. О ссылке Святополк-Мирского мы за границей имели сведение, а о кончине его я, лично, узнаю впервые. В нем был, как в литературном критике талант смелости мысли (подчас, впрочем, несколько снобистической). Не мог вынести своего «изгнания», не мог осознать его духовного смысла, хотя все было ему дано за рубежом, чтоб осознал он смысл блюдения свободной русской культуры. Его влияние и среди молодых, и даже немолодых сил литературных было выше, даже, его «роста», а среди литературных кругов туманного Альбиона он был чуть ли не лучшим специалистом и даже «критериеологом» в области русской литературы. Не только открывались перед ним перспективы, но он уже «ступал» по этим перспективам... М^{ожет} б^{ыть} здесь Анна Радлова сыграла свою роль (не в двойном ли смысле роль; но боюсь это утверждать)². Просто прошла пора эмиграционной весны, буйного цветения русских сил в Европе, наступали будни труда и терпения, в борьбе за русскую правду, а к этому времени подошло «сталинское цветение» всеми цветами радуги «национальной»... Многие тогда ушли, изменив здесь и там своему делу и никогда не дойдя до там и не до своего дела. Цветаева была м^{ожет} б^{ыть} последней («довоенной») жертвой этого и, конечно, только чрез своего мужа, как-то замешавшегося в проказы нелегальных легальных представителей С.С.С.Р. во Франции³. После бегства С. Я. <Эфрона> из Франции (сейчас же вслед за похищением Миллера) ее положение стало очень трудным и двусмысленным⁴... Тоже, не смогла «перетерпеть»; но уже без всяких «снобистических» идеологий.

Впрочем, простите, что я Вас, соловья, стал сразу кормить баснями⁵. Ведь надо же о «деле» поговорить, которое в значительной мере определяет Ваше «пение».

Комнату на месяц я смогу Вам предоставить. Когда приедете, прямо можете прибыть на мою берлинскую квартиру, и, буде меня там не было бы, прошу Вас обратиться к моему секретарю — Серг^{ею} Степ^{ановичу} Любимцеву. Он будет в курсе дела и устроит Вас с супругой Вашей, по возможности, вместе (в крайнем случае, на разных квартирах). Вл^{адимиру} Мих^{айловичу} Деспотули прямо можете со-

слаться на приглашение мое⁶. Сейчас, думаю, самое главное Вам в Берлин попасть и самому всюду побывать, где надлежит.

Не удивляюсь, что Блюменталь-Тамарин как бы «расцвел» здесь скорее Вашего⁷. Есть разные травы: «бурно» растущие и — не столь. Вы из «не столь»; и я бы не жалел, на Вашем месте, об этом. Хотя, вообще говоря, жаль, — Ваша книга гораздо сильнее ударила бы по большевизму, чем его «записная книжка». Вот Вы упомянули о заглавии Вашей первой статьи, выдуманном редакцией «Н<ового> Слова». Надо было испортить хоть одну строку, чтоб статья сразу получила свою настоящую, «динамическую» цену... Испортить редакция десять строк, в этом духе, статья выиграла бы еще в десять раз, для некоторых, не столь ценителей, сколь — «объектов» слова.

Думаю, все же, что мы с Вами лучше сталкиваемся, чем Герцен с Печериным⁸, м<ожет> б<ыть>, и по другим причинам За 22 года своей эмиграции мы не разучились быть ни русскими «всечеловеками», ни просто русскими людьми... И национальное горе дает еще большую глубину нашим чувствам (даже тех из нас, кто родился за пределами географическими своей страны).

А что касается Церкви, то из «Летописи» Вы усмотрите один из аспектов нашего «зарубежного Православия». Многие из нас научились понимать и любить Церковь ее подлинной сущности, — не эстетически, не как «душевное» воспоминание о детстве и родине, и не как средство для достижения каких-либо — хотя бы самых высоких в мире — целей...

Но, простите, я, кажется, опять вошел в «крыловское творчество» пред соловьем⁹. Возвращаюсь к «клетке соловьиной»... Вряд ли ранее середины июля я возвращусь в Берлин, а сейчас даже из местечка Mattighofen уехали живу уже совсем отшельником один, в уединенном домике в расселине горы зеленой, пред снежными вершинами. И отсюда никак не подать рукой — даже мышшиной лапкой — до сети Льва¹⁰.

Но — подам рукой до Берлина — Regensburgerstr. 10A — своей квартиры — и попрошу Вам выслать бумаги (это теперь редкость) и п о и с к а т ь «вечное перо», что продержалось хоть до... половины нового погружения Султана Махмуда, т<о> е<сть> значит, вероятно, еще недельки две — хотя бы. Но перо, это уже совсем большая редкость, и ее надо искать, м<ожет> б<ыть>, больше двух недель... Но секретарь мой постарается найти. Пока же посылаю из своего отшельнического провианта немного бумаги и конвертов, а кстати и марок.

К пунк<т>у 1. нужд Ваших («Im geringen»¹¹) м<ожет> б<ыть> еще относится нужда в средствах для передвижения. На всякий случай, я

вкладываю в этот конверт (в чеке) сумму приблизительной стоимости проезда двух лиц от Konitz'a до Берлина. Если Вам не понадобится этот чек, — Вы мне его просто в Берлине вернете. А если понадобится, то вернете мне или кому-либо нуждающемуся после окончания всяких слов и просонков Махмуда.

Шлю сердечное приветствие Вашей супруге.

Искренно чтущий Вас Архимандрит Иоанн

До десятых чисел июля:
per Jager Hofbauer
in Voglau. Post Abtenau.
Land Salzburg.

После: Berlin W50.
Regensburgerstr. 10A.

Не знаю, как бы перелить к Вам в лагерь то, что вижу, среди чего нахожусь!.. Вкладываю белый цветок, для супруги вашей, и белый листок для Вас: «кусочек воздуха»¹².

Горный лес

Сосны и ели,
Как люди, ползли по стремнинам,
К нему и солнцу, в порыве едином.
Словно подняться хотели
К чистым вершинам.
Крепко цепляясь корнями за белые камни,
Землю хотели поднять с ее прожитыми веками.
Войско зеленое — светом весенним залито.
Вверх, по граниту,
В едином стремленьи,
Двигутся светлые тени.

27/VI 1942. Горы близь Зальцбурга.

¹ К письму приложен конверт с надписью: «Einschreiben / Herrn Iwanow-Rasumnik / Konitz (Westpreuissen) / Umsiedlerlager. Baracke "Essen" / Zimmer 8» («Заказное / Господину Иванову-Разумнику / Конитц (Западная Пруссия) / Переселенческий лагерь. Барак "Эссен" / Номер 8»); наклейкой: «Abtenau 977» и почтовыми штемпелями: «Abtenau / 30. 6 <19>42». На обороте — почтовый штемпель: «Konitz (Westpr<eussen>) / 03. 7 <19>42» и неразборчивая надпись вл. Иоанна.

² Анна Дмитриевна Радлова (рожд. Дармолатова, 1891–1949) поэтесса, переводчица, в августе 1942 г. вместе с мужем, режиссером С. Э. Радловым, и частью труппы его театра попала в зону немецкой оккупации, в 1943 г. переехала в Берлин, затем во Францию, в июне 1945 г. вернулась в СССР, была осуждена, скончалась в концентрационном лагере. См.: *Гайдатура В.* «Так рассказы правдиво...» // Советская культура. 1989. 22 августа. № 100. С. 6; Радлов С. «Джаз»: Театр врагов народа // Там же. 1990, 6 октября. № 40. С. 15. Радлова в 1920–30-е гг. входила в круг М. А. Кузмина и считалась со-

перницей Ахматовой. Отсюда исходит легенда о сотрудничестве Радловой с ОГПУ–НКВД.

³ Сергей Яковлевич Эфрон (1892–1941) — муж Цветаевой; участвовал в нелегальных операциях ОГПУ–НКВД на Западе, бежал из Франции в СССР под чужим именем, впоследствии был расстрелян.

⁴ Евгений Карлович Миллер (1867–1937) — генерал, в эмиграции с 1920 г., жил в Париже, с 1930 г. был председателем Русского общевойскового союза, был похищен агентами НКВД.

⁵ Имеется в виду ходячее выражение: «Соловья баснями не кормят».

⁶ Владимир Михайлович Деспотули (псевдоним Неллин) — прозаик, журналист, редактор «Нового слова».

⁷ Валентин Александрович Бломенталь (псевдоним Тамарин) — прозаик, поэт, артист, сын петербургского актера А. Э. Бломенталь-Тамарина. См.: <Б. л. > Вечер В. А. Бломенталь-Тамарина // Новое слово. 1942, 10 мая. № 37. С. 7.

⁸ Александр Иванович Герцен (1812–1870) и Владимир Сергеевич Печерин (1807–1885) — общественные деятели, философы, публицисты, в эмиграции — с 1847 и 1836 гг. соответственно.

⁹ См. прим. 28. Иван Андреевич Крылов (1769–1844) — поэт, прозаик, драматург, издатель.

¹⁰ Реминисценция из басни Крылова «Лев и Мышь» (1833).

¹¹ (нем.)

¹² К письму приложен засушенный цветок ромашки.

3.¹

SCHWESTERSCHAFT NAMENS DER HLG. FURSTIN OLGA²

E. V.

Berlin, Nachodstrabe 10, Telefon 24 24 53 und 86 69 90

Regensburgerstr. 10 A

17/VIII 1942

Глубокоуважаемый Разумник

Васильевич,

надеюсь, что комиссия и прочее начальство позволит Вам устроить Ваши дела в Берлине, как Вы желаете. Если это будет иметь место, пожалуйста, предупредите нас... М<ожет> б<ыть> после августа я опять отъеду, на нек<оторое> время, из Берлина к югу, потому это предупреждение лучше всего пошлите на имя Любимцева, по моему адресу (он в курсе дела), если освободитесь после 1 сент<ября>.

Спасибо за Ваши благопожелания. Слава Богу, я чувствую себя неплохо... Надеюсь вскоре повидать Вас.

Сердечно чтущий Вас А<рхимандрит> Иоанн

¹ К письму приложен конверт с надписью: «Herrn Iwanoff-Rasumik / Konitz (Westpr<eussen>) / Barackenlager. Baracke "Essen" / Z<immer> 8» и почтовым штемпелем: «Berlin-Scharlottenburg 2 / 18. 8. <19>42». На обороте — штемпель «Archimandrit W 50, Regensburger Str<asse> 10 а».

² Сестричество имени св<ятой> княгини Ольги (нем.). Текст печатный (бланк). Адрес «Regensburgerst<rasse> 10 А» приписан вл. Иоанном.

4.¹

7/III 1945

Дорогой Разумник Васильевич,

Вы меня очень обрадовали Вашей записочкой в бутылке, сиречь открыткой, которая прибилась, как раз, к моему берегу (вместе с морской пеной и пением сирен)... Думал о Вас, когда многозначительно звучало в морском воздухе слово «Кониц»... И до, и после этого... И вот — весточка... Жду теперь Вашего «большого» письма. Книгу теперь не напишешь, а если и напишешь, то не пошлешь — в пространство. А вот письмо можно, — конечно, опять чрез посредство бутылки и морских волн — почты... Напишите, поручив сиренам — доставить.

Да, я здесь под Мюнхеном, пока, сел на землю...² Все вышло, с моей поездкой, довольно неожиданно для меня самого. Так, думаю, было надо. А смысл более глубокий сего м<ожет> б<ыть> уразумеем позже.

Под Килем, думаю, теперь можете вздохнуть спокойно. Напрасно славянофилы считали Запад целиком вредным. На Западе* — солнце опытно; оно уже прошло — еще один раз — по лицу земли и многое что еще «заметило себе» (входя во вес вышки и щели эмисферы)... На западе оно мудрее все же светит; как и осенью, не напрасно воспетой русскими...

А Что с книгой Вашей?.. Надеюсь, не в Конице же она печаталась?

Привет супруге Вашей Мир и благословение да будут на внутренних и внешних Ваших путях!

С любовью Архим<андрит> Иоанн

Прошу Вас очень, в первых, средних или последних строках письма сообщить мне о самом пустом и малоценном — о матер<иальных> средствах. Т<ак> к<ак> Кониц — новое «Пушкино», для Вас, откуда Вы эвакуировались, то я думаю, Вы простите мне этот вопрос, требующий точного ответа³. Точность — предупреждаю — будет эквивалентна дружественности.

* на крайнем (приписано автором на полях).

Для нас с Вами бумага, как для лошади сено. Простите потому, что прилагаю маленькую охалпку. Долг конюшенной вежливости! Челове-
чья — недосыгаема⁴.

¹ К письму приложен конверт с надписью «Herrn R. Iwanow / b<ei> / Frau Gebhardt / Rendsburg / Neuwerker Garten / II Gang / Haus No 5» («Господину Р. Иванову / у госпожи Гебхардт / Рендсбург / сад Нойверкер / II проход / дом № 5») и почтовым штемпелем «Ga<uting> / 10. <3>. <1945>». На обороте: «A<rchimandrit> J<ohann>, b<ei> / Wuhusen. 13b Gauting / Hang Str<asse> b<ei> / Nunchen / No 307».

² В начале весны 1945 г. из-за приближения к Берлину советских войск вл. Иоанн нелегально оставил приход и переехал на несколько месяцев к своим баварским знакомым — герцогам Лейхтенбергским. Согласно версии владыки, он принял это решение по настоянию одной из берлинских прихожанок, некоей г-жи фон Кнорринг, передавшей ему собственное разрешение на выезд из осажденной столицы и железнодорожный билет.

³ Имеется в виду город Пушкин (Царское Село), откуда Иванова-Разумника вывезли в Германию. Это название город получил в 1937 г., по случаю столетней годовщины смерти А. С. Пушкина.

⁴ Последний абзац приписан на полях.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Интеллигенция и мещанство (полемика Иванова-Разумника и С. Л. Франка)*

В начале XX века несколько известных писателей приняли участие в оживленной полемике на тему «Интеллигенция и мещанство». Среди них были М. Горький, Д. Мережковский, Д. Овсянко-Кулшковский, Г. Плеханов. В моей книге «История русской интеллигенции. Иванов-Разумник и “карамазовский вопрос”», опубликованной в 1989 г. на японском языке, охарактеризованы взгляды каждого литератора в контексте их полемики с Ивановым-Разумником¹. С. Франк, также принимавший участие в этой дискуссии, только упомянут в примечании. Поэтому в настоящей статье больше внимания уделяется полемике Иванова-Разумника и Франка.

Позиция Иванова-Разумника отражена в книге «История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века», к работе над которой он приступил в начале 1903 г. Поэтому можно утверждать, что его схема возникла независимо от выступлений названных писателей. Как известно, Иванов-Разумник считал себя в этом вопросе последователем А. Герцена, который впервые употребил слово мещанство в двух смыслах: «узком» — сословном и экономическом и «широком» — этическом.

Согласно Иванову-Разумнику, интеллигенция — внеклассовая, внесословная, преемственная группа. Этот социологический признак интеллигенции совпадает с определением мещанства. Разница — в их этическом содержании. Интеллигенция «этически» — «антимещанская» группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов; активным проведением их в жизнь с целью освобождения личности в физическом, умственном, общественном и личном отношении. Важнейшая черта интеллигенции в ее индивидуализме, т. е. приоритете личности. «Человек — самоцель», такова формула его этического индивидуализма.

Этически мещанство радикально противоположно интеллигенции. Мещанство — узость формы, плоскость содержания, безличность духа. Мещанство в истории русской общественной мысли является «фоном,

* Автор выражает благодарность А. А. Сергееву за помощь при подготовке данного текста к печати.

на котором и в борьбе с которым шло вперед развитие русской интеллигенции». Эта борьба с мещанством велась во имя личности и во имя индивидуальности». Таким образом, Иванов-Разумник подчеркивал, что история русской общественной мысли состоит из борьбы интеллигенции с мещанством.

Приведем вкратце позиции противоположной стороны в данной полемике.

Горький в «Заметках о мещанстве»² характеризовал мещанство как строй души современного современных представителей господствующих классов. В отличие от Иванова-Разумника, Горький противопоставлял мещанство пролетариату.

Вслед за Горьким, Мережковский отрицал мещанство, но уже с религиозно-общественной точки зрения, противопоставляя ему не пролетариат, а русскую интеллигенцию, которая должна была соединить общую идею с церковью и народом³. В его словоупотреблении между мещанством, хамством и рабством разницы почти нет.

Третьим писателем, выступившим в «Полярной звезде», был Овсяннико-Куликовский. Отталкиваясь от статей Горького и Мережковского, он заявлял, что в этих работах «понятие мещанства недостаточно выяснено», и предлагал свое определение «пресловутого» мещанства⁴. Позднее он писал, что содержание этого понятия не могла выяснить «и замечательная книга Иванова-Разумника»⁵.

Он заявлял о своих принципиальных разногласиях с Горьким и несогласием с излишней похвалой русской интеллигенции и отрицанием мещанства у Мережковского. По его мнению, мещанство — понятие очень широкое по объему, «под которое пойдет и буржуазия, и какие угодно другие классы общества, да и вообще вся та, подавляющая своей численностью, часть человечества, которая характеризуется признаками умственного и морального застоя, боязнью новизны, отвращением к критике существующих порядков и усвоенных понятий, суеверным страхом отрицания и «нигилизма», неспособностью к выработке или усвоению новых идеалов и т. д., и т. д.»⁶.

Овсяннико-Куликовский указывал на «психологическое мещанство», т. е. на «достаточно-устойчивое душевное равновесие, приобретаемое человеком, когда он приспособляется к окружающей среде, со всей ее культурным, идейным, моральным достоянием». Он противопоставлял мещанству не пролетариат и не интеллигенцию, а отщепенство. Отщепенец — человек, уже приспособившийся к известной среде, но вдруг перенесшийся в другую, к которой ему трудно приспособиться; в этой последней он является «отщепенцем», оставаясь «мещанином» в своей среде.

Овсяннико-Куликовский настаивал, что и мещанство и отщепенство в настоящее время во всем цивилизованном мире представляются лишь

относительными, а не абсолютными. Среди других участников полемики Овсяннико-Куликовский выделялся своим оптимизмом и положительным восприятием мещанства.

Плеханов, будучи марксистом, не мог принять взгляды Иванова-Разумника, особенно определение содержания истории русской общественной мысли как непрерывной борьбы между интеллигенцией и мещанством. Такой взгляд, по мнению Плеханова, предполагал, будто мещанство никогда и нигде не может быть свергнуто, а значит, социализм не сможет окончательно преодолеть мещанство, т. е. возможен только мещанский социализм.

В своей рецензии на «Историю русской общественной мысли»⁷ Франк отмечал необходимость книги, опубликованной «вовремя», в дни «самопроверки и самокритики» — после революции 1905 г. Франк соглашался с определением мещанства в этическом смысле, признавая его центральным пунктом истории русской общественной мысли. Соглашался и с тем, что это неэкономическая, а моральная или культурно-философская категория. В то же время Франк подверг критике позицию Иванова-Разумника, особенно в историческом и политическом планах.

Франк полагал, что Иванов-Разумник неверно «противопоставляет “мещанству” с одной стороны — философскую категорию индивидуализма, с другой — реальное общественно-историческое явление — русскую интеллигенцию». Относясь отрицательно к политической и социальной борьбе, он указывал не только на «формально-логическую ошибку Иванова-Разумника», но и на следствие «непродуманности и неясности в понимании существа вопроса». Франк заявлял, что, поскольку у Иванова-Разумника понятие мещанства было видоизменено, то понятие интеллигенции следует также модифицировать и в свою очередь определял интеллигенцию «как идеальное собирательное название для всех людей, обладающих оригинальной духовной жизнью или стремящихся к торжеству индивидуализма».

Кроме того, Франк не соглашался с Ивановым-Разумником в том, будто интеллигенция родилась полтора столетия назад для борьбы с вековым злом человеческой жизни — узостью, посредственностью и безличностью, и что интеллигенция «абсолютно чиста» от такого общественного зла. Франк считал, что надо оставить подобное мифологическое представление о русской интеллигенции и признать, что «она все же есть лишь историческое, и, стало быть, человеческое явление, которому не чужды человеческие слабости, и которое поэтому не может рассматриваться, как живое воплощение этического идеала».

Сам Франк предложил два толкования понятия «интеллигенция» — в широком и узком смысле слова. В широком, «положительном» смысле, интеллигенция — «чисто идеально собирательное понятие сово-

купности лиц, обладающих оригинальным духовным складом, углубляющих и расширяющих понятие жизни». В узком («отрицательном») смысле слова, интеллигенция — тесно сплоченная и психологически весьма однородная, социальная группа отщепенцев и политических радикалов, народившаяся лишь в 1860-х гг., канон которой был подготовлен радикальной журналисткой этого времени и окончательно составлен главным образом П. Лавровым.

Полагая существование антагонизма между двумя понятиями, он относил к интеллигенции в «широком смысле» Пушкина, Лермонтова, Герцена, Тургенева, Достоевского, Толстого и Чехова, а интеллигенцией в узком смысле считал радикалов 60-х годов, например, Писарева и Михайловского. «Самая характерная психологическая» черта последних — «внутренняя сплоченность, идейная солидарность и вытекающий отсюда консерватизм, поглощение личности традициями группы, т. е., именно “мещанство” в том смысле, который придает этому понятию г. Иванов-Разумник». Указывая на «два совершенно различных понимания интеллигенции», Франк полагал, что ошибка Иванова-Разумника состояла в том, будто он попытался слить характерные черты двух интеллигенций в одном понятии.

Иванов-Разумник ответил Франку в предисловии ко второму изданию своей книги, написанному в октябре 1907 г.⁸ Разграничивая мещанство как группу (социологический признак мещанства) и мещанство как основное свойство этой группы (этическое мещанство), он упрекал Франка в формально-логической ошибке — в непонимании двойной сущности мещанства. Отвечая Франку, Иванов-Разумник писал, что интеллигенция не носит абсолютно «анти-мещанский» характер, что между интеллигенцией и мещанством нельзя провести резкую демаркационную линию. Кроме того, между интеллигенцией и мещанством существует своего рода внутренняя диффузия. Хотя в его толковании интеллигенция и является «типично» анти-мещанской группой, но не «абсолютно»: элементы мещанства есть всегда и в каждом из нас; чем сильнее они выражены, тем ближе человек к «мещанству» и тем дальше от «интеллигенции». Сохранить личность или растратить ее — показатель того, кем является человек: интеллигентом или мещанином. Иванов-Разумник не связывал индивидуализм с «прогрессивными» политическими взглядами, как понимал его Франк⁹. Наоборот, он признавал, что «даже революционное миросозерцание может быть анти-индивидуалистическим». Он считал, что дело не в реакционности и прогрессивности, а в этических идеалах представителей этой общественной группы.

Иванов-Разумник утверждал, что Франк пытается разъединить неразъединимое, т. е. «распределить» интеллигенцию в широком — философско-этико-эстетическом смысле и в узком — социально-политическом.

По мнению Иванова-Разумника, Франк видел в антагонизме двух интеллигенций вечную вражду между «культурниками» и «политиками». Для Иванова-Разумника именно синтез «политиков» и «культурников» и являлся единственно желательным путем русской интеллигенции.

Франк отзывался о работах Иванова-Разумника дважды: более или менее сочувственно — рецензией на «Историю русской общественной мысли», и негативно — откликом на книгу «О смысле жизни»¹⁰, в которой «позитивная теория прогресса», «мистическая теория прогресса» и «имманентный субъективизм» рассматривались как три ответа на т. н. «карамазовский вопрос», или вопрос о смысле жизни. И если автор «Истории» стоял на позициях «имманентного субъективизма» — субъективной веры в человека и в его предназначение «здесь и теперь» — который, как писал Иванов-Разумник, был обоснован Герценом в середине XIX столетия, то Франк защищал «мистическую теорию прогресса», полагающую смысл жизни в будущем и исходящую из «слепой веры во всеблагого Бога».

В заключение отмечу, что М. Гершензон, редактор «сборника статей о русской интеллигенции» — «Вехи», первоначально планировал привлечь к работе над книгой Иванова-Разумника и даже намеревался поручить ему подготовку вступительной статьи, однако оставил этот план из-за принципиальных возражений Франка¹¹.

Примечания

¹ См. также: *Matsubara H.* Ivanov-Razumnik and the controversy over intelligentsia // *Japanese Slavic and East European Studies*. 1991. Vol. 12. P. 81–102.

² *Горький М.* Собр. соч. в 30-ти т. Т. 23. М., 1953. С. 341–367.

³ *Мережковский Д.* Мещанство и русская интеллигенция // *Полярная звезда*. 1905. 15 декабря. № 1. С. 32–42.

⁴ *Овсянко-Куликовский Д.* Еще о «мещанстве» и русской интеллигенции // *Полярная звезда*. 1905. 30 декабря. № 3. С. 229–234.

⁵ *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Предисловие к статье о Герцене. К пресловутому вопросу о «мещанстве» // Собр. соч. Т. 5. С. 203.

⁶ Там же. С. 229–230.

⁷ *Франк С. Л.* К характеристике русской интеллигенции // *Речь*. 1906. 23 ноября. № 224.

⁸ См.: *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. Изд. 2-е, доп. Т. 1. СПб., 1908. С. XVII–XXXIII.

⁹ *Франк С.* Иванов-Разумник. «История русской общественной мысли» // *Критическое обозрение*. 1907. № 1. С. 41–42.

¹⁰ *Франк С.* Иванов-Разумник. «О смысле жизни» // *Критическое обозрение*. 1908. № 7. С. 34–38.

¹¹ К истории создания «Вех» / Публ. В. Проскуриной и В. Аллоя // *Минувшее. Исторический альманах*. 11. М.–СПб., 1992. С. 253; 283.

«Москвичи, конечно, — в ужасе».

Иванов-Разумник

и религиозно-философское издательство «Путь»

В период русских социально-политических метаморфоз 1910-х годов одним из наиболее заметных явлений в жизни страны было московское религиозно-философское издательство «Путь». Оно создавалось на средства московской меценатки М. К. Морозовой, функционировало при финансовом участии ряда основных его сотрудников и некоторых сторонних организаций и просуществовало почти десять лет — с 1910 по 1919 годы. Это предприятие объединило ведущих мыслителей России: кроме учредителей — Е. Н. Трубецкого, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, В. Ф. Эрна, Г. А. Рачинского, — в работе издательства так или иначе участвовали С. А. Алексеев (Аскольдов), А. А. Блок, Б. Н. Бугаев (А. Белый), Б. П. Вышеславцев, М. О. Гершензон, А. С. Глинка (Волжский), С. Н. Дурьлин, А. В. Ельчанинов, В. В. Зеньковский, В. И. Иванов, Л. М. Лопатин, Н. О. Лосский, Н. В. Устрялов, П. А. Флоренский и многие другие.

«Путь» считался органом московского Религиозно-философского общества, но его реальная роль была значительно большей. Издательство являлось одним из основных русских идеолого-пропагандистских предприятий предреволюционного периода. Оно ставило перед собой вполне определенно обозначенные социально-политические задачи и в различных формах участвовало в происходивших в стране процессах. Идеология участников «Пути» включала в качестве базовых элементов православие, политический либерализм и русский национализм. Литературное творчество путейцев представляло собой попытку теоретически обосновать, детализировать и внедрить в общественное сознание проект эволюционного преобразования самодержавной Российской империи в демократическое государство, признающее христианство (в его православном варианте) как моральный императив и способное оказывать определяющее воздействие на общемировое развитие. Это позволяет определить «Путь» как теоретический и тактический центр русского христианско-либерального национализма, находившегося на правом фланге отечественного конституционализма.

Опыт «Пути» можно интерпретировать как не вполне удавшуюся попытку русского традиционного сознания вползти в мир актуальной феноменологии и преобразовать его. Наряду с группой П. Б. Струве (авторы журналов «Русская мысль» и «Русская свобода»), группа «Путь» являлась основным участником веховства, и ее линия, безусловно, представляла собой утопическую составляющую этого направления русской предреволюционной политической мысли¹.

Традиционно влиятельные в среде русской интеллигенции народники (всех оттенков, включая трудовиков и эсеров) следили за деятельностью авторов «Пути» и регулярно отвечали на их идеологические, литературные или чисто политические выступления. Причина этого заключалась в том, что в этом лагере были обеспокоены ростом религиозных настроений у интеллигенции и видели в московских политических метафизиках серьезных соперников.

Народническая публицистика весьма активно боролась за сохранение своего влияния на общество: против группы «Путь» выступали ведущие авторы этого направления. Среди них, в частности, был Иванов-Разумник. Его оценки путейства в целом соответствовали традиционным народническим подходам, но порой отличались своеобразием.

Обычным обвинением народников в адрес оппонентов было «духовное мещанство». После выхода путейского сборника «О религии Льва Толстого» И. А. Цинголотов (Цинговатов) заметил, что погрязший в конформизме Святейший синод отлучил великого мятежника духа от церкви, а «литераторы, группирующиеся вокруг книгоиздательства “Путь”, по существу, совершенно солидарны с этой оценкой учения Толстого»². Подобные суждения о духовном облике участников группы «Путь» высказывались критиками-народниками и по поводу других публикаций московского издательства³.

Иванов-Разумник также отдал дань этой риторике. Путейцев он оценивал негативно: они, констатировал публицист, отказались от борьбы, от духовного подвижничества, «твердо прикрепились к бытовому религиозному укладу и нашли в нем успокоение. <...> Этот путь <...> ведет в топкое “моховое болото” истории, в котором рано или поздно погибнут все эти старокоренные люди, зарастут мхом, превратятся в болотные кочки»⁴. Сборник о Толстом Иванов-Разумник воспринял как убедительное подтверждение своей оценки «Пути». «Книга местами интересная, — признал он, — но для чтения ее надо запастись терпением, чтобы не возмущаться духом от елейного смирения достигших истины пророков. Книга драгоценнейшая для характеристики всех этих старокоренных, твердо познавших истину и гнию-

ших в моховом болоте»⁵. Духовный минимализм авторов «Пути» и осуждение ими толстовского духовного максимализма были оценены Ивановым-Разумником как «неприличие»⁶.

Народники критиковали путейских либералов за забвение ими идеалов социального прогресса. Но если В. М. Чернов видел в творчестве политических метафизиков концептуальную новизну и обвинял их в конъюнктурном отходе от заветов традиционного, демократического либерализма⁷, то позиция Иванова-Разумника была существенно иной. Он трактовал платформу «Пути» как эхо давних откровений, как «вырожденно-славянофильскую идеологию»⁸. Иванов-Разумник считал, что предлагаемые путейцами социально-политические рецепты — продукты косного религиозного сознания и представляют собой лишь курьезное повторение старых формул на новый лад. «Эпоха и культура изменились, — удивлялся он, — философия и религия остались прежними»⁹. Ему казалось немыслимым архаизмом стремление путейцев рассматривать многообразную реальность через призму православия. «На все ищут ответа в церковных книгах — и на вопрос об антихристе, и на вопрос о картофеле...», — иронизировал Иванов-Разумник над такой методологией и утверждал, что бесполезно пытаться осуществить демократические идеалы в лоне современного православия¹⁰. Он полагал (как, впрочем, и многие его современники), что вообще непродуктивны попытки решать социально-политические проблемы с помощью религии, — а тем более в условиях, когда высшая церковная власть своей сервилистской по отношению к самодержавию позицией в изрядной мере скомпрометировала церковь¹¹.

Анализируя направление «Пути», В. Н. Ивойлов (Княжнин) находил, что это, «по существу дела, <...> новый вид народничества: преклонение перед религиозною верой народа и последование этой вере»¹². Однако Иванов-Разумник разъяснял: те, кто верят в трансцендентные и религиозные ориентиры исторического процесса, в некий высший смысл свершающегося, в действительности противоположны народникам, имеющим в корне иную философию истории и исповедующим как главные ценности человеческую личность и реальное благо народа¹³.

Эсеры опротестовывали теоретическое оправдание «Путем» капитализма и критику социалистической доктрины¹⁴. Религиозно-философское проникновение в политику определялось ими как «современная духовная контрреволюция»¹⁵. Цинговатов считал, что главный смысл путейской философии — посулами абсолютной свободы отвлекать массы от борьбы за свободу земную, относительную¹⁶. Народники находили, что веховцы вовсе не являются противниками суще-

ствующей власти: «Мы всегда думали, — писал Чернов, — что недоверие правительства к кадетам (по крайней мере, к кадетам этого сорта) ошибочно и несправедливо. Это, в сущности, вполне благонамеренная партия»¹⁷.

Чернов и Иванов-Разумник сходились в констатации политической маргинальности либералов вроде Трубецкого и Булгакова, «резко порвавших со всеми демократическими силами страны»¹⁸ и потому представляющих собой не более чем промежуточное звено между кадетизмом и октябризмом (притом все более тяготеющее к последнему)¹⁹. Уйдя из освободительного лагеря и не пристав к охранительному, считали оба властителя народнических дум, путейцы лишили себя политического веса. По мнению обоих авторов, такая ориентация выводила путейцев из реальной политики и лишала поддержки демократических сил, передовым отрядом которых народники считали интеллигенцию. Иванов-Разумник особенно осуждал негативное отношение путейцев к интеллигенции, казавшейся ему не только авангардом прогресса, но и носительницей лучших нравственных качеств русского народа²⁰.

Но в отличие от остальных народнических публицистов, Иванов-Разумник иначе оценивал персональные качества путейцев. Он считал, что «сами по себе» московские политические метафизики — «очень чистые и искренние люди», «хорошие люди», которые просто стали жертвами своих ошибочных убеждений²¹. Другие — например, Чернов, — напротив, были убеждены в том, что недостойная политика делается недостойными людьми, — и не упускали случая, чтобы напомнить «бывшим социал-демократам из “Вех” и “Русской Мысли”» об их измене прежним кумирам, а также заявить о личной мизерности лидеров веховства²².

Негативно реагировали народники на забвение путейцами интернациональной идеи и на их «патриотическую» агитацию²³. Иванов-Разумник указывал на искусственность и ошибочность прокламировавшейся путейцами идеи всемирной духовной миссии России. Ему казалось наивным намерение путейцев предложить человечеству православие как лучшую религию: «Время мировых религий прошло», — писал он²⁴. «<...> “Призвание и богоизбрание России” спасти мир было <...> навязанным ей самозванством», — считал Иванов-Разумник²⁵. Он утверждал, что путейцы должны пересмотреть свое понимание патриотизма, отречься от «своего, выдуманного, производного» и поверить в подлинный русский народ. «Верьте не в Саула и не в богоизбранство России, а в великие силы русского народа, которые помогут ему одолеть все внутрен-

ние темные влияния и выведут его на великую дорогу истории <...>, — давал он совет путейцам²⁶.

Народники выражали несогласие с религиозным оправданием войны. Решительность, с какой они это делали, определялась популярностью путейского творчества. Социолог П. А. Сорокин писал весной 1916 года: «Теперь и для терпеливого слуха трудно выносить те свистопляски и те рулады, которые начала выводить “славянофильская” ария. Раньше распеваемая в тесном кругу издательства “Путь”, отчасти “Русской Мысли”, эта ария <...> за время войны разрослась в целую оперу, распеваемую на всех улицах и перекрестках. “Славянство”, “славянская душа”, “Восток”, “интуиция”, “прозрение”, “мудрость невежества” и “глупость знания”, все эти лозунги вместе с частым возведением на пьедестал “домашнего лаптя” и сбрасыванием с него Канта, всей науки и всего рационализма, улюлюканье “скандалу культуры” и акафисты “божественной некультурности”, все эти и тысячи других подобных лозунгов не могли не вызвать резкого отпора. Он был нужен, необходимым и целесообразен»²⁷.

Исключительную популярность путейской милитаристской агитации народники объясняли по-разному. Иванов-Разумник видел главную причину в оригинальности неославянофильских подходов и аргументации. «Философско-религиозное оправдание войны, “мессианское” утверждение национализма гораздо интереснее либерально-этических доводов, — считал он. — Доводы “мессианские” <...> интересны <...> как попытка подвести под войну, под национализм философскую и религиозную основу; они подходят к самой сущности вопроса, оценивая столкновение народов не с точки зрения либеральной “справедливости” (фальшивой по существу), а с высоты последних вопросов — о Боге, о человечестве, о конечных судьбах мира, о смысле истории...»²⁸. Попытки обосновать войну Иванов-Разумник находил в сочинениях всех основных путейцев — в «искренних, но не всегда умных излияниях С. Булгакова, развязных статьях г-на Эрна, умных и всегда “себе на уме” статьях Вяч. Иванова, затем несколько иного оттенка косноязычных статьях Бердяева, наивных статьях Гершензона»²⁹. Но аргументация оппонентов его не убеждала. «Война для мессианцев есть ценность сверх-рациональная, ценность религиозная <...>, ибо ведется за религиозные и сверх-рациональные ценности. Какие? За ценности исторические и ценности национальные <...>, которые также сверх-рациональны и религиозны. Так нагромождаются друг на друга несколько этажей сверх-рационального, так оправдывается война»³⁰. «<...> Если кроме этих мессианских доводов, — резюмировал Иванов-Разум-

ник, — у них нет других, менее хрупких, в пользу обоснования национализма, то все здание их — воздушный замок, построенный только на вере. А вера их — для кого же обязательна?»³¹

Слепой верой в религиозную оправданность войны и в свою predeterminedенную правоту путейцы напоминали Иванову-Разумнику В. Ф. Оствальда и всех философов-германистов: «Спорить с ними по существу — конечно, не приходится. Что можно возразить Оствальду, уверенному, что “Deutschtum”* предопределением судьбы покорит мир, или С. Булгакову, уверенному, что Запад кончился и что теперь Россия призвана пасти народы? Что возразить? Ровно ничего. Разве только сшибить лбами эти две веры, которые одна о другую разбиваются вдребезги»³².

Иванов-Разумник обращал внимание на то, что боевой пыл путейцев плохо согласуется с их христианством: когда Булгаков пишет о жертвах войны, замечал публицист, «для него это не люди, одинаково страдающие, одинаково погибающие: нет, это, с одной стороны, дикие “полчища”, а с другой — “доблестная рать”, это полумесяц, попираемый крестом»³³. Непостижимо, поражался он, как удается православным и верующим перебрасывать в своих рассуждениях мост от онтологической Правды к пулемету, от религиозного трансцендентизма — к ручным бомбам³⁴. Иванов-Разумник считал, что деятельность путейских энтузиастов по оправданию войны морально небезупречна. 29 апреля (12 мая) 1917 года он писал Белому: «В Москве Вас ежедневно отравляют духовно те “бездельные” (в прямом смысле) люди, которые всю войну просидели в своих кабинетах и писали там статьи о необходимости войны до победы. Не нашлось среди них ни одного честного человека (я очень резок, и Вы меня простите), который понял бы, что нет у него права взывать к войне, сидя за письменным столом. В Германии пошли под ружье шестидесятилетние профессора, призывавшие к войне; видно, в стране “феноменализма” больше честных людей, чем в стране “онтологической Правды”»³⁵.

В связи с дискуссиями о религиозно-националистическом кредо путейцев затрагивался и вопрос об отношении московских политических метафизиков к частной личности. Путейский взгляд на нее как на существо второстепенное в общей системе ценностей противоречил народническим представлениям. Говоря о пропагандированных Булгаковым религиозно-националистических идеалах, Иванов-Разумник писал: «Пусть идеалы эти осуществимы, пусть даже они осуществляются — я не приемлю <их> <...>, ибо идеал мой другой,

* германская стихия (нем.)

вненациональный, вненационалистический, а социальный, давно уже выраженный словами “благо народа”, ибо ценность для меня опять-таки иная и ценность эта — индивидуальная, ценность эта “человеческая личность”»³⁶. «Мы, — полемически прокламировал Иванов-Разумник, — пришли к сознанию величайшего счастья — жить, строить и гибнуть во имя человека, во имя любви к нему. И уже от человека мы восходим к народу, к человечеству, к Богу — к вечной и единой жизни, в кипении которой весь “смысл” человеческих деяний и поступков»³⁷.

Обобщая разногласия народников с религиозными философами, Иванов-Разумник определял их основной смысл следующим образом: «Мы верим в человека “имманентного”, в человечество “имманентное”, не “преображенное”, мы строим на этой основе и ждем победы на этой почве. И в этом отношении мы — “реалисты”, каковы бы ни были мистические переживания отдельных из нас. Они — верят только в человечество, чудом “преображенное”, строят свою веру только на нем, ждут победы от чуда, от преобразования и вне его не видят спасения. И в этом отношении они — “мистики” <...>. Они верят в трансцендентное, мы — в имманентное. Они живут в абсолютном, мы — в относительном»³⁸.

Особенно резкую критику народников вызывали позиции и политическая деятельность путейцев в 1917 году. 20 марта (2 апреля) Иванов-Разумник писал Белому: «Все жду: неужто у “них” <примечание Иванова-Разумника: “былые славян<офилы> о<тец> Флор<енский> и т<ому> п<одобные>”> не найдется стойких и искренних людей, мучеников своей веры? Неужто все они так сразу променяли мистическое самодержавие на демократическую республику?»³⁹. Несколько дней спустя, 29 апреля (12 мая), тому же адресату он писал: «Москвичи, конечно, — в ужасе. Для них революция — гром с ясного неба. Булгаков и Флоренский — как им войти на лоно “демократической республики” с миропомазанием мистического самодержавия? И какую личину надеть на себя хитро-мудрому Вячеславу Иванову? А прирожденный “ка-дет” Берддев — как снести ему слабость и бессилие “кадетского” Временного Правительства! А Гершензон, с его травлей германцев, с его призывом решения *социальных и общественных* вопросов путем *личного* совершенствования — в какой дыре сидит он теперь? Все они — прекраснейшие, умнейшие, великолепнейшие люди, охотно соглашаюсь; но только события наши всех их выбили из колеи, разбили на-голову, сбросили со счетов истории»⁴⁰. Тем не менее, Иванов-Разумник был в тот момент уверен в том, что московские политические метафизики еще заявят о себе: «Конечно — они справятся.

Москва себя еще покажет. Я твердо знаю, что раньше или позже, но будет у нас кровавая “контр-революция” — не романовская, не монархическая, не самодержавная, а “кадетская”, с союзниками до черной сотни. Я твердо знаю, что в далеком или близком будущем — Петербург будет для нас Парижем, а Москва — Версалем 1871 года. Я будто во-очию вижу, как Гучков и Корнилов (а не они, так духовные их братья и дети) пойдут покорять под ноze “кадетской” Москвы (куда убежит все Временное Правительство) революционный Петербург, в котором у власти будет социалистическая демократия. И тогда — репятся судьбы России и мира — не апокалиптические судьбы, а исторические, ближайшие. Вот тогда наступит день радости для московских Бердяевых, Булгаковых, Флоренских, Гершензонов, всей кадетствующей славянофильщины наших дней, — наступит день их, или их духовных братьев и потомков. / Мало вероятия на то, чтобы удалось избежать этого разделения. И тем более каждый из нас должен решить — где он и с кем он?⁴¹ Иванов-Разумник был уверен в том, что близится мировая революция, что через год вспыхнет «мировой пожар», и призывал «страхнуть с себя московский прах»: «Испуганные “москвичи” <...> кричат теперь об охлократии, об анархии, о погибели. И это — от неверия. Я же настолько верю в душу человеческую, что готов даже (со смертью в сердце) принять гибель старых ценностей — ибо верю в творчество новых. И если толпа в безумии своем разрушит и сожжет Эрмитаж, взорвет театры и галперей, разорвет книги всех библиотек — <...> то все же ни на минуту не скажу я: “довольно! стой!” — духу революции»⁴². Можно видеть, что в определенном смысле «реалист» Иванов-Разумник оказался гораздо большим романтиком, чем участники «Пути».

Откликаясь на московский Всероссийский съезд духовенства и мирян, Иванов-Разумник называл его «новым гнездом организующихся контрреволюционных сил», активного участника съезда Булгакова он обвинял в «усердном отравлении душ и умов», его коллег определял как «слуг реакции», которые «торопливо и откровенно становятся в ряды борцов против революции»⁴³. В подобных тонах реагировал Иванов-Разумник и на другие инициативы «кадетоидов» (вроде Лиги русской культуры)⁴⁴.

5 (18) мая 1917 года Иванов-Разумник, исключительно яро тогда настроенный, писал Белому (из Царского Села): «Я боялся, что Вы слишком поддались “Москве”, московской утробе, всем этим насмерть перепуганным кадетским обывателям в роде Бердяева (он еще — высший и лучший из них). Вы в Москве — один, а одному трудно устоять

душою против натиска всех, соединенной обывательской души. И как же я рад, когда вижу, что вы устояли... / Все мысли Ваши <...> — мои мысли; но они ненавистны всем гуверменталистам, всем ярым “государственникам” во что бы то ни стало»⁴⁵.

И это, можно считать, было действительно так.

Примечания

¹ Подробнее об издательстве «Путь» см.: *Голлербах Е. А.* Религиозно-философское издательство «Путь»: (1910–1919 гг.) // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 123–165; № 4. С. 129–163; *Голлербах Е. А.* Путник запоздалый: П. А. Флоренский и московское религиозно-философское издательство «Путь» // *Solanus*. Vol. 8. 1994. P. 53–74; *Голлербах Е. А.* Путьейство и евразийство: (К вопросу о связях и соответствиях двух религиозно-политических идеологий) // Опыт религиозной жизни и ценности культуры. Материалы ежегодных международных «Санкт-Петербургских религиозно-философских чтений». СПб., 1994. С. 48–50; *Голлербах Е. А.* П. А. Флоренский и московское религиозно-философское издательство «Путь» // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века. Сб. науч. тр. Вып. 7. СПб., 1994. С. 88–112; *Голлербах Е. А.* Путьейство и евразийство: (К вопросу о связях и соответствиях двух религиозно-политических идеологий) // XXX научная конференция молодых специалистов: (13–14 декабря 1994 г.): Тез. докл. СПб., 1996. С. 86–90; *Голлербах Е. А.* Религиозно-философское издательство «Путь»: (1910–1919 гг.). Автореф. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. СПб., 1997; *Голлербах Е. А.* Идеология путьейства: Московское религиозно-философское издательство «Путь» и его политическая философия // Вече: Альманах русской философии и культуры. Вып. 9. СПб., 1997. С. 17–70; *Голлербах Е. А.* Деятельность московского религиозно-философского издательства «Путь» в оценке предреволюционной русской церкви // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века: Сб. науч. тр. Вып. 9. СПб., 1998. С. 86–105.

² *Цинговатов И.* <*Цинголотов И. А.*> Сборник второй книгоиздательства «Путь». «О религии Льва Толстого». <...> // Заветы. 1912. Декабрь. № 9. Отд. 2. С. 202.

³ См. напр.: *Вечев Я.* <*Чернов В. М.*> Кризис либерализма // Современник. 1911. Август. <Кн. 8>. С. 359; *Ларин О.* <*Рабинович И. Я.*> А. С. Волжский. В обители Преподобного Серафима. <...> // Заветы. 1914. Май. № 5. Отд. 3. С. 58–59.

⁴ *Иванов-Разумник.* Клопные шкурки // Заветы. 1913. Февраль. № 2. Отд. 2. С. 106–107 (Воспроизв.: *Иванов-Разумник.* Заветное: О культурной традиции. Статьи 1912–1913 гг. Пб.: «Эпоха», 1922. С. 107–122. Цит. по: Заветное. С. 109, 114; См. также: *Иванов-Разумник.* Моховое болото // Заветы. 1912. Декабрь. № 9. Отд. 2. С. 110–111 (Воспроизв.: Заветное. С. 98–106).

⁵ *Иванов-Разумник.* Клопные шкурки // Заветное. С. 109.

⁶ Там же. С. 110.

⁷ См.: *Чернов В.* <Рец.:> Либеральный демократ старого типа. <...> // Современник. 1911. Сентябрь. <Кн. 9>. С. 152, 159. По наблюдению Чернова, «фе-

визионисты либерализма» поставили себе задачу вывести русское освободительное движение из-под традиционной идейной гегемонии социалистической демократии и создать для него собственную, непозитивистскую идеологию. «Задача эта весьма определена, — писал Чернов, — двигать русский либерализм все дальше и дальше по пути “овладения идейной сущностью и национальным призванием” октябризма; подвести под этот “пересмотр либерализма” стройный философский, этико-религиозный и политико-экономический фундамент» (*Вечев Я.* Кризис либерализма. С. 348). Это было оценено Черновым как непростительное намерение, предательство интересов трудового народа в угоду имущим слоям.

⁸ *Иванов-Разумник.* Моховое болото. С. 108; *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. Изд. 4-е. Т. I. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1914. С. 352.

⁹ *Иванов-Разумник.* Моховое болото. С. 106.

¹⁰ Там же. С. 108.

¹¹ См.: Там же. С. 106–108.

¹² *Княжнин Влад.* <Ивойлов В. Н.> А. С. Волжский. В обители преподобного Серафима. <...> // *День.* 1914. 16 января. № 15. Отклики: Беспл. прил. № 2. С. 13.

¹³ *Иванов-Разумник.* Испытание огнем. Пг.: <Петрогр. издат. комиссия Партии социалистов-революционеров>, 1917. С. 24–25.

¹⁴ См.: *Вечев Я.* Кризис либерализма. С. 360.

¹⁵ Там же. С. 361.

¹⁶ *Цинговатов И.* <Рец.:> Николай Бердяев. «Философия свободы». <...> // *Заветы.* 1912. Август. № 5. Отд. 2. С. 164.

¹⁷ *Вечев Я.* Кризис либерализма. С. 348–349.

¹⁸ *Иванов-Разумник.* Моховое болото. С. 108.

¹⁹ См.: *Вечев Я.* Кризис либерализма. С. 356–357, 360–361.

²⁰ См.: *Иванов-Разумник.* Моховое болото. С. 110.

²¹ Там же; см. также: *Иванов-Разумник.* Испытание огнем. С. 20.

²² *Вечев Я.* Кризис либерализма. С. 348; *Чернов В.* Культурный пустоцвет: (Н. Н. Русов. «Отчий дом», роман в двух частях) // *Современник.* 1911. Август. <Кн.8>. С. 290.

²³ См.: *Вечев Я.* Кризис либерализма. С. 359–360.

²⁴ *Иванов-Разумник.* Клопные шкурки. С. 113.

²⁵ *Иванов-Разумник.* Моховое болото. С. 109.

²⁶ Там же. С. 111.

²⁷ *Сорокин П.* «Упущенное западничество»: («Летопись») // *Биржевые ведомости.* 1916. 11 марта. № 15434. С. 2.

²⁸ *Иванов-Разумник.* Испытание огнем. С. 20.

²⁹ Там же. С. 21.

³⁰ Там же. С. 22–23.

³¹ Там же. С. 22.

³² Там же. С. 20.

³³ *Иванов-Разумник.* Моховое болото. С. 109.

³⁴ *Иванов-Разумник*. Испытание огнем. С. 21–22. Чернов, солидарный с коллегой, писал, что сам Иисус, интернационалист, неудобен религиозным философам: «<...> Для наших выходцев средневековья такой христианский “Бог” чересчур универсален. Им ближе ветхозаветный Бог иудеев, Бог одного избранного народа. Им еще ближе двуликий Янус, обращенный к “своим” улыбающимся, а к чужакам — гневным и яростным ликом» (*Вечев Я.* После Балканской войны // *Заветы*. 1913. Сентябрь. № 9. Отд. 2. С. 105).

³⁵ РГБ. Ф. 25. Карт. 16. № 6а. Л. 21.

³⁶ *Иванов-Разумник*. Испытание огнем. С. 23.

³⁷ *Иванов-Разумник*. Клопные шкурки. С. 113 (курсив Иванова-Разумника). О неудовлетворительности путейского понимания смысла и значения индивидуальной жизни писал также Цинговатов. Он указывал, что человек должен не переносить с земли на небо свою последнюю надежду, а добиваться ее осуществления в реальности. См.: *Цинговатов И.* Сборник второй книгоиздательства «Путь». С. 204.

³⁸ *Иванов-Разумник*. Клопные шкурки. С. 111–112 (курсив Иванова-Разумника).

³⁹ РГБ. Ф. 25. Карт. 16. № 6а. Л. 18.

⁴⁰ Там же. Л. 21 (курсив Иванова-Разумника).

⁴¹ Там же. Л. 21–21 об.

⁴² Там же. Л. 21 об.–22 об.

⁴³ *Иванов-Разумник*. Год Революции: Статьи 1917 года. СПб.: «Революционный социализм», 1918. С. 54–55.

⁴⁴ См.: Там же. С. 140–141.

⁴⁵ РГБ. Ф. 25. Карт. 16. № 6а. Л. 23 (курсив Иванова-Разумника).

Эволюция отношения Иванова-Разумника к идеалам отечественного либерализма

В воспоминаниях философа А. З. Штейнберга, одного из инициаторов и деятельных участников петроградской Вольфилы, есть эпизод, к сожалению, не замечаемый исследователями творческого наследия и личности Р. В. Иванова-Разумника. В споре между автором воспоминаний и А. А. Блоком, другом и в определенной мере соратником Иванова-Разумника в конце 1910-х — начале 1920-х гг., Блок упрекал Иванова-Разумника в якобы присущем ему «мертвящем формализме». Штейнберг, защищая Иванова-Разумника, утверждал, что «он еще *развивается* (курсив наш — В. П.), что он человек не старый»¹.

На чьей же стороне истина в этом споре? Однозначный ответ, по нашему мнению, невозможен. Если вчитаться в страницы фундаментального труда Иванова-Разумника «История русской общественной мысли» (1906), который сделал имя автора известным, и сравнить основные его положения и выводы с мыслями, высказанными в сборнике статей «Год революции» (1918), придется признать правоту Блока. И спустя нелегкие десять лет, в 1917 г., Иванов-Разумник по-прежнему клеймит мещанство, политический либерализм и выстраивает формулу грядущего развития человечества в триединстве антимещанства, индивидуализма и социализма².

Но в конечном итоге нельзя не согласиться и с утверждением Штейнберга о развитии, изменении теоретических воззрений и жизненных позиций Иванова-Разумника. По нашему мнению, каким бы прочным ни казался фундамент того или иного учения, какой бы цельной ни представлялась личность его создателя, им свойственны внутренние противоречия, которые в совокупности с постоянно меняющимися условиями общественной жизни определяют их эволюцию, их неизбежное изменение. Ранний этап творчества Л. Н. Толстого не адекватен позднему периоду, несомненны и существенные измене-

ния в личности автора «Анны Карениной» и «Воскресения». То же самое можно сказать о Ф. М. Достоевском. да и о любом мыслителе, писателе, художнике.

Критический анализ трех основных понятий учения Иванова-Разумника — мещанства (мещанского социализма), политического либерализма и революционного социализма — позволит нам показать, как складывалось, формировалось, на какие теоретические и духовные истоки опиралось мировоззрение Иванова-Разумника; какие, вследствие этого, внутренние противоречия оказались присущи ему и в каком направлении следовала или могла бы последовать эволюция его взглядов, в частности, по отношению к отечественному либерализму, в связи с коренными качественными изменениями в жизни общества.

Всю историю русской общественной мысли Иванов-Разумник рассматривал как борьбу индивидуализма, определяющего революционные изменения в обществе, с мещанством, защищающим старые устои, окостеневшие формы социальной жизни. В «Истории...» Иванов-Разумник характеризовал мещанство как внесловную группу, которой присущи отсутствие творчества, активности, неприятие новых идеалов, новых форм жизни³. Мещанство — не только внесловная группа, но и строй ее мышления и мировосприятия. Оно живуче и приспосабливается к изменяющимся условиям общественной жизни и, согласно Иванову-Разумнику, может выступить в облике социализма. Подобным образом трансформированное мещанство наиболее опасно для будущего революционного преобразования человечества. Поэтому через десять лет, в 1917 г., Иванов-Разумник подчеркивал: «худшим, ненавистнейшим врагом является для нас (социалистов-революционеров — В. П.) мещанский социализм, этот верный союзник старого мира»⁴.

Сложнее обстоит дело с понятием либерализм (политический либерализм). Если мещанство всегда оставалось для Иванова-Разумника противником индивидуализма — принципа, который был положен в основу народничества, а в начале века стал краеугольным камнем платформы социалистов-революционеров, то русский либерализм характеризовался Ивановым-Разумником в середине 1900-х гг. как в некотором роде союзник революционного социализма: «Программа-минимум русского либерализма до некоторой степени приближается к программе-минимум социализма, а потому еще жизнеспособна и соединяет вокруг себя хотя небольшую, но вполне “весомую” группу русской интеллигенции»⁵.

Минуло десятилетие, и оценка отечественного либерализма становится почти противоположной. В 1917 г. либерализм представляется Иванову-Разумнику политическим течением, тяготеющим к смычке с буржуазным социализмом, к компромиссу, к реформам. Иванов-Разумник прямо объединяет «благоразумных» либералов и мещан социализма⁶. Подобная переоценка ценностей оставалась бы непонятной и, возможно, мотивированной лишь обстоятельствами момента, сложной политической обстановкой в период между февралем и октябрём 1917 г. Но, думается, дело обстоит значительно сложнее и связано прежде всего с изменениями во взглядах Иванова-Разумника на сущность и роль в общественной жизни революционного социализма.

Революционный социализм — третье основополагающее понятие, которому, по мысли Иванова-Разумника, противостоят мещанский социализм и с определенного времени отечественный либерализм. Основателем революционного социализма Иванов-Разумник считал А. И. Герцена. Именно в герценовской концепции «русского социализма» впервые были очерчены характерные признаки того учения, которое Иванов-Разумник именовал революционным социализмом.

Герцен не принимал капиталистического пути развития России и полагал, что «человек будущего в России — мужик, точно так же, как во Франции — работник»⁷. Герцену представлялся также и особый, своеобразный путь простирающейся на необозримых евразийских просторах России в мировом сообществе. В 41-й главе «Былого и дум» задолго до возникновения в начале XX в. «скифства» Герцен писал: «Я, как настоящий скиф, с радостью вижу, как разваливается старый мир». И не случайно, конечно, что скифство как философское и идейно-художественное течение в истории русской общественной мысли, одним из создателей которого явился Иванов-Разумник, политически тяготело к левому крылу партии социалистов-революционеров.

Анализируя учение о русском социализме как важный теоретический источник воззрений Иванова-Разумника, нельзя не отметить его внутренней противоречивости, которую то ли не усмотрел, то ли не пожелал усмотреть Иванов-Разумник. Герцен своими корнями принадлежал к русскому либерализму и был вскормлен им. Общественные идеалы, цели движения либералов — свобода личности, уважение ее прав, свобода слова, конституционные реформы — разделялись им. В окружение Герцена в 1840-х гг. входили известные русские либералы Т. И. Грановский, К. Д. Кавелин. Последний позже сотрудничал в гер-

ценовском «Колоколе». Герцен не порывал духовных и дружеских связей с либералами и пересылал им главы книги «С того берега». Кстати, именно Грановский усматривал у Герцена нотки исторического пессимизма, неверия в прогресс.

Но в отличие от либералов-западников Герцен связывал социальные преобразования в России с сохранившейся в ее экономическом укладе сельской общиной, которая представлялась ему зародышем будущего социалистического общества. Эмигрант Герцен был далек от реального положения дел в русской деревне, но такие писатели, как Г. Успенский, С. Семенов, познавшие сельскую общину изнутри, видели в ней оковы не только экономического развития деревни, но и развития самодостаточной личности, подавления индивидуального интереса, индивидуального начала не подлежащим обжалованию приговором «мир постановил».

Возникает вопрос: как же Иванов-Разумник, защитник индивидуализма, этого стержня центральной идеи развития русской общественной мысли, не усмотрел внутренней противоречивости теоретических построений Герцена, метаний от признания социального прогресса к его отрицанию, и в сборнике о нем (1920) продолжал подчеркивать неизменность революционной психологии и веру в конечную победу революции... Ответ на этот вопрос может быть дан лишь в том случае, если мы уясним принципиальное различие между теорией русского социализма Герцена и революционной программой левых социалистов-революционеров. Ни Герцен, ни тем более вожди народничества П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский, продолжателем дела которых считал себя Иванов-Разумник, не отрекались от идеалов русского либерализма, не признавали террор как средство достижения политических целей. Социалисты-революционеры, особенно левое крыло этой партии, звали к разрушению старого мира, не отказывались от политического террора, и это в определенной степени сближало их с большевиками: в октябрьские дни они сотрудничали с большевиками и вошли в первое советское правительство.

Иванов-Разумник не состоял членом партии социалистов-революционеров, но идейно примыкал к ней. Он работал в эсеровских газетах и журналах «Заветы», «Знамя труда», «Наш путь», издавал свои книги в издательстве «Революционный социализм». В 1918 г. избирался в ЦК партии левых эсеров.

На идейные связи Иванова-Разумника с эсерами неоднократно указывал в воспоминаниях А. З. Штейнберг. Так, рассказывая о подготовке записки о статусе будущей Вольной Философской Акаде-

ми, Штейнберг вспоминал, что ее подписали Блок, Белый, Эрберг и он сам: «...Разумник не подписывался, так как он был уж слишком запечатлен в умах правящей партии как эсер»⁸. Более того, Штейнберг не без юмора упоминал о сыне Иванова-Разумника, учившемся в царскосельской гимназии, который «... гордился тем, что был сыном не большевика, а левого эсера и на вопрос о принадлежности к комсомолу отвечал: “Я левый эсер”. Разумник Васильевич тогда говорил мне с гордостью: “Вы знаете, теперь, если они придут с обыском в дом, так уже неизвестно, из-за меня или из-за Левы”. Ему казалось, что Лева идет по стопам отца, по стопам русской интеллигенции»⁹.

До Октября 1917 г. Иванов-Разумник в своих газетных статьях и заметках призывал к революционному максимализму, противопоставлял святое безумие благоразумию, перманентную революционность — реформизму и компромиссам. В статье «О прошлом и грядущем» он писал: «Революция наша — подлинно мировая; она еще всколыхнет народы... неся благую весть о грядущем еще более полном освобождении»¹⁰. Иванов-Разумник предвидел возможность жертв, говорил о тяжелом, долгом, тернистом пути революции. Статья датирована июлем 1917 г., но в ней нет ни слова об июльском выступлении большевиков.

Остались ли неизменными взгляды Иванова-Разумника на характер и судьбы революции после октября 1917 г.? Материал для анализа содержится в статьях сборника «Год революции», написанных после октября 1917 г., и литературно-критических работах, вошедших в сборник «Творчество и критика» (1922). Уже в статье памяти Н. А. Некрасова, символически названной «Великая могила» (декабрь 1917 г.), Иванов-Разумник допускал, что рабы и мещане могут временно победить и распять революцию¹¹. Возможно, что под мещанами Иванов-Разумник подразумевал пришедших к власти большевиков, которые развязали массовый террор и революционными декретами запретили свободу слова.

А. В. Лавров отмечает, что «со 2-й половины 20-х гг. Иванов-Разумник не принимал многих сторон деятельности послереволюционного государства»¹². Однако уже в литературно-критических статьях начала 1920-х гг. можно разглядеть характер и направленность изменений в его взглядах. Если задуматься над тем, какие же стороны деятельности советского государства не принимал Иванов-Разумник, ответ будет таков — насилия над личностью, псевдосоциалистической уравниловки, жесточайшей партийной цензуры. Но ведь именно за свободу и достоинство личности, самостояние человека, за свободу

слова выступали еще в 40-х гг. прошлого века русские либералы!.. Сама жизнь в условиях тоталитарного режима привела Иванова-Разумника к необходимости, насколько это было возможно, отстаивания общечеловеческих политических и духовных ценностей.

В статье «Три богатыря», посвященной разбору поэм Вл. Гиппиуса, Н. Клюева и С. Есенина, Иванов-Разумник обращается уже не к преходящим, революционным, а к общечеловеческим ценностям¹³. Еще более ощущается поворот во взглядах Иванова-Разумника в большой статье «“Мистерия” или “буфф”? (О футуризме)», датированной также 1922 годом. Прежде всего обращает на себя внимание пересмотр еще недавно декларировавшейся ориентации на окончательное разрушение старого мира. Теперь Иванов-Разумник пишет: «Отрицание всего “великого старого”, при невозможности сразу создавать свое, хотя бы и невеликое новое, оставляло всегда вместо ценности, вместо души — пустое место»¹⁴. Пересматривается и отношение к сущности и роли революции, ибо «... сама революция — это только форма, в которую вкладывается самое разнообразное содержание»¹⁵. Нетрудно догадаться, какое содержание вкладывает автор в т. н. пролетарскую революцию...

Но, пожалуй, самое замечательное в этой статье — демонстрация торжества вещи над личностью, машины — над человеком. Идеал социализма, каким его рисуют футуристы, — электричество в комнате, ломящейся от мебели; каждому пролетарию — булку и бутылку... Иванов-Разумник отмечает, что здесь есть все, кроме зерна духа живого, кроме человека. Предел социалистической культуры — бытовой комфорт: вкусная еда, ваннные комнаты, лифты. Иными словами — тупик, мещанский социализм. Мы-то сегодня знаем, что и к тому, что виделись футуристам, «реальный социализм» советского образца за все восемь десятилетий своего существования не приблизился ни на йоту. Иванов-Разумник очень скоро понял, что в результате октябрьского переворота 1917 г. к власти в России пришел нелюбезный его сердцу... мещанский социализм, который наглым образом попрали все ранее завоеванные в борьбе против самодержавия, пусть и относительные, свободы.

В пользу нашего мнения свидетельствует следующий эпизод. В самом начале 1920 г. Вольная философская ассоциация подготовила заседание, посвященное пятидесятилетию со дня кончины А. И. Герцена. На собрании разбиралась его книга «С того берега». Речь шла о том, что большевики считали Герцена своим предшественником (вспомним ленинское утверждение о том, что Герцен вплотную приблизился к диалектическому материализму и остановился перед исто-

рическим материализмом). Обсуждался вопрос, переправился ли бы Герцен с того берега после октября 1917 г., примкнув к большевикам, или оставался бы там, отстаивая прежние ценности. По воспоминаниям Штейнберга, Иванов-Разумник прочитал сухую лекцию, нарочито сдерживая собственные эмоции¹⁶. Думается, лектор находился на стороне тех, кто предполагал последнее, несмотря на то, что именно Герцену принадлежит формула: быть социалистом и не быть революционером невозможно.

В заключение следует вспомнить о пока еще не обнаруженной рукописи книги Иванова-Разумника «Антроподицея». Мыслитель работал над ней всю жизнь и, по нашему мнению, именно в ней, если она будет когда-либо найдена и издана, обнаружатся дальнейшие следы эволюции взглядов Иванова-Разумника. Существует мнение, что побудительным мотивом к написанию книги послужил доклад А. А. Блока «Крушение гуманизма», прочитанный поэтом на заседании Вольной Философской ассоциации весной 1919 г.

Что же в докладе Блока могло вызвать возражения Иванова-Разумника и привести его к длительным творческим размышлениям? Здесь отчетливо прозвучала мысль о разрушении на рубеже веков, казалось бы, незабываемых гуманистических ценностей. Блок считал, что пересматриваются, переосмысливаются такие понятия, как истина, добро и красота; что торжествует нечто невообразимо дикое, враждебное тому, «... что внедрено в нас воспитанием и образованием гуманной Европы прошлого столетия»¹⁷.

Представляется, что в «Антроподицее» Иванов-Разумник предполагал дать и дал подлинное оправдание человека, и, если это так, то вернулся к этическим проблемам, к общечеловеческим ценностям. Ведь, по воспоминаниям Штейнберга, в беседах с ним Иванов-Разумник неоднократно говорил о необходимости служить общему, общечеловеческому делу, «иначе чем может быть *оправдана* (курсив наш — В. П.) жизнь человека». «Антроподицея» (оправдание человека), в противовес теодицее, была первым и последним его словом»¹⁸.

Новейшая история еще раз жестко-ощутимо доказала, будущее определяется не революционными переворотами, не войнами и миллионными человеческими жертвами, а созидательной творческой деятельностью человека, его нравственным совершенствованием и социальным согласием. В этом направлении по большому счету сходятся пути отечественных либералов и народников, если отбросить диктуемые злобой дня крайности.

Примечания

- ¹ *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991. С. 41.
- ² *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. СПб., 1907. Т. 2. С. 493.
- ³ Там же. Т. 1. С. 14.
- ⁴ *Иванов-Разумник.* Год революции. Статьи 1917 года. СПб., 1918. С. 23.
- ⁵ *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. Т. 2. С. 481.
- ⁶ *Иванов-Разумник.* Год революции. С. 6.
- ⁷ *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 тт. Т. 7. М., 1959. С. 326.
- ⁸ *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет. С. 35.
- ⁹ Там же. С. 108–109.
- ¹⁰ *Иванов-Разумник.* Год революции. С. 127.
- ¹¹ Там же. С. 195.
- ¹² *Лавров А. В.* Иванов-Разумник // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 388.
- ¹³ См.: *Иванов-Разумник.* Творчество и критика. Статьи критические 1908–1922. Пб., 1922. С. 215–220.
- ¹⁴ Там же. С. 228.
- ¹⁵ Там же. С. 241.
- ¹⁶ См.: *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет. С. 74.
- ¹⁷ *Блок А.* Собр. соч. в 8 тт. Т. 6. М.–Л., 1962. С. 112.
- ¹⁸ *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет. С. 28.

**«Слово о погибели русской земли» А. М. Ремизова
и его критик — Иванов-Разумник**

Конец 1917 — начало 1918 гг. — период беспрецедентной публицистической активности Ремизова, ранее, кроме театральных рецензий и «Открытого письма» 1909 г., никак не проявлявшейся. Исследователи, останавливаясь на разных аспектах его публицистики революционных лет¹, не касались определения того внутреннего идейного стержня, который обусловил ее всплеск. На наш взгляд, такая публицистическая активность была непосредственно связана с историософской концепцией писателя.

В повести «Пятая язва» (1912) следователь Бобров писал «обвинительный акт» русскому народу, обвиняя его в неделании «дела души своей», в покорности, превращающей его в игрушку злых сил. «И было похоже на то, как когда-то в старину в смутные годы дьяк Иван Тимофеев в “Временнике” своем, подводя итог смуте, выносил свой приговор русскому народу, бессловесно молчащему, а троицкий монах Авраамий Палицын судил русский народ за его безумное молчание»². Это произведение стало итогом размышлений писателя над событиями Первой русской революции. В новую «годину гнева», в 1917–1921 гг., писатель обратился к тем же сочинениям русской публицистики XVII в. — свидетельствам того, что и в первую Смуту не все русские люди «бессловесно» молчали и составляли единую проклятую Богом «псоглавую» массу.

Публицистические произведения Ремизова можно условно разделить на два вида, различных по жанру и способу раскрытия авторской позиции, но равно подчиненных главной теме, которую в свое время энергично выразил Лев Толстой: «Не могу молчать!». К первому виду ремизовской публицистики относятся тексты, созданные в популярной еще с евангельских времен «пропагандистской» форме рассказа-притчи. В «Простой газете», «Новой простой газете», «Воле народа», «Вечернем звоне», «Воле странь» и др. Ремизов опубликовал ряд притч, основанных на древнерусских источниках. На первый взгляд, это были

повествования о героях легендарных времен — святых и подвижниках. Но эти истории становились актуальными откликами на современность, когда включались в контекст реальной действительности.

Примером подобной «публицистики» может служить новая редакция давнего ремизовского пересказа проложного повествования о старце Герасиме и льве. сюжет которого неоднократно использовался авторами новой литературы. например. Н. С. Лесковым. В ремизовском рассказе «Страх смертный» старец помог льву, лев стал служить старцу, на которого раньше работал лишь конь. Казалось бы, рассказ кончался картиной «всеобщего счастья». Но Ремизов сделал к нему небольшое дополнение: «И никто не знал, как плохо коню! Старец знал, для чего ему лев служит, и лев знал, для чего он старцу служит, а конь ничего не знал, для коня старец — старец, лев — лев. И это тоже никто не знал, ни старец, ни лев. / И возненавидел конь льва, а пуще старца святого. И одного уж ждал конь и об одном по-своему, по кониному, творил Богу молитву и утреннюю, и вечернюю, чтобы освободил его Бог от льва. прибрал старца»³.

Если образы двух героев (старца и льва) уже были знакомы читателю, даже неискушенному в древней книжности, то не менее известен ему был третий герой — конь. В классической русской литературе и публицистике (Ф. Достоевский, М. Салтыков-Щедрин, Гл. Успенский, Н. Михайловский и др.) образ «лошаденки», «коняки» являлся символом страдающего народа. Рассказ о мире и благолепии старца и льва, основанных на горе и страхе «облагодетельствованного» ими коня, был помещен среди публицистических заметок, осуждавших пропагандировавшееся большевиками принуждение всех ко всеобщему счастью. В подобном контексте он становился притчей о неприятии народом «всеобщего счастья», насильно декларируемого сверху. По сути, такими притчами были и политические сказочки Ремизова в «Простой газете». Форма «притчи» была избрана автором, чтобы сделать отвлеченную мысль понятной «простому» читателю и, одновременно, чтобы скрыть крамольный смысл сказанного от «чужих ушей» — т. е. возрождающейся цензуры.

Другим видом ремизовской публицистики того времени были прямые обращения к читателю. В момент нарастающих запретов на свободу слова тема преодоления «бессловесного молчания» приобрела особое значение в публицистике Ремизова. На смену прежнему безоговорочному осуждению (о чем говорилось в «Пятой язве»), пришла более глубокая и дифференцированная оценка изреченного или неизреченного на фоне потоков красноречия, лившегося в период «гушинцев», и опасности произнесения слов во времена диктатуры «Болотникова».

В «Новой простой газете» под псевдонимом «Сергей Скрытник» было опубликовано публицистическое произведение «Зазыв / письмо первое / Скрытникам и молчальникам»⁴. Это было обращение редакции к тем читателям, которые в современной политической ситуации вольно или невольно были обречены на немоту. Жанр «письма», его основная тема — тема «молчания», лейтмотивная для творчества Ремизова этого времени, а также характерная цитатная лексика позволяют предположить, что именно он был «Сергеем Скрытником». Автор «Зазыва» обращался к безмолвствующим читателям без упрека, цenia их молчание, и все же пытался пробудить от него: «Каждый думает, что одинок и поэтому молчит. <...> “Простая Газета” хочет помочь затерявшимся людям друг дружку найти. <...> Русский человек себя за мудреца не почитает. Не рабья покорная *бессловесность*, — это подлинная душа русская, черта народная — осторожность к слову. / Только *псоголавая толпа падка на зык и расправу* (курсив мой — А. Г.) <...> А в дни наши несуразные, перепутанные, сколько сказано пустых слов! / Большая сила нужна, чтоб опустошенному слову душу вернуть»⁴.

Ремизов-публицист призывал читателей пробудиться от немощующей покорности, которая приведет каждого к потере самого себя, а всех вместе превратит в проклятый «затворенный» народ. В день открытия Учредительного собрания (5 января 1918 г.) он опубликовал программную статью за своей подписью. Ее заглавие составили слова Авраамия Палицына о главной причине начала беды во всей России — «Безумное молчание». В этой статье Ремизов говорил о двух видах молчания. Первое — духовное, подобное «мысленной молитве». Это — безмолвие о том, что нельзя и не требуется выразить словом. Другое — молчание, как проявление определенной пассивной общественной позиции в моменты, когда нужно деяние, одним из видов которого является слово.

«Когда ты увидишь, — писал Ремизов, — как на глазах у тебя глумятся и оскорбляют безответно, и сам смолчишь, твое молчание — безумное. / Мы в смуту живем, все погублено — без креста, без совести. И жизнь наша — крест. И также три века назад смута была — мудрвали Воры над родиной нашей, и тяжка была жизнь на Руси. / И в то смутное время. у кого болела душа за правду крестную, за разоренную Русь, спрашивал совесть свою: / “За что нам наказание такое, такой тяжкий крест русской земле?” / И ответил всяк себе ответом совести своей. / И ответ был один: / “За безумное наше молчание”»⁵. Использование прямых параллелей и аллюзий между Смутой XVII в. и современностью актуализировало историческую па-

мять читателей, и, одновременно, напоминало, что только путем деяния, активного противодействия удалось преодолеть ту, первую Смуту и возродить Россию.

28 октября 1917 г. в издании «Россия в слове» — литературном приложении к газете «Воля народа»⁶ Ремизов опубликовал «Слово о погибели земли русской», во второй редакции названное «Словом о погибели русской земли»⁷. «Слово о погибели русской земли» не раз привлекало к себе внимание исследователей творчества писателя. Анализировались его поэтика, язык, политическая злободневность той поры и связь с современностью. На наш взгляд, его следует рассматривать как органичное явление эстетического самосознания писателя. «Слово о погибели русской земли», как сразу же было отмечено современниками, было преемственно связано с повестью «Пятая язва». О том свидетельствуют явные тематические и текстуальные параллели. Однако сравнение этих двух произведений показывает, что «Слово о погибели» — отражение следующего этапа в развитии ремизовской историософской концепции.

Следователь Бобров писал «обвинительный акт» всему русскому народу и, одновременно, это был «плач над разоренностью земли русской о погибели русского народа». В рецензии, озаглавленной «Плач о погибели русской земли», П. Е. Щеголев отмечал: «Разорение русской земли — вот истинная тема А. Ремизова <...> Переживаемый нами кризис русского самосознания доходит до высшей своей точки в повести <...> Нашему национальному самосознанию А. Ремизов учиняет тяжелое испытание и заставляет нас заглянуть в те душевные глубины, где личное “я” сливается с другими “я” в мистическом чувстве здорового патриотизма»⁸.

Критик, являвшийся знатоком древнерусской литературы, подметил два существенных момента, присутствующие в повести. Во-первых, он применил название древнерусского памятника ко всему произведению, тем самым указав на значение категорий древнерусской культуры в художественном мироощущении Ремизова. Во-вторых, он отметил особенность авторской позиции (ту же, что проявлялась, в частности, и в «Лимонаре») — стремление проникнуть в народное мышление и говорить из его глубины. Вспомним оценку «Лимонаря» А. И. Яцимирским, который отмечал значимость слиянности творчества Ремизова с «народной психологией», когда «народные верования и космические представления для него самого становятся как бы родными, близкими»⁹.

Возможно, что первоначальный вариант ремизовского названия («Слово о погибели земли русской») восходил не непосредственно к древнерусскому памятнику XIII в. («Слово о погибели русской земли»), а к названию сочинения Боброва «Плач над разоренностью земли русской о погибели русского народа». Лишь во второй редакции название было унифицировано с древнерусским. Подобная зеркально перевернутая взаимосвязь между заглавиями обоих произведений прослеживается и на тематическом уровне.

«Плач над разоренностью» Боброва был монологическим текстом — сочинением героя, в котором были использованы художественные приемы древнерусской литературы, цитаты из источников. Но авторская позиция являлась точкой зрения единичного человека («откатного камня»), противопоставившего себя России и судившего ее. Неслучайно в «Плач» было включено самоотожествление героя с «гордым царем» — Иваном Грозным (использованы его слова: «я не русский! <...> все русские предатели и воры!»).

Ремизовское «Слово о погибели» — это полифонический текст, в котором голос «автора» фактически является голосом хора, в котором сама глубь заговорила голосами разных времен. Из этой многострунности звучания возникал единый голос русского народа.

«Слово о погибели» не является стилизацией под древнерусский памятник, но и не воссоздает, как считает Э. Мануэльян, «древний жанр ораторской поэзии русского Средневековья»¹⁰. Это — произведение русского авангарда XX в., основанное на художественном принципе монтажа, на смене различных речевых ритмов. В нем переплетены отдельные стиливые приемы, образы, скрытые цитаты из памятников древнерусской литературы, фольклора и из новейшей литературы, в том числе из произведений и Дневника Ремизова.

Зачин ремизовского «Слова о погибели» («Широка раздольная Русь, родина моя, принявшая много нужды, много страсти, вспомнить невозможно, вижу тебя...») (с. 194) образно стилистически близок древнерусскому «Слову о погибели» («О, светло светлая и украсно украшена, земля Руськая! И многими красотами удивлена еси...»¹¹) и народной песне «Высота ли, высота поднебесная...» («Высота ли, высота поднебесная, / Глубока глубота акиян-море, / Широко раздолье по всей земли, / Глубоки омоты Непровския...»¹²).

Художественная структура «Слова о погибели» является сложным сплавом риторических вопросов о судьбе России, и разноголосья откликов из разных времен: плачей, приговоров, притч и пророчеств. Между «вопросами» и «ответами» слышен одинокий голос «очевидца» событий, потерявшегося и оглушенного происходящим.

Это — непосредственная реакция на современность единичного человека: «Где нынче подвиг? Где жертва? / Гарь и гик обезьяний» (с. 194); «Один слышу обезьяний гик» (с. 195); «И вот слышу обезьяний гик» (с. 195); «Обнаглелые жадно с обезьяньим гиком и гоготом рвут на куски пирог, который когда-то испекла покойница Русь» (с. 200). Но надо учитывать, что этот глас «вопяющего в пустыне» — лишь один из звучащего многоголосья «Слова».

После ряда открывающих «Слово» риторических вопросов следует скрытая цитата из романа Андрея Белого «Петербург» (1913). Сравним тексты Андрея Белого и Ремизова:

«Петербург»: «С той чреватой поры, как примчался к невшкому берегу металлический Всадник, <...> как бросил коня на финляндский серый гранит — надвое разделилась Россия <...> страдая и плача, до последнего часа — Россия. / Ты, Россия, как конь! <...> Хочешь ли и ты отделиться от тебя держащего камня, как отделились от почвы иные из твоих безумных сынов <...> Или, может быть, хочешь ты броситься, разрывая туманы, чрез воздух. чтобы вместе с твоими сынами пропасть в облаках?»¹³.

«Слово о погибели»: «Безумный ездок, хочешь за море прыгнуть из желтых туманов гранитного любимого города, несокрушимого и крепкого, как Петров камень, — над Невой, как вихрь, стоишь. вижу тебя и во сне и в явь. Брат мой безумный — несчастлив час! — твоя Россия загибла» (с. 194).

Цитата из романа Андрея Белого взята из контекста авторского отступления о грядущей судьбе России, основанного как на символах «петербургского текста» русской литературы, так и на традиции пророческих видений о «последних временах», «транскрибированных» Андреем Белым через эсхатологию Вл. Соловьева.

В многослойной символике романа Андрея Белого образ Медного Всадника как бы распадается на составляющие. Семантика Сидящего на коне (одна из его ипостасей — Петр) связана с понятиями «порядка», «логики», «государственности». Конь — во многом неуправляем, может в любой момент вырваться из под властной руки Всадника и полететь в неведомую бездну — это один из ликов России, таящей в себе стихийное народное начало.

В этом отступлении конь Медного Всадника замер перед прыжком в неизвестность. Автор предвещает апокалиптические события грядущего. «Прыжок над историей — будет; великое будет волнение; расщелется земля; самые горы обрушатся от великого т р у с а <...> Петербург же опустится. <...> Бросятся с мест своих в эти дни все на-

роды земные <...> Воссияет в тот день и последнее Солнце над моею родною землей. <...> Встань, о, Солнце!»¹⁴.

Введение этой переключки цитат вводит в повествование голос современного писателя, пророчествующего о гибели «порядка», «государственности» («твоя Россия загибла»), в момент мировых катаклизмов.

Пророчеству из романа XX в. вторит отклик из прошлого — плач, основу которого составляет образ из «Слова о полку Игореве»: «Я кукушкой кукую в опустелом лесу твоём, где гниет палый лист: Россия моя загибла» (с. 194). Далее в хор вступают голоса раскольников, потом — калек переходящих, поющих песню о Ваньке Каине.

Тем самым, изначально слышны отклики самой Руси на разные трагические изломы ее истории, равно являющиеся вехами ее страдного пути. В повествовании вновь возникает риторический вопрос — почему гибнет Россия. Далее Ремизов включает в хор голос героя «Пятой язвы». Изначальной ошибкой критиков, а затем и исследователей «Слова», было отождествление автора с каким-либо единичным голосом, звучащим в произведении. Чаще всего это касалось героя ремизовской повести.

Бобров вспоминает свой «обвинительный акт»: «сердце открытое не раз на крик кричало на всю Русь: “нет правды на русской земле!” <слова из “Послания” Таубе и Крузе — А. Г.> <...> Безумное молчание <слова Авраамия Палицына — А. Г.> верных сынов твоих вопиет к Богу, как смертный грех» (с. 196). Но затем он отказывается от него: «Я не раз отрекался от тебя в те былые дни, грозным словом Грозного в отчаянии задохнувшегося сердца моего проклинал тебя за крамолу и неправду твою. <...> Но теперь — нет, я не оставлю тебя и в грехе твоём <...> я русский, сын русского, я из самых недр твоих» (с. 196). Это голос Боброва, уже пережившего нравственный переворот и сошедшего в муку страдать вместе со всем народом. Таким образом, здесь видно характерное для символизма явление автономизации персонажа от создателя. Он продолжает жизнь и развитие за рамками породившего его изначального текста.

Тема гибели, синтезирующая темы разрушения «порядка» = «наряда» = «государственности» и судьбы русского народа («Всадника» и «коня»), развивается crescendo и переходит в тему «последних времен» и наступившего Страшного Суда. Здесь звучат голоса пророков: Исайи и святого Иоанна Богослова — автора Откровения: «И свилось небо, как свиток. И нету Бога. Скрылся Он в свитке со звездами и с солнцем и луною. Черная бездна разверзлась вверху и внизу. <...> Нет ничего, ни Кремля, ни России <...> делай дело свое, — воздвигай но-

вую Россию на месте горелом. А про старое, про бывалое — забудь» (с. 198). Рефреном к провозвестиям конца звучит голос книжника — автора повести XVI в. «О граде сокровенном Китеже», возникающий дважды: «Ты канешь на дно светлая» (с. 197); «Ты весь Китеж изводи сетями — пусто озеро, ничего не найти» (с. 198).

После картины свершающегося над Россией Страшного Суда в повествование впервые полнозвучно и явно вступает голос самого Ремизова. В «Слово» включена значительная по объему цитата из его Дневника.

Запись Ремизова от 6 сентября 1917: «Русский народ, что ты сделал? / Ты искал свое счастье и все потерял. / Одураченной свиньей плюхнул в навоз. / Поверил: / Землю свою забыл колыбельную / Где Россия твоя? / Русский народ, это грех твой непрощенный. / Где же [твоя] мудрость твоя мирская? / Я гордился, что русский, берег имя родины моей, молился святой Руси. / И вот презираем. Со всем народом несую кару. Не смею глаз поднять. / — Что я сделал? Жалок, нищ и наг. Горе мое безмерно, скорбь глубока, страдание неисчерпаемо, нет утешения, нет надежд»¹⁵.

«Слово о погибели»: «Русский народ, что ты сделал? / Искал свое счастье и все потерял. Одураченный, плюхнулся свиньей в навоз. / Поверил — — / Кому ты поверил? Ну, пеняй теперь на себя, расплачивайся. / Землю ты свою забыл колыбельную. / Где Россия твоя? / Пусто место. / Русский народ, это грех твой непрощаемый. / И где совесть твоя, где мудрость, где крест твой? / Я гордился, что я русский, и лелеял имя родины моей, молился святой Руси. / Теперь презираем со всем народом несую кару, жалок, нищ и наг. / Не смею глаз поднять. / — Господи, что я сделал! / И одно утешение, одна надежда: буду терпеливо нести бремя дней моих, очищу сердце мое и ум мой помутненный и, если суждено, восстану в Светлый день. / Русский народ, настанет Светлый день / Слышишь храп коня?» (с. 198–199).

При сравнении источника (Дневника) и текста «Слова о погибели» очевидно, что в художественном тексте безысходная скорбь Ремизова — конкретного человека, одного из очевидцев истории, — трансформирована в пророческий оптимизм пророка, провидящего грядущее: «Слышу трепет крыльев над головой моей. / Это новая Русь. прекрасная и вольная, царевна моя / Русский народ, верь, настанет Светлый день» (с. 199).

Завершающая часть произведения — это слово пророка, вещающего о бедах Отечества. И тут необходимо понять ключевую фразу, которая не раз обговаривалась исследователями: «Закурекал бы, да головы нет: давно оттяпана!» (с. 200). Иванов-Разумник связал эту фра-

зу с рассказом «Обезьяны» из сборника снов «Бедовая доля» (1910)¹⁶. Позднее этот рассказ был включен в состав хроники «Взвихренная Русь». Царь обезьян Асыка перед гибелью «прокричал гордому всаднику и ненавистной <...> смерти трижды петухом»¹⁷. Оба совпадающих мотива (и в «Слове о погибели», и в «Обезьянах») восходят к одному и тому же евангельскому сюжету: троекратное пенье петуха — напоминание Петру об отречении от Христа.

В художественной структуре «Слова о погибели» эта фраза органично связана как с общим художественным планом произведения, так и с мировоззренческой концепцией писателя революционных лет. Как уже говорилось, финал «Слова» — это речь пророка — плач о прошлом, обличение настоящего, прорицание будущего. В этом контексте существенна запись в Дневнике Ремизова от 21 марта 1920 г.: «Я не пророк, я не апостол, я тот петух, к<оторый> запел и отрекшийся Петр вспомнил о Христе» (*Дневник*. С. 489). В Дневнике эта фраза закодирована — может быть, это — запись чьих-то слов, или цитата из какого-то источника. Но творческое сознание писателя аккумулировало этот «чужой» текст. Фраза о «петухе» вводила в «Слово» важную для ремизовского творчества того времени идею миссии писателя как некоего «духовного катализатора» процесса пробуждения народной совести. В дневниковой записи июня 1917 г. Ремизов отмечал: «Никакие и самые справедливейшие учреждения и самый правильный строй жизни не изменит человека, если не изменить в душе его, если душа его не раскроется и искра Божия не блеснет в ней. Или искра божия блеснет в сердце человека не надо головы ломать ни <о> каком учреждении, ни о каком строе, потому что с раскрытым сердцем не может быть несправедливости и неправильности» (*Дневник*. С. 448). Пробуждение совести, принятие страдания как судьбы приведет Россию к возрождению — Второму Пришествию.

«Слово о погибели» завершается притчей о гостях званых и не званых. По форме и семантике она является прямым жанровым продолжением евангельских притч, рассказываемых Христом. Чей голос слышен в финале «Слова» — можно только предполагать, узнавая Говорящего. После притчи о том, что еще придут настоящие гости, следуют слова из церковной заупокойной службы («Ве-е-чна-я па-амять» С. 200). Графика их написания вызывала у читателя эффект «слухового восприятия» финала как зазвучавшей музыкальной фразы. Какофония перебивающих друг друга голосов переходила в звучание хора, который завершался христианским песнопением. Русь обретала свой крестный путь — начало чаемого Воскресения.

«Слово о погибели русской земли» Ремизова — публицистическое произведение нового, синтетического жанра. Использование писателем названия конкретного древнерусского памятника («Слова о погибели русской земли») не означало прямого стилизационного подражания. Ремизову было известно, насколько широко использовался данный термин («слово») в древнерусской литературе. Можно предположить, что этот термин привлек его внимание прежде всего как емкое обозначение произведения, не ограниченного жестким жанровым канонем. В дальнейшем писатель еще раз обратился к этому термину в названии другого своего публицистического обращения («Заповедное слово русскому народу»¹⁸).

Ремизовское «Слово» — полифонический текст, который можно уподобить музыкальной партитуре хорового произведения. О судьбе России иногда горько-безнадежно, иногда яростно, иногда пророчески воодушевленно говорят безымянные люди, древние книжники, современные писатели, их герои, пророки. Это — слившийся воедино хор, в котором голос Ремизова — лишь один из многих. Создание подобного полифонического произведения шло в русле главного направления ремизовской публицистики революционных лет — снять печать с «затворенных уст», прервать «безумное молчание», дать заговорить самой России — всем ее обитателям — от духовной элиты, чьи произведения сохранила история, до тех, чьи голоса угадали во времени. Как синтез этих голосов создастся тот «глас народа», который и пробудит «смолчливых» от духовного оцепенения и преступного недеяния.

«Слово о погибели русской земли» получило общественный резонанс только после опубликования в сборнике «Скифы». Здесь, сразу за текстом Ремизова следовала статья Р. В. Иванова-Разумника «Две России», которая сочетала в себе черты литературной рецензии и публицистического выступления. Причем последнее превалировало над первым. По сути, эта статья шла в русле традиций отечественной революционно-демократической и народнической критики, когда произведение искусства становилось лишь поводом для изложения общественно-политических взглядов рецензента.

Иванов-Разумник безоговорочно принял Февральскую революцию, видя в ней начало мирового «революционного пожара». Только в единомышленниках он видел людей «Нового Завета», чающих «Нового Мира». Инакомыслящих он объединял в лагерь «староверов»: «Пусть среди вторых — и крупный художник слова, скорбящий за старое <...>, и <...> всесветный мещанин <...> оба они <...> могут быть жестоки-ми “контр-революционерами”» (*Две России*. С. 206).

В статье «Две России» вульгарный идеологизм причудливо сочетался с эстетически точными оценками отдельных составляющих творчества Ремизова. Ее автор первым указал на преемственную связь между «Словом» и другими произведениями писателя («Лимонарем», «Пятой язой», «Обезьянам»). Но выводы, которые Иванов-Разумник — критик делал из сопоставительного анализа текстов, подвергались под априорную концепцию Иванова-Разумника — публициста.

Так, Иванов-Разумник вспомнил о давнем апокрифе «О страстях Господних» и чутко подметил его связь с ремизовским восприятием революции. «Распятый Христос никогда не воскресал <...> Вот подлинная вера Ремизова. Много писал он о Христе, но не все до сих пор понимают, что его Христос — не воскрес. Что ж удивляться тому, что и революция для него есть лишь “беззаконство” несметной бевсовской силы “из темных ям”?» (*Две России*. С. 221). Однако указав одним из первых на взаимосвязь ремизовского мифа о не воскресшем Христе с историософской концепцией, критик не увидел духовной эволюции писателя. Для Ремизова 1910-х гг. Христос воскрес, но никогда не освящал дела насилия. Так 9 января 1918 г. писатель отмечал в Дневнике: «Россия, хочешь осчастливить Европу, хочешь поднять бурю и смести и на западе всякие вежи старой жизни. И если так было бы, я не хочу твоего цветущего сада, который насадили окровавленные руки. Последняя Мурка, задушенная в канаве отравит мне все твои розы. Разговор с Блоком о музыке и как надо идти против себя. Голгофа! Понимаете ли вы, что значит Голгофа? Голгофа свою проливает кровь, а не расстреливает другог<о>» (*Дневник*. С. 473–474).

Изначально идеологический подход Иванова-Разумника к ремизовскому тексту определил и его вульгаризованную трактовку произведения как плакатно-однозначного выражения личной точки зрения писателя. Отсюда критик делал логичный вывод, что для Ремизова положительно значимы только «самодержавие, православие, народность. Трудно верится сразу, что именно здесь его ценности, что таков внешний политический смысл “Слова о погибели Русской Земли”, но сомнения невозможны» (*Две России*. С. 209).

Ремизов тяжело воспринял подобную оценку своего произведения со стороны критика, в котором ранее он находил понимание своего творчества. Возможно, что его реакция на статью проявилась в разговоре с ее автором, содержание которого пунктирно законспектировано в дневниковой январской записи 1918 г.: «Костры заволжские — саможжения — от Аввакума возродили Пушкина и Достоевского. Сила духа старой Руси сожигающей<ся> перешла в Пушкина и Достоев-

ского. / Был Разумник — битва под Разумником» (*Дневник*. С. 472). Очевидно, в личном разговоре Ремизов вновь, «прямым текстом», повторил свою мысль о единстве исторического пути России и о роли литературы, пробуждающей человеческую душу.

Статья Иванова-Разумника вызвала несколько откликов. Так А. Н. Чеботаревская возмущалась невозбранностью «общественному критику Разумнику Иванову клеветать на безответного сказочника Ремизова, оплакивающего на своем языке, своими словами и образами, гибель земли русской»¹⁹. Сохранился и эмоциональный отклик З. Н. Гиппиус в ее письме Ремизову от 1 января 1918 г.: «То, что сделала с вами Иванов-Разумник — последнее похабство. Я только что увидела “Ск<ифы>”, и считаю, что до такой бесчестности ни один литератор никогда не доходил. Кроме того и сама по себе его статья столь кощунственно-грязна, что ее трудно держать в руках»²⁰. Оценка Гиппиус была резкой, но парадоксально-пророческой.

«Слово о погибели русской земли» Ремизова долгие годы воспринималось через призму статьи Иванова-Разумника, и это обусловило негативное отношение к писателю-эмигранту на его Родине. Так в академической «Истории русской литературы» 1954 г. о Ремизове было написано: «Если буржуазно-демократическую революцию в феврале 1917 года символисты еще и “приняли” с либеральных позиций, то дальнейшее развитие событий они встретили, за малым исключением, как враги народа. <...> А. Ремизов оплакивал старую Россию (“Плач о погибели русской земли”) <...> несколько позже К. Бальмонт, А. Ремизов и Вяч. Иванов бежали за границу, где примкнули к злейшим врагам Советской России»²¹.

Примечания

¹ *Lampl Horst*. Political Satire of Remizov and Zamjatin on the Pages of *Prostaja gazeta* // *Aleksej Remizov*. Approaches to a Protean Writer. Columbus: 1987. P. 245–260; *Субботин С. И.* К атрибуции псевдонимных сочинений из «Простой газеты» // *Русская литература*. 1992. № 1. С. 205–215; *Иезуитова Л. А.* «Слово о погибели земли русской» А. М. Ремизова в газете «Воля народа» // *Алексей Ремизов*. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 67–81; *Обатнина Е. А.* Ремизов. «Вонючая торжествующая обезьяна...» // *Новое литературное обозрение*. 1995. № 11. С. 142–153.

² Альманахи издательства «Шиповник». Кн. 18. СПб., 1912. С. 146.

³ Простая газета. 1917. 8 ноября. № 1. С. 2.

⁴ Новая простая газета. 1917. 26 ноября. № 1. С. 4.

⁵ Вечерний звон. 1918. 5 января. № 23. С. 3.

⁶ См.: *Субботин С. И.* Еще раз о дате первой публикации «Слова о погибели...» А. М. Ремизова // *Новое литературное обозрение*. 1995. № 14. С. 154–156.

⁷ Скифы. Сб. 2. Пг., 1918. С. 194–200. Далее цитируется по этому изданию.

- ⁸ День. 1912. 27 октября. № 26. С. 6.
- ⁹ Исторический вестник. 1908. Апрель. Т. СХII. С. 1094.
- ¹⁰ Мануэльян Э. «Слово о погибели русской земли» А. Ремизова и идеология скифства Р. Иванова-Разумника // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. С. 81.
- ¹¹ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 130.
- ¹² Древние российские стихотворения собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958. С. 259.
- ¹³ Андрей Белый. Петербург // Сирин. Сб. 1. СПб., 1913. С. 140–141.
- ¹⁴ Там же. С. 141.
- ¹⁵ Ремизов А. М. Дневник 1917–1921 / Подг. текста А. М. Грачевой, Е. Д. Резникова. Вступ. зам. и комм. А. М. Грачевой // Минувшее. Исторический альманах. 16. М.–СПб., 1994. С. 462–463. Далее цитируется в тексте *Дневник* с указанием страницы.
- ¹⁶ Иванов-Разумник. Две России // Скифы. Сб. 2. С. 214. Далее цитируется в тексте: *Две России* с указанием страницы.
- ¹⁷ Ремизов А. Взвихренная Русь. Париж, 1927. С. 297.
- ¹⁸ См.: Россия в слове. Литературное приложение к газете «Воля народа» (1918. № 1).
- ¹⁹ Чеботаревская Ан. Стрельба по своим // Новый вечерний час. 1918. 4 января. № 3. С. 2.
- ²⁰ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 53. Л. 1–1об. Опубл.: *Lamp Horst. Zinaida Hippus and S. P. Remizova-Dovgello // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Band. 1. S. 186–187.*
- ²¹ Орлов В. Н. Поэзия буржуазного упадка // История русской литературы. Т. X. Литература 1890–1917 годов. М.–Л., 1954. С. 773–774.

О сотрудничестве Александра Блока с левозэсеровскими изданиями в начале 1918 года

Временем начала политического подъема в мироощущении Блока следует считать февраль-март 1917 г., т. е. период Февральской революции, свидетельства чему можно найти в дневниковых записях З. Гиппиус и в воспоминаниях В. Зоргенфрея. К этому времени относится и заметный процесс укрепления «антикадетских» настроений поэта. Если в 1906–1907 гг. Блок сотрудничает в газете конституционно-демократической партии «Речь» и проявляет большой интерес к ее публикациям, то позднее начинается преодоление этого влияния. Отказ от прежних либеральных настроений сопровождался глубокими душевными переживаниями, связанными с преодолением давних интеллигентских привычек и пристрастий. Еще 16 июля 1917 г. в дневниковой записи поэт признавался в своей близости к конституционным демократам, но именно в этот период разрыв с «кадетизмом» он ощущал все более насущной потребностью.

Вскоре после Февраля 1917 г на почве этих новых взглядов происходит сближение Блока с Р. В. Ивановым-Разумником, а через него — с печатными органами партии левых эсеров: газетой «Знамя труда» и журналом «Наш путь». После кончины поэта Иванов-Разумник вспоминал: «Вихрь последних лет войны и полугода “февральской революции” лежал между нами, когда в середине июля мы случайно столкнулись в трамвае и с полчаса потом вместе шли по улице. <...> Вскоре после этого мы встретились вторично и уже не переставали видеться до последнего года. Я зашел к А. А. Блоку вскоре после первой встречи и принес ему недавно вышедший первый том сборника “Скифы”. <...> Первый сборник, посвященный революции, вышел в середине 1917 года, второй, посвященный революции, тогда уже печатался; я сказал Александру Александровичу, что не представляют себе третьего (предполагавшегося) сборника “Скифов” без его ближайшего участия. Он был уже знаком со “Скифами” и тотчас же ответил согласием»¹.

Во вступлении к первому сборнику «Скифы», которое было своеобразным манифестом его участников, говорилось, что «вечную революционность» «скифы» противопоставляют «реформизму» и «духу Компромисса»; «святое безумие» — «благоразумию», а «искания непримиренного и непримиримого духа» — умеренности, трезвости и бескрылости «всесветного Мещанина»². Эти устремления вполне отвечали в мировоззрении Блока тому, что Иванов-Разумник называл «духовным максимализмом»³. Как отмечал А. В. Лавров в предисловии к своей публикации переписки Блока и Иванова-Разумника, «безраздельная устремленность “скифов” к грядущему, к “революции духа”, открывающейся за реальностью революции социальной, к “духовному преображению” глубоко импонировали Блоку, воспринимавшему революцию не столько в общественно-политическом, сколько в духовном, “музыкальном”, отчасти даже эсхатологическом аспекте, увидевшему в ней прежде всего мятежную бурю, стихийный “мировой пожар”, не менее близки ему были и “отрицательные” моменты в “скифстве” — неприятие буржуазного уклада жизни, мещанства. “благоразумия” (в самом широком смысле)»⁴.

«Скифский» максимализм Блока проявился в неудовлетворенности слишком «благоразумными» итогами Февральской революции. Временное правительство в подавляющем большинстве состояло из представителей партии конституционных демократов. Усиление антикадетских настроений Блока вело к скептическому отношению ко всему, связанному с Временным правительством, в том числе и к Учредительному собранию. Не случайно Иванов-Разумник о Блоке писал: «В “керенщине” он задыхался»⁵. Именно отвлеченное «скифское» мировоззрение, а не левоэсеровская политическая линия были объединяющим началом в отношениях Блока и Иванова-Разумника. Блок, всегда остававшийся невосприимчивым к вопросам политики, к групповой партийной деятельности, конечно же, не имел никакого отношения к политической программе и партийной тактике левых эсеров⁶.

Однако, сопоставление статей Иванова-Разумника и Блока послеоктябрьской поры, а также сравнение «прозы» автора «Двенадцати» с публицистикой левоэсеровских «Знамени труда» и «Нашего пути», которая Блоку, печатавшемуся в этих изданиях, была хорошо известна, показывает, что влияние на поэта народнической идеологии и даже левоэсеровской терминологии оказалось весьма ощутимым. Это дало повод А. В. Луначарскому, обратившемуся к Н. П. Горбунову — для последующей передачи Ленину (в связи с попыткой вывезти больного поэта для лечения в Финляндию) — написать, что Блок «после революции присоединился к левым эсерам»⁷. С другой стороны, и левоэсеровский журнал «Знамя», печатая некролог поэта в августе 1921 г., отнес его к числу членов своей

партии⁸. Действительно, народнические идеалы были близки Блоку. В феврале 1919 г. на допросе в ЧК он сделал знаменательное признание: «сочувствуя течениям социализма и интернационализма, склонялся всегда более к народничеству, чем к марксизму»⁹. Подобную характеристику в 1921 г. давал Блоку и Андрей Белый: «Он — новый пародник, он пародник, возводящий культ русской души в рыцарский культ»¹⁰.

О главной причине своего сотрудничества с левозэровскими изданиями — газетой «Знамя труда» и журналом «Наш путь» — Блок отозвался позже — в т. н. «Записке о “Двенадцати”» (1920): «С начала 1918 года, приблизительно до конца октябрьской революции (3–7 месяцев?) существовала в Петербурге и Москве свобода печати, т. е. кроме правительственных агитационных листков, были газеты разных направлений <...>; кроме того, в культурной жизни, в общем уже тогда заметно убывавшей, было одно особое явление: одна из политических партий, пользовавшаяся во время революции поддержкой правительства, уделила место и культуре: сравнительно много места в большой газете, и почти целиком — ежемесячный журнал. Газета выходила месяцев шесть (кроме предшествующего года); журнал на втором номере был придержан и потом — воспрещен»¹¹.

Первоначально «Знамя труда» являлось органом Петроградского комитета партии социалистов-революционеров. С 8 декабря 1917 г., после первого учредительного съезда партии левых эсеров (19–28 ноября 1917 г.), газета была объявлена органом ЦК партии левых социалистов-революционеров. Одним из редакторов «Знамени труда» Иванов-Разумник стал с самого начала существования газеты. В течение сентября-декабря 1917 г. он опубликовал в ней несколько своих статей, однако, постоянного литературного отдела здесь еще не было. С 11 декабря «Знамя труда» начинает выходить в большом формате, а ее редакция после скитаний по ряду временных помещений обосновывается в закрытой ранее редакции одной из крупнейших петербургских газет «Биржевые ведомости» — в доме № 40 по Галерной улице. 28 декабря (№ 105) в газете впервые был напечатан большой литературный раздел — опубликованы произведения Клюева, Есенина, Белого, Ремизова и Иванова-Разумника. 30 декабря 1917 г. (№ 107) «Знамя труда» поместило пространную рекламу:

«Литературный отдел под редакцией Р. В. Иванова-Разумника. В ближайших №№ будут напечатаны:

СТИХИ:

Александр Блок, А. Белый, Алексей Ганин, Сергей Гедройц, Сергей Есенин, Николай Клюев, Петр Орешин, Александр Ширяевец, Константин Эрберг и др.

Рассказы:

Алексей Ремизов — “На земле — мир” (рассказ; предисловие Иванова-Разумника — “О мире всего мира”). Александр Чапыгин* — “Три богатыря” (сказка), А. Терек — “С Украины” (письма-рассказы). Сергей Гедройц — “Военный дневник”. Алексей Ремизов — “Хождение по ратным мукам” (рассказ). Андрей Белый — “Отрывки из повести” и др.

Статьи:

Арсений Авраамов — “Искусство в свете революции” (серия статей). Иванов-Разумник — “Литература и революция” (серия статей). Евгений Лундберг — “Под знаменем Зодиака” (серия статей). Виктор Шимановский — “Искусство и труд” (постоянный отдел). Конст. Эрберг — “Письма о творчестве” (серия статей). Андрей Белый — статьи. Сергей Есенин — “Отчее слово” (о романе Андрея Белого “Котик Легаев”). П. Гайдебуров — “Искусство и душа”. П. Орешин — “По-спать не дадут!”. Шах-Эддин — “О читателях” и др.

Критика и библиография.

Список сотрудников и охват тем впечатляют. Начиналось интересное литературное предприятие. Произведения Блока с известным постоянством стали публиковаться на страницах «Знамени труда»: «Россия и интеллигенция. I. Интеллигенция и революция» (19 января; № 122); «Россия и интеллигенция. II. Религиозные искания и народ (1909–1916)» (25 января; № 127); «Россия и интеллигенция. III. Народ и интеллигенция» (6 февраля; № 135); «Скифы» (20 февраля; № 137); «Россия и интеллигенция. IV. Стихия и культура» (1 марта; № 145); «Двенадцать» (3 марта; № 147); «Россия и интеллигенция. V. Ирония. VI. Дитя Гоголя. VII. Пламень» (8 марта; № 151); «О любви, поэзии и государственной службе» (28 апреля; № 191). Об этом периоде своей жизни Блок писал: «в январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907. или в марте 1914»¹². Это был тот период деятельности Блока, названный самим поэтом «январскими восторгам»¹³, «легкость, поток идей»¹⁴ которых был оборван «потерей почвы»¹⁵ и отчаянием в марте 1918 г.

В цитированной ранее «Записке о “Двенадцати”» (1920 г.) Блок точно определяет рубеж в своем отношении к революции, после которого он начинает говорить о «конце октябрьской революции»: это первые «три – семь месяцев» 1918 года. т.е. период с марта по июль. Следует предположить, что решающими в блоковском восприятии революции оказываются два события этих месяцев, самым непосредственным образом отразившиеся на деятельности газеты «Знамя труда» и

* Имеется в виду писатель Алексей Павлович Чапыгин (прим. ред.)

журнала «Наш путь», с которыми сотрудничал поэт. В марте был подписан Брестский мир, нанесший удар патриотическому чувству Блока, его представлению о территориальном величии России. 6–7 июля произошел т. н. «левозсеровский мятеж», который предопределил закрытие всех негосударственных издательств и утвердил жесткий идеологический контроль над литературным творчеством.

За всеми этапами переговоров о перемирии Блок следил по публикациям в периодических изданиях (не только в левозсеровских, но и в прочих — от большевистских до буржуазных), а также получал достоверные сведения в редакции «Знамени труда» и «Нашего пути». Грабительские территориальные претензии к России, выдвинутые на переговорах 5 (18) января 1918 г., не находят прямого отражения в дневниках и записных книжках Блока. 28 января (10 февраля) большевики заявили о своем отказе подписать навязываемый им мирный договор о выходе из войны и демобилизации армий¹⁶. Эта позиция, поддержанная левыми эсерами, внушала надежду на справедливое завершение войны¹⁷. Еще в конце января известия о ходе переговоров параллельны творческому и духовному подъему поэта в период создания поэмы «Двенадцать» (ср. запись в день окончания поэмы, 29 января 1918 г.: «*Война прекращена, мир не подписан* (заголовок из вечерней газеты “Новые ведомости” от 29 января – Ю. Г.). – Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг. Этот шум слышал Гоголь <...>. *Сегодня я – гений*»¹⁸.

Однако 18 февраля (новый стиль) возобновилось германское наступление на российских территориях¹⁹. В газете «Знамя труда» сообщение об этом было опубликовано на следующий день, 19 февраля²⁰ (см. помету в записной книжке Блока 19 февраля: «*Германия опять воюет с нами*»²¹). В ночь с 18 на 19 февраля Совнарком радиogramмой уведомил германское правительство о согласии подписать мирный договор на условиях Четверного союза²². Судя по записной книжке Блока, поэт узнает о решении опять по газетной публикации днем позже, т. е. 20 февраля²³. К этому событию относятся датированные тем же днем записи в дневнике: «Стало известно, что Совет народных комиссаров согласился подписать мир с Германией. Кадеты шевелятся и поднимают головы»²⁴ и в записной книжке: «*Совет народных комиссаров согласен подписать мир. Левые с.-р. уйдут из Совета*»²⁵. Примечательно, что 20 февраля в «Знамени труда» было опубликовано стихотворение Блока «Скифы», с печатаньем которого поэт очень спешил²⁶.

Известие о готовности большевиков подписать мир вызывает в ежедневных записях поэта трагические ноты. 21 февраля: «*Чудовищные дни наступают. Комиссары выехали в Москву? Условия немецко-го мира*»²⁷. В этот же день, после возобновления наступления герман-

ское правительство выдвинуло новые, более серьезные территориальные претензии к России. Подробности появились в газетах лишь 24 февраля²⁸, очевидно, сведения о новых «мирных» претензиях Блок мог получить 21 февраля из каких-то устных источников, возможно от сотрудников редакции газеты «Знамя труда».

23 февраля состоялось заседание ЦК РСДРП(б), на котором решался вопрос о немедленном подписании мира. Левые эсеры голосовали против заключения аннексионного мира²⁹. В ночь на 24 февраля Советское правительство уведомило Германию о своей готовности заключить перемирие на новых условиях³⁰. Эти события отразились в записях Блока 23–25 февраля³¹. 28 февраля, когда наступление немецких войск было остановлено в ожидании подписания мира³², т. е. неизбежность принятия германских требований стала очевидной, Блок отметил в записной книжке: «К 6 часам в “Знамя труда”. Днем стало известно из Смольного, что немцы приостановились. <...> Самое трудное. Сегодня я потерял крылья, и не верю потому. Опять — ложь на 10 лет. А там — старость, бездарность»³³. Письмо Блока к матери, написанное на следующий день, в пятницу 1 марта, и публиковавшееся ранее с купюрой, свидетельствует о его полной консолидации с позицией левозероградской редакции: «В воскресенье ждут подписания мира. Если это случится, “Наш Путь” № 1 будет сейчас же сдан в типографию. “Наш Путь” будет несомненно, если только все мы не перейдем на нелегальное положение»³⁴.

Брестский мирный договор был подписан 3 марта 1918 г.³⁵ Записи Блока, сделанные накануне этого события и в последующие дни, свидетельствуют о глубоком духовном кризисе, который поэт переживал в это время. 2 марта: «Немцы, по-видимому, отказались подписать мир? <...> Потеря почвы»; 4 марта: «Что-то тяжелое делается. Ничего, кроме музыки, не спасет»; 5 марта: «Потеряна почва»; 6 марта: «Немцы остановились (пока). Новая карта России (не раскачаешься)»; 7 марта: «Совершенно особое чувство: нашей малости; гипербореи; потеря великодержавства; не могу скрыть от самого себя даже минуты довольства (передышка). «Отвратительный — социалистически-мещанско-большевистский рай» (говорит Иванов-Разумник по телефону). Математически учтено Ключевским (птица, которую “подбрасывает ветер”, — вот и сбросил)»³⁶.

Несмотря на посещающие временами Блока «минуты довольства», март 1918 г., приведший не только к «потере великодержавства», но и к разрыву левых эсеров с большевиками, продемонстрировал готовность коммунистов пойти на большие жертвы, вплоть до нарушения территориальной целостности страны, ради осуществления своих це-

лей. Эти события дали ощутимый толчок «отрезвлению» Блока от эйфории января 1918 г. После февраля 1918 г. поэт перестал писать стихи. Как показывают приведенные записи, самое непосредственное отношение к изменению блоковского отношения к революции имели публикации газеты «Знамя труда», а также те сведения, которые поэт получал от сотрудников этого издания.

События июля 1918 г., упомянутого Блоком как одно из проявлений «конца октябрьской революции», оказались для редакции «Знамени труда» и «Нашего пути» поистине трагическими. На V Всероссийском съезде Советов крестьянских и рабочих депутатов, открывшемся 4 июля, партия левых эсеров поставила вопрос о своем расхождении с большевиками³⁷. В день левозероверского мятежа вышел последний номер «Знамени труда». Вскоре была разгромлена редакция этой газеты и журнала «Наш путь». 10 июля 1918 г. Блок написал в записной книжке: «Что-то готовится (мятеж левых эсеров был предлодией)»³⁸. Непубликованная запись 26 июля: «Тел<ефон> от Р. В. И<ванова-Разумника> (на Лиговке все цело)»³⁹. 4 августа Блок отметил: «Почти все газеты закрыты», 5 августа — «Все буржуазные газеты закрыты»⁴⁰.

Позднее, после ареста Блока в феврале 1919 г., сопровождавшего новую волну преследований левых эсеров, «отрезвление» поэта еще более усилилось⁴¹. Как и в марте–июле 1918 г., это также было связано с левыми эсерами. В дневниковой записи 1921 г., вспоминая о встречах в редакции «Знамени труда», Блок подробно запечатлел и ту травлю, которой подвергался он и другие литераторы, занявшие сходную позицию: «В самом конце декабря 1917 г., когда мы едва свиделись с Ивановым-Разумником, начиналась романтика на Галерной⁴² (тусклые глаза большевиков <...> потом ясно — глаза уби́ли), — уже в “Известиях” появилась статейка, говорили, что автор “Ртор<ик> Ивнев”. Начиналось так: “Несколько выдающихся представителей интеллигенции признало необходимым работать под руководством Советской власти. Между ними известный поэт А. Блок и художник Петров-Водкин. Они поставили себе задачу борьбы с позорными для интеллигенции саботажем <...>” и т. д. Вместе с тем, появилась афиша красными буквами: Зал Армии и Флота. 7 января 1918⁴³, митинг Интеллигенция и народ: Луначарский, Коллонтай, устраивал Р. Ивнев. Из перечисленных на афише не были, во всяком случае, Иванов-Разумник и я»⁴⁴.

На наш взгляд, не следует слишком идеализировать призывы Блока «всем сердцем» и «всем сознанием» слушать Революцию. Путь поэта был достаточно сложен и отразил противоречивость русской действительности после Октября. Однако, сбрасывать со счета даже эти несколько месяцев жизни Блока не стоит.

Примечания

¹ Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнбергер. Пб., 1922. С. 56–57.

² Скифы. Сб. I. <Пг.>. 1917. С. XI.

³ Памяти Александра Блока. С. 56–57.

⁴ Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. М. 1981. С. 376.

⁵ Памяти Александра Блока. С. 56.

⁶ Ср.: «В партии левых социалистов-революционеров никогда не состоял и не поступил бы ни в какую партию, так как всегда был вдали от политики». — Из протокола допроса А. А. Блока 16 февраля 1919 г. (*Белоус В. Г.* Александр Блок в «Деле левых социалистов-революционеров». По материалам архива ФСБ СПб. // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С. 21).

⁷ Литературное наследство. Т. 80. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. М., 1971. С. 260.

⁸ Ср.: «Партия левых социалистов-революционеров выражает свою скорбь по поводу кончины Александра Блока, в двенадцатый час революции поэтическим словом своим давшего ей силу и блеск. Партия гордится, что поэт-революционер навсегда связал свою бессмертную судьбу с исканиями и страданиями левого народничества за освобождение человеческого духа». В этом же номере журнала была напечатана статья Иванова-Разумника «Блок и революция». См. также: *Леонтьев Я. В.* К истории взаимоотношений левого народничества и «скифов» // Лица. Биографический альманах. 7. М.; СПб., 1996. С. 446–469.

⁹ *Белоус В. Г.* Александр Блок в «Деле левых социалистов-революционеров». С. 21.

¹⁰ Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 829 (Публ. С. С. Гречинкина и А. В. Лаврова). См. также предисловие А. Шрейндера к книге статей А. Блока «Россия и интеллигенция» (Берлин: «Скифы», 1920. С. 7).

¹¹ *Блок А.* <Записка о «Двенадцати»> // *Блок А.* Двенадцать. Скифы. М., 1998. С. V.

¹² Там же.

¹³ *Блок А.* Собр. соч. в 8 т. Т. 7. М.—Л., 1963. С. 332.

¹⁴ Там же. С. 382.

¹⁵ *Блок А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 392.

¹⁶ Известия. 1918. 30 января. № 23. С. 1.

¹⁷ «Заявление, оглашенное русской делегацией в заседании мирных переговоров 10 февраля» (Знамя труда. 1918. 30 января (12 февраля). № 131. С. 2) было расценено левыми эсерами как «единственный выход», как возможность «спасения России только на этих путях» (*Рудаков С.* Жребий брошен // Там же. С. 1).

¹⁸ *Блок А.* Записные книжки. С. 387.

¹⁹ Известия. 1918. 19 февраля. № 28. С. 1.

²⁰ Знамя труда. 1918. 19 февраля. № 136. С. 1.

²¹ *Блок А.* Записные книжки. С. 389.

- ²² Известия. 1918. 20 февраля. № 29. С. 1.
- ²³ Знамя труда. 1918. 20 февраля. № 137. С. 3.
- ²⁴ Блок А. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. С. 325.
- ²⁵ Блок А. Записные книжки. С. 389.
- ²⁶ См.: *Иванова Е. В.* Блоковские «Скифы»: политические и идеологические источники // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1988. № 5. С. 421–430.
- ²⁷ Блок А. Записные книжки. С. 389.
- ²⁸ См.: Германские условия мира Совету Народных Комиссаров // Известия. 1918. 24 февраля. № 33. С. 3.
- ²⁹ Правда. 1918. 26 февраля. № 35. С. 4.
- ³⁰ Известия. 1918. 26 февраля. № 34. С. 1; Знамя труда. 1918. 26 февраля. № 42. С. 3.
- ³¹ Блок А. Записные книжки. С. 390.
- ³² Знамя труда. 1918. 28 февраля. № 144. С. 1.
- ³³ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 364.
- ³⁴ ИРЛИ. Р. 1. Оп. 3. № 31. Л. 1. 28 февраля в газете «Знамя труда» было опубликовано обращение «От Центрального комитета партии левых социалистов-революционеров», где, в частности, говорилось: «Все к оружию! Будут или не будут подписаны мирные условия, борьба неминуема. Призывайте к борьбе всех рабочих и крестьян. Организуйте дружины. Установите связи с Повстанческим комитетом Ц. К. Левых с.-р.» (1918. № 144. С. 1).
- ³⁵ Правда. 1918. 5 марта. № 41. С. 1.
- ³⁶ Блок А. Записные книжки. С. 392–393.
- ³⁷ Знамя труда. 1918. 6 июля. № 244. С. 1.
- ³⁸ Блок А. Записные книжки. С. 416.
- ³⁹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 364. Л. 106.
- ⁴⁰ Блок А. Записные книжки. С. 419.
- ⁴¹ *Иванова Е. В.* Об эволюции Блока после Октября и поэме «Двенадцать» // Литература в школе. 1993. № 3. С. 27.
- ⁴² Редакция газеты «Знамя труда», издававшейся Петроградским комитетом Партии социалистов-революционеров и выходившей с 23 августа 1917 г., первоначально размещалась по адресу: Галерная ул. (ныне — Красная ул.), 27. В дни октябрьского переворота и раскола партии эсеров на II съезде Советов газета превратилась в орган ЦК Партии левых социалистов-революционеров и редакция переехала в помещении Петроградского комитета Партии социалистов-революционеров на ул. Жуковского, 55 (Знамя труда. 1917. 1 ноября. № 59. С. 1; 4). Позднее, в декабре, редакция разместилась по адресу: Галерная, 40. По-видимому, именно с этим зданием и связано блоковское представление о «романтике на Галерной».
- ⁴³ Митинг состоялся 2 января 1918 г. См.: Блок А. Записные книжки. С. 381–382.
- ⁴⁴ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 321 (См.: Литература в школе. 1993. № 3. С. 25).

**«Ближайший и многолетний сотрудник мой
по историко-литературным работам».
О Дмитрие Михайловиче Пинесе (1891–1937).**

Слова, вынесенные в заголовок, принадлежат Иванову-Разумнику и записаны в протоколе его допроса на следствии 1933 г.: «Дмитрий Михайлович Пинес, ближайший и многолетний сотрудник мой по историко-литературным работам, с которым я лично познакомился по партийной линии в 1917-ом году и ближе сошелся по совместной работе <в> Вольно-философской ассоциации, административно закрытой в 1924-ом году, товарищем председателя которой являлся я, а секретарем был Пинес»¹.

Незаменимая роль Д. М. Пинеса в ВФА в 1922–24 гг. была по достоинству оценена многими его коллегами. В письме к Андрею Белому 7 декабря 1923 г. Иванов-Разумник с удовлетворением констатировал: «... к счастью нашелся хороший заместитель <после самоубийства прежнего секретаря ассоциации — В. В. Бакрылова — В. Б.> Дм. Мих. Пинес, отдающий Вольфиле массу труда и времени; без него мы совсем погибли бы»². В воспоминаниях Н. И. Гаген-Торн о заседаниях ассоциации запечатлелся привычный образ секретаря: «... Дмитрий Михайлович Пинес, приветливо поблескивая пенсне, взглядом подтверждал — каждый может говорить все, что думает, во что верует... Когда Дмитрий Михайлович улыбался, все понимали: любой спор надо вести, уважая противника. Дмитрий Михайлович был сердцем Вольфильм»³. Нам уже доводилось публиковать шуточное стихотворение Д. М. Пинеса, посвященное ВФА⁴; дружеское послание К. А. Сюннербергу (Конст. Эрбергу) — еще один пример его вольфильского творчества:

От Вольфилы Константину
Эрбергу, привет.
Ах, попала в наш стан тина
Не спасет и Шпет!
Тот читает, те уснули,
Пустошь и тоска.

Не сварить в такой кастрюле
Даже судака.
И едва ли мы полтинник
Нынче соберем —
Но тому, кто именинник,
Поздравленья шлем⁵.

Первый раз Д. М. Пинес был арестован в марте 1920 г. В анкете. В графе «партийность» он написал: «В начале революции вступил в партию социалистов-революционеров, в конце 1917 г. из партии официально выступил и с тех пор в партии не состою». В графе «политические убеждения» он написал: «лево-социалистические». В начале 1920-х гг. арест порядочного человека многими еще воспринимался как недоразумение, поэтому дела избоблювали прошениями, ходатайствами, объяснениями для того, чтобы как можно скорее это «недоразумение» разрешить. Вот как заканчивалась характеристика Пинеса, данная московской коммунисткой Бургах: «Он настолько слаб, беспомощен и беззащитен, что ни для кого не представляет никакой опасности, но зато, как специалист своего дела, приносит стране огромную пользу»⁶.

Когда в 1929 г. Пинес был арестован вторично. Иванов-Разумник отправил В. Н. Фигнер письмо, содержавшее речательство за своего молодого друга: «...под самый Новый Год был арестован ближайший мой сотрудник по архивной работе⁷ и хороший знакомый Д. М. Пинес. Был он в 1917–18 гг. левым эсером (с этих пор я его и знаю), был с 1920 г. секретарем нашей Вольной Философской Ассоциации. Теперь отошел и от политики, и от “вольной философии”, всецело отдавшись архивной научной работе. После ареста ему скоро предъявили обвинение по 58-ой статье, пункт 11: участие в анти-советских организациях и группировках. Совершенная нелепость: могу ручаться за него, как за самого себя, что ни в каких организациях и группировках он не участвовал. <...> ...взят он был полу-больным (на нервной почве). Вскоре это и сказалось: недели через две после ареста он объявил голодовку, в результате которой попал в тюремный лазарет. Длинно описывать все это, да и известно-то пока очень немного. Горе в том, что здешний Красный Крест почти перестал функционировать»⁸.

Все-таки в 1929 г. Пинесу при поддержке Политического Красного Креста удалось быстро и «без последствий» выйти из заключения. В 1931–32 гг. он помогал Иванову-Разумнику в подготовке полного собрания сочинений Блока: «Большую работу эту я мог выполнить в такой сравнительно короткий срок только потому, — писал позже Иванов-Разумник в своих воспоминаниях, — что все эти два года дея-

тельно помогал мне в ней приятель мой. Дмитрий Михайлович Пинес, прекрасный и тонкий знаток Блока, а кроме того, и исключительно сведущий библиограф. Все эти два года <...> он почти каждый день самоотверженно приезжал ко мне в Детское — бывшее Царское — Село, где мы работали над хранившимися у меня на дому рукописями Блока»⁹.

Вероятно, эта совместная работа и стала одним из основных поводов к обвинению в создании «народнического центра», группирующегося вокруг Иванова-Разумника. 26 января 1933 г. уполномоченному ОГПУ Бузникову был выдан ордер № 1271 на арест Пинеса Д. М. При личном обыске в ДПЗ у него были изъяты (приводим с сохранением особенностей тюремного правописания): «шарф, дорожные ремни, галстук, подтяжки, бондаж, целулоидная мыльница, железная банка, кошелек, кушак».

Анкета арестованного содержала также автобиографические сведения:

- родился 13 февраля 1891 г. в Москве: происхождение — из мещан;
- образование высшее, окончил юридический факультет Психоневрологического института;
- состоял в партии эсеров с 1917–18 гг.
- род занятий — литератор; на постоянной работе нигде не состоял с 1927 г.; последнее место работы — Центросоюз, издательский отдел;
- за границей (в Бельгии) проживали его отец, мать (75 лет) и сестра (45 лет); в Германии — брат Борис Михайлович (47 лет);
- привлекался органами ОГПУ в 1920-ом гг. (провел в заключении 9 месяцев — «инкриминировалась связь с левыми эсерами») и в 1929 г. (два месяца под арестом).

К этим скудным анкетным сведениям можно добавить, что Дмитрий Михайлович Пинес родился в купеческой семье (его мать, Анна Исидоровна — урожд. Фондаминская). У него было два брата и сестра. В 1917 г., после окончания Психоневрологического института он женился на Розе Яковлевне Мительман — студентке медицинского факультета этого же института, и далее проживал с ней в Петрограде, в квартире своих родителей по 4-й Рождественской.

Позже, в обвинительном заключении Д. М. Пинеса назвали, наряду с Ивановым-Разумником, Н. В. Брюлловой-Шаскольской, А. И. Байдиным и А. А. Гизетти, «видным теоретиком в партии социалистов-революционеров и партии левых социалистов-революционеров». В «деле» Пинеса 1933 г. всего два протокола «показаний». То, что писал на допросах этот человек, с «мягким сердцем, но непреклонной справедливостью» (Н. И. Гаген-Торн), по форме и по сути своей являлось обвинени-

ями, предъявляемыми советской власти. Сами же власти предрешающие, отождествляя инакомыслие с «контрреволюционной деятельностью», стремились получить свидетельства того, что хотели доказать: наличия мощного антисоветского «идейно-организационного центра».

«Показания заключенного Дм. Мих. Пинеса.

Я принадлежу к числу лиц народнически-эсеровского мировоззрения, концентрирующихся вокруг идеолога народничества Р. В. Иванова-Разумника и составляющих вместе с ним идейный центр народничества в Ленинграде. Общий строй моего политического мировоззрения — народнический. Личное мое отношение к правительственной политике террора и монополии мысли — резко отрицательное. Сложнейшие политико-экономические реформы, проводимые путем массового насилия и массового физического истребления, представляются мне губительными, подрывая доверие к идее социализма, вырабатывая психологию рабства, лицемерия и злобы, развращая и угнетаемых и угнетателей и создавая фикцию классовой и гражданской войны.

На огромном пространстве СССР, на местах, это происходит в особо безответственных и уродливых формах, — но ответственность за это ложится на декретирующий центр. Сказанное относится в первую очередь к политике коллективизации сельского хозяйства, которая, разрушив крестьянское хозяйство, вызвала голод и обнищание во всей стране. Если даже ценою истребления миллионов крестьян удалось бы создать видимость успеха в области коллективизации — этот «успех» представляется мне ничтожным по сравнению с его ценой и разрушениями моральными и хозяйственными. Это все равно, что при недостатке для государства работников и нежелания женщин рожать — посылать полки насильников-оплодотворителей: деторождение от изнасилования происходит так же, как от брака, — но формы “государственности” в этом случае разрушают государство и общество. Последний декрет о “паспортизации” еще больше иллюстрирует пути превращения СССР в полицейское государство, и мое понимание основ паспортной системы совпадает с постановлением ВЦИК’а в 1925 г. (кажется) и с тем, что говорится об этой системе в соответственном томе “Малой Советской Энциклопедии”¹⁰. —

По вопросу о “монополии мысли” мне представляется разрушающей культуру и умственно растлевающей попытка догматизировать и декретировать единство мышления и понимания не только для членов коммунистической партии, но и для всех жителей СССР, с карами в случае отступления от канона. — В сложнейших вопросах педагогики, литературы, культуры, где часто самая постановка проблем гораздо существеннее их разрешения, — это приводит к дикой практике, в

результате которой появляется какое-нибудь постановление ЦК, фактически уже бессильное остановить распад и лицемерие терроризируемых и терроризирующих работников в данной области.

Полагаю, что мнение мое обо всем этом не есть мнение “народника”, а есть “голос из народа”, голос одного из очень многих миллионов. —

Дмитрий Михайлович Пинес

14 февраля 1933 г.»

Спустя 9 дней предыдущие показания были дополнены:

«С первых мартовских дней 1917 года я был сторонником идеи Советов (в ее общем виде, не вникая в детали); по существу, она охватывает все круги трудового населения и в этом смысле подлинно демократична. Я не следил за изменениями в Конституции и не знаю, каковы они. Но на протяжении первых же лет существования Советской Республики пришел к заключению, что и в эту форму (вероятно, как и во всякую другую) — может быть вложено разное содержание, и что Советская власть перестала быть властью трудящихся, превратившись во власть над ними, в диктатуру партии, т.е. фактически в диктатуру той или иной группы партийных руководителей, располагающих средствами государственной власти для продельвания сложнейших экспериментов. Но “ты думаешь, что двигаешь, а на самом деле движем сам”¹¹, и в процессе своей деятельности власть сама перерождается, и то, что было средством становится целью. Сопротивление экспериментам власти объявляется сопротивлением идеям <трудящихся — зач. рукой Д. М. Пинеса> социализма и интересов трудящихся. —

Отсутствие свободной критики, отсутствие предварительного широкого и свободного обсуждения реформ (или законопроектов), отсутствие сопротивления, могущего изменить государственную политику, объявление всякого инакомыслия и расхождения в оценке — контр-революцией, а сторонников изменения политики — предателями и агентами классового врага, — все это суживает количественно и качественно руководящую группу и раздвигает поле ее деятельности, делая эксперименты, экономические и политические, более широкими, а тем самым более безответственными. Когда конкретная возможность воплощения этой политики настолько слаба, что не получается даже видимости успеха, — обвиняемыми оказываются “вредители” во всех отраслях экономической и промышленной деятельности.

Боязнь оказаться “вредителями” парализует инициативу и творческие способности так называемых “специалистов”, ставя их перед дилеммой: откажешься — саботаж, возразишь — вредительство, — так или иначе “экономическая контрреволюция” налицо. Отсюда по-

литика лавирования, комканье проблем, потаканье, боязнь свободной критики (“с постановлениями ЦК не спорят!”), возможность для одних “наскакать”, для других — угодничать с затаенной мыслью “полгода пусть будет так, — напортят, навредят, а там сломят себе шею и вернуться к прежнему”. — Но возврат “к прежнему” никогда не есть только возврат, а всегда — распад, разложение. И кроме материальных “издержек производства” ему сопутствует все та же психология торжествующего лицемерия одних, озлобленности других и выхолащенного безразличия третьих. Вместо пафоса — уныние; вместо атмосферы товарищеского доверия и солидарности взгляд на сторону, боязнь встреч, лишнего слова, инициативы; вместо признания авторитета власти — страх перед ней и бюрократические отписки.

Дм. Пинес
23/II 1933 г.»

Д. М. Пинес был приговорен к двум годам ссылки, которую отбывал в Архангельске. В феврале 1935 г. он писал И. Ф. Масанову (знакомому по совместной работе над «Словарем псевдонимов»): «Ни симпатий, ни интересов эти два не очень легких года не изменили. Только больше боли за людей и напряженнее внутри. Очень скучаю по работе, а удастся ли поработать — не знаю»¹².

Сохранились воспоминания Белы Владимировны Мительман — племянницы Р. Я. Мительман¹³:

«В 1924 г. я приехала из Саратова, поступила в Ленинградскую консерваторию и снимала комнату. Дядя Митя с тетей Розой взяли меня опекать. Дмитрий Михайлович знакомил с городом, дарил книги, приглашал на интересные литературные диспуты. Рассказчик он был удивительный. Он сам увлекался, когда говорил, и слушать его было необычайно интересно. Он знал польский, немецкий языки, изучил древнееврейский. На Невском тогда были книжные развалы, и мы с дядей Митей там часто бывали. Все продавцы его знали и всегда что-то интересное для него оставляли. Книги были его страстью. Небольшая квартирка на 4-й Рождественской была просто завалена книгами. В нашей семье было много книг, подаренных Дмитрием Михайловичем. Он всегда старался делать всем приятное, предварительно узнав, что человек любит. Ко всем семейным праздникам он писал шуточные стихи, любил дурачиться, разыгрывать гостей. Манера говорить у него была мягкая, ненавязчивая. С каждым человеком он разговаривал его языком, но о своем. Дядя Митя, смеясь, вспоминал, что в дни Февральской революции ему приходилось выступать на заводах перед рабочими (от партии эсеров), и рабочие потом говорили: “Побольше бы нам присылали таких ораторов”».

Бывала я и в помещении Вольфиллы, на Фонтанке. 50. Хорошо помню Иванова-Разумника — маленький такой человечек в очках.

Дмитрий Михайлович работать мог только с книгами, никакой другой деятельностью он не в состоянии был заниматься. Он разбирал книги в особняке Гинзбурга и редкие доставлял в Публичную библиотеку. Работал он и на книжных складах. И везде его любили. Мои родные не одобряли этой его деятельности и считали, что он должен искать работу юриста, чтобы кормить семью. Жалели тетю Розу, которая фактически одна “тянула” семью и которая не могла иметь детей, т. к. дядя Митя этого не хотел. Может быть, предчувствуя свою судьбу, Дмитрий Михайлович не желал связывать себя любовью к детям, чтобы иметь возможность всегда говорить правду и поступать по правде. А детей он обожал и умел находить с ними общий язык. Он фактически заменил отца маленькому Гаврюшке — сыну своего рано умершего брата в Москве — и старался все делать так, чтобы мальчик постоянно чувствовал мужскую поддержку.

Дядя Митя всегда огорчался, когда разрушали очередную церковь: “Ну чем она им мешала!” В Пасхальную ночь он никогда не спал, а обходил все действующие храмы, чтобы присоединиться ко всеобщему ликованию: “Разве можно в такую ночь спать!”

Из-за того, что в 1917 г. он состоял в партии эсеров и, не таясь, писал об этом во всех анкетах, его часто арестовывали. В 30-х годах, помню, он, отбыв положенный срок, говорил мне: “На этот раз я собой доволен. Сказалто, что считал нужным”.

Со мной — девчонкой — он никаких политических разговоров не вел. Говорил только мягко, что власть, препятствующая людям высказывать свои мысли, обречена на бесплодие. Еще помню, дядя Митя рассказывал мне о Блоке, о том, что он умер не от болезни, а от тоски — после поражения Кронштадтского восстания.

Я и мои родители ничего страшного в этой власти не видели. В дни семейных праздников у нас всегда пели “Широка страна моя родная...” Тетя Роза уходила обычно раньше всех, говоря: “Я пойду, а вы пойте свою песню”. Как она должна была страдать, не находя взаимопонимания среди самых близких родных! Особенно в 1937 году, когда дядя Митя был в ссылке в Архангельске. Когда она рассказывала страшные сны, которые ей снились, мы над ней смеялись. В феврале-марте за ней стал ходить “хвост”, и она уже старалась не навещать родных, чтобы не навлечь на них беду.

После ареста тети Розы, в апреле 1937 г., к нам на квартиру пришли ночью с обыском. Взяли какие-то письма. Нашу семью не тронули. Страшно говорить, но мы тогда думали, что если арестовали, зна-

чит было за что. Без причины взять не могли. Виноватым во всей этой истории мои родители считали дядю Митю. Мы думали, что дядя Митя с тетей Розой живы, что тетя Роза как детский врач, безусловно, где-то работает. Не знали мы, что формулировка “без права переписки” означает расстрел».

Вспоминает Людмила Александровна Турандина — дочь Б. В. Мительман:

«Дядя Митя для меня был идеалом человека честного, бесстрашного и правдивого». Когда моя мама это говорила, ее лицо бледнело, разглаживалось и будто фонарик освещал ее изнутри. Жизнь Дмитрия Михайловича согласно принципу: “не имеет значения — жить или умирать, важно — как жить и как умирать” дала соответствующее направление и жизни моей мамы. На работе ее называли “Христовой” за ее кротость и сострадание к другим, в 1941 г. она с младенцем на руках дала согласие на просьбу моего отца идти добровольцем на фронт, несмотря на то, что у него была бронь на военном заводе, и, когда он погиб под Ленинградом, терпеливо и кротко переносила жизнь вдовы, поднимая дочь.

В 1990-х гг. я прочитала в какой-то газетке, которую мне прислал из Москвы Гавриил Эммануилович Пинес (“Гаврюшка”), что в 1937 г. Дмитрий Михайлович вроде бы признал, что он агент какой-то разведки. Я этому не поверила. Не мог человек, с юности готовивший себя поступать только по правде, признать себя виновным в несуществующем преступлении. Я не брошу камня в тех, кто признавался в то страшное время. Но он, Дмитрий Михайлович, не мог. Из маминых воспоминаний о нем я это поняла. И приложила все усилия к тому, чтобы найти дело 1937 г. Нашла. Прочитала. Нет, он не признал себя виновным. И Роза Яковлевна не признала — в числе 8 человек из 12 обвиняемых.

История их ареста настолько же страшная, насколько типичная для сталинского времени: сначала арестовали по доносу “приятеля”, из которого следователь “выбил” ложные показания. “Приятель” сообщал, что он был командирован руководителем Сев<ерного> Обл<астного> Ком<итета> нелег<альной> орг<анизации> ПЛСР в Ленинград “для передачи определенным лицам партийного документа, подлежащего отправке за границу”. Текст этого документа якобы был зашифрован в книге “Наполеон” Тарле. Д. М. Пинес разъяснил ему ключ расшифровки, дал адрес своей жены в Ленинграде, где должна была произойти встреча заговорщиков, а по его возвращении в Архангельск Пинес же расшифровал директиву заграничного отделения ПЛСР — о начале террора против руководителей Партии и Советского правительства¹⁴.

Приведу некоторые выдержки из допросов.

“ — Вы обвиняетесь в принадлежности к к<онтр>-р<еволюционной> эсеровской организации. Подтверждаете ли это?

— В к<онтр>-р<еволюционной> эсеровской организации я никогда не состоял и не участвовал.

Напомнили ему о его показаниях в Лен<ингра>де в 1933 г. — о несогласии с проводимой Советской властью политикой.

— Да, я говорил, что считаю себя народником. высказывал свои взгляды на ряд вопросов политики Сов<етской> власти. Эсером, т. е. лицом, связанным определенной политической программой и дисциплиной, я себя не считал.

На вопрос, считает ли он себя сейчас народником, ответил, что по вопросу своего мировоззрения отвечать отказывается”.

“ — Вам предъявляется письмо Иванова-Разумника от 26 декабря 1936 г., где он пишет, что "37 год встречаю без жути, ибо несомненно, что либо этот год, либо 1937 год — годы мирового перелома". О чем он вас ориентировал?

— Никакой политической ориентации я в этом не видел, понимая это как его новогоднее ощущение в связи с угрозой мировой войны. Ничего контрреволюционного я в этом не видел”.

“ — С кем из эсеров Ленинграда вы связывались через Р. Я. Мительман?

— Ни с кем.

— А с Ивановым-Разумником?

— Политические связи через Р. Я. Мительман я не устанавливал.

— Следствием установлено, что Мительман в Ленинград выезжал и для установления связи с Ивановым-Разумником <...> Какую политическую информацию вы получили от Иванова-Разумника через Мительман?

— Никакой <...> кроме сведений о личном быте”.

23 октября 1937 г. было сформулировано обвинение:

“Обвиняемый Пинес Д. М. кадровый эсер, в 1933 г. осужден как член идейно-организационного центра Лен<инградской> обл<астной> эсеровско-народнич<еской> к<онтр>-р<еволюционной> орг<анизации>.

Являясь непримиримым врагом Советской власти, обв<иняемый> Пинес, отбывая ссылку в Архангельске, с 1935 года являлся активным участником — чл<еном> Сев<ерного> Обл<астного> Ком<итета> нелег<альной> объед<иненной> эсеровской террористич<еской> орг<анизации>. Обв<иняемый> Пинес <...> на заседаниях комитета выступал за необходимость немедленной подготовки и совершения террористич<еских> актов против руководителей Советского правит<ельства>, тт. Сталина, Молотова, Ворошилова <...> В Архангельске обв<иняе-

мый» Пинес вел к «онтр»-р «эволюционную» работу по формированию вспомогательной группы террористов для переброски ее в Москву <...> Принимал участие в налаживании <...> нелегальных связей с заграничной» делегацией» ПЛСР, а также поддерживал лично к «онтр»-р «эволюционную» связь с чл^еном» ЦК ПЛСР Ивановым-Разумником.

Привлеченный по делу в качестве обвиняемого, Пинес виновным себя не признал, но изобличается показаниями <...>

Обвиняемая Мительман Р. Я. <...> знала и принимала участие в расшифровании директивы ЗД ПЛСР о переходе организации к террору в отношении руководителей Советского правительства». Осуществляла непосредственную связь об^виняемого» Пинес с чл^еном» ЦК ПЛСР Ивановым-Разумником.

<...> виновной себя не признала, но изобличается показаниями <...> и документами, изъятыми при обыске у об^виняемого» Пинес — перепиской с Ивановым-Разумником”.

Тройка (за двумя подписями) вынесла приговор о расстреле.

У Дмитрия Михайловича, по воспоминаниям, был природный дар воспринимать чужие страдания, как свои, а личные невзгоды переносить с твердостью. Потому-то он и не мог молчать, когда видел горе других людей. И вот он, который в своей жизни не обидел даже мухи, в итоге явился виновником гибели своей жены — самого дорогого и близкого человека, которая кротко переносила жизнь изгоя общества и теперь вынуждена была разделить с ним его судьбу — принять позорную, нелепую и бессмысленную смерть. Так, мне кажется, он думал в оставшиеся дни своей жизни.

Дмитрия Михайловича и Розу Яковлевну расстреляли 27 октября 1937 г. И так получилось, что жили они недолго, но “умерли в один день”».

В следственном деле от 6 апреля 1956 г. имеется следующая справка: «В феврале-апреле 1937 г. Управл^ением» НКВД Архангельской обл. была арестована группа лиц, часть из которых отбывала ссылку в Архангельске, за принадлежность к партиям эсеров, меньшевиков и анархистов <...> Проверкой в настоящее время установлено, что наличие эсеровского объединенного комитета в Архангельске и Москве, <...> подготовка террористических актов, приобретение для этих целей оружия явились плодом фантазии... в результате незаконных методов ведения следствия и фальсификации <...>» Только 29 апреля 1956 г. «дело по обвинению Пинеса Д. М.» было пересмотрено военным трибуналом Беломорского военного округа: «постановление тройки» отменено, а само «дело» — прекращено за отсутствием состава преступления. Мертвым это уже никак не могло помочь. Живые смогли рассказать обо всем только по прошествии более чем трех десятков лет.

Примечания

¹ Здесь и далее материалы из следственных дел 1933 г. цитируются по: Архив ФСБ СПб. Дело № П–76843.

² Р. В. Иванов-Разумник о Петроградской Вольфиле 1921–1923 гг. / Публ. и комм. Я. В. Леонтьева // Вопросы философии. 1993. № 12. С. 72. Ср. с поздним замечанием Иванова-Разумника к «Примечаниям мемуарного характера к собранию писем из архива Конст. Эрберга (К. А. Сюннерберга)»: «Д. М. Пинес — никакой не “писатель”, а замечательный библиографический работник: вовсе не “соавтор” моей книги о Грече (такой не было), а соредактор части “Воспоминаний” Греча; главное не отмечено — был секретарем Вольфилы после смерти Бакрылова» (Из письма к К. А. Сюннербергу от 6 июня 1941 г. — Архив М. С. Лесмана. Сообщено Ж. Шероном).

³ Гаген-Торн Н. И. Memoria. М., 1994. С. 41.

⁴ См.: Белоус В. Г. Петроградская Вольная философская ассоциация (1919–1924) — антигиталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997. С. 24–25.

⁵ ИРЛИ. Ф. 474. № 219. Рукой К. А. Сюннерберга приписано: «Дм. Пинес прислал это 21 мая 1923 с Раз<умником> Васильевичем Ивановым. К. Эрберг. 1940».

⁶ Архив ФСБ СПб. Дело № П–42585.

⁷ Иванов-Разумник и Пинес в это время совместно работали над книгой «Записки о моей жизни» Греча, которая вышла в издательстве «Academia» в 1930 г.

⁸ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. № 437. Л. 4об.

⁹ Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки. («По тюрьмам на родине») / Публ. В. Г. Белоуса // Мера. 1994. № 2. С. 154.

¹⁰ Ср.: «П а с п о р т н а я с и с т е м а была важнейшим орудием полицейского воздействия и податной политики в т. н. “*полицейском государстве*”. <...> Советское право не знает паспортной системы. В наст<оящее> время в случае необходимости удостоверить свою личность перед органами власти, гр<аждани>н может ограничиться предъявлением любого из след<ующих> документов: удостоверения личности, выдаваемого милицией, виками и сельсоветами, актовой выписки о рождении или браке; расчетной книжки с места службы, профбилета, документа об отношении к воинской повинности и т. п. (Пост. ВЦИК и СНК от 18/XII 1927)» — Малая Советская энциклопедия. Т. 6. М., 1930. С. 342–343.

¹¹ Имеются в виду слова Гете из трагедии “Фауст” («Вальпургиева ночь»).

¹² РГАЛИ. Ф. 317. Оп. 1. № 284. Л. 43 об.

¹³ Сообщено Л. А. Турандиной.

¹⁴ Здесь и далее материалы 1937 г. цитируются по: Архив ФСБ по Архангельской обл. Дело № П–6105.

Иванов-Разумник в показаниях
(«дела» 1933 и 1937 гг.)

В полном тексте мемуаров «Тюрьмы и ссылки», с авторским подзаголовком «По тюрьмам на родине», есть эпизод с историей некоего кратковременного знакомства Иванова-Разумника: «Долго пребывавший в изоляторах и ссылках левый эсер Я. В. Браун получил в самые последние годы разрешение жить в Москве. Раз или два приезжал он в Петербург, чтобы попытаться устроить в издательствах сборник критических статей (об А. Белом, о Евг. Замятине), и оба раза был у меня по этим делам. Летом 1932 явился ко мне с письмом от него какой-то молодой человек; в письме значилось, что имярек (“имя” — начисто забыл), приехавший из Симферополя, желал бы услышать мое мнение о своих стихах. Молодой человек прочел мне ряд стихотворений, мы поговорили о них; потом я расспросил его о Симферополе, знакомом мне по студенческой ссылке. Из разговора выяснилось, что он — тоже ссылальный; я даже не спросил — по какому делу, какой партии; из некоторых выражений готов был заключить, что ему близки были взгляды анархизма. Следовательно откуда-то были осведомлены об этом посещении, напомнили мне фамилию молодого человека (опять забыл начисто), и следующим образом сформулировали в протоколе “А” соответственный пункт: “поддерживал личную и письменную связь с Я. В. Брауном, от которого летом 1932 года был прислан ко мне левый эсер имярек”... Имярек оказался левым эсером; но кем бы он ни был — факт тот, что это было мне совершенно безразлично и что мы с ним ни слова не говорили о политике. Нашло ли это хоть малейшее отражение в протоколе “А”? Конечно нет; ведь мне же предоставлено было писать об этом в протоколе “Б”. Таким образом протоколы “А” являлись сплошной фальсификацией»¹.

27 мая 1933 г. на допросе, проведенном следователем Л. Коганом, отвечая на вопрос о способах и формах связи ленинградской группы членов идейно-организационного центра с московской группой, Иванов-Разумник показал:

«Связь осуществлялась, как непосредственными поездками членов центра москвичей в Ленинград и наоборот, как <sic! — Я. Л.> и по-

сылкой специальных людей, выполнявших роль связных. Как я уже показывал в предыдущих протоколах моих допросов, из Москвы в Ленинград приезжал БРАУН Я. В., который был у меня и у Д. М. ПИНЕСА. В самое последнее время — в ноябре 1932 г. — из Москвы приезжал в Ленинград эсэр ШАБЕР Б. Н. Он привез мне письмо — рекомендацию от БРАУНА из Москвы. ШАБЕР информировал меня о Крымской ссылке — о Мальме², рассказывал, что последний отбывает ссылку в Севастополе, а сам ШАБЕР в Симферополе. В Ленинграде помимо меня — ШАБЕР посетил и имел беседу с Д. М. ПИНЕСОМ. Характер их встречи мне неизвестен»³.

Обратимся теперь к протоколам допросов видного левого эсера и литературно-театрального критика Якова Брауна⁴, арестованного в Москве по параллельному с Ивановым-Разумником делу. На допросе у следователя Секретно-политического отдела ОГПУ Шалавина и сотрудника для особых поручений при начальнике СПО Сидорова 7 марта 1933 Браун, в частности, показал: «В 1923 г. я познакомился с Ивановым-Разумником. Из тюрьмы поддерживал с ним отношения на почве литературной работы. Мое отношение к нему характеризуется большим уважением к нему, как к литературному критику. Само собой разумеется, что меня радовало единство мировоззрения с ним. В 1930 г., когда я был в Ленинграде, я был у него для беседы в Детском Селе.

Беседы наши шли, главным образом, на литературные темы. В Ленинграде я знаю также п 1–2 раза встречался с Пинесом»⁵.

В отношении истории с поездкой Бориса Шабера к Иванову-Разумнику Браун сообщил: «Не желая наводить тень на Жуковского⁶ и причинять неприятности Шаберу, я говорил о случайном знакомстве. В действительности, Шабер, приехав из Симферополя, явился ко мне на квартиру с рекомендательной запиской Жуковского: “Дорогой Изя, рекомендую Вашему вниманию Бориса Николаевича полного доверия. Целую. Саша”.

Встречи мои с Шабером имели место 4 раза. Беседы наши носили исключительно литературный характер. <...> Мне известно, что Шабер ездил в Ленинград, во-первых, в служебную командировку, во-вторых, имея целью устроить издание книги своих стихов. Последнее он надеялся сделать через Ник. Тихонова. Я дал ему поручение попытаться устроить книгу своих повестей.

Для того, чтобы облегчить ему эту работу, я дал ему записки к И. Груздеву, Мих. Казакову*, Р. В. Иванову.

* Имеется в виду писатель М. Э. Козаков (1897–1954) (прим. ред.)

С первыми двумя я вел переговоры о своей книге и просил обратить внимание на стихи Шабера. Р. В. Иванову я сообщил, что закончил свой роман и рекомендовал его вниманию поэмы Б. Н. Шабера. <...> Виделся Шабера с Казаковым и Р. В. Ивановым, у которого застал писателя Шишкова Вячеслава и при нем читал Р. В. Иванову свои стихи и сообщил, что я закончил роман и хочу привезти его в Ленинград, чтобы устроить в издательство и полутно прочитать его Р. В. Иванову. <...>»⁷.

Спустя два дня Браун добавил, что в феврале 1933 в командировку в Ленинград ездил левый эсер В. Скобеллинг⁸, которому он также давал поручения литературного характера к М. Казакову, Пинесу и Иванову-Разумнику. Однако, придя к Казакову, Скобеллинг узнал от него об аресте двух последних.

В изложении документов все вроде бы соответствует мемуарам. Но исследователь вправе поставить вопрос: а все ли было именно так, как хотелось представить мемуаристу? Ведь, судя по уже имеющимся в руках исследователей архивно-следственным источникам, Иванов-Разумник порой лукавил перед следователями, а иногда даже преднамеренно говорил неправду, как, например, в ответе на вопрос о знакомстве с Виктором Черновым: «С Черновым В. М. я никогда не встречался и ничего общего с ним не имел»⁹.

Прочитав далее фрагмент пространных ответов В. Е. Трутовского¹⁰ от 20 августа 1937. На вопрос: «Дайте показания об антисоветской деятельности организации ЛСР, начиная с 1930 г., и вашем участии в нем», — он отвечал: «С момента проведения сплошной коллективизации начинается новый период в подпольной деятельности п<артии> л<евых> С<оциалистов>-р<еволюционеров> <...>

Могу утверждать, что не столько активизация основных подпольных кадров являлась характерной для этого периода, сколько активизация тех слоев и групп левых С<оциалистов>-р<еволюционеров>, которые в предшествующий период или отошли от партийной работы, или вообще вышли из партии. Таковы, например, группа Брауна в Москве, Иванова-Разумника в Ленинграде и ряд провинциальных групп (крымская, уральская и др.).

<...> Характерной для этого периода является позиция московской группы ЛСР во главе с Брауном. Как мне впоследствии удалось узнать, Браун, отошедший от партии ЛСР и получивший возможность проживания в Москве, со времени сплошной коллективизации резко изменил свою позицию, ориентируясь на крестьянское восстание, приобретающее, по его мнению, черты исконно русских бунтарских движений. Изменение позиции Брауна характерно также вследствие того,

что с начала левозсеровского подполья Браун неизменно являлся представителем ликвидаторско-легалистской штейнберговской группировки, принципиально отрицающей подпольную организацию.

Другим характерным показателем изменения настроения левозсеровского подполья являются террористические настроения некоторой части левых С<оциалистов>-р<еволюционеров> и максималистов, о которых я знаю из позиции крымской группы ПЛСР, в лице максималисты Жука-Жуковского и л<евого> С<оциалиста>-р<еволюционера> Мальма. Однако подробностей об этой группе я также не знаю»¹¹.

На протяжении всех своих многостраничных показаний Трутовский событийно был весьма точен, путая лишь отдельные детали, и что особенно важно подчеркнуть — никого не оклеветал. В будущем его подробные ответы станут одним из ключевых источников по истории ПЛСР. Пока же они малоизвестны в силу мизерного тиража книги «Левые эсеры и ВЧК» и практической недоступности историкам этого издания.

Трутовскому безусловно можно верить: в момент дачи показаний ему оставалось жить чуть больше месяца, и, кажется, он уже понимал свою обреченность. Означает ли его откровенность, что он был сломлен и пытался, хватаясь за соломинку, спасти жизнь? Или он напоследок попытался выступить в роли беспристрастного летописца истории партии, с которой была связана вся его жизнь? Двигало ли им осознание неизбежности скорого конца и надежда, что грядущие поколения когда-нибудь доберутся до его ответов? Не берусь судить в точности. Важно другое: показания Трутовского, как правило, подтверждаются источниками левозсеровского происхождения и посторонними свидетельствами.

Например, много лет спустя, когда Иванову-Разумнику уже ничего не могло угрожать, кроме суда потомков, Н. Я. Мандельштам проговорила в «Воспоминаниях» о его крайне радикальных настроениях: «Я запомнила разговор с Ивановым-Разумником в середине двадцатых годов. Он тоже в Детском Селе, и однажды мы к нему зашли. За несколько дней до нашей встречи в “Деловом клубе” в Ленинграде взорвалась бомба¹². Иванов-Разумник был по этому поводу в приподнятом настроении и очень удивился, что Мандельштам не разделяет его радости. Наконец он прямо спросил, чем объясняется такое равнодушие к такому важному событию: “Значит вы против террора...” <...> Искренно удивленный Иванов-Разумник осведомился, как Мандельштам расценивает подвиги террористов прошлого, казнь Александра Второго например, и пренеполнился чем-то очень похожим на презрение, узнав, что Мандельштам последовательно отрицает всякий

террор, против кого бы он ни направлялся. Как это ни странно, но в те годы отрицание террора воспринималось как переход на позиции большевиков, поскольку они отказывались от террора как от метода революционной борьбы. <...>¹³.

В работе над архивно-следственными источниками 1930-х годов, пожалуй, самым затруднительным представляется отделение зерен от плевел. Далеко не все подследственные могли подобно Иванову-Разумнику разыграть продуманную шахматную партию. Но совершенно очевидно, что каждый арестант имел сценарий защиты, а каждый следователь ОГПУ-НКВД был заинтересован не в объективном разбирательстве, а в раздувании реальных и мнимых прегрешений своего «подопечного». В результате получалось двойное искажение подлинной картины.

Придумав блестящий ход с протоколами «А» и «Б», прирожденный логик и математик Иванов-Разумник умело провел свою защиту. Однако, разумеется, он предпочел свести к минимуму показания о своих известных следствию связях с эсерами и уж тем более не распространять ее вовсе о контактах с лицами, о которых ему не задавали вопросов.

В показаниях главной из подельниц Иванова-Разумника Надежды Брюлловой-Шаскольской¹⁴ есть, в частности, указания на двух таких лиц. Будучи арестована чуть ли не первой 25 января 1933 г., на допросе 17 февраля она дала собственноручные показания: «Группа идеологов и теоретиков народническо-эсеровского движения совместно собиралась или встречалась друг с другом порознь, причем обсуждались вопросы текущего политического момента по линиям: 1) общей и детальной оценки происходящих в стране и за ее пределами событий и соотношения классовых сил, 2) выработки общего отношения к данным событиям и тактики течения.

Наиболее близкое идейно-политическое общение, несмотря на крупные принципиальные расхождения, имевшие между нами в первые годы революции (правые и левые <оциалисты>-р<еволюционеры>) существовало между следующими лицами: Р. В. Ивановым, Д. М. Пинесом, А. А. Гизетти <...> и мною. <...> Мы были связаны и лично общались с некоторыми членами партии, как правых, так и левых с-р, проживающими в Л<енингра>де и пригородах и приезжающими из политссылки и из мест заключения. <...> На поставленный мне вопрос о встречах наших с И. А. Шебалиным <правильное написание: Шабалин¹⁵. — Я. Л.> <...> отвечаю: И. А. Шебалин бывал у меня в 1929–30 гг. В разговорах со мной он говорил о возможностях практической подпольной работы. И. А. Шебалин бывал и у Р. В. Иванова, причем один раз мы были там вместе. Осенью

1930 г., после массовых с-р. арестов, Шабалин круто порвал отношения со мной и я его больше не видела»¹⁶.

Шабалин был старым знакомым Иванова-Разумника еще по аресту в феврале 1919 г. Это тот самый «матрос Ш.», сокамерник Блока и А. Штейнберга, несколько раз упомянутый последним в выступлении на вечер памяти Блока в Вольфиле¹⁷. Тем не менее подследственный сделал вид, что забыл фамилию Шабалина (в протоколе допроса 11 февраля вместо нее пробел), сказав только о том, что среди его знакомых-эсеров есть некто «по профессии моряк, автор ряда трудов по истории революционного движения во флоте, несколько лет тому назад возвратившийся из ссылки». Больше следствие на этом эпизоде почему-то не останавливалось. Остается только недоумевать, почему следователи Коган и Бузников не сопоставили допрос Иванова-Разумника с более поздним по времени допросом Брюлловой-Шаскольской. Возможно, это просто один из проколов следователей, но имя Шабалина осталось «за кадром» и при написании «Тюрем и ссылок».

Далее в своих показаниях Брюллова-Шаскольская пишет: «Ко мне приехал и пробыл у меня сутки Сувилов (кличка “Олесь”)¹⁸, с ним у меня была большая идеологическая близость еще в Ашхабадской ссылке. Насколько помню, мы говорили с ним широко на политические темы, говорилось о жизненности и пригодности для будущего левоэсеровских теоретических установок (власти Советов и трудового избирательного права) в противоположность к установкам с-р. центра (всеобщее избирательное право и общая демократия), о синдикализме и о возможных путях будущего. После свидания со мной Сувилов уехал на юг <...>»¹⁹.

Об этом знакомстве Иванов-Разумник умолчал, и если бы не показания Сувилова, арестованного в Тамбове в 1937 г., о нем не стало бы известно. Между тем «Олесь» засвидетельствовал: «В этот же вечер Брюллова-Шаскольская пригласила меня в Детское Село, где познакомилась с Р. В. Ивановым-Разумником, который интересовался настроениями цекистов, проживающих в Ташкенте²⁰, и я передал и ему их установки, он их одобрил в очень горячих выражениях»²¹. Кстати в тот же день Сувилов виделся в Ленинграде и с Шабалиным, а до этого в Москве встречался с Я. Брауном.

Так как большая часть бывших архивов КГБ продолжает оставаться полузакрытой, сегодня практически невозможно реконструировать «подводную» часть биографии Иванова-Разумника. Естественно, показания о нем есть в делах поделщиков, как осужденных (А. И. Байдин, А. А. Гизетти, Д. Е. Максимов и др.), так и выпущенных на свободу (Э. Ф. Голлербах). Почти безошибочно можно предположить, что

вопросы о знакомстве с Ивановым-Разумником могли задаваться И. А. Шабалину, который, впрочем, в свою очередь мог уклониться от ответа. С большой долей вероятности можно полагать, что М. Спиридоновой на следствии могли задавать вопросы по факту ее переписки и посылки Ивановым-Разумником ей денег. Возможно, от бывшего редактора левозероковского журнала «Знамя» О. Л. Чижикова могли требовать сообщения сведений о сотрудничестве Иванова-Разумника в этом издании. Не исключено, что сведений об Иванове-Разумнике добывались от привезенного из Праги в Москву в 1945 г. С. П. Постникова. И уж совсем вероятно, что из арестовывавшихся («вольфильцев») (Н. И. Гаген-Торн, Е. П. Иванов и др.) вероятно должна была выбиваться информация о Вольной Философской Ассоциации вообще и о роли в ней Иванова-Разумника, в частности. Что касается 37-го года, то имена Ф. И. Витязева-Седенко, из которого в буквальном смысле слова выколачивались компроматы на его старых товарищей, и притянутого к следствию из-за Иванова-Разумника Е. Г. Лундберга — слишком хорошо известны из «Тюрем и ссылок». Перечень очевидных и предполагаемых архивно-следственных дел, в которых может иметься информация об их авторе, можно продолжать долго.

Примечания

¹ Мера. 1994. № 2. С. 174–175.

² Евгений Николаевич Мальм (1898 — после 1952?) — член ПЛСР с 1917. В 1918 работал в экспедиции газеты «Знамя борьбы» (Петроград), затем по заданию ЦК левых эсеров поступил на службу в ВЧК. Арестован в июле 1918, доставлен в Москву, после серии допросов освобожден. В 1919–1920 активист левозероковского подполья, член Поволжского областного комитета ПЛСР. Арестован осенью 1920, осужден на 8 лет тюрьмы. Летом 1921 бежал из заключения, продолжал вести подпольную работу на Урале и в Петрограде. Арестован в ночь на 1 января 1923, выслан на 3 года в Красноярский край. В 1927 приговорен к высылке «минус 10», поселился в Севастополе. Во время ссылки пытался заниматься конспиративной деятельностью. В 1933, параллельно с делом «Народнического центра» в Ленинграде, ОГПУ возбудило дела против т. н. «московской» и «крымской» групп. В результате Мальм был приговорен к 3 годам политизолятора. Связи с Мальмом инкриминировались в 1933 Иванову-Разумнику и Д. М. Пинесу.

³ Архив ФСБ СПб. Дело П–76843.

⁴ Яков Вениаминович Браун (наст. фамилия и имя: Броун Израиль; 1889–1937) — в 1909–1914 участник молодежных эсеровских кружков. В 1917 вступил в ПСР. Входил в состав Центрального штаба по борьбе с гетманщиной и Всеукраинский комитет ПСР (1918). В 1919 перешел в Украинскую ПЛСР, был членом Киевского Совета, председателем Харьковского комитета УПЛСР, редактировал орган ЦК партии — газету «Борьба». В марте 1921 арестован и

около года провел в концлагере. В 1922 переехал в Москву, являлся членом Центрального бюро «Объединения ПЛСР и Союза эсеров-максималистов». Сотрудничал в ряде журналов («Авангард», «Сибирские огни» и др.), заведовал отделом «Театр и книга» в журнале «Театр и музыка». Принимал участие в работе Московской Вольфилы. Летом 1923 арестован за выступление на вечере в Политехническом музее, посвященном П. Л. Лаврову. Отбыл трехлетний срок заключения в политизоляторе, во время которого энергично занимался литературной работой; в частности, написал монографию о творчестве А. Белого «Под знаком планетарного кризиса» (не опубликована). В 1926–1929 находился в ссылке в Усть-Сысольске. Заочно был принят во Всероссийский Союз писателей (1926). После освобождения вернулся в Москву, написал роман «Гипнотические парни» (не опубликован) и несколько других произведений. Арестован 14 февраля 1933. В июне по постановлению ОСО при ОГПУ был приговорен к 3 г. ссылки в Самару. В ссылке работал завлитом Драматического театра. В феврале 1937 арестован, по постановлению «тройки» при УНКВД Куйбышевской обл. 17 декабря был расстрелян.

⁵ ЦА ФСБ РФ. Дело Р–36036. Т. 1. Л. 32.

⁶ Иосиф Иванович Жуковский-Жук (1889–1937) — в 1905–1908 состоял в эсеров-максималистской организации, революционные клички «Овод», «Саша Горный». Вел агитацию среди белорусских крестьян, затем переехал в Харбин, где арестован за участие в террористической группе и за покушение на прокурора осужден на 15 лет каторги. После освобождения в 1917 вместе с М. А. Спиридоновой, И. К. Каховской и другими эсерами организовал Читинский комитет ПСР. С осени 1917 по осень 1922 один из лидеров забайкальских и дальневосточных максималистов, автор нескольких книг по истории Гражданской войны в этих регионах, организатор издательства «Левое народничество». Был арестован за распространение данной литературы и выслан в Сибирь. После освобождения из Новониколаевской тюрьмы поселился в Москве, где стал секретарем редакции журнала «Каторга и ссылка». Входил в состав Информационного бюро «Объединения ПЛСР и ССРМ». В 1925 арестован и сослан в Великий Устюг. В начале 30-х жил в Симферополе. В 1933 вновь репрессирован. В 1937 арестован в Новосибирске, расстрелян.

⁷ ЦА ФСБ РФ. Дело Р–36036. Т. 1. Л. 33, 34.

⁸ Виктор Скобелинг — левый эсер, отбыл ссылку в Саратове, в начале 30-х (по словам В. Е. Трутовского) пытался восстанавливать левоэсеровское подполье. Подозревался в провокации, так как, будучи арестован в 1933, не подвергся наказанию и остался жить в Москве.

⁹ Личное знакомство Иванова-Разумника с В. М. Черновым состоялось в конце мая 1912 г. См.: Наст. изд. С. 72 (прим. 2).

¹⁰ Владимир Евгеньевич Трутовский (1889–1937) — член ПСР с 1908, в 1911 сослан в Архангельск, еще до революции получил известность как журналист и специалист в области земского и городского самоуправления. В 1914–1915 редактор журнала «Современник». В 1917 принимал активное участие в создании ПЛСР, на съездах партии неизменно избирался в ЦК. С декабря 1917 по март 1918 нарком по делам местного самоуправления. За участие в подготовке левоэсеровского выступления 6 июля

1918 заочно приговорен к 3 годам тюрьмы. Был арестован в феврале 1919 в Вильно, после соглашения левых эсеров с большевиками по вопросу о единстве революционного фронта освобожден. Затем работал в Центропечати и входил в редколлегию журнала «Знамя». В марте 1921 арестован, отбыл оставшийся срок по приговору 1918. В 1923 сослан в Алма-Ату, с 1925 жил в Полтаве. Руководил нелегальной деятельностью левых эсеров на Украине. Несколько раз арестовывался и ссылался. В 1933 заключен в политизолятор. После освобождения заведовал отделом типографии ОГИЗ. В последний раз арестован в Алма-Ате в феврале 1937, расстрелян 4 октября. Из числа подследственных по делу «Народнического центра» связи с Трутовским (переписка) инкриминировалась Д. М. Пинесу. На следствии в 1937 Иванов-Разумник показал: «Трутовского В. Е. я знаю с 1917 года по совместной работе с ним в редакции газеты «Знамя труда». С 1918 года связь с Трутовским прервалась, и больше никогда с ним не встречался, переписки не вел и где находится он сейчас, мне неизвестно». На самом Иванов-Разумник сознательно отодвигал хронологическую планку назад, в донюльский период 18-го года. В своих показаниях Трутовский подробно рассказал и о журнале «Знамя» (1919–1922), в редакции которого они снова пересеклись с Ивановым-Разумником.

¹¹ Левые эсеры и ВЧК Сборник документов. Казань, 1996. С. 493.

¹² Имеется в виду террористический акт в Центральном партийном клубе (бывшем Деловом) на Мойке, совершенный вечером 7 июня 1927 в момент заседания философской секции под руководством Б. П. Позерна. В зал, где собрались слушатели и преподаватели Коммунистического университета и Института красной профессуры, было брошено две бомбы. В результате пострадали многие участники заседания. Исполнителями теракта были трое белогвардейских боевиков во главе с В. А. Ларионовым, заброшенных в СССР по заданию генерала А. П. Кутепова.

¹³ *Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1990. С. 22–23.

¹⁴ Надежда Владимировна Брюллова-Шаскольская (1886–1937) — внучка А. П. Брюллова, супруга приват-доцента П. Б. Шаскольского (умер в 1918), член ПСР с 1910. В 1916 была арестована, но вскоре освобождена. В 1917 сотрудничала в петроградских эсеровских газетах, выступала на съездах ПСР с докладами по национальному вопросу, написала несколько брошюр. С осени 1917 по начало 1919 член Петроградского областного комитета ПСР. С апреля 1919 по август 1921 жила на Украине. В январе 1920 выбрана профессором Харьковского университета по кафедре истории религии. Примкнула к отколовшейся от ПСР группе «Народ», летом 1920 на всероссийской конференции Меньшинства ПСР избрана в состав Центрального бюро. Вернувшись в Петроград, преподавала в вузах, работала Музее антропологии и этнографии. По словам А. З. Штейнберга, принимала участие в работе Вольфилы. В июле 1922 арестована и выслана в Среднюю Азию (Самарканд, Ашхабад, Ташкент). В ссылке занималась научной и музейной работой. Вернувшись из ссылки в Ленинград, работала переводчицей, занималась литературным трудом, выпустила несколько научно-популярных книг. По делу «Народнического центра» была сослана на 3 года в Ташкент. Заведовала отделом

Среднеазиатского государственного музея. В апреле 1937 арестована и 9 октября расстреляна по постановлению «тройки» НКВД Узбекской ССР.

¹⁵ Иван Андреевич Шабалин (1889 — после 1933) — член ПСР с 1910. До ареста в 1912 служил кочегаром 1-й статьи на броненосце «Рюрик». Арестован за участие в подготовке восстания на флоте, приговорен к 14 годам каторги, которую отбывал в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. В 1917 член Всероссийского Совета крестьянских депутатов, редактор матросского журнала «Шторм» (Ревель). В 1918 лидер левоэсеровской фракции в Котельническом уездном Совете. В 1919–1922 один из руководителей партийного подполья, член Центрального секретариата ПЛСР. Арестован в феврале 1919 в Петрограде. Осенью 1921 бежал из Орловской тюрьмы. В марте 1922 арестован на конспиративной квартире в Петрограде, во время этапирования в Москву бежал. В ночь на 1 января 1923 опять арестован, сослан в Красноярский край. Позже был в ссылке в Туруханском крае, затем жил в Ленинграде, работал научным сотрудником Военно-морского музея. Автор нескольких книг и ряда статей по истории революционного движения на флоте. В 1933 привлечен к делу о «Народническом центре» в качестве участника «ячейки» в Обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

¹⁶ Архив ФСБ СПб. Дело П–76843. Т. 1. Л. 30, 31.

¹⁷ См. речь А. З. Штейнберга в кн.: Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг. Пб., 1922. С. 35–53.

¹⁸ Иван Ефимович Сувилов (1898–1938) — член ПСР с 1915, затем левый эсер, участник повстанческого движения на Украине. В 1920 член бюро Харьковского губкома Украинской ПЛСР, депутат Харьковского городского Совета. Осенью 1920 арестован за участие в съезде украинских левых эсеров и заключен в концлагерь. После освобождения в 1921 вел партийную работу в Курской губернии. Поступив в ВУЗ, поселился в Москве. В 1923 арестован и сослан на 3 года в Среднюю Азию (Ташкент, Ашхабад, Мерв). Заезжал в Москву и Ленинград по возвращении из ссылки. Затем поселился в Харькове, в начале 1931 вновь был арестован и заключен на 3 года в Свирские лагеря. Вследствие пересмотра дела освобожден досрочно, выбрав местом прикрепления Тамбов. В 1932 снова арестован, но без последствий. В последний раз арестован в октябре 1937. Расстрелян.

¹⁹ Архив ФСБ СПб. Дело П–76843. Т. 1. Л. 31.

²⁰ Речь идет о бывших членах ЦК ПЛСР М. А. Спиридоновой, А. А. Измайлович, И. К. Каховской и И. А. Майорове, отбывавших ссылку в Ташкенте.

²¹ ЦДНИ Воронежской обл. Ф. 9353. Оп. 2. Дело П–9067. Т. 2. Л. 123.

Есениноведение об Иванове-Разумнике и его литературных связях с Сергеем Есениным

После долгих лет умолчания, с 1960-х гг., начинается период активного изучения жизни и творчества Есенина. Одной из первых монографий, посвященных поэту, стала книга профессора Московского университета П. Ф. Юшина «Поэзия Сергея Есенина 1910–1923 годов», изданная в 1966 г. Основываясь на автобиографиях поэта и его письмах к Иванову-Разумнику (которые к тому времени уже были опубликованы в 5-м томе собрания сочинений 1961–62 гг.), автор справедливо отмечал «наиболее сильное» влияние критика на поэта в 1916–18-х гг. Вместе с тем, в духе идеологических установок тех лет Юшин утверждал: «Разумеется, мелкобуржуазная, новонародническая, с большой примесью мистицизма идеология Иванова-Разумника была чужда пролетарской идеологии и не могла вывести поэта на столбовую дорожку истории. Но именно она помогла ему выдержать натиск монархистов <Юшин имеет в виду эпизод из военной службы Есенина, когда он отказался писать стихи в честь Николая II, хотя его об этом просил полковник Д. Н. Ломан. — Л. К.>, не поддаваться соблазну царственной милости и сохранить в трудных условиях верность хотя во многом ложным, но собственным общественным и художественным идеалам, выражение которых поэт находил в философии Иванова-Разумника»¹.

Видный советский литературовед, профессор Ленинградского университета Е. И. Наумов в своей объемистой монографии (1969 г.) довольно много места уделил «скифскому» периоду творчества Есенина, строго следуя канонам официальной идеологии своего времени: «Есенин воспринял Октябрьскую революцию ограниченно, увидел ее глазами не революционного крестьянства, а крестьянства патриархального, ограниченного в своих взглядах, привязанностях к вековому укладу крестьянской жизни... <...> С этой точки зрения и следует смотреть на поэмы Есенина 1918 г., в которых явно сквозит та пустая мечтательность о “божьей земле”, о которой говорил Ленин и отсутствует

реальная картина революционной борьбы крестьянства. Весьма характерно, что именно за поиски “божьей земли” Есенина неустанно хвалил Иванов-Разумник...»² Примечательно, что Наумов, не смущаясь, одобрительно цитировал рецензию в «буржуазной» газете «Новости дня» от 20 апреля 1918 г. на маленькие поэмы Сергея Есенина, опубликованные Ивановым-Разумником в «Знамени труда» и при этом подчеркивал, что еще в 1918 году критика отмечала пагубное влияние Иванова-Разумника на Есенина: «Поэт (и не бездарный) Есенин живописует потусторонний смысл происходящих событий <...> хотя детская резвость и неизбежна, а на левозэсеровской лужайке шалить и прыгать на одной ножке сам Разумник велит...»⁴ Говоря о «натужности» разумниковских похвал Есенину, Наумов заключал: «Да, не везло поэту с наставниками и учителями!»³

Подробно разбирать здесь идеологический багаж прошлых лет не имеет смысла. Отметим, что даже Ю. Л. Прокушев — самый известный есениновед, автор более десяти книг о Сергее Есенине, в основном идеализирующих поэта и сглаживающих острые углы его биографии, об Иванове-Разумнике упоминал лишь мельком, без подробностей его встреч с Есениным и анализа содержания их литературных контактов. Практически полностью игнорируя один из самых важных периода творчества поэта, Прокушев заявлял, будто в 1918 г. «Есенин порывает связи с литературной группой “Скифов” (Иванов-Разумник, Н. Клюев, А. Белый)»⁵. Сказано, хотя и кратко, решительно, но неточно. Правильнее следовало сказать, что литературная группа, объединившаяся вокруг альманаха «Скифы» распалась, однако житейские и литературные контакты Есенина с Ивановым-Разумником, Клюевым, Белым и другими не прервались, а сохранялись и после 1918 г.

В 1975 и 1987 гг., двумя изданиями вышла книга Г. Г. Бунатян «Город муз», в которой речь шла об известных литераторах, проживавших в Царском Селе, а глава «Рядовой военно-санитарного поезда № 143» была посвящена Есенину. Об Иванове-Разумнике упоминалось исключительно в контексте его встреч с поэтом. Разумника Васильевича Бунатян называла «литературоведом и социологом», подчеркивая, что «его идеалистические взгляды не раз подвергал резкой критике М. Горький»⁶. По мнению автора, именно «Иванов-Разумник стремился внушить Есенину мысль, что Есенин и Клюев являются выразителями “народного духа” в искусстве, своеобразными пророками новой, “мужицкой” России»⁷. В развитие подобной «аргументации» Бунатян ссылалась на слова В. А. Рождественского (не указывая их источник): «Литературные его <Есенина — Л. К.> друзья той поры, вроде Р. В. Иванова-Разумника, А. Белого, А. Ремизова, только сбыва-

ли его с толку... Они льстили его безграничному самолюбию и провозглашали чуть ли не “пророком” нового мира”⁸. Уж кто-кто, а Рождественский, знакомый с Есениным с 1915 г., должен был знать, что «сбить с толку» Сергея Есенина не представлялось возможным. А то, что Иванов-Разумник и другие литераторы якобы «льстили» поэту, то высокие оценки он заслужил исключительно своим творчеством.

В 1990 г. в Ленинграде вышла книга В. Ф. Дитца «Есенин в Петрограде-Ленинграде». К сожалению, в ней оказалось довольно много фактических ошибок по есенинскому краеведению. Дитц писал книгу много лет, но и он не избежал искажений в отношении Иванова-Разумника и его литературных связей с Есениным. Здесь, в частности, утверждается, что Разумник Васильевич «много занимался социологией», именуя его «позицию» — либерально-демократической⁹. Говоря об отношениях критика и поэта, Дитц называет их «неровными»¹⁰, вероятно, подразумевая эпизод, связанный с оценкой Ивановым-Разумником творчества Клюева в вторых «Скифах». На самом деле эта характеристика никак не повлияла на их дружеские отношения. Кроме того, Дитц считает, что Иванов-Разумник «был для Есенина авторитетом» только в 1916–1917 гг.¹¹. И опять неверно — авторитетом для Есенина Разумник Васильевич оставался до конца жизни. Завершает свои рассуждения Дитц таким откровением: «“Революционность” Иванова-Разумника была эсеровского толка. Но Есенин это поймет значительно позже...»¹²

В 1995 г. в серии «Жизнь замечательных людей» вышла в свет книга Станислава и Сергея Куняевых «Сергей Есенин». Как писали авторы в предисловии, «созданию книги не мешали никакие идеологические догмы». Однако, раскрепощенность отнюдь не является синонимом вседозволенности. Некоторые воспоминания современников о Есенине изложены здесь неточно, тенденциозно, более того, в большинстве случаев отсутствуют ссылки на источники.. Неоправданно много внимания, да и то — с очевидной целью, уделяется национальности лиц, с которыми вступал в контакты поэт. В отличие, скажем, от книг Ю. Л. Прокушева, Куняевы рисуют жизнь Есенина в мрачных, жутковатых тонах. О взаимоотношениях Есенина с Ивановым-Разумником говорится следующее: «В <...> “скифских” беседах <...> ощущение единодушия сменилось категорическим несогласием по основным мировоззренческим вопросам, <...> шли жаркие споры о значении слова в поэзии, о природе слова <...> Есенин умудрился и здесь “и от бабушки уйти, и от дедушки уйти...” Стоило ему почувствовать, что “общественные теории” Иванова-Разумника могут сковать его и в какой-то мере ограничить его творческую свободу, он, найдя благо-

видный предлог, расстался с ним как в свое время с суриковцами и с салонными завсегдатаями. Другое дело, что переписка их долго не прекращалась, и Есенин испытывал настоятельную потребность объяснить прежнему духовному наставнику свой очередной поворот <...> Он подробно и терпеливо объяснял, что заставило его уйти из-под крыла Разумника, Клоева. Белого. Блока...»¹³ Авторы назойливо повторяли мысль о разрыве отношений поэта и критика, чего на самом деле не было. Утверждение, будто между Ивановым-Разумником и Есениным после революции существовала только переписка. — неверно, они встречались и подолгу беседовали в Москве в 1921 г. и в Детском Селе летом 1924 г., причем неоднократно. Да и неизвестно, где и кому Есенин «подробно» объяснял о своем уходе «из-под крыла» Разумника и других литераторов-«скифов»...

Завершая наш короткий обзор, коснемся вышедшей в первой половине 1998 г. в московском издательстве «Современник» книги Виктора Кузнецова «Тайна гибели Есенина. По следам одной версии». Ее автор — ярый, безапелляционный сторонник версии убийства Есенина. Он долго искал врагов поэта и наконец «нашел» их. В книге много фактического материала, но, к сожалению, также отсутствуют ссылки на источники. Бросаются в глаза явные натяжки, предвзятые предположения, тенденциозность и ярый антисемитизм. Коснемся лишь одного утверждения Кузнецова. Он прямо называет убийцу Есенина: Яков Блюмкин. Спору нет, на совести этого авантюриста и террориста много загубленных жизней. Но Есенина он не мог убить по простой причине: Блюмкина в декабре 1925 г. не было в Ленинграде. Виктор Кузнецов считает врагами Есенина всех окружавших его людей, и, в первую очередь, литераторов. Он утверждает: «В его “деле” участвовала ленинградская пишущая братия. Подробное знакомство с эпохой 20-х годов приводит к выводу: литература в то время часто служила удобной ширмой для ЧК-ГПУ»¹⁴. Этим заявлением открывается глава V — «Лжесвидетели», в которой называется около десятка фамилий литераторов — действительных и мнимых агентов «органов».

Вероятно, Кузнецов искал «компромат» и на Р. В. Иванова-Разумника, но так и не смог его обнаружить. Тем не менее, он счел нужным упомянуть фамилию Разумника Васильевича и «зацепить» его сына Льва: «Настоящую главу закончим неожиданной “новостью”. Оказывается, Лев Разумникович Иванов (р. 1904), сын критика и историка литературы, “скифствующего” Р. В. Иванова-Разумника (последнему Есенин одно время поклонялся), в Гражданскую войну служил в войсках ВЧК, являлся заместителем секретаря политшколы ВЧК им. Энгельса... Эти сведения взяты из разысканной нами его “Анкеты”. Есть

над чем поразмыслить. Конечно, отец за сына не ответчик, однако, уж очень “крутой” поворот сюжета. Впрочем, может, и не столь дивный, если знать, что Разумник Васильевич проявлял милостливое внимание к масонству — это видно из его неопубликованных писем к Михаилу Лемке¹⁵. К чести “скифа”, позже он прозрел, порвал с большевизмом...»¹⁶ Вот куда можно уйти в поисках врагов! В чем только не обвиняли Иванова-Разумника, — теперь уже и в «большевизме», и в «масонстве». Это, впрочем, дело привычное. Но как мог 16-летний мальчишка служить в войсках ВЧК, одновременно обучаясь в Царскосельской гимназии, и что это за ужасная должность — «заместитель секретаря политшколь», курьер, что ли? На эти и другие вопросы, в том числе: где, в каком фонде и под каким номером он «разыскал» сенсационную «Анкету», Кузнецов, увы, не отвечает — видимо, не желая раскрывать одному ему доверенные масонские тайны.

Не будем заканчивать столь печальной нотой. Хотя, как можно было убедиться, современное есениноведение еще достаточно далеко от пересмотра большинства идеологических оценок, характерных для прошлой эпохи, совсем недавно лед тронулся и по интересующей нас теме. Мы имеем в виду работы старшего научного сотрудника Института мировой литературы С. И. Субботина о контексте взаимоотношений Есенина и Клюева¹⁷ и истории создания поэмы Есенина «Песнь о Евпатии Коловрате»¹⁸.

Примечания

¹ Юшин П. Поэзия Сергея Есенина 1910–1923 годов. М., 1966. С. 176.

² Наумов Е. Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Л., 1969. С. 145–146.

³ Там же. С. 146.

⁴ Там же.

⁵ Прокушев Ю. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха. М., 1985. С. 228.

⁶ Бунатян Г. Город муз. Л., С. 153.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Дитц В. Есенин в Петрограде-Ленинграде. Л., 1990. С. 103.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 104.

¹³ Куняев Ст., Куняев С. Сергей Есенин. М., 1995. С. 116.

¹⁴ Кузнецов В. Тайна гибели Есенина. По следам одной версии. М., 1998. С. 77.

¹⁵ Мы имеем возможность привести здесь отрывок из письма Иванова-Разумника к М. К. Лемке от 27 марта 1916 г. — единственное место в их обширной переписке, где речь идет о масонстве, чтобы читатель мог сделать из опубликованного документа самостоятельные выводы: «Дорогой Михаил Константинович, о вырезанных Вами из газеты строках о покойном Обнинском —

мог бы Вам рассказать много, ибо хотя сам я не “масон”, но со многими из них хорошо знаком. И чтобы не далеко ходить — таковым был и только что схороненный М. М. Ковалевский (милый человек, которого теперь на безрыбьи политическом раздувают в великого человека). “Прочсть” о современном *русском* масонстве — негде, разве только в черносотенных писаниях Шмакова и К°. Впрочем, теперь выходит большое трехтомное <...> сборное сочинение “Масонство” (изд. “Задруга”, где главные Обнинский и Мельгунов). Два тома вышли; в них — история иностранного, а особливо — русского масонства; в т. III-ем будет вероятно кое-что и о масонстве современном». (ИРЛИ. Ф. 661. № 473. Л. 54; сообщено В. Г. Белоусом).

¹⁶ Кузнецов В. Тайна гибели Есенина. С. 113.

¹⁷ Субботин С. Есенин и Клюев. К истории творческих взаимоотношений // Новое о Есенине. «О Русь, взмахни крылами». Есенинский сборник. Вып. 1. М., 1994. С. 108–111.

¹⁸ Субботин С. К истории текстов «Иорданской гробницы», «Ленина» и «Песни о Евпатии Коловрате» // Новое о Есенине. Есенин академический. Актуальные проблемы научного издания. Есенинский сборник. Вып. 2. М., 1995. С. 63–66.

Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову

(дополнение)

Книга уже находилась в печати, когда Е. Обатниной удалось разыскать в архиве Amherst Center for Russian Culture, США еще одно письмо Иванова-Разумника, которому суждено было стать последним в публикуемой переписке. Публикаторы выражают благодарность Директору Центра С. Рабиновичу за оказанную помощь.

13 b München 42

Zündterstrasse 28

Prof. Georg Jankauskas¹

8-V-1946.

Мюнхен².

Дорогой Алексей Михайлович!

После годового перерыва в нашей переписке, делаю попытку снова связать разорванную ниточку. Если Вы еще на прежней квартире, если это письмо дойдет до Вас и если я получу ответ, то напишу Вам подробнее, а сегодня лишь несколько слов.

Минувший год был черным для нас: в Апреле прошлого года Варвара Николаевна тяжело заболела, и пролежав 11 месяцев в кровати скончалась 18го Марта этого года, в Рендсбурге³. Сорок три года странствовали мы по всем тропинкам жизни, теперь мне надо заканчивать недолгий оставшийся путь самому. Как это не легко — Вы понимаете лучше всякого другого: Серафима Павловна тоже ушла первой от Вас.

Где, как и чем буду дальше жить — совершенно не знаю. Чтобы не быть никому в тягостю мне надо было бы жить там, где есть большая русская колония и где поэтому есть возможность работы. В былые времена я в первую очередь подумал бы, конечно, о Париже; не думаю, чтобы это было осуществимо при нынешних условиях. Как Вы полагаете?

Получил недавно письмо от жены Сергея Порфирьевича⁴ и узнал о его тяжелой участи. В ее письме сказано между прочим: «я думала, что Алексей Михайлович Вам уже обо всех наших делах написал: он должен знать все от Н. О. Лосского⁵, который недавно приехал в Париж к сыну». Сама она в коротеньком письме ничего не сообщает ни о А. Л. Беме⁶, ни о других.

Может быть Вы что-нибудь знаете?

Сообщите также и о знакомых парижанах. Сегодня же пробую написать Б. К. Зайцеву — не твердо уверенный в его адресе (38 Rue Thiers, Boulogne 9/5 ?).

Писал и Н. И. Берберовой. Если случится — сообщите им мой адрес и передайте мой привет.

Написал бы Вам еще о многом да не хочется писать впустую, — подожду сперва Вашего отклика. Переключаться нам уж недолго осталось.

Землю с могилы Варвары Николаевны взял с собою, — где меня ею посыпят?⁷

Мы теперь как перекати поле носимся по ветру мировой истории вот уже пять лет. Вы счастливее — давно уже стоите на яморе.

Сердечный привет.

Ваш Р. Иванов.

¹ Георгий Платонович Янковский (Янкаускас) (?–1981) — двоюродный племянник Р. В. Иванова.

² Слева помета Ремизова красным карандашом: «5 VI».

³ Город на северо-западе Германии, на берегу Кильского канала.

⁴ Имеется в виду Елизавета Викторовна Постникова (1882 ?–1961) — жена Сергея Порфирьевича Постникова.

⁵ Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) — философ. См.: *Лосский Б. Н. Воспоминания Иванова-Разумника // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре.* СПб., 1996. С. 24–27.

⁶ См.: *Наст. изд.* С. 148–153.

⁷ Р. В. Иванов скончался 9 июня 1946 г. в Мюнхене. Похоронен на кладбище Waldfriedhof.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Г. Белоус.</i> Предисловие	3
--	---

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Н. В. Скворцова.</i> Р. В. Иванов-Разумник: опыт реконструкции и продолжения II-ой главы поэмы Александра Блока «Возмездие» . 7	
Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908–1944 гг.). Публикация <i>Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона.</i>	
Вступительная заметка и комментарии <i>Е. Обатниной и В. Г. Белоуса</i>	19
<i>Л. Н. Иванова.</i> Иванов-Разумник и Леонид Андреев	123
<i>А. В. Лавров.</i> Неосуществленные издательские проекты Иванова-Разумника (1922–1923)	136
<i>Ж. Шерон.</i> Из военной переписки Иванова-Разумника с А. Л. Бемом: суждения о литературе русской эмиграции	148
Письма Н. Н. Берберовой и Вл. Иоанна (Шаховского) к Иванову-Разумнику. Вступительная заметка, публикация и примечания <i>Е. А. Голлербах</i> и <i>Ж. Шерона</i>	154

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Х. Мацубара.</i> Интеллигенция и мещанство (полемика Иванова-Разумника и С. Л. Франка)	171
<i>Е. А. Голлербах.</i> «Москвичи, конечно, — в ужасе». Иванов-Разумник и религиозно-философское издательство «Путь» .	176
<i>В. А. Петрицкий.</i> Эволюция отношения Иванова-Разумника к идеалам отечественного либерализма	187
<i>А. М. Грачева.</i> «Слово о гибели русской земли» А. М. Ремизова и его критик — Иванов-Разумник	195
<i>Ю. Е. Галанина.</i> О сотрудничестве Александра Блока с левоэсеровскими изданиями в начале 1918 года	208
<i>В. Г. Белоус.</i> «Ближайший и многолетний сотрудник мой по историко-литературным работам». О Дмитрие Михайловиче Пинесе (1891–1937)	217
<i>Я. В. Леонтьев.</i> Иванов-Разумник в показаниях («дела» 1933 и 1937 гг.)	228
<i>Л. Ф. Карохин.</i> Есениноведение об Иванове-Разумнике и его литературных связях с Сергеем Есениным	238

ИВАНОВ-РАЗУМНИК

ЛИЧНОСТЬ
ТВОРЧЕСТВО
РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ
Публикации и исследования
Выпуск II

Редактор-составитель *В. Г. Белоус*
Техническое редактирование
и компьютерная верстка: *Д. Е. Стукалин*

Подписано в печать 20.11.98. Формат 60х90/16.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,5. Заказ № 376. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПП «Искусство России».
198099, С.-Петербург, Промышленная ул., д. 38, к. 2.